4
С-75
30/X
Wp2

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

63464

Вост. слав. языки –
– пр. – синх.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1968

Монография «Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков» состоит из двух книг: «Типы простого предложения» и «Члены предложения». Это — первый в отечественном языкознании обобщающий труд, в котором сделана попытка проследить, каким изменениям подвергались синтаксические нормы древнерусского (а затем — старорусского, староукраинского и старобелорусского) языка, начиная с первых памятников древнерусской письменности (XI в.) и кончая XVI—первой половиной XVII в.

Данная книга посвящена историко-сравнительному изучению членов предложения в восточнославянских языках.

Авторы разделов: *Л. А. Глинкина* («Вторые косвенные падежи»), *Е. И. Кедайтене* и *И. С. Ятрополо* («Творительный падеж»), *Е. И. Кедайтене* («Дательный самостоятельный»), *Р. Б. Керши ене* («Дательный падеж»), *Л. Е. Лопатина* («Именное сказуемое»), *С. Е. Морозова* («Родительный падеж»), *М. Н. Преображенская* («Винительный падеж»), *В. З. Санников* («Согласованное определение»), *В. Ю. Франчук* («Местный падеж»).

Под редакцией

члена-корр. АН СССР *В. И. БОРКОВСКОГО*

4
С-75
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
63464

7—1—1
209—68 (I)

ИМЕННОЕ СКАЗУЕМОЕ *

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ИМЕННОГО СКАЗУЕМОГО

Именное сказуемое в истории восточнославянских языков претерпело различные изменения как структурного, так и семантического характера, которые могут быть прослежены по памятникам.

Изменения в структуре именного сказуемого были связаны, прежде всего, с судьбой связки. В роли связки преимущественно употребляется глагол *ѥсмь—быти* для указания формальных признаков — времени, наклонения, лица, числа.

Значительно реже в составе именного сказуемого используются так называемые «полузнаменательные» глаголы, которые содержат, помимо формальных показателей, дополнительный лексический оттенок.

1. Проследим употребление связки *ѥсмь—быти* в восточнославянских памятниках XI—XVII вв. Отдельно рассмотрим памятники деловой письменности и повествовательные памятники, так как они обнаруживают различное употребление связки по всем восточнославянским языкам.

Памятники деловой письменности, для которых характерны устойчивые, однообразные обороты, обнаруживают широкое употребление бессвязочного именного сказуемого. В новгородских берестяных грамотах, отражающих в наибольшей степени живую разговорную речь, совершенно не встречаются примеры со связкой 3-го лица единственного и множественного числа настоящего времени [1]. В памятниках деловой письменности XI—XVII вв. различных территорий именное сказуемое чаще употребляется без связки, чем со связкой (речь идет о связке настоящего времени), причем в русских памятниках деловой письменности XV—

---

* О задачах и методах исследования, а также о материале, на котором оно базируется, см. книгу «Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Типы простого предложения» (стр. 3—15), которая представляет собой первую часть коллективной монографии «Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков».

[1] См.: В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Изд. 2. М., 1965.

XVII вв. почти исключительно употребляется именное сказуемое без связки.

В повествовательных памятниках, которые дают гораздо более обширный и разнообразный материал, судьба связки по восточнославянским языкам различна.

В древнерусских памятниках наблюдается в среднем равное употребление сказуемых со связкой и без связки. Это относится к сказуемым, именная часть которых выражена существительным или прилагательным. Причастное именное сказуемое чаще употребляется без связки. Последнее можно объяснить тем, что причастное сказуемое без связки соответствует по значению не только причастному сказуемому со связкой настоящего времени, но и причастному сказуемому прошедшего времени [2].

Именные сказуемые со связкой употребляются преимущественно в определенно-личных предложениях и предложениях с личным местоимением 1-го и 2-го лица. Однако данные об употреблении связки в 1-м и 2-м лице «нельзя принимать во внимание в качестве доказательства широкого употребления связки в древнерусском языке, поскольку еще в XV—XVI вв. нормой было определенно-личное предложение, т. е. предложение без личных местоимений 1-го и 2-го лица в роли подлежащего. Включение личного местоимения в состав предложения (уже в памятниках XIII в.) не сразу привело к устранению вспомогательного глагола, указывающего на лицо»[3]. При 3-м лице подлежащего сказуемое чаще употребляется без связки. В старорусских памятниках бессвязочные конструкции встречаются гораздо чаще (примерно в четыре раза), чем со связкой. Именное сказуемое без связки становится нормой при подлежащем в 3-м лице. Сказуемое со связкой в подобных случаях встречается еще реже, чем в древнерусских памятниках. При подлежащем в 1-м и 2-м лице именное сказуемое употребляется в равной степени со связкой и без связки.

В старобелорусских памятниках наблюдается небольшое преобладание конструкций со связкой при именной части, выраженной существительным и прилагательным. Причастное же именное сказуемое чаще употребляется без связки. В старобелорусских памятниках, так же, как и в рассмотренных ниже старорусских повествовательных памятниках, именное сказуемое со связкой чаще употребляется при подлежащем — личном местоимении 1-го и 2-го лица и в определенно-личных предложениях.

В староукраинских памятниках именное сказуемое со связкой встречается значительно чаще, чем в старобелорусских памятниках, соотношение связочных и бессвязочных конструкций

---

[2] См. ниже, стр. 39, 40 о значении бессвязочного причастного сказуемого.

[3] В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 360—361.

примерно равно 2 : 1. При этом в большинстве случаев именное сказуемое со связкой употреблено в определенно-личных предложениях. В этой позиции со связкой, например, причастное сказуемое употребляется примерно в семь раз чаще, чем без связки. При подлежащем в 3-м лице сказуемое со связкой употребляется примерно в 1,5 раза чаще, чем без связки.

Возможно, что тенденция к увеличению числа бессвязочных конструкций, свойственная старорусскому языку, в старобелорусском и староукраинском языках была ослаблена влиянием соседнего польского языка, в котором именное сказуемое чаще всего выступало со связкой [4].

2. Связка прошедшего времени употребляется в памятниках древнерусского языка обычно в форме аориста, реже в форме имперфекта. В более поздних памятниках русского языка, в старобелорусских и староукраинских памятниках господствует форма перфекта, причем лишь изредка встречаются случаи со вспомогательным глаголом в составе перфекта. Приведем примеры со сложной формой перфекта.

Ст.-рус.: И аще бы не тако, то такихъ казнеи за свою злобу *былъ еси достоинъ* (Письма Ив. IV, л. 173); ты же сихъ прекрати и царский престолъ себѣ поручи, ему же *недостоинъ былъ еси!* (Пов. Кат.-Рост., с. 580); Днесь *есми был пьян* (Сатиры о пьянстве, с. 74). Ст.-бел.: да верне ми нетъ ничого горчеишого толко жити по смерти твоеи. иже ты ми *бы еси* ѡтець. ты *бы еси* ми *матка*. ты *бы еси* ѡблюбенець. ты ми *бы еси снъ* (Страсти Христовы, л. 11 об.); ты млтівыи ги висѧчи на крте. *моце еси бы* велѣти земли дрыжати (Страсти Христовы, л. 12 об.); того одного слухать *есми былъ повиненъ* (Вестов. отписки Кмиты, 1573—1574 гг.); в которо[м] *есмъ бы*[л] ѿ бога *початы*' (Александрия, с. 33). Ст.-укр.: ѡтколя *есмо были выгнани* (яко мовитъ Василей Великій); были привернены, раилъ (Отв. клир. Острож., с. 410); На вечерни, на стихирахъ, стихъ 4: «начало пастыря Христа *братъ былъ еси* и въ апостолѣхъ нарочитъ» (Палин. Копыст., с. 482).

Во всех приведенных примерах сложная связка, по-видимому, употребляется с целью обозначить лицо при помощи личной глагольной формы.

3. Переходя к рассмотрению «полузнаменательных» глаголов в функции связки, необходимо прежде всего отметить, что употребительность разных полузнаменательных глаголов тесно связана с тем, какой частью речи выражается именная часть сказуемого. Так, глаголы называния (*называтися*, *именоватися*,

---

[4] См. Z. Klemensiewicz, T. Lehr-Spławiński, S. Urbańczyk. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1955, стр. 399.

нарицатися и т. п.) употребляются преимущественно с именной частью, выраженной существительным. Эти глаголы составляют основную часть всех полузнаменательных глаголов, способных сочетаться с существительным. Примеры: што поклени на рѣзне и што *словеть* лотыгольскаѧ земла ѿ того сѧ ѿступили с всею правдою (Гр. кн. Герденя, 1264, Гр., касающ., IIа); И тако сътраньнѣ суще, *люе Бии нарѣкохомся* и *врази Бии* и *снвѣ Бии нарекохомся* (Сл. Илариона, с. 32); а мы *христіане нарицаемся* (Письма Курб., с. 146); і тѣм они *слуги* ему *называются* (Пересветов, с. 62); И узрыть на поли дуб, а под нимъ стоить богорадникъ ѡдин, што сѧ *зоветь пельгрым* (Ист. о Гвид., с. 149); *пастырами ся зовете*, але есте волки (Виш. Книжка, с. 74).

Гораздо реже глаголы называния употребляются при именной части, выраженной прилагательным. Например: Хто пьян, то всяк *сказывается богат* велми (Сатиры о пьянстве, с. 78); *священными ся зовете*, але есте прокляти (Виш. Книжка, с. 74).

В нашем материале не встретилось случаев употребления глаголов называния с причастиями в роли именной части сказуемого. Это легко объяснимо, так как для называния могут быть использованы, как правило, имена существительные или прилагательные в субстантивированном употреблении.

С причастиями почти исключительно употребляются полузнаменательные глаголы, имеющие значение сохранения, преобразования, выявления, становления состояния (*стати*, *учинитися*, *найдоватися*, *зостати*, *зоставати* и т. п.). Эти же глаголы очень часты в употреблении с прилагательными.

Примеры с причастием в именной части: и то невомногія дни, какъ есть вода раздѣлилася, и истекло, и в землю пошло, раздралося и *испорчено стало* (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 23); тѣмъ обычаемъ и своего *лишены станутъ* (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 33); *Явихся* аз *скверней* тобою, кабаче (Сатиры о пьянстве, с. 82); А такъ твое цаᵲство *стане не нарꙋшоно* (Александрия, с. 343); Церковъ абовѣмъ Христова преслѣдованья вшелякіи пріймуетъ, еднакъ *незвитяжона зоставаетъ* (Палин. Копыст., с. 379).

Примеры полузнаменательных глаголов того же значения в сочетании с прилагательным в именной части: како то боудѣте всемъ вѣдомъ или кто посль *живыи ѡстанѣть сѧ* (Смол. гр. 1229 г., сп. А); и пакы мнози боудоуть послѣдьнии ибо сии послѣдьнии. *вящии* прьвыхъ оц҃ь ꙗвисѧ (Ж. Феод. Печ., л. 26ц); рука же ѥѧ ѥдиначе *пребываше суха* (Чт. Б. и Г., л. 114а—б); а Вячьславъ противоу не изииде не хотѧ крове пролиꙗти. но *створисѧ мниии* (Ипат. л., л. 112); и ко преставлению своемоу в болезни тѧжьцѣ *познасѧ хоудъ* ‹кнѧзь Ꙗрославъ› (Ипат. л., л. 228 об.); и он по-старому *хорош стал* (Аввакум. Житие, с. 115); Срадуйтеся с нами все духовное братство, яко друг наш и брат *обретеся жив* ин *не удавлен* от еретиков (Аввакум. Письма, с. 294);

пьющему потакаеш, льстиш, *вежлив ся твориш* пред ним (Сатиры о пьянстве, с. 72—73); А когды они в том *винни зостанут*, за несправедливое свядецство свое мают тому шкоды платити (Лит. ст. 1529 г., с. 52); хъ *оучинилъсѧ послоушенъ* ѡтцю ажь до смерти (Страсти Христовы, л. 3 об.); Алеѯа^{п}де^{р} теды *ста^{л}се* добре *здоровы^{м}* (Александрия, с. 56); У томъ же таки Болгакъ и жона его Уляна *стала права* (Брасл. гр. XVI в., АЮЗР, т. II, № 125); але наветъ если и отецъ, если и мати, если и чада, если и брат[а] *супротивни обрѣтаются* истинѣ, — супротив[ѣ]мся имъ, яко врагомъ (Отв. клир. Острож., с. 401—402); чим же ся вы ксендзове бискупи, над братю свою *лѣпшими чините* и на них хлопаете и кожемякаете? (Виш. Книжка, с. 70).

Несколько реже подобные полузнаменательные глаголы употребляются при именной части, выраженной существительным, например: Сии оубо оц҃ь нашь ѳеѡдосии ст҃ыи. побѣдоносьць показасѧ въ пещерѣ на злыѧ дх҃ы (Ж. Феод. Печ., л. 33б—в); ѡнъ же нынѣ *ворогъ* ми *сѧ оучинилъ* (Ипат. л., л. 240 об. — 241); ныне уж ты не Каинов, но Петрович, апостола перваго *сын стал*, а мне *брат учинился* (Аввакум, Письма, с. 253—254); и пани Спы(т)коваѧ *вдовою зостала*. а дѣтки малы (Лет. Крас., л. 83 об.); А иншіе зъ Римянъ и съ крыжаковъ *чернцами* у Светой Горѣ *зостали* (Ист. о Флор. соборе, с. 472); ввесь свѣтъ апостолове пробѣгли и *сталися* надъ всѣ княжата *княжаты* и надъ самыхъ царей *панове* можнѣйшіи (Палин. Копыст., с. 458).

В качестве вспомогательного глагола могут быть также использованы глаголы, указывающие на возможность, вероятность, неполную достоверность существования субъективно воспринимаемого признака, выраженного именной частью сказуемого (глаголы *казатися*, *видѣтися* и т. п.). Примеры: он же воставъ ѿ сна *видѣ сѧ полнъ* дх^{а} ст҃го (Сказ. о Б. и Г., л. 93г); Рыцэру, *не видишъ* ми *сѧ мудръ*, што ѧ хочешъ силою повести (Пов. о витязях, с. 48); а во всих моих людех нѣтъ чоловѣка, которыи бы могъ бити сѧ зъ Бланоромъ, а ни сѧ сам *таков чую* (Пов. о витязях, с. 58); ѡна сѧ престрашыла, иж еи за ее красу умерети, бо *сѧ* ѡна еи *видела* наичуднеишаѧ *речь* на свете (Пов. о витязях, с. 74); Снать подобно *горшей* якоесь злое *покажется*, коли 1660 и 6 будеть ся писати (Палин. Копыст., с. 316).

Именное сказуемое может быть образовано сочетанием имени с глаголами движения, состояния. Эти глаголы, входя в состав сказуемого, остаются полнозначными, сохраняя свое лексическое значение. Примеры: толко оубѣжа одинъ кн҃зь гердень в малѣ дроужинѣ. пльсковичи же *придоша* вси *здорови* (I Новг. л., л. 142 об.); і много іхъ повоеваша і *приѣхаша* вси *здорови* (I Новг. л., л. 143); И аз *лежа мертв* полчаса и больши, и паки оживе божиим мановением (Аввакум. Житие, с. 61); Давн[о] рубахи

надобно: часто *наг хожу* (Аввакум. Письма, с. 220); Аз *сижу* под спудом тем *засыпан* (Аввакум. Письма, с. 242); и ныне плачуся своего неразумия, *наг пребываю*, но даждь ми опохмелитися (Сатиры о пьянстве, с. 82); всегда муж тои *пьян приходит* (Сатиры о пьянстве, с. 88); Да в прошлом, государь, годе весна была красна, пенка *росла толста* (Сатиры о пьянстве, с. 120); и злюбил на том тотъ витез и *пошол пѣшъ*, несучы свою зброю (Пов. о витязях, с. 96); Женибра кролевна *поехала* ѡтъ тое дѣвки *весела* (Пов. о витязях, с. 102—103); а ѡнъ *палъ мертвъ* (Пов. о витязях, с. 127).

Рассмотренные примеры позволяют сделать вывод, что наиболее многочисленны и разнообразны полузнаменательные и знаменательные глаголы, сочетающиеся с именной частью, выраженной прилагательным. При именной части, выраженной существительным, встречаются преимущественно глаголы называния, реже глаголы становления, преобразования. При именной части, выраженной причастием, употребляются чаще всего глаголы становления, преобразования.

4. Связка в составе именного сказуемого может быть выражена инфинитивом глагола *быти* в сочетании с уточняющей его личной формой глагола. Прежде всего это модальные глаголы, указывающие на необходимость, реальность, желательность, возможность действия или состояния. Реже встречаются в этой роли глаголы, указывающие на временно́е ограничение действия (*начати* и т. п.).

Д р. - р у с.: аще сего пустиши *не имаши быти другъ* кисареви (Лавр. л., л. 35 об.); аще кто положить дшю свою за другъ свои. *можеть* мои *оученикъ быти* (Ипат. л., л. 206 об. — 207). С т. - р у с.: Уже скора солники приходятъ отъ всѣхъ градовъ царю Борису и повѣдаютъ ему вся бывшая, якоже прозванный царевичь Дмитрѣй со множествомъ воинъ на Сѣверныя грады приде и тамо ему вси людіе *подручны хотятъ быть* (Пов. Кат.-Рост., с. 567); Царевичь же Федоръ державства пріемлетъ вмѣсто отца своего и во всѣ грады писаніе посылаетъ, яко онъ *царь хощетъ быти* Московскому государству вмѣсто отца своего (Пов. Кат.-Рост., с. 574).

Специфической особенностью старобелорусского и старо-украинского языков в сравнении со старорусским является гораздо более частое употребление модальных глаголов в сочетании с инфинитивом в качестве связки в составе именного сказуемого. Наиболее часты в этом употреблении глаголы *мати* (*мѣти*, *имати*) и *мочи* [5].

[5] Глагол *мати* употребляется в современном украинском языке и в говорах белорусского языка для обозначения будущего времени. См.: «Історична граматика української мови», ч. II. Київ, 1957, стр. 169; Е. Ф. К а р с к и й. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3. М., 1956, стр. 290—292; «Курс сучаснай беларускай літаратурнай мовы. Марфалогія». Мінск, 1957, стр. 175.

Ст.-бел.: Такожъ по смерти отцовѣ, сынове и дочкы отъ своее отчины *не имають отдалены быти* (Вил. гр. 1457 г., АЗР, т. I, № 61); а челяд *мает* тому *вернена быти* чия была (Лит. ст. 1529 г., с. 95); и велми *почал троухленъ быти* (Страсти Христовы, л. 4 об.); *не могу* з жалости *жыв быти* (Ист. о Гвид., с. 138); ѡдин *хочеть быти кроль*, а другии княже (Ист. о Гвид., с. 153); *Мусиш* ты *быти* добрыи *витез* (Ист. о Гвид., с. 162); а пыха и быстрост ихъ *погамована быт могла* (Ист. о Атыле, с. 186); але латедемонове приказаⁿю его *не хотѣли быт послуⷭни* (Александрия, с. 53); Але если то' ѡбыча' *видиᵀсе быᵀ* вамъ *негодны'*, то ваᴹ негодныᴹ ворочу беᶻ ѡмешъкаⁿа (Александрия, с. 64). Ст.-укр.: тыи речи *мають быти* на сторонѣ *ѡтложоны* (Львов. гр. 1537 г., Arch. Sang., т. IV, № 84); А што через Его волю и неугодно Оному, хотя і *навыборнѣйше быти видится*, надъ всѣ речи ест' нагорше (Отв. клир. Острож., с. 398); Аще *хощеши совершен быти*, иди продажд имѣния своя и дажд нищим (Виш. Книжка, с. 51); Пытаю вас о том, который *может быти мудрѣиший, славнѣиший* и *поточнѣиший* (Виш. Книжка, с. 72); и такъ власне отъ Господа нашего Іисуса Христа Сына Божого *справованы быти видѣлисте* (Палин. Копыст., с. 401); «паси баранки мои», апостольства его обновляючи достоинство, бы снать для запреняся, которое зъ кревкости людзкой притрафилося, *не здалося быти нарушоное* (Палин. Копыст., с. 407); и на то присяги свои учинили, ижъ во всемъ ему *послушны быти маютъ*, а календарь новый пріймуютъ (Пересторога, с. 212).

5. Именная часть сказуемого чаще всего бывает выражена существительным, прилагательным и причастием [6]. Причем наиболее широко представлено именное сказуемое, выраженное причастием, реже — прилагательным и еще реже — существительным. Как показывает наш материал, общее соотношение употребляемости этих частей речи в функции именной части сказуемого приблизительно равно 2 : 1, 5 : 1.

В качестве именной части сказуемого в восточнославянских памятниках изредка используются и другие части речи.

1) Местоимение: а пожне кнѫже ѵто пошло тобе. и твоимъ моужемъ. то *твоѥ* (Новг. гр. 1265 или 1264 г., Шахм., № 1) Ты же *кто еси*, осуждаяи друга? (Письма Ив. IV, с. 47); *Таковъ* бо *бѣ* царь Иванъ (Пов. Кат.-Рост., с. 620); *Что есть* та ересь? (Пут. Зосимы, с. 64); Хлеб *наш будет* (Сатиры о пьянстве, с. 76); и нѣтъ чоловѣка, которыи бы имѧ его знал, або *хто ест* ѡнъ (Пов. о витязях, с. 36—37); але вежды *не моѧ* волѧ але *твоѧ боуди* (Страсти Христовы, л. 5 об.); реклъ емоу пилатъ а *што есть* правда (Страсти Христовы, л. 8 об.); *Што суть* ключѣ

[6] Подробнее см. ниже в специальных разделах: сказуемое с именной частью, выраженной существительным, прилагательным, причастием.

царства небесного? (Палин. Копыст., с. 398); Понѣважъ и тайны безъ единости церковноѣ *ничого суть* (Переторога, с. 226); — Гой козачейку, пане ж мій, *Який же буде* постіль твій? (Песня про козака и Кулину).

2) Количественное числительное в сочетании с существительным или порядковое числительное: А всходъ на Синайскую гору до самаго верха *чертырнадцать тысячь ступеней* (Пут. Гогары, с. 118); а высота его *6 саженъ* (Пут. Зосимы, с. 61); Четыре брата да ба҃ко пятой да я *че҃ве҃тои* (Пословицы XVII в., л. 378); Рокъ, которого Атыла ѡбурыл сѧ на вълоскую землю *был* ѡт нароженыа божого *чотырыста пѧтьдесѧтыи* (Ист. о Атыле, с. 213); Мы абовѣмъ, православныи, признавши то, ведлугъ збавенной е҃вангелской науки, ижъ овцы Христовы ажъ до скончења свѣта тръвати будутъ, и ижъ овчарня Христова *естъ одна* (Палин. Копыст., с. 485).

3) Наречие: и *нѣсть* бо ти *лѣпо* отрокоу соущю таковааго дѣла дѣлати (Ж. Феод. Печ., л. 29в); ѿкоудоу си *соуть* хлѣби (Ж. Феод. Печ., л. 51г—52а); чьрьноризьче повѣжь ми аще дома ѥсть игоуменъ вашь (Ж. Феод. Печ., л. 61б); искушеніе нѣкое пріиде намъ отъ Бога и *лѣпо есть* намъ молитися Господу Богу (Пут. Гогары, с. 116); *достоино и праведно* вора смиряти (Сатиры о пьянстве, с. 67—68); Медъ *слако* а мѫха *пако* (Пословицы XVII в., л. 355 об.); и поставилъ въ неи што *было потреба* Трыщану всего досыть (Пов. о витязях, с. 23); да пото҃ послали его до каи҃ры. бо *близко бы҃* до҃ пилато҃ ѿ домоу каипашова (Страсти Христовы, л. 16 об.); Чи *не лѣпше было* смирением живым быти, нѣжли гръдостию здохнути? (Виш. Книжка, с. 19); Також и межи иноки; в доспѣянню на звытяжство того чрева *мало* их *ест* (Виш. Книжка, с. 38).

6. Для именного сказуемого в восточнославянских памятниках характерно свободное взаиморасположение связки и именной части. В зависимости от того, какой частью речи выражена именная часть сказуемого, наблюдается предпочтение препозиции или постпозиции связки.

Среди сказуемых с именной частью, выраженной существительным, во всех восточнославянских языках рассматриваемого периода чаще встречаются конструкции с препозицией связки. В древнерусских, старорусских и староукраинских памятниках случаев с препозицией связки примерно в два раза больше, чем с постпозицией. В старобелорусских памятниках — еще большее преобладание примеров с препозитивной связкой: связка в препозиции встречается примерно в четыре раза чаще, чем в постпозиции.

Препозиция связки: сь же котаньь *бѣ тьсть* мьстиславоу (I Новг. л., л. 96 об.); и аз отвещал: «аз *есмь Аввакум протопоп*» (Аввакум. Житие, с. 71); а ѡн *былъ сын* ѡдного короля (Ист.

о Гвид., с. 151); его ѡц҃ь *бо҃ жр҃ь* в Роускои земли (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 271).

Постпозиция связки: Тако же сии блаженыи оц҃ь нашь ѳеодосии. многымъ *застоупьникъ бысть* прѣдъ соудиѣми и кнѧзи (Ж. Феод. Печ., л. 61г); жена добра, и страдолюбива и молчалива *венецъ есть* мѫжеви своемѫ (Домострой, с. 18); До тебе есми прыехал з добрыми речми из доброго города Антона, *посол есми* доброе панее жоны Кгвидоновы (Ист. о Гвид., с. 130); И Петръ, верховный апостолъ, *отщепенецъ былъ* (Пересторога, с. 227).

Для сказуемого с именной частью, выраженной прилагательным, в древнерусских и старорусских памятниках наблюдается небольшое преимущество примеров с постпозицией связки. В староукраинских памятниках соотношение тех и других случаев примерно равно. В старобелорусских памятниках случаев употребления конструкций с препозицией связки примерно в три раза больше.

Препозиция связки: и *бы люба* рѣ кнѧзю и всѣмъ людемъ (Лавр. л., л. 36 об.); нихто *бо҃* ему отъ царских синклитъ *подобенъ* во благолѣпіе лица его и въ разсуженіе ума его (Пов. Кат.-Рост., с. 563); А король *был велми мудръ* и поехал сам видеть ѡного [хорта] (Пов. о витязях, с. 2); «Сии суть — отдѣляюще себе от единости вѣры, и *суть телесни*, духа не имуще» (Виш. Книжка, с. 122).

Постпозиция связки: а наши кнѧзи *добри суть* (Лавр. л., л. 15); и сие ваше гонение всѣмъ *разумно суть* (Письма Ив. IV, с. 86); если бы тэж ѡные краины свѣта силы и шабли его не дознали а ему *послушны не были* (Ист. о Атыле, с. 221); Розумѣю абовѣмъ бы ихъ ровными въ заслузѣ, которы *ровны суть* въ страданіи (Палин. Копыст., с. 442).

Для причастного именного сказуемого более принято постпозитивное употребление связки. Это относится к древнерусским, старорусским и староукраинским памятникам, в которых подобное расположение составных частей именного сказуемого еще более распространено, чем в именном сказуемом с прилагательным. В древнерусских памятниках соотношение случаев с постпозитивной и препозитивной связкой равно примерно 3 : 1, в старорусских — 5 : 1, в староукраинских — 2 : 1. Исключение составляют старобелорусские памятники, в которых чаще встречаются случаи употребления причастного сказуемого со связкой в препозиции.

Препозиция связки: кнѧже мы *есмы приставлены* в Роускои землѣ ѡ Ба҃ (Ипат. л., л. 236); А жена с детьми верст с дватцеть *была сослана* от меня (Аввакум. Житие, с. 72); Не можешъ утечы, ты *будеш ѡбешон*, а Дружненна сожжена (Ист. о Гвид., с. 154): Церкви и столицы *суть уфундованы* отъ Петра святого

и въ многихъ иншихъ краинъ мѣстахъ (Палин. Копыст., с. 517—518).

Постпозиция связки: То же лѣ *сщна бы* црькы каменаꙗ стго николы. в неревьскомь конци (I Новг. л., л. 158); и на томъ бою *раненъ бысть* князь Ѳедоръ Ивановичь Мстисловской (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 725); *Мꙗнова*ᴿ *есть* ѡ родичоᵀ алеѯаᴿдеᴾ (Александрия, с. 29); и скрыня завѣта *взята была* и занесена до чюжей земли (Пересторога, с 224).

Таким образом, рассмотренные восточнославянские памятники свидетельствуют о том, что порядок расположения составных частей именного сказуемого был примерно одинаков в древнерусском, старорусском и староукраинском языках. В памятниках этих языков препозиция связки чаще встречается в сказуемом с именной частью, выраженной существительным, а постпозиция связки более принята в сказуемом с именной частью, выраженной прилагательным и причастием.

В отличие от других восточнославянских памятников, в старобелорусских памятниках наблюдается устойчивая тенденция постановки связки в препозиции к именной части независимо от того, какой частью речи она выражена.

ЗНАЧЕНИЕ СКАЗУЕМОГО С ИМЕННОЙ ЧАСТЬЮ — СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ

В древнерусских памятниках существительное в составе именного сказуемого употребляется по преимуществу в именительном падеже. Многообразные значения существительного в именительном падеже в составе именного сказуемого группируются по двум основным семантическим функциям: 1) обозначение постоянного, устойчивого признака лица и предмета, 2) обозначение непостоянного, переменного признака лица или предмета.

К первой группе значений относятся:

1) обозначение родства: сь же котꙗнь *бѣ тьсть* мьстиславоу. галицьскомоу (I Новг. л., л. 96 об.); *бѣ* бо ему Лотъ *шюринъ и снвць* (Лавр. л., л. 30 об.); ты *еси* Ростиславу *снъ* (Ипат. л., л. 169);

2) называние лица по имени и по происхождению: берьнꙗрь. валтѣрь. алберь. соудиꙗ рижьскыи. тоже *соуть рижане* (Смол. гр. 1229 г., сп. Д); *бꙗше* же сь родъмь *оугринъ* (Сказ. о Б. и Г., л. 11г—12а); не боитесѧ вѣ бо ꙗсвѣ *борисъ и глѣбъ* (Чт. Б. и Г., л. 41); Илꙑꙗ родомъ *бѣ Новгородець* (Ипат. л., л. 187 об.); мы *есмы не Оугре не Лѧхове* (Ипат. л., л. 237 об.); оба *есвѣ Святъславличя* (Сл. о плк. Иг., с. 7);

3) определение абстрактного понятия, имеющее вневременной характер: покаꙗние бо ꙗсть *поуть* приводꙗ къ црствоу. покаꙗ-

ніе *єсть ключь* цесарьствиа (Ж. Феод. Печ., л. 39в); имъ бо съмрьть *покои єсть* (Ж. Феод. Печ., л. 62а); Словеса бо еуангѣльскаа *пища суть* дшмъ нашимъ (К. Тур., л. 3); *дивно ороужие* млтва і постъ (I Новг. лет., л. 145); невѣрнымъ бо вѣра хрсаньска *оуродьство есть* (Лавр. л., л. 18 об.);

4) определение конкретного характера, часто относящееся в предложении к местоимению *се, то* и раскрывающее содержание последнего: се *родъ единъ. и ѩзыкъ единъ* (Лавр. л., л. 2 об.); се бо *єсть десѧтина* даєма ѿ тѣла Бу (Лавр. л., л. 62); се бо *есть батогъ* его (Ипат. л., л. 213).

Ко второй группе значений относятся:

1) характеристика лица по сану, положению в обществе, по роду деятельности, производимой или испытываемой: ты *нашь кнзь* (Ипат. л., л. 119 об.); кто *купець* поидеть въ свое сто. (Новг. гр. 1371 г., Шахм. О языке, № 8); а се же *соуть послуси* томоу... (Смол. гр. 1229 г., сп. Е); по бзѣ ты имъ *будешь печални(къ)* (Дух. гр. Ив. Калиты, 1327—1328 гг., Обнор., № 26); да прославитьсѧ имѧ твое ѩко ты *єси помощьникъ* всѣмъ оупованщімъ на тѧ (Ж. Феод. Печ., л. 27а); да аще пролѣють кръвь мою то *мчнкъ боудоу* (Сказ. о. Б. и Г., л. 10б); ѩко ты *єси* ги *спситель мои* (Чт. Б. и Г., л. 26); *бѣ* Каинъ *ратай*. а Авель *пастухъ* (Лавр. л., л. 29 об.); сѣи же кнѧзь *избраникъ Бжии бѣ*. (Ипат. л., л. 205);

2) качественная, субъективная характеристика лица: а хто *будеть* намъ. *другъ*. то и тобѣ *другъ* (Гр. доканчальн. кн. Вас. Дим. с кн. Серпух., 1390 г., рук. ЦГАДА); Добра жена *вѣнець* мужу своему и *безпечаліе*, а зла жена *лютая печаль, истощеніе дому* (Сл. Дан. Зат., л. 283); томь лѣ оубиша Изосиму преступника то бѣ мнихъ образомь. точью сотонѣ съсудъ. *бѣ* бо *пьаница*. и *студословець*. *празнословець*. и *кощюньникъ* (Лавр. л., л. 167 об.); но кто ми *ворогъ* на того вожю (Ипат. л., л. 149); Еупатей же *исполин силою* (Пов. о раз. Рязани, с. 14).

Те же значения имеет существительное в именительном падеже в составе именного сказуемого и в более поздних (XV—XVII вв.) восточнославянских памятниках русского, белорусского и украинского языков.

Случаи обозначения постоянного, устойчивого признака лица или предмета (обозначение родства, имени, происхождения, определение абстрактного понятия или конкретного предмета):

Ст.-рус.: тыи земли—ѿчина *наша* (Лосич. гр. 1515 г., Лит. метр., т. I, кн. I, № 164); А тая твоя царица мнѣ, убогому, *ближняя сродница* (Письма Курб., с. 133); «я — реку, — свет, *брат твой Аввакум*» (Аввакум. Житие, с. 112); И он архимарит родом *ростовец* (Сатиры о пьянстве, с. 121); Хвощъ дрвенской *овощъ* (Пословицы XVII в., л. 375 об.); Аще ли не вѣдая хвалити,

то *ложъ есть. и грѣхъ и безуміе* (Ст. о Смуте, с. 1312). Ст.-бел.: церковная *земля* святого Спаса (Погонич. гр. 1422 г., АЗР, т. I, № 31); *не есми геліа*. але *есми іс назаренскіи* (Страсти Христовы, л. 37 об. — 38); та *есми дочка* короля коронованого а у венцы есми корунском (Ист. о Гвид., с. 140); То *ест* мои *мечь* (Ист. о Гвид., с. 149). Ст.-укр.: Свѣтилник тѣла, мовитъ, *есть око* (Отв. клир. Острож., с. 383); Тому не дивуйся, абовѣм подвиг и борба *ест жизнь* тая, которое ты не знаеш (Виш. Книжка, с. 38); ты *естесь Христосъ Сынъ* Бога живаго (Палин. Копыст., с. 344); Ям з Каміньця Подольскего, Пришол до містечка того На ярмарок з воли, та *Диніс істем* (Инт. Гаватовича).

Случаи определения субъекта по непостоянному признаку (обозначение должности, сана, общественного положения, качественная, субъективная характеристика лица или предмета):

Ст.-рус.: Государю *еси измѣнникъ* (Отрывок розыскного дела, АИ, т. I, № 140); словомъ язъ *былъ государь*, а дѣломъ ничево не владѣлъ (Письма Ив. IV, с. 120); Отец ея *был кузнец* (Аввакум. Житие, с. 60); а се вѣру християнскую пріму и *буду* Господу Богу *угодник* (Пересветов, с. 84); яко болван бездушен [валяхуся], сам себе *душегубец* и *убиица являшеся* (Сатиры о пьянстве, с. 66). Ст.-бел.: Тотъ Кгвидонъ храбрыи *конник былъ* (Ист. о Гвид., с. 129); один *хочетъ быти кроль*, а другии *княже* (Ист. о Гвид., с. 153); а ты ее поими за жону, и *будеш господар* трыдъцатьма и двум мурованым городамъ (Ист. о Гвид., с. 168); и один з них *маетъ быти королевичъ* всего королевства (Пов. о витязях, с. 6). Ст.-укр.: его оць *бѣ црь* в Роускои земли (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 271); Днесь *кат*, а завтра *священник*, днесь *мучитель*, а завтра *учитель*, днесь *корчмар* и *танцоводец*, а заутра *богослов* и *народоводец*... (Виш. Послание, с. 165); но все себѣ *угодницы и тѣлолюбцы суть*, занеже алчбою и жаждею истаятися не хочют (Виш. Позорище, с. 218); И Петръ, верховный апостолъ, *отщепенецъ былъ* (Пересторога, с. 227).

Уже в древнерусских памятниках встречаются первые случаи употребления творительного предикативного падежа существительного для обозначения должности, сана. Например: та два *была послъмь* оу ризѣ (Смол. гр. 1229 г., сп. А, В, С); и како *былъ* здѣсе о васъ. в новѣгородѣ *посломъ* олексѣи (Гр. новг. посад. Вас. Ник. в Ригу XIV—XV вв., Обнор., № 39); *бѣ была* мти его *черницею* (Лавр. л., л. 25).

В следующих примерах рядом употреблены составные сказуемые с творительным падежом и с именительным падежом, причем именительный падеж употреблен для обозначения постоянного признака, а творительный — для обозначения временного признака: сего мти преже *бѣ чьрницею*. гръкыни соущи (Сказ. о Б. и Г., л. 8в); оу Ирополка же жена *Грекини бѣ* и *бѣше была черницею* (Лавр. л., л. 23).

Творительный падеж существительного употреблялся почти исключительно со связкой в прошедшем времени. Единственный пример со связкой будущего времени указан еще Е. С. Истриной [7]: да *не боудеть* новый тьргъ *новгородомъ*. ни новгородъ *тьржькомъ* (I Новг. л., л. 83).

Следует отметить, что творительный предикативный встречается только в сочетании со связкой, причем связка в этом случае имеет некоторое реальное значение.

Е. Ф. Карский по этому поводу писал: «Со временем, с усилением в составном сказуемом глагольности, связка стала приобретать постепенно реальное значение, а имя вследствие этого понемногу утрачивает свой предикативный характер и обращается в дополнение или обстоятельственное слово и уже стоит не в именительном, а творительном падеже»[8].

Творительный предикативный в качестве именной части сказуемого в древнерусских памятниках встречается и в сочетании с полузнаменательными глаголами, например: и въсади и въ тьмницю. и ольксу исаковица. оутвьрди в стѣнехъ. а самъ *цр҃мь ста* (I Новг. л., л. 67 об. — 68).

Начиная с XV в., творительный предикативный на месте именительного предикативного со значением временного признака постепенно становится все более употребительным. Наиболее интенсивно по данным памятников этот процесс протекал в старобелорусском и староукраинском языках.

Ст.-рус.: и *былъ* отецъ твои *боляриномъ* князя Михаила Кубенскаго (Письма Ив. IV, л. 171); Да *будетъ* о сем Богъ тебѣ *судьею* (Письма Курб., с. 114); Чего ради *врагомъ* Спартакусъ, аще ты *гражданиномъ?* (Письма Курб., с. 144); Но что азъ общіе законы исповѣдую, имиже всѣми *еси измѣнникомъ!* (Письма Курб., с. 145); А атамана поставим у ево образа, — тот у нас *будет игуменом*, а ясаула пострижем, — тот нам *будет строителем* (Пов. об азов. взятии, с. 81); <было Мнѣ того лютѣе и грузчае>, что еси намѣстник престола Моего святаго, божественаго, в Мое мѣсто Христово, — *пастырем* вѣры християнския и учитель царю и всему мiру (Пересветов, с. 83). Ст.-бел.: При томъ былъ Iванъ Кевла а Стецко, а *децкимъ* на то дело Сенечко Казакъ (Западно-рус. гр. 1510 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 1); а панъ Иванъ Чорный *былъ городничимъ* (Лет. Баркул., л. 137); Хоружество Городенское. *Хоружимъ* Магметъ Уланъ Юхновичъ (Сп. татар дом., с. 1355); а *старостою* на онъ часъ *былъ* ляховицкимъ панъ Володимиръ Семеновичъ Заболоцкий (Дневн. Евлаш., с. 13); того дела иже *казалсе с҃номъ* бы҃мъ

[7] Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи. «Изв. ОРЯС», т. 24, кн. 2. Пг., 1923, стр. 14.

[8] Е. Ф. Карский. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи. Л., 1929, стр. 19.

а *короло*ᵗ жидовскімъ. хочете его оубити (Страсти Христовы, л. 19 об.); онъ ему обѣщалъ отъ царя, ижъ у него *будетъ гостемъ* на лѣто (Вестов. отписки Кмиты, 1573—1574 гг.); И она сѣла и *была королевою* коруноваюю (Пов. о витязях, с. 124); а один з нимᵐ самᵐсонъ *быᵗ воже*ᵐ ихъ, бо вси мѣстца краины оной вельми добре вѣдаᵗ (Александрия, с. 39). Ст.-укр.: я естемъ старшимъ, я *естемъ княжатемъ*, я *естемъ* (яко теперь съ тымъ на пляцъ вымыкаетеся) *головою* (Отв. клир. Острож., с. 424); А иншіе зъ Римянъ и съ крыжаковъ *чернцами* у Светой Горѣ *зостали* (Ист. о Флор. соборе, с. 472); А ты всѣгды в корчмѣ живеши и сам *шинкарем еси* (Виш. Книжка, с. 42); Так же и Кирило, коли *попом* простым *был*, толко дячка за собою волочил (Виш. Книжка, с. 56); Видите ли, яко еще християне не естесте, як же вы *пастырми* и духовными *зватися можете?* (Виш. Книжка, с. 70); Самъ абовѣмъ Іисусъ Христосъ церкви тѣла своего найвышшею *головою* и еднымъ наивышшимъ *пастыремъ* (Палин. Копыст., с. 486); *Будетъ* такимъ способомъ и св. Никола *монархою* церковнымъ (Палин. Копыст., с. 501); Коли вже Потѣй на епископство свершился, *показался* барзо великимъ *подвижникомъ*, *воздержникомъ*, *постникомъ* (Пересторога, с. 210).

Как показывают приведенные выше примеры, творительный предикативный существительного начинает употребляться со связкой в настоящем, прошедшем и будущем времени, с полузнаменательными глаголами, а также без связки. Данные восточнославянских памятников XIV—XVII вв. свидетельствуют о том, что творительный предикативный в составе именного сказуемого имеет специфическое, самостоятельное грамматическое значение, которое не проявляется в других синтаксических функциях творительного падежа. Выступая в роли именной части сказуемого, творительный падеж существительного совпадает по значению с именительным предикативным, выражая одно из значений последнего; именное сказуемое с творительным предикативным является видоизменением именного сказуемого с именительным предикативным в одном из его значений — в значении вре́менного, непостоянного признака субъекта [9].

Иной, самостоятельный тип именного сказуемого представляет собой сказуемое с именной частью, выраженной другими косвенными падежами существительного и творительным падежом с предлогами. Существительное в косвенных падежах, кроме творительного, входя в состав именного сказуемого, имеет разнообразные значения, идущие от синтаксических функций этих падежей. Значения косвенных падежей существительного в составе именного сказуемого не обусловлены предикативностью, т. е. эти значения они проявляют и вне сказуемого, будучи второ-

[9] Подробнее о творительном падеже в функции сказуемого см.: Л. Е. Лопатина. К истории творительного предикативного в славянских языках. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1966, № 6.

степенными членами предложения. Поэтому, если сочетания связки с творительным предикативным безусловно относятся к именным сказуемым или представляют собой видоизменение сказуемого с именительным падежом, то случаи с другими косвенными падежами скорее допускают различные толкования в отношении их принадлежности к именному сказуемому.

А. А. Потебня считал, что «предикативное имя, будучи определением..., не может стоять вне законов согласования». По его мнению, именной частью составного сказуемого могут быть только те части речи, которые способны согласоваться с подлежащим: «Как подлежащее есть всегда прямой падеж, так и предикативное имя всегда стоит в именительном»[10].

По этому же поводу А. А. Шахматов писал: «Принимая во внимание грамматическое согласование подлежащего (т. е. главного члена господствующего состава) со сказуемым (т. е. главным членом зависимого состава), я считаю возможным признать подлежащими и сказуемыми только те главные члены двусоставных предложений, которые согласованы между собою; следовательно, сказуемыми могут быть только спрягаемые формы глагола, имена существительные в именительном падеже и прилагательные; неизменяемые части речи, равно и косвенные падежи существительного, признаем главными членами зависимого состава несогласованных двусоставных предложений»[11].

В Академической грамматике подобные сочетания относятся к именному сказуемому [12]. Присоединяясь к этой точке зрения, надо все же иметь в виду, что такие конструкции не представляют собой вполне единого синтаксического целого, несут черты переходности между именным сказуемым и свободным словосочетанием: глагол-связка в них лексически более наполнен и, следовательно, синтаксически более самостоятелен, чем в других видах именного сказуемого.

Уже в древнерусских памятниках в составе именного сказуемого довольно часто употребляются существительные в родительном, винительном, предложном падежах и в творительном падеже с предлогами. На протяжении XV—XVII вв. в восточнославянских памятниках не замечено каких-либо значительных изменений в употреблении этого типа сказуемого.

Рассмотрим основные значения сказуемого с существительным в косвенных падежах.

Сказуемое с родительным падежом без предлога имеет значение отношения и принадлежности. Др.-рус.: то твое. и твоихъ

[10] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958, стр. 111.

[11] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Изд. 2. Л., 1941, стр. 42.

[12] «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1. М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 436—442.

БИБЛИОТЕКА ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

www.rustang.ru

моужь (Новг. гр. 1270 или 1269 г., Шахм. О языке, № 3); *Коея веры еста* вы, и *коея земля* (Пов. о раз. Рязани, с. 13). Ст.-рус.: іно они *истинные вѣры христіянскіе* (Пересветов, с. 78); Пятая церковь *Їякова, брата Господня* (Пут. Зосимы, с. 65). Ст.-бел.: сказано емоу што таꙗ соукнѧ *была га нашого.* іс҃ва (Страсти Христовы, л. 24 об.); Трыщан *был злое воли* (Пов. о витязях, с. 61). Ст.-укр.: и повѣдилъ намъ, ижъ тыи церкви *суть нашого поданья* (Львов. гр. 1524 г., АЮЗР, т. II, № 110); И *тоеж чести и достойнства был*, которого и ваши милости (Виш. Книжка, с. 59).

Сказуемое с родительным падежом с предлогами *из*, *съ*, *отъ* обычно обозначает отношение, происхождение субъекта. Др.-рус.: ти *суть из муньстерѧ.* берникъ. и фолкирь ти же *суть. из глугли* (Смол. гр. 1229 г., сп. F); онѣмъ же рекъшемъ ꙗко *отъ стыхъ мѣстъ* ѥсмь... (Ж. Феод. Печ., л. 28в). Ст.-рус.: Въ лѣто 7114 по царствованіи Ростригинѣ сяде на Московское государство царь Василей Ивановичь, глаголемый Шуйской, иже *бысть отъ сродства* князей Суздальскихъ (Ст. о Смуте, с. 1295). Ст.-бел. и ст.-укр.: коли таꙗ речь *из блоузненіа есть* возмите его вы а подлоу законоу вашого соудите его (Страсти Христовы, л. 19 об.); такъ же и тымъ, которые *были съ народу ихъ*, обецовалисмы имъ злости тои не памятати (Отв. клир. Острож., с. 392); а се кнꙋзи. *из Дѧвотвы* (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 250 об.); «Сего ради вы не послушаете, яко *от бога нѣсте*» (Виш. Книжка, с. 96).

Сказуемое с родительным падежом с предлогом *безъ* характеризует субъект путем отрицания какого-либо признака или предмета: а мы собе. и таꙗ *быша безъ мира* (I Новг. л., л. 115 об.); а кнꙗзь *безъ грѣха* (I Новг. л., л. 134 об.); уже дьскы *безъ кнѣса* в моемъ теремѣ златоврѣсѣмъ (Сл. о плк. Иг., с. 23); Только единъ Христосъ, глава церковная, *безъ грѣха* (Пересторога, с. 227).

В именном сказуемом может употребляться, правда, довольно редко, существительное в дательном падеже с предлогом: ограженъ бо бѣ вѣрою и надежею ѥже *къ г҃оу* нашемоу *і҃су х҃оу* (Ж. Феод. Печ., л. 61а).

Существительное в винительном падеже в составе именного сказуемого употребляется с предлогами *въ* (со значением внешнего или внутреннего свойства, а также — при лексическом совпадении подлежащего и именной части — со значением отрицания основного качества), *на* (со значением назначения), *за*, *въ мѣсто* (со значением внешнего, внутреннего состояния, замещения). Др.-рус.: то же браѥ *не на добро на зло* (I Новг. л., л. 109 об. — 110); а вѣ *будевѣ* съ своими полкы тобѣ *в помочь* (Ипат. л., л. 152 об.); но *боудемы* вси *за ѡдинъ моужь* (Ипат. л.,

л. 126); а ты ми *буди въ wц҃а мѣсто* (Ипат. л., л. 539). Ст.-рус.: и тотъ имъ срокъ *не въ срокъ* (Новг. гр. 1549 г., АИ, т. I, № 150): и та грамота *не въ грамоту* (Суд. Ив. IV, с. 234); и естьа и питіе *в сладость бываеᵀ* (Домострой, с. 10). Ст.-бел. и ст.-укр.: И на добромъ кони и въ зброи поеду и довѣдаю сѧ, *што* то *за люди* (Ист. о Гвид., с. 132); но розсуди пръвое, если *на пожитокъ* ти *естъ и животъ*, а *не на пакостъ и смерть* (Вин. Книжка, с. 33—34).

В составе именного сказуемого встречаются и существительные в творительном падеже с предлогами *съ*, *за*, *надъ*, *подъ*, обозначающие местонахождение, принадлежность субъекта: О русская земле! уже *за Шеломянемъ еси* (Сл. о плк. Иг., с. 10); а приведеᵀ его до мене всеᵀ которыи *соуᵀ по*ᵀ *моцию* нашою приведеᵀ оу веныи животъ (Страсти Христовы, л. 29); Бог *над нами*, Кінь *під нами*, Ти *зо мною*, Я *з тобою* (Песня про козака и Кулину).

Сказуемое с существительным в местном падеже с предлогами *въ*, *на*, *при* обозначает местонахождение или другое внешнее состояние субъекта, если существительное — конкретного значения, или психическое, внутреннее состояние, если существительное абстрактное. Др.-рус.: бѫствьныи же оуноша *въ скърби* велицѣ *бысть* (Ж. Феод. Печ., л. 29г—30а); се бо вси вои *въ роукоу* твоею *соуть* (Сказ. о Б. и Г., л. 10г); а оуже *бѧше при конци* городъ сии (I Новг. л., л. 114 об. — 115). Ст.-рус.: и вся да уразумѣетъ, *въ каковыхъ бѣдахъ*, *въ каковыхъ слезахъ* тогда вся земля Російская *бысть* (Ст. о Смуте, с. 1313). Ст.-бел. и ст.-укр.: Въ маю тожъ 3 дня въ неделе *былемъ при великимъ жалю и фрасунку* у пана Ивана Баки у Осташине (Дневн. Евлаш., с. 141); тогда же бѧхоу вси кнѧзи *в неволѣ Татарьской* (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 296).

ЗНАЧЕНИЕ СКАЗУЕМОГО С ИМЕННОЙ ЧАСТЬЮ — ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМ

В древнерусских и старорусских памятниках сказуемое с именной частью, выраженной прилагательным, содержало по преимуществу краткую (именную) форму прилагательного. Существует мнение, что первые достоверные случаи употребления полной (местоименной) формы прилагательного в роли сказуемого относятся лишь к XV в.[13] Однако отдельные случаи такого употребления местоименной формы прилагательных можно отметить

[13] См.: Н. Ю. Шведова. Возникновение и распространение предикативного употребления членных прилагательных в русском литературном языке XV—XVIII вв. «Докл. и сообщ. Ин-та русского языка», вып. 1, 1948, стр. 106.

и в более ранних памятниках. Для нас представляют наибольший интерес случаи употребления местоименной формы качественного прилагательного, так как относительные прилагательные даже в самых древних памятниках встречаются преимущественно в местоименной форме.

Приведем встретившиеся нам в древнерусских памятниках примеры именного сказуемого, выраженного местоименным прилагательным: како то боудѣте всемъ вѣдомъ. или кто посль *живыи* ѡстанѣть сѧ (Смол. гр. 1229 г., сп. А)[14]; Кто *правыи* коупець. ѿ морѧ даѥмъ. свободьно (Смол. гр. 1229 г., сп. В); а мѣста на корабли *вольнаꙗ* (Гр. неизв. Смол. кн. немцам, ок. 1230 г., РЛА, 451); верши всѣ *добрыи* (Новг. берест. гр. рубежа XIII—XIV вв., Арц. и Борк., № 195); онъ же иже по истинѣ *теплыи* дшею на бжию любъвь варламъ. идыи поутьмь оузрѣ распалиноу калноу соущю (Ж. Феод. Печ., л. 34б—в); тоже иже по истинѣ *млтивыи* и ꙗко овьча ѿ заблоужениꙗ приньдъше. тако того с радостию приꙗтъ и причьте къ стадоу своемѹ (Ж. Феод. Печ., л. 49—50а); и корабли ѥго *велиции бѫхоуть* с нихъ же градъ възѧша (I Новг. л., л. 71 об.); *бѫшеть* бо *добрыи* и поборникъ ѡчьства своего (Ипат. л., 129 об.).

В старорусских памятниках употребление местоименных прилагательных в роли сказуемого увеличивается по сравнению с древнерусскими памятниками очень незначительно. В отличие от памятников старорусского языка, в старобелорусских и староукраинских памятниках наблюдается заметный рост использования местоименного прилагательного в роли именного сказуемого, хотя по-прежнему употребление краткой формы прилагательного в рассматриваемой функции остается преимущественным[15].

Сказуемые с именной частью, выраженной прилагательным, неоднородны по значению, предикативность таких сказуемых неодинакова. Выражаемые ими значения колеблются между обозначением постоянного признака, качества (слабая предикативность) и обозначением состояния (сильная предикативность). Более предикативны сказуемые с именной частью — краткой формой прилагательного, слабее предикативность сказуемого с именной частью — местоименной формой. Предикативность краткой формы прилагательного настолько велика, что она проявляется даже тогда, когда это прилагательное выступает в функции определения. «Именная форма употребляется в тех случаях,

---

[14] См. об этом примере: В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. (Простое предложение). Львов, 1949, стр. 197.

[15] В современных белорусском и украинском языках в роли именной части сказуемого выступает, как правило, прилагательное в местоименной форме. См.: Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3, стр. 356—357; «Курс сучасної української літературної мови», т. II. За ред. А. А. Булаховського. Київ, 1951, стр. 47—49.

когда определение-прилагательное означает признак, применяющийся к предмету, как результат акта мысли, результат умозаключения, в силу этого она означает всегда признак энергично проявляющийся, существенный для данного предложения, превышающий значение существительного-определяемого. Значение именной формы прилагательного может быть определено как значение п р е д и к а т и в н о е»[16].

Признак, обозначенный сказуемым — кратким прилагательным, обычно имеет непостоянный характер, связан с определенным отрезком времени, часто ограничен или уточнен относящимися к сказуемому словами обстоятельственного характера, указывающими на время, место, причину, степень проявления качества и т. п. Но сказуемое с кратким прилагательным может обозначать также постоянный, обычный признак или признак длительный, не ограниченный временем или другими обстоятельствами. При этом признак логически выделен, принципиально важен, является центром, ядром высказывания.

Приведем примеры составного именного сказуемого с кратким прилагательным из различных восточнославянских памятников.

Обозначение непостоянного, ограниченного признака. Др.-р у с.: путь вашь *чистъ* ѥ*сть* по моѥи волости (Гр. Ярос. рижанам 1266—1272, РЛА, № 453); Тѣмь же братиѥ *довъльни боудѣмъ* о оуставьныихъ одежахъ нашихъ. и о брашьнѣ прѣдъложенѣмь на трапезьници ѿ келара (Ж. Феод. Печ., л. 49б—в); *бѣ* бо и оць ѥго тако *млтвъ* (Чт. Б. и Г., л. 93б); Видите ли браѥ коль *высоко* покорениѥ. ѥже стажаста стаа къ старѣишу брату (Чт. Б. и Г., л. 115а—б); а на търожкоу все *чело бы* (I Новг. л., л. 81); Тоі зимы. хлѣбъ *бше дорогъ* в новѣгороѳ (I Новг. л., л. 158 об.); и видѣвъ Стополкъ ѩко *люта* брань. и побѣжи (Лавр. л., л. 91); Петръ же тѣмь *печаленъ бше* велми (Ипат. л., л. 166 об. — 167). С т.-р у с.: тогда бо плоть святых *лежка будет*, яко птицья (Аввакум. Письма, с. 228); а нынѣ путь *сухъ?* (Пов. о видении, с. 180); в том царствѣ люди *не храбры*; къ бою против недруга *не смѣлы* (Пересветов, с. 75). С т.-б е л.: ѩ нине не милости але смотукоу и жалости и всее горности *есми полна* (Страсти Христовы, л. 14 об.); панна почала на его гледѣти, бо ѡн такъ еи *был мил*, иже не могла з него ѡчю знести (Ист. о Гвид., с. 138—139); а за нею прышли двое щенат, которые *были* велми *голодны* (Ист. о Гвид., с. 134); и велми *смутен был* Бово, не мог Пулкана ударыти никакож (Ист. о Гвид., с 154—155). С т.-у к р.: и тая их самая новоутворена(а) згода, яко

[16] Е. С. И с т р и н а. Употребление именных и местоименных форм имен прилагательных в Синодальном списке 1-й Новгородской летописи. «Изв. ОРЯС», т. 23, кн. 1, 1918, стр. 52.

не зъ волею Божею зачата, такъ не *есть* Богу *пріемна* (Отв. клир. Острож., с. 380—381); *Мудры есте* на злое (Переспорога, с. 222); *Далек* же іще домик твій? (Песня про козака и Кулину).

Обозначение постоянного, обычного признака. Др.-рус.: Ихъ же ризы *свѣтлы*, тѣх рѣчь *честна* (Сл. Дан. Зат., л. 280—280 об.); *Блжнъ* оубо и градъ твои Арамафеи (К. Тур., с. 34); *Блаженъ* мужь милуѧ и даѧ весь днь (Лавр. л., л. 124); *истиненъ* Гь и *прави* соуди е (Ипат. л., л. 224—225). Ст.-рус.: слово твое *истинно есть* (Моск. гр. 1572 г., Дух. дог. гр., № 104); и тотъ деи храмъ ветхъ, служити въ немъ не мочно (Моск. гр. 1610 г., АЮБ, т. I, № 27, II); не одинъ ты *уменъ*, добудемъ и здѣся у насъ люди. (Отрывок розыскного дела, АИ, т. I, № 140); коли баба *лиха*, живи же себе одна! (Аввакум. Житие, с. 79); У бабы волосы *долги*, а ум *короток* (Аввакум. Письма, с. 217).

Ст.-бел.: З ласки Божей осенъ *была погодлива* и вдячно глядѣти, — было велми зелено. Также севба позная *добра была* (Лет. Баркул., л. 165 об.); а виденіе его блискавица роубіе его ꙗсне каѧ снѣгъ (Страсти Христовы, л. 34 об.); Не потреба тобѣ шаблю рымского мѣста и тыхъ мѣстцъ, которые *суть* ему *послушны*, доставать (Ист. о Атыле, с. 213). Ст.-укр.: ...Если око *ясно*, все тѣло *свѣтло* (Отв. клир. Острож., с. 383); аще кнѧзь нашь *мла есть*. но положимъ животъ свои за нь (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 263 об.); и тако поидоша вси токмо и ѡдинъ Володимѣръ. ѡстасѧ зане *бы хромъ* (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 294 об.); Видите ли, як их от зависти, гнѣва и вражды, яко *маленки сут*, подваряете, а они *сут высоки*, а они *сут толсти*, а они *сут велики*, а они *красни* (Виш. Книжка, с. 90).

Очень распространено в восточнославянских памятниках обозначение именным сказуемым качественного состояния субъекта. В следующих примерах сказуемое с именной частью — кратким прилагательным указывает не на то, каким является субъект, а на то, в каком он находится состоянии (состоянии ума, здоровья, настроения и т. п.).

Др.-рус.: *воленъ* продати. *волинъ* замѣнити. *воленъ* кому ѡдати (Гр. Фебруна о продаже, 1391 г., Собол. и Пташ., № 26); дароуита ми обѣтъ *дължьна* ми ѥста (Сказ. о Б. и Г., л. 23г—24а); новгородци *прави*. а ꙗрославъ *виноватъ* (I Новг. л., л. 149); то котораѧ бы ѥму волость *люба* ту же бы взѧ (Лавр. л., л. 107); и то чюду *подобно* (Лавр. л., л. 139 об.); сѣдлай, брате, свои бръзыи комони, а мои ти *готови*, осѣдлани у Курьска на переди (Сл. о плк. Иг., с. 7—8). Ст.-рус.: *вечен* отец, *вечен* сын, *вечен* и дух святый (Аввакум. Житие, с. 58); я перед богом и пред тобою *виноват*! (Аввакум. Житие, с. 81); Да и ныне они *не лихи* до меня; дьявол *лих* до меня, а человеки все до меня *добры* (Аввакум. Житие, с. 89); *Силен* Христос всех

нас спасти и помиловати (Аввакум. Житие, с. 106); А батюшко по-за воронами *охоч* (Аввакум. Письма, с. 213); Ведь я *не сердит* на нея (Аввакум. Письма, с. 214); Провещай мне, старцу грешну, един глагол: *жива* ли ты? (Аввакум. Письма, с. 215); *Горазд* я, Симеон, есть да спать (Аввакум. Письма, с. 223); Азъ же окаянный отъ ужасного того и страшнаго видѣнія *трепетенъ быхъ* (Пов. о видении, с. 184); *Не дорого* нам ваше сребро и злато, *дорога* нам слава вечная! (Пов. об азов. взятии, с. 72); Патріархъ же рече: *готовъ есть* за Христа моего умрети (Пут. моск. купцов, с. 149). Ст.-бел.: не мнеи тэжъ товарышы и жолнерэ его *были пилны и готовы* все (Ист. о Атыле, с. 196); Госпожо, правду тобѣ повѣдам, иж *ест жыв, здоров* и вельми *весел* такъ, иж николи перед тым так *весел не бывал* (Пов. о витязях, с. 5); А палацъ *былъ полонъ* добрыхъ людеи (Пов. о витязях, с. 40). Ст.-укр.; а съ кимъ мы *будемо смирни*, и онъ зъ нами (Луцк. гр. 1438 г., АЗР, т. I, № 37); и бѫдѫчи там, ажбы *есте* во всем *были послѫшни* маршалка земли Волынское (Львов. гр. 1537 г., Arch. Sang., т. IV, № 82); «*будте готови* къ отвѣту або отповѣди кождому пытаючому васъ» (Отв. клир. Острож., с. 379); Што *есть* писму святому велми *противно* (Отв. клир. Острож., с. 386); Штожъ, *пріемно* ли то *было* Богу? А то тамъ *пріемно* (Отв. клир. Острож., с. 387); се сестра твоꙗ *мртва* (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 286); се же слышавъ Левъ. *печаленъ бы* ѡ семь велми (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 290); а ꙗ над ними *не воленъ* (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 298 об.); Павелъ, мовить, реклъ, *не естемъ годенъ* названъ быти апостолъ (Палин. Копыст., с. 453); Козак *щаслив*, хоть *не богат*, Никому нич *не виноват* (Песня про козака и Кулину).

Для многих из приведенных выше кратких прилагательных синтаксическая функция сказуемого является в восточнославянских памятниках главной. Это прилагательные *виноватъ*, *правъ*, *долженъ*, *готовъ*, *подобенъ*, *воленъ*, *любъ* и др. Они обладают большой степенью предикативности. В функции определения эти прилагательные употребляются преимущественно в местоименной форме, причем нередко с изменением лексического значения, например: мы *вольныи*, дедъ и ѡц(ь) нашъ и матка *вольныи были* (Задвейт. гр. 1515 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 188).

Полные прилагательные (не только качественные) в роли именной части сказуемого в древнерусских и в старорусских памятниках преимущественно обозначают постоянный, обычный признак. Например:

Др.-рус.: Верши всѣ *добрыи* (Новг. берест. гр. рубежа XIII—XIV вв., Арц. и Борк., № 195); бѫшеть бо *добрыи* и поборникъ ѡчьства своего (Ипат. л., л. 129 об.). Ст.-рус.: земля *чужая* невѣдомо куда ити (Отрывок розыскн. дела, АИ, т. I, № 140); Страна *варварская*, иноземцы *немирные*, отстать от ло-

шадей не смеем (Аввакум. Житие, с. 78); стоять тѣ палаты пусты и донынѣ. А кровли на нихъ *старыя*, аки вновь покрыты (Пут. Гогары, с. 118); Печать *вощаная*. а клѣть *дощаная* (Пословицы XVII в., с. 132).

В старобелорусских и староукраинских памятниках для сказуемого, выраженного прилагательным в местоименной форме, встречаем наряду с широко представленным значением постоянного признака значение признака непостоянного, обусловленного внешними обстоятельствами. В старобелорусских памятниках это значение встречается реже, в староукраинских — чаще.

Обозначение постоянного признака. Ст.-бел.: што ниже(и) ѡписуеть ѕ Рус(с)ко(и) кроиницэ и(ж) горъшы(и) былъ ты(м) землѧмъ, и сокру(т)не(и)шы(и) на нихъ ни(ж)ли Антиѡ(х) Си(р)ски(и), и иродъ Иерусали(м)ски(и) и Неро(н) Рымски(и) што та(к) *бы(л)* *ѡкру(т)ны(и)* и *валечныи* (Лет. Рачин., с. 237); да волюсинаноу то тє *бы* *горбатыи*, а *кривыи* и не моглъ оузгорѕ направитисе (Страсти Христовы, л. 24); Тое жолнеров нарекане ачколвекъ Атыли *было* велми *прыкрое* (Ист. о Атыле, с. 214); Рек король: *Правыи естъ* латыненин, у нихъ поп начеснеишыи (Пов. о витязях, с. 110); правда е^{ст} велики^{и} царю дла того мене мо^{и} царъ люби^{т} што^{ж} *есте*^{м} ему *подобны*^{и} (Александрия, с. 65). Ст.-укр.: но боѧрѣ *бѧхоуть силнии*. не даша емоу землѣ (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 292 об.); Праздник бо *ест* твой таковый *не христианский*, але *диаволский* (Виш. Книжка, с. 44); *Духовный ест*, иже духовное дѣст (Виш. Книжка, с. 68); Видите ли, яко патриаршин приезд *славный* и *пожиточный был* и *ест* (Виш. Книжка, с. 72); а они повѣдаютъ, же складанье тое *не важное* (Пересторога, с. 218); Пане мои Аде, чему *еси* так барзо *боязливый?* (Сл. о збур. пекла).

Обозначение непостоянного признака. Ст.-бел.: Того жъ року 608 лето *было мокрое*, поводки *были частые* (Лет. Баркул., л. 173 об.—174); але по первимъ привитаню *жалосный былемъ*, розумеючи о ей недолгомъ животе (Дневн. Евлаш., с. 132); Коли ѡн добыл битву, а имѧ свое таит и не хочет штобы его знали, тот велми *ест добрыи* (Пов. о витязях, с. 37). Ст.-укр.: На што ижъ не барзо теперъ княжа его милость *способный*, прото не вѣм (Отв. клир. Острож., с. 411); и не бы пакости. воихъ и^{ѧ}.ѧкоже иногда *храбрии бѣахоу* воложи Бъ страхъ во срце ихъ (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 279); *Прожный* теды и то(й) аргументъ и зо всѣхъ мѣръ *подлый* (Палин. Копыст., с. 392).

Наблюдающееся в старобелорусских и староукраинских памятниках частичное совпадение значений полных и кратких прилагательных в роли сказуемого приводит к тому, что начинают встречаться однородные сказуемые, выраженные разными

прилагательными. Например: Тотъ рокъ велми *былъ недобрый*: были хоробы, болести розмайтые, многие, великие; зима *была люта, снежна* (Лет. Баркул., л. 155); Того року *была* зима *люта и снежная* (Лет. Баркул., л. 158); Тотъ рокъ з ласки Божей *былъ здоровъ*, на всемъ *добрый*, нижли рокъ мокрый (Лет. Баркул., л. 169 об.); же шатер его кгды повѣтрэ *тихое было* и небо ѣсно нагле сѧ ѡбвалил (Ист. о Атыле, с. 181); «*Справедливый* Господь въ всѣхъ дорогахъ Своихъ», «и *преподобенъ* въ всѣхъ учинкахъ» (Отв. клир. Острож., с. 382); если жъ христіанство *добро*, якожъ есть, пребывайте жъ съ нами, а если вамъ *не доброе*, идѣте жъ вонъ (Пересторога, с. 226).

Творительный предикативный прилагательного появляется в восточнославянских памятниках поздно и, по-видимому, под влиянием раньше получившего распространение творительного предикативного существительного.

В наших материалах в текстах старорусских памятников не встретилось ни одного достоверного случая употребления творительного предикативного прилагательного. В старобелорусских памятниках случаи употребления творительного предикативного прилагательных немногочисленны. Зато в староукраинских памятниках такое сказуемое употребляется довольно часто.

Ст.-бел.: да только дей царь Перекопскій ему на великой переказѣ, и хочетъ дей съ нимъ еднаться; который хотябъ дей ему на панства господарскіе *помочнымъ не былъ*, одно бъ ся съ нимъ не воевалъ и ему не перекажалъ (Вестов. отписки Кмиты, 1573—1574 гг.); а Бискупъ онъ цнотливый миловалъ его яко сына и товарищи *не были* му *незычливыми* (Дневн. Евлаш., 139); А Марганор *был старъшымъ* лѣт а николи не был збит (Пов. о витязях, с. 55); ѣ[м] то все што се в тобѣ стало ѿ бога пре[з] сонъ видѣлъ, А всѣко[же] и ѿ мене и ѿ люди' *не есте*[с] *подо'зрѣ-ною* (Александрия, с. 28). Ст.-укр.: Не той бо мнѣ, который в словахъ мудръ, *мудрымъ есть* (Отв. клир. Острож., с. 398); Не мовилъ тамъ Петръ: *я естемъ старшимъ*... (Отв. клир. Острож., с. 424); Если ся кто мнимает быти мудр в вѣцѣ сеи, нехай, *ся учинит кглупым*, яко ничого незнаючим, тогда будет мудр (Виш. Книжка, с. 30); Чем же *ся* вы *духовными зовете*, а телесне и погански мудрствуете и глаголете (Виш. Книжка, с. 68); А затемъ и привилей той *не естъ правдивымъ* (Палин. Копыст., с. 325); и для того самъ покорнымъ былъ, абы и мы покорные всѣ были (Пересторога, с. 320).

Творительный предикативный прилагательного, таким образом, получил в старых восточнославянских языках значительно меньшее распространение, чем творительный предикативный существительного, причем его употребительность в разных восточнославянских языках была различной.

Объяснение этому можно найти в самом генезисе творительного предикативного прилагательного. Он появился в восточно-

славянских языках сравнительно поздно и мог образовываться лишь от местоименных прилагательных. Поэтому понятно отсутствие случаев употребления творительного предикативного прилагательного в древнерусских и старорусских памятниках, где местоименные прилагательные в сказуемостной функции вообще очень редки (см. выше). В старобелорусских же и староукраинских памятниках уже получил большое распространение именительный предикативный местоименного прилагательного (в староукраинских памятниках — более широкое), и это было основанием для появления в них творительного предикативного прилагательного.

С другой стороны, развитие творительного предикативного прилагательного в восточнославянских языках вначале, несомненно, задерживалось из-за противоречия исконных значений творительного предикативного (первоначально только существительного) и местоименного прилагательного в сказуемостной функции. Широко распространенный к этому времени творительный предикативный существительного имеет значение вре́менного, непостоянного признака. В то же время для местоименных форм прилагательных в сказуемом исконным является выражение постоянно присущего признака [17].

Возникновение творительного предикативного местоименных прилагательных можно связать, таким образом, с появлением у местоименных прилагательных вообще в сказуемостном употреблении значения вре́менного, непостоянного признака (см. выше).

Все эти процессы, приведшие к широкой употребительности творительного предикативного прилагательного, раньше других проявились в староукраинском языке, в то время как в старобелорусском, как показывают наши материалы, процесс формирования творительного предикативного прилагательного развивался медленнее [18].

---

[17] См.: Н. Ю. Шведова. Полные и краткие формы имен прилагательных в составе сказуемого в современном русском литературном языке. «Уч. зап. МГУ», вып. 150, 1952, стр. 85.

[18] В русском языке еще в XVIII в. преобладающим значением полного прилагательного в предикативной функции было значение постоянного качества, «свойственного субъекту на всем протяжении его существования» (см.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе простого и осложненного предложения». М., 1964, стр. 131). К XVIII в. относится и распространение в русском языке творительного предикативного прилагательного. Это можно объяснить тем, что со второй половины XVII в. русская письменность испытывала влияние киевской письменности, в которой к тому времени подобные конструкции были распространены очень широко (см. там же, стр. 64).

ЗНАЧЕНИЕ СКАЗУЕМОГО С ИМЕННОЙ ЧАСТЬЮ — ПРИЧАСТИЕМ

Особое место среди видов именного сказуемого занимает сказуемое, выраженное причастием. Особенности данного типа сказуемого объясняются высокой степенью предикативности причастия, функционально приближающей его к глаголу.

В памятниках восточнославянских языков в роли именной части сказуемого употребляется преимущественно причастие страдательного залога прошедшего времени от глаголов совершенного вида. Гораздо реже в именной части употреблялись причастия страдательного залога прошедшего времени от глаголов несовершенного вида, например: а нифонтъ тако мълвлѧше. не достоинѣ ѥсть сталъ оже не блгнъ ѥсть ѿ великаго сбора. ни *ставленъ* (I Новг. л., л. 26); а моеѧ страны свѣты оувѧдоша и ѡпалѧно *бѣше* (Сл. о Адаме и Еве): Исаѧ же ре ꙗко ѡвца на заколенье *веденъ бы* (Лавр. л., л. 34—34 об.); Глаголю бо вам, яко ни един мужей тех званных вкусил моея вечери, мнози бо *суть звани*, мало же избранных (Моск. гр. 1572 г., Дух. дог. гр., № 104); Мѫка *не молота* а вода на болоте (Пословицы XVII в., л. 355 об.).

В памятниках старобелорусского и староукраинского языков причастие страдательного залога прошедшего времени от глаголов несовершенного вида встречается несколько чаще, чем в памятниках старорусского языка. Но и здесь наблюдается подавляющее преимущество страдательных причастий совершенного вида. Приведем примеры с причастиями прошедшего времени от глаголов несовершенного вида:

1) [А] коли бы^{л} во вi лѣтъ, *бы*^{л} *цвичо*^{н} кѫ воеваню и ѫпережа^{л} каждого в хѫткомъ ширмова^{н}ю (Александрия, с. 29); ве^{л}ми зазрѣ^{л} тому лѣкареви, прето ижъ ѿ але^{ѕ}а^{н}дра невымовне *бы*^{л} *милова*^{н} (Александрия, с. 56); посланцы господарскіе въ Якимовѣ починку *будутъ пріймованы* (Вестов. отписки Кмиты, 1573—1574 гг.); за которую коруну *плачено* Англѣйчикомъ соболями вельми коштовными (Вестов. отписки Кмиты, 1573—1574 гг.); а зъ Москвы *готованы* дей ему стадыи ажъ до Якимова починку (Вестов. отписки Кмиты, 1573—1574 гг.); а *пѣчятана* у Ризѣ (Могилев. гр. 14 мая 1407 г., РЛА, № 164); ѡнъ был ѡт чотырох наболшыхъ, которые у граде *хованы* (Ист. о Гвид., с. 151); 2) За которыми *гонено*, и не мало ихъ побито (Ист. о Флор. соборе, с. 465); и не принято, ани *слухано* его (Ист. о Флор. соборе, с. 468—469); А о оной згодѣ, въ которой вежа Вавилонская *будована*, яко розумѣешъ? (Отв. клир. Острож., с. 387); не могоуть васъ оуже придти ибо *соуть* велми *бъени* (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 259); А егда *истязан* и *пытан* кождый за свое житие *будет*, што ж за пожиток слуханя тых овец (Виш. Книжка,

с. 66); и, коли первого дня *мучени были*, претерпѣли и не предали благочестия (Виш. Послания, с. 167); А *писанъ* листъ подъ лѣты рж҃тва Хва҃ (Львов. гр. 1421 г., Укр. гр., № 50); і повторе теди просим, жеби без забави до его царского величества гонци наши *одсилани билі* (Укр. гр. 1651 г., Вос. Укр. с Рос., т. II, № 205).

Следует заметить, что в памятниках деловой письменности восточнославянских языков очень часто встречается причастие несовершенного вида *писанъ* [19].

Весьма редки случаи употребления страдательного причастия настоящего времени: чаще именное сказуемое со страдательным причастием настоящего времени встречается в памятниках древнерусского языка. Позднее, в памятниках старорусского и в особенности старобелорусского и староукраинского языков, употребление его еще более уменьшается.

Именное сказуемое, в состав которого входит причастие страдательного залога прошедшего времени от глаголов несовершенного вида, близко по значению к сказуемому, именная часть которого выражена причастием страдательного залога настоящего времени [20]. В памятниках восточнославянских языков употребительность этих сходных по значению причастий в роли именной части сказуемого различна. Так, в старорусских памятниках чаще употребляется причастие настоящего времени страдательного залога, а в старобелорусских и староукраинских памятниках в этих случаях преимущественно употребляется причастие страдательного залога прошедшего времени от глаголов несовершенного вида. Приведем примеры употребления причастия страдательного залога настоящего времени в роли сказуемого.

Др.-рус.: се же и донынѣ островъ тъ *зовомъ* ѥсть болѧровъ (Ж. Феод. Печ., л. 35б); и тоу абиѥ многыи троусъ *не слышимъ бываашє* (Ж. Феод. Печ., л. 38б); да не *възненавидим буду* [м]иру со многою бесѣдою, яко же бо птиця, частяще п[ѣ]сни своя, скоро *възненавидіма бываєт*[ь] (Сл. Дан. Зат., л. 283 об. — 284); аще кто ѵ҃мреть ѿ ваши҃ людии то *възносимъ* ѥсть на нб҃о (Лавр. л., л. 60 об.); Моужи же *пресѣкаеми* и *расѣкаеми бываютъ*. жены же ѡскверѧєми (Ипат. л., л. 224 об.); Твоя бо щедроты и мілостиня и нынѣ въ члвцѣхъ *поминаеми суть* (Сл. Илариона, с. 32). Ст.-рус.: Понеже от Адама и до сего дни всех преминух в беззакониях согрешивших, сего ради всеми *ненавидим есмь* (Моск. гр. 1572 г. — Дух. дог. гр., № 104); разсѣяны по лицу всея земли и осквернени всякими нечистотами. всякими

---

[19] См.: В. И. Борковский. Указ. соч., стр. 203.

[20] См. ниже о значениях именного причастного сказуемого, стр. 43. Ср. также: Т. П. Ломтев. Исследования в области истории белорусского синтаксиса. «Уч. зап. Белорусского гос. ун-та», вып. II. Минск, 1941, стр. 276, 277.

страданьми и муками. *томими* и смертемъ *предаеми* (Стоглав, с. 30—31); Но паче худѣиша отъ худѣиших рабъ суща, понеже отъ всѣхъ *повелѣваемъ есть*, а не самъ повелѣвая (Письма Ив. IV, л. 717 об.); Оба, яко сено, истлевают, и яко древо, червием *изгрызаеми бывают* (Аввакум. Письма, с. 251); и съ того времени великою скорбію вси людіе царствующаго града Москвы *одержими бяху* (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 729). Ст.-бел.: *Вѣдомо* да *есть* святителству твоему (Западнорус. гр. 1488—1489 гг., Археогр. сб., I, № 2); а ни тэ(ж) з двору королевского *не были* ѡ томъ вѣдоми (Лет. Рачин., с. 289); а Пулкан в тои земли *был не свѣдом* (Ист. о Гвид., с. 159—160). Ст.-укр.: Заберегаем при том, чтоб от панов державцов работами *отягчаемы не были* (Укр. гр. 1642 г., Вос. Укр. с Рос., т. I, № 214); Сѫществителномѹ въ коемъ либо числѣ соущемѹ припрѧгаемо прилагателное (Грам. Смотр., с. 333); черезъ Сына *познаваемо бываетъ*, ижъ отъ Отца походитъ (Ист. о Флор. соборе, л. 450); По погребению же оном птиц, сѣдящий на церкви и блюдыи оное тѣло, отлетѣ и к тому *невидим быст* (Вин. Книжка, с. 126).

Причастие страдательного залога в роли именной части сказуемого употребляется преимущественно в краткой форме. В исследованных нами памятниках древнерусского языка случаи употребления полной формы причастия в роли сказуемого очень редки. Например: Того ради Хъ ѿ чтыя Двы родися, понеже Адамъ ѿ чтыя земля *създаны бы* (Сл. Илариона, с. 32).

В более поздних памятниках восточнославянских языков отмечается употребление полной формы причастий страдательного залога в роли сказуемого, причем в старобелорусских и староукраинских памятниках гораздо чаще, чем в старорусских. Этот факт отражает, по-видимому, живую разговорную черту старобелорусского и староукраинского языков и знаменует начало тенденции, приведшей к тому, что в современных белорусском и украинском языках наблюдается частое употребление полной формы страдательного причастия в роли сказуемого [21], причем в украинском языке такое употребление становится наиболее обычным. Приведем примеры употребления полной формы причастий страдательного залога в роли сказуемого.

Ст.-рус.: коли *были удержаніи* не тылько восточныхъ нашихъ церквеи епископами, но ихъ и западными и самыми святыми папеже древними (Письма Курб., с. 421); злый вранъ, иже злобою *очерненый*, доброцвѣтущую вѣтьвь благоплоднаго древа сокруши и пагубу злу велію учини! (Ст. о Смуте, с. 1281); Надъ верховьи вырѣзано 12 праздниковъ, а промежъ ихъ *вставливаны* рыбій зубъ (Пут. Моск. купцов, с. 152); Бумага *не купленая*

[21] См.: Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3, стр. 393; Т. П. Ломтев. Указ. соч., стр. 284—286.

а писмо домашное (Пословицы XVII в., л. 327 об.). Ст.-б е л.: на што ему отъ мене и позовъ *былъ даный* (Брест. гр. 1609 г., АЗР, т. IV, № 178); а *былъ* тот лист *писаный* от него (Лит. ст. 1529 г., с. 47—48); нижли естлибы кляча *была купленая*, што будет дал, то мает быти плачено (Лит. ст. 1529 г., 93); На початку року 1512 *былемъ забавеный* потребами его милости пана Миколая Криштофа Ходкевича (Дневн. Евлаш., с. 133); погребъ *былъ* тела его у Супрасли 31 дня августа *отправеный* (Дневн. Евлаш., с. 140); А Жикгимонтъ, короля шведского сынъ, за приеханемъ своимъ *былъ* заразъ *коронованый* (Дневн. Евлаш., с. 149); ты *боуди блгословнаꙗ* на веки (Страсти Христовы, л. 16); да ритери розделили собе хоусты его ворожоу киноувши. на соукню его котораꙗ *была нешитаꙗ* (Страсти Христовы, л. 21 об.); ⟨Атыла⟩ ѡ статок воиска справилъ в гуфъ валныи, в котором люд *был пребраныи* длѧ того, абы непрыѧтель множество люду своего уфаючы с тылу нань не ударыл або его не ѡгорнулъ (Ист. о Атыле, с. 193); если *сут* ѡни *выбраные*, то лѣпеи, иж не будут ѡба вмѣстѣ бити сѧ длѧ сорому, а по ѡдному (Пов. о витязях, с. 48); ижъ коли человѣкъ *бѣде* на царскии досто'ности *по*ⁿ*несены'*, абы памета ижъ з зе*м*ли простои матерѣи ношол (Александрия, с. 74). Ст.-у к р.: *Даний* з Миргорода, року по рожествѣ христовѣ (Укр. гр. 1650 г., Вос. Укр. с Рос., т. II, № 201); «Мы жь ниже из отечества изыти смѣем, но пищи и сласти, якоже пес. . . домолѣжнѣ *привязании суть*» (Виш. Позорище, с. 214); и начатъ повѣдати ѡ бывшемь. ѡже избитѣ боꙗрѣ. вси Мьстиславлѣ и Львовѣ слоугы вси избиты а дроузии *поимании* (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 291 об.); а гды скончится 1000 лѣтъ, *розвязаный будетъ* сатана отъ темницы своей (Палин. Копыст., с. 315); якъ его вся Церковъ вызнаваетъ, *названный естъ* Петромъ (Палин. Копыст., с. 359); А въ томъ тежъ погане *презначеныи* до збавленья *были*, иншая Христова овчарня правдиве чистая и святая (Палин. Копыст., с. 437); «же мы *позваные есмо* отъ всей рѣчи посполитой предъ судъ вашее королевской милости» (Пересторога, с. 221); которая то книга *названаꙗ* Перло многоцѣнное для двох поважных причин (Перло многоценное); . . . котера *розбитая*, Опанчою *прикритая* (Песня про козака и Кулину).

Сказуемое, выраженное причастием страдательного залога, обычно употребляется с подлежащим, обозначающим объект действия. В древнерусских памятниках отступлений от этого правила нет. В старорусских же памятниках встречаются единичные случаи употребления безличных оборотов, в которых при сказуемом, выраженном страдательным причастием, объект действия стоит в винительном падеже.

В памятниках старобелорусского и староукраинского языков начинают довольно последовательно употребляться безличные конструкции с прямым дополнением при страдательном причастии. Эти конструкции широко распространены в современных украин-

ском и польском языках, а также встречаются в говорах русского и белорусского языков [22].

Причастие в роли сказуемого встречается исключительно в форме именительного падежа. Единичные примеры причастия в творительном падеже встречены нами только в памятниках староукраинского языка: и множество ѡ^{т} вои его *избьенымъ бы* (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 264); За што и *отдарованымъ стался*, ижъ на немъ Христосъ Господь Церковъ свою збудовалъ (Палин. Копыст., с. 360); Первѣй *мѣлъ быти взгоржонымъ* и *откиненымъ* отъ людей, *утѣсненымъ* и *утрапленнымъ*, *веденымъ* на забите, яко баранокъ, *зраненымъ* для злостей нашихъ (Палин. Копыст., с. 377); и овшемъ то даетъ вѣдати, же Петръ названъ естъ отъ Христа тымъ именемъ, для того, ижъ *былъ умоцненымъ*, а не ижъ бы составалъ Церкви единовладцою (Палин. Копыст., с. 411).

Что касается старобелорусского языка, то примеры с творительным падежом причастия встречаются лишь в переводном памятнике Евангелие Калиста [23].

Об употреблении причастий действительного залога в роли именной части составного именного сказуемого можно говорить лишь по отношению к древнерусскому периоду; позднее встречаются лишь единичные примеры именного сказуемого, выраженного причастием действительного залога.

В памятниках древнерусского языка соотношение сказуемых с причастием действительного и страдательного залога приблизительно 1 : 10.

Наиболее редко встречается причастие действительного залога прошедшего времени, например: се же все ꙗко же во снѣ видѣвше. *бѣ* бо самъ *падъ* и лежаше в дому иде же бѣ пиръ (Чт. Б. и Г., с. 47); аще ли *покаꙗвшесѧ будемъ*. в немже ны Бъ велить жити (Лавр. л., л. 56 об.); Нестеръ злѣ рѣчи. на Мьстислава къ Дѣдови лжюча занеже *бѧше* Мстиславъ ѡ*злобивъ* ꙗ. ѿпустилъ ѿ себе (Ипат. л., л. 193—193 об.); къ колываню *ѥсте ходивъше* серебро поимали. а сами поидосте в новъгородъ (I Новг. л., л. 105); і тоу наѣхаша пещероу непроходноу. в неі же *бѧше* множьство чюди *влѣзше*. і бѧше нѣлзѣ іхъ взѧти (I Новг. л., л. 144—144 об.).

Причастие действительного залога настоящего времени чаще встречается в сочетании со связкой настоящего и прошедшего времени, реже — со связкой будущего времени, например: *бѣша* же и цркви *творѧще* праздьникъ въ тъ дн҃ь (Ж. Феод. Печ.,

---

[22] О прямом дополнении при страдательном причастии см. в разделе «Безличное предложение» («Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Типы простого предложения»). См. также о подобных оборотах в польском языке: S. Szober. Gramatyka języka polskiego. Warszawa, 1953, стр. 326.

[23] См.: Т. П. Ломтев. Указ. соч., стр. 288.

л. 53а); ѥсть манастырь славьнъ соущь на мѣстѣ томь. иже и донынѣ ѥсть мл҃твами ѥго цвѣтоущь (Ж. Феод. Печ., л. 56б); и се видѣша мъножьство чьрьноризьць исходащь. отъ ветъхыѧ цр҃кве. и бахѹть градоуще на нареченоѥ мѣсто носахоу же прѣди иконоу с҃тыѧ бц҃ѧ (Ж. Феод. Печ., л. 56в—г); и съ оусьрьдиѥмь. сами придоша. и бѣша прѣдъ враты сѣдѧще и ожидающе донъдеже блаженааго изнесоуть (Ж. Феод. Печ., л. 64б); Бл҃говѣрьныи же кнѧзь с҃тославъ бѣ не далече ѿ манастырѧ блаженааго стоѧ (Ж. Феод. Печ., л. 64б—в); о граде с҃тыи осващеныи с҃тма сима. лежашаи бо в тебѣ ѥсть свѣтьлѣ. неоугасающи и слн҃ца свѣтьлѣиши (Чт. Б. и Г., с. 55—56); а къ Изѧславоу послаша рекоуще. поиди кнѧже. свѣщали ти сѧ есмь рекоуще. с Кыѧны. хочемъ пориноути стаґъ побѣгноути. с по҃лкомъ своимъ въ Киевъ (Ипат. л., л. 120); цѣ да будуть злии ч҃лвци завидѧче твоеи любви. юже къ бр҃аѣ имѣеши (Ипат. л., л. 193 об.); Володимиръ же бѣ велми немога. тѣм же и полку имъ не да болезни дѣлѧ (Ипат. л., л. 195); Стославъ же и снѧсѧ на поути с҃нмъ Володимеромъ. и со всимъ полкомъ Новгородьцки҃. бѣ бо. с҃нъ его Володимѣръ кнѧжа. в Новѣгородѣ Велицемь. и вониде в землю Соуждальскоую (Ипат. л., л. 217 об.); намъ же оукоренымъ соущимъ. поносъ приимающимъ ѿ безаконыхъ тѣхъ Агарѧнъ. и чающе есмы Бжиѧ блг҃ти. и лика преславна (Ипат. л., л. 228).

Заметим, что составные сказуемые с причастием действительного залога встречаются в ограниченном числе памятников. Большинство подобных примеров дают Житие Феодосия Печерского, Лаврентьевская и Ипатьевская летописи, а также Сказание о Борисе и Глебе и Чтение Бориса и Глеба.

В более поздних памятниках восточнославянских языков действительное причастие как именная часть сказуемого встречается гораздо реже. Вот все встретившиеся нам примеры:

Ст.-рус.: речено бысть оускіи и прискорбныи пѹть вводѧи в живо҃ а широкіи и пространныи вводѧи в пагѹбѹ (Домострой, с. 23—24); Сия суть сущие (Аввакум. Житие, с. 55); Бог оправдаяй и кто осуждаяй? (Аввакум. Письма, с. 234—235); Но бѹди вѣдая, ꙗкѡ ко творенію воли и заповѣдеи. бж҃іи҃, ни кое ти есть ѿ нея препятіе (Пословицы XVII в., л. 322). Ст.-бел.: иже мы хотяче и жадаюче, штобы нашому мѣсту Вилни всимъ тымъ, што у немъ живуть... (Троцк. гр. 1432 г.); и престолъ митрополіи Кіевскія не мало вдовствуя бѣ (Западнорус. гр. 1488—1489 гг., Археогр. сб., I, № 2); бы же симо петръ стоѧ и греѧсѧ (Страсти Христовы, л. 7 об.—8); и были жидове дрыжача и скрытаюче зубами на никодема про тые слова

(Страсти Христовы, л. 20); то бы ѡдъ араматии места жидовского бо ѡнъ *бы ждоучии* цртва бжьего (Страсти Христовы, л. 22 об.); которые есте вы которые ис нами оу пекле *оумерши* ещо *есте не были* (Страсти Христовы, л. 27); *боудете* молитве *хвалѧче* из мртвы оустаніе га нашого ісъ ха (Страсти Христовы, л. 30); с собою. а ни с одны члвко не говорите, але *бѹдете мочаче* (Страсти Христовы, л. 30—30 об.); ижъ повѣдаю ѡ царю ихъ же *бы* добре *розѹмѣючи* в наѹцѣ звѣздно (Александрия, с. 23). Ст.-укр.: «всяко даяніе добро и всякій даръ досконалый зъ высокости *есть сходячи* от Отца свѣтомъ» (Ист. о Флор. соборе, с. 443); «*Есть* Отецъ, досконалую *маючи* бытность, *не потребуючи* ни отъ кого, бо ес[т]ъ корень и жродло самой істности» (Ист. о Флор. соборе, с. 450); Страха же не бойтеся, никтоже убо *ест* на нас *дерзая* крѣпко глаголати (Виш. Книжка, с. 82); аще и нѣст мощно никакоже, ибо, еже *ест не сый* всегда и нѣст было, како ест мощно сие осуществити и вместо истинны утвердити и узаконити (Виш. Книжка, с. 95); Поступай, латинниче, от лжи в лжу, ибо ея свойство не стояти на одном мѣсту, зане *нѣст сущая* (Виш. Книжка, с. 104); И съжегутся беззаконници и грѣшници вокупѣ, и *не будет угашаяй* (Виш. Книжка, с. 48); Ибо во смерти *поминаяй* тебе, — рече Давид, — *нѣст*, во адѣ же кто исповѣст ти ся (Виш. Книжка, с. 115); *бѣ* бо баба *ходѧщи* и *коупѧщи* коръмлю (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 279 об. —280); Володимеръ же *бѧше печалоуѧ* по великоу (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 294); и посла Володимиръ моужа хитра. именемь Алексоу иже *бѧше* при ѡцѣ его многы городы *роубѧ* (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 291); Данило бо *бѣ*. ѡчима напрасно *болѧ* (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 276); Болеслав же *бѧшеть* еще *гордѧсѧ* своимъ безоумье (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 294 об. —295); Володимѣръ же *бѣ разоумѣѧ* притъчѣ и темно слово (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 302).

Значения, выражаемые причастным именным сказуемым, чрезвычайно разнообразны. Это объясняется прежде всего двойственностью грамматической природы причастия, совмещающего признаки глагола и прилагательного. В роли сказуемого причастие может выражать целую гамму значений и оттенков значений, от обозначения признака до обозначения простого глагольного действия [24].

1) Наибольший интерес представляет проблема значения именного сказуемого, выраженного причастием страдательного залога прошедшего времени, так как и в древних и в современных

[24] Это свойство причастия отмечалось рядом исследователей; ср., например: Е. А. Нелисов. К истории составного сказуемого с присвязочной частью, выраженной причастием (на материале памятников письма XVI—XVII вв.). «Филол. сборник», вып. III. Алма-Ата, 1964, стр. 92.

восточнославянских языках именное сказуемое данного типа относится к живым, развивающимся категориям.

В памятниках древнерусского языка глагольное сказуемое в прошедшем времени выражается и простыми (аорист, имперфект) и сложными (перфект, плюсквамперфект) формами глагола. Составное именное сказуемое, выраженное причастием страдательного залога, было единственной формой выражения страдательности (за исключением редко употреблявшихся возвратных глаголов). Поэтому именное сказуемое, выраженное причастием страдательного залога прошедшего времени, использовалось для выражения разнообразных значений, свойственных простым и сложным прошедшим временам глагола в действительном залоге. Эти значения сохраняются и позже, когда происходит перегруппировка значений глаголов в форме прошедшего времени действительного залога и исчезновение простых прошедших времен.

Именное сказуемое, в состав которого входит причастие на *-н*, *-т* и связка в настоящем времени, имело преимущественно перфектное значение, выражая состояние предмета, существующее в настоящий момент и представляющее собой результат действия, совершенного в прошлом. Это значение характерно в равной степени как для древнерусского, так и для старых восточнославянских языков (старорусского, староукраинского, старобелорусского).

Др.-рус.: сѧ грамота ѥсть *выдана*. на гоцкомь березѣ. предъ рускымь посломь. и предъ всеми латинскими купци (Смол. гр. 1229 г., сп. С); и ныне мы сѧ вамъ молимъ всемъ ср҃дчмъ. кнѧжо как то *есть* миръ *доконцанъ*. и кр҃тъ челованъ. на старыи миръ (Гр. рижан к кн. Мих. Конст., ок. 1300 г., Срезн. Др. пам. 1-е, с. 241); ѿкоудоу си соуть хлѣби. онъ же ѿвѣщева. ꙗко вьчера *принесени соуть* (Ж. Феод. Печ., л. 51г — 52а); и о ст҃ѣ борисѣ повѣдаша ѥмоу. ꙗко вышегородѣ *положенъ ѥсть* (Сказ. о Б. и Г., л. 16б); и се нынѣ *оуꙗзвенъ ѥсмь* ѿ рабъ оц҃а своѥго (Чт. Б. и Г., с. 22); а нифонтъ тако мълвлѧше. не достоинѣ ѥсть сталъ оже не *бл҃гнъ ѥсть* ѿ великаго сбора. ни *ставленъ* (I Новг. л., л. 26); и почаша прошати Кузмище кдѣ *есть оубитъ* гн҃ъ (Ипат. л., л. 208 об.). Ст.-рус.: *изгнан есмь* от бояр, самоволства их ради (Моск. гр. 1572 г. — Дух. Дог. гр., № 104); а шепотники и клеветники ѿ народа *проклѧти сѫть* (Домострой, с. 78); облыгание же ихъ и зрады всемъ *явлено есть* во всеи вселеннеи (Письма Ив. IV, л. 67); Предъ Сенатомъ твои мечь *обретенъ есть* (Письма Курб., с. 145); Зри, слыша[те]лю, и поплачи, како то *есть* водное естество *устроено* (Аввакум. Письма, 266); *Послани есмя* къ тебѣ, великому государю! (Пов. Кат.-Рост., с. 603); ихъ же имена *суть написана*

въ книгахъ животныхъ (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 717); Книжица сія по а^{з}бꙋцѣ *есть положена* (Пословицы XVII в., л. 321); Беззакония *еси исполнен*, дурости *совершен*, во вся страны дурость твоя, корчма, с неправдою славится (Сатиры о пьянстве, с. 81). Ст.-бел.: А на свѣдѣтьство сего листа, печять нашя *есть привѣшена* (Вил. гр. 1457 г., АЗР, т. I, № 61); о томъ наука достаточная на писме *естъ дана* (Вил. гр. 1563 г., РИБ, т. XXX, кн. 7, № 60); бо чрезъ выступ отца их власного вже они *сут отдалены* от именя их (Лит. ст. 1529 г., с. 3); и ѿ того часу кнз(с)тво Мазове(ц)кое *е(ст) прылучоно* до коруны Польское (Лет. Рачин., л. 285); ѿповеде$^{\wedge}$ тотъ которыи *оуздоровле$^{\wedge}$ есть* соубота была албо ста$\overline{\text{и}}$ дн$\overline{\text{и}}$на была коли *оуздоровленъ есмь* (Страсти Христовы, л. 20 об.); И рече ему старец: Велми *збит есми* в тои битве и не вемъ, буду ли жывъ (Ист. о Гвид., с. 143); а по рыцэрству мꙗ многие знают, бо *есми поставленъ* недавно рыцэромъ (Пов. о витязях, с. 45—46); живо^{т} мой великими болестьми *есть дрꙋчонъ* (Александрия, с. 28). Ст.-укр.: и на свѣдомость се$^{\wedge}$ нше$^{\wedge}$ листа печꙗти нашѣ *соу$^{\wedge}$ привѣшены* (Снят. гр. 1454 г., Укр. гр., № 87); ꙗкож таꙗ жалоба его ширей *есть* на листе господарском ѡписана (Луцк. гр. 1542 г., Arch. Sang., т. IV, № 264); под Корсуном городом попали обадва в неволю і войско все іх квартянное до щадку *ест розбито* (Укр. гр. 1648 г., Вос. Укр. с Рос., т. II, № 12); ижъ *розвязанъ естъ* сатана отъ темници своеи на зведенье і ошуканье народовъ (Ист. о Флор. соборе, с. 458); прочии ж вси отпали в прелест, заблудили и в ад адовыми враты *затворени сут* (Виш. Книжка, с. 8); Петрови церковъ *есть злецена*, а Павелъ на то отъ Бога *обранъ естъ* (Палин. Копыст., с. 442); И за тоѥ зараз *стручен єсмь* из неба (Слово о збур. пекла).

Как показывают приведенные примеры, именное сказуемое, выраженное причастием страдательного залога прошедшего времени и связкой в форме настоящего времени, повсюду имеет только перфектное значение.

Более разнообразно по значению именное сказуемое, выраженное страдательным причастием прошедшего времени в сочетании со связкой в прошедшем времени. В исследованиях обычно отмечается, что данное сказуемое обозначает состояние предмета, существующее в прошлом и представляющее собой результат действия, законченного до определенного момента в прошлом (плюсквамперфектное значение). Это значение, действительно, характерно для памятников всех восточнославянских языков.

Др.-рус.: нъ бм̄ъ диꙗволъ *попранъ бы$^{\wedge}$*. и с̄тою софиѥю. крт̄ъ *възвеличꙗнъ бы$^{\wedge}$* (I Новг. л., л. 91); тогда же і данилъко писцевъ *оубьенъ бы$^{\wedge}$* на рли ѡ своего холопа (I Новг. л., л. 160 об.); Князь Ингварь Ингоревич поиде, где *побьени быша* братья его от нечестиваго царя Батыя (Пов. о раз. Рязани,

с. 15). Ст.-рус.: *Посланъ былъ* я, холопъ вашъ, на вашу царьскую службу (Рус. гр. 1614 г., АИ, т. III, № 264); А весь наряд *был прикован* на чепях, бояся того чтоб мы на выласках, вышед, у них того снаряду не отбили и в город бы не взяли (Пов. об азов. взятии, с. 60); и пошелъ изъ трапезы къ себѣ въ палату, гдѣ *отведена была* мнѣ особная (Пут. Гогары, с. 114). Ст.-бел.: А *писана бысть* сия грамота въ Полоцку (Полоцк. гр. 1409 г. 26 авг., РЛА, № 172); по котором року ѡбран *был* Атыла королемъ року двадцать ѡсмого (Ист. о Атыле, с. 222—223); на нем *была написана* ѡдна пани (Пов. о витязях, с. 59). Ст.-укр.: Бъ бо не далъ ми своих родити за мои грѣхы. но си ми *бы* аки ѿ своее кнагинѣ *рожена* (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 298 об.); егда убо бѣ обзираемо оное тѣло по посѣченых язвах сих, и убо язвы *бяху исцѣлены* и позарасли (Виш. Книжка, с. 128); якобы на камени, *уфундована* церковь *была* (Палин. Копыст., с. 407—408).

Иногда состояние предмета, возникшее в результате действия, воспринимается как статичное качество, постоянный признак предмета. В следующих примерах это значение подтверждается однородными сказуемыми, выраженными прилагательным и причастием: ѡдежа же его *бѣ хоуда* и *сплатана* (Ж. Феод. Печ., л. 27д—28а); *бѣ* бо кнѧзь *добръ*. и *крѣпокъ* на рати. и моужьствомъ крѣпкомъ показаѥсѧ. и всѧкими добродѣтелми *наполненъ* (Ипат. л., л. 227 об.).

Не менее распространенным значением данного типа именного сказуемого (прич. на *-н*, *-т* + связка *былъ*) является обозначение действия, длительного и недлительного, или состояния, имевшего место в прошлом; причем не подчеркивается результат этого действия или важность данного состояния для последующего момента, а лишь констатируется факт существования этого действия или состояния в прошлом. В этом случае именное сказуемое имеет аористное значение, отличаясь от глагольного сказуемого, выраженного аористом, только залогом [25].

Примеры из древнерусских памятников [26]: онъ же и о томь не *поскърьбѣнъ бѣ* радоуѥсѧ о пороугании своѥмь. и о оукоризнѣ. и вельми веселѧсѧ ба о томь *прославлѧше* (Ж. Феод. Печ., л. 61а—б); и ꙗко *бысть оураненъ* и *искочи* и шатьра въ оторопѣ (Сказ. о Б. и Г., л. 11г—12а); Оувы мнѣ, не повиненъ сы, *поруганъ бы*, и на крътѣ смрти *вкуси* (К. Тур., с. 25—26);

---

[25] См.: П. С. Кузнецов. Из истории сказуемостного употребления страдательных причастий в русском языке. «Докл. и сообщ. филол. фак-та МГУ», вып. 6, 1948, стр. 38.

[26] Для большей наглядности в приводимых здесь примерах выделяются и глагольные сказуемые.

Въ лѣ ·г·х·пѳ· мца июля. въ ·г·*зажьжена бы* цркы ѿ грома варазьскаѧ. на търговищи. по вечернии въ ча ·і· дни. и цркы *съгоре* стго ѿ ишькова (I Новг. л., л. 44); В се же лѣ. *престависѧ* Изѧславъ Стополъчичь. мца. дека. въ·гі·днь·а погребенъ *бы*. въ ·кд· днь (Лавр. л., л. 99—99 об.); и тоу *престависѧ* мца априля. во ·иі·днь и *положенъ бы* во цркви стго Михаила (Ипат. л., л. 227—227 об.).

В приведенных выше случаях сказуемые, выраженные аористом или имперфектом, с одной стороны, и причастием на *-н*, *-т*, с другой, однородны, чем подчеркивается близость в их значении. В следующих примерах причастное сказуемое находится рядом с глагольными сказуемыми в форме аориста или имперфекта. Хотя данные сказуемые и не являются однородными, их контекстуальная близость также говорит о близости значений. Например: Сим бо тѣломь глава адова *скрушена бы*, и жало его *притуписѧ* (К. Тур., л. 12—13); Ѥгда бо се тѣло въ гробѣ *положено бы*, тогда мѣдана врата *сломишасѧ*, и верѣа желѣзныа *скрушишасѧ* (К. Тур., л. 13); и *пожѫженъ бы* гра. и цркви неказьны лѣпотою. имъ же не можемъ числа съповѣдати. и стоѥ софиѥ притворъ *погорѣ* (I Новг. л., л. 66—66 об.); *Приведена бы* дщи Всеволожа в Лахы. в то же лѣто *поставиша* еппа Переѧславли. именемъ Еоуфимыа (Ипат. л., л. 114); Том же лѣ *до (с) кончана бы* цркви стыа Бца Володимири камѧнаа. блговѣрънымъ бо люби вым кнѧземъ Андрѣемъ. и оукраси ю дивно (Ипат. л., л. 183); на передѣ емоу снъ Володимѣрь и дроугии полкъ Ярославль. иже *бѫхоу*. с Ольстиномъ Кооуеве. а третии полкъ на переди же стрѣлци. иже бѫхоуть ѿт всихъ кнѧзии *выведени* (Ипат. л., л. 223 об.); Того же лѣ. оускочи Володимерь Ярославичь. изъ оугоръ. из вежѣ каменое. тоу бо *держашеть* и король и с попадьею его. и с двѣма дѣтатема. *поставленъ* бо *бѣ* емоу шатеръ на вежи. ѡнъ же изрѣзавъ шатеръ. и сви собѣ оужище. и свѣсисѧ ѿтоудоу доловь (Ипат. л., л. 231).

То же значение действия или состояния, находящегося в ряду других одновременно существующих или последовательно сменяющихся действий или состояний, мы наблюдаем и в более поздних памятниках — старорусских, старобелорусских и старо-украинских.

Ст.-рус.: прииде жених, и готовыя внидоша с ним на браки и *затворени быша* двери (Моск. гр. 1572 г., Дух. дог. гр., № 104); не ранами, ниже кровными капли, но многими поты и трудовъ множествомъ отъ васъ *отягченъ быхъ* безлѣпотно, яко

же по премногу отъ васъ отяготихомся паче силы! (Письма Ив. IV, л. 171 об.); И в полунощи привезли сани ко двору моему, ломилися в избу, хотя меня взять и в воду свести. И божиим страхом *отгнани быша* и побегоша вспять (Аввакум. Житие, с. 68); В избе в углу *прикован был* к стене, понеже в нем был суров и жесток гораздо, бился и дрался, и не могли с ним домочадцы ладить (Аввакум. Житие, с. 114); *Похищен бысть* сатаною, *пленен бысть* варвары, *отведен бысть* в чюжую землю и тамо многая озлобления много претерпе от врагов благочестия (Аввакум. Письма, с. 294); И прилѣпися къ нему все казацкое воинство, и поидоша на Сѣверскые грады, до града Путимля, и тамо *пріятъ бысть* тамо жителствующими людми; и предашася ему Сѣверскыя грады въ руцѣ и *ради* ему *быша* (Пов. Кат.-Рост., с. 584); и Божіею милостію *спасенъ бысть* отъ злаго еретика отъ Гришки Отрепьева. и много ему пакости сотвориша изъ града (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 725); И извлеча его злосмрадный трупъ изъ града на площадь среди народу, и тутъ *бысть поруганъ* 4 дни (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 750). Ст.-бел.: тои (ж) зимы престависѧ пресщенныи Фегность митрополить и *положень бы(с)* на Москвѣ во цркви стыѧ Бци во предѣлѣ (Лет. Акад., 149 об. —150); Того же лѣта Бердебѣкь црь оумре а Кѫлпа сѣдь на цр(с)тво и цр(с)твова ·s· мцъ и *оубиень бысть* ѿ црѧ Наврось (Лет. Акад., л. 151 об.); Придалосе же се ѡмываⁱ во ѡноⁱ рецѣ, потоᵐ голова его *была* ѡбтяжона великою болеᵉᵀю, же тежъ и зимницею *быᵡ дрѫчоᵛ* (Александрия, с. 55). Ст.-укр.: И кгды до Смоленска пріехалъ, *пойманъ былъ* и до везенʼя *всажонъ* (Ист. о Флор. соборе, с. 468); ѠтоуДа же Тевтивилъ. иде с полономъ Даниловымъ в Ригоу. и приша Рижани с великою чтью. *крщнъ бы* (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 274); ѡнѣм же болма возыѕрившимсѧ на нь і *оубьенъ бы.* и срце его вырѣзаща. и не оуспѣвше ничто оу Кремѧнца. и възвратишасѧ во страны своѧ (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 277); и скрыня завѣта *взята была* и *занесена* до чужей земли, ино и тамъ свою крѣпость показала (Переторога, с. 224); Ад *плѣнен бист*, Адам призва ся, Клятва потреби ся, Ѥва свободи ся, смерть умертви ся (Слово о збур. пекла).

Характерно, что рассматриваемое сказуемое может не только не выражать плюсквамперфектного значения, но и обозначать прошлое действие, которое произошло позже другого действия. Например: Въ то лѣ. престависѧ илиѧ арьхиепъ новъгородьскыи. мцѧ септѧ. въ·ѕ·днь. и *положенъ бы* въ притворе стыѧ софиѧ (I Новг. л., л. 46 об. — 47); Родисѧ Ꙗрославу снъ. и *наренъ[ъ] бы* въ стмь крщнии. Василии (Лавр. л., л. 164 об.); Придалосе же се ѡмываⁱ во ѡноⁱ рецѣ, потоᵐ голова его *была*

ѡбтлажона великою болестью, же тежъ и зимницею бы дрѹчо (Александрия, с. 55); Отоуда же Тевтивилъ. иде с полономъ Даниловымъ в Ригоу. и приша Рижани с великою чтью. и *крщнъ бы* (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 274).

Сказуемое, выраженное причастием страдательного залога прошедшего времени без связки, в памятниках древнерусского языка чаще всего совпадает по значению со сказуемым, выраженным страдательным причастием прошедшего времени со связкой настоящего времени, т. е. обозначает состояние предмета, существующее в настоящий момент и возникшее в результате действия, произведенного в прошлом. Например: аже кто познаєть своє что боудеть погоубилъ. или *оукрадено* оу него что. или конь. или портъ. или скотина. то не рьци се моє. нъ поиди на сводъ кдѣ єси взалъ (Рус. пр. 1282 г., л. 618а); Правда *оуставлена* роуською земли, егда сѧ съвокоупилъ Изаславъ, Всеволодъ, Сватославъ, Коснячко ... (Рус. пр. по Акад. сп. XV в., с. 71); а богат красенъ и не смыслить, то аки паволочито изголовіе соломы *наткано* (Сл. Дан. Зат., л. 281 об.); благо хотѣние твоє чадо и помыслъ *испълненъ* блгодати (Ж. Феод. Печ., л. 33г); не ходи брате оць ти оумьрлъ. а братъ ти *оубиенъ* о стопълка (Сказ. о Б. и Г., л. 13б); медоу мало *варено* а дроужины много (I Новг. л., л. 1); и *нарено* имѧ еи Феѡдора (Лавр. л., л. 172); тогда же Изаславу приде вѣсть къ Киеву ѡже снъ его *побѣженъ* а Оугре *избити* (Ипат. л., л. 159 об.); Черна земля под копыты, костьми татарскими поля *населяны*, а кровью *полиано* (Сл. о Кулик. битве, л. 37).

Это значение рассматриваемого причастного сказуемого широко распространено и в более поздних восточнославянских памятниках.

Ст.-рус.: А *дана* грамота оу Трци в Сергѣевѣ манастыри, в лѣ[т] 6948 ... се[м]бря (Моск. гр. 1439 г., АЮБ, т. 1, № 31 (V); А наймитъ у государя не дослужитъ уроку своего, да пойдетъ прочь, и онъ найму *лишенъ* (Суд. Ив. IV, с. 252); Замля ваша пуста, гради ваши огнемъ *созжени*, страны ваши предъ вами чужіе поядаютъ (Письма Ив. IV, л. 138 об. — 139); Ввели-де меня в нея; ано — де стоят столы, и на них *послано* бело, и блюда с брашнами стоят (Аввакум. Житие, с. 118); По конец-де стола древо кудряво повевает и красотами разными *украшено* (Аввакум. Житие, с. 118); аще и *отдален* от вас, но с вами горю купно о Христе Исусе, господе нашем (Аввакум. Письма, с. 224); Все наши поля чистые орды нагайскими *изнасеяны* (Повести об азов. взятии, с. 61); Ст.-бел.: А што люди наши головами въ полонъ *побраны* тыхъ бы єси велѣлъ поотпускати (Западнорус. гр. 1456 г., АЗР, т. 1, № 58); «ожогшися на молоцѣ, *велѣно* на воду дуть» (Вестов. отписки

Кмиты, 1573—1574 гг.,); и твои ѡтец *поиман* и Маркобрунъ, которыи та хотѣлъ понати, а ты стоишъ у конюшни а молодцы цалуеш (Ист. о Гвид., с. 141); Ты вже *помщон* и можешъ ехати до короля и мов (Пов. о витязях, с. 49); *Благословени* тые, которые тот ѡбычаи постановили! (Пов. о витязях, с. 55). Ст.-укр.: мѣсто же то красно вѣдѣниемь. и *оустроено* различными хоромы (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 300 об.); *Раз'сыпана, разсыпана* радость сердца ея, *погашена* пѣснь ея, *злуплена* корона з' головы ея! (Отв. клир. Острож., с. 405); Был еси в том схованю, где жизнь человѣческаа *розмѣрена*? (Виш. Книжка, с. 20); Не очи ли, слух, вкус, ноздри, руки, ногы в том же порядку *розсажены*, што и убогого? (Виш. Книжка, с. 42).

Особый интерес представляют случаи употребления сказуемого с причастием на *-н*, *-т* без связки в значении, совпадающем со значением сказуемого с причастием на *-н*, *-т* и связкой прошедшего времени (обозначение действия, целиком отнесенного в прошлое) [27]. Распространение этого значения в восточнославянских языках претерпело значительные изменения. В памятниках древнерусского языка случаи смешения по значению двух типов причастного сказуемого на *-н*, *-т* со связкой прошедшего времени и без связки редки. После XVI в. в памятниках восточнославянской письменности употребление сказуемого на *-н*, *-т* без связки в аористном значении несколько учащается, особенно в старобелорусских и староукраинских памятниках. П. С. Кузнецов отмечает, что в XVIII—XIX вв. в русском литературном языке бессвязочное сказуемое на *-н*, *-т* в аористном значении получило очень широкое распространение и употреблялось даже чаще, чем сказуемое-причастие на *-н*, *-т* со связкой прошедшего времени. Это явление П. С. Кузнецов объясняет латинским влиянием [28].

Приведем примеры бессвязочного сказуемого, выраженного причастием на *-н*, *-т* в аористном или, реже, имперфектном значении, из восточнославянских памятников.

Др.-рус.: і люди многы града того. овы побиша. а дроугы изъимаша живы. а инии огнемь *пожжени* (I Новг. лет., л. 139—

---

[27] См. также об аористном значении бессвязочного сказуемого, выраженного причастием на *-н*, *-т*: А. С. Феоктистова. К истории составного сказуемого с присвязочной частью, выраженной причастием страдательного залога прошедшего времени (на материале новгородских памятников письменности XII—XVI вв.). — В кн.: «Исследования по лексикологии и грамматике русского языка». М., 1961, стр. 202, 204; G. Bálázs. Časový význam predikačně použitých krátkých tvarov príčastí minulých trpných v ruštine. «Československá Rusistika», № 2, 1959, стр. 69.

[28] См.: П. С. Кузнецов. К вопросу о сказуемостном употреблении страдательных причастий в русском литературном языке XVIII—нач. XIX в. «Труды Ин-та русского языка АН СССР», т. II, 1950. — В современном русском литературном языке для обозначения действия, целиком отнесенного в прошлое, употребляется только сказуемое со связкой прошедшего времени.

139 об.); А дружины много. *избьено*. и вбѣгоша в городъ и затворишасѧ. а ѡни възвратишасѧ со многы полоно в вежѣ (Лавр. л., л. 135). Ст.-р у с.: И образцы свидѣтельствуютъ, что многія монархи земли королевства и городы беспрестанно ратнымъ строемъ *осилѣны* и *содержаны* (Уч. и хитр. ратн. строения, с. 36); како мы жихомъ вѣкъ никто же изыдѣ ѿ домъ нашего тощь или скорбенъ по силе, всѧ потребнаѧ всѧ комъ человѣкъ бга ради *давано*, и скорбново словомъ *ползовано* (Домострой, с. 64); Ибо не былъ онъ въ то время градъ, егды законы въ немъ ничесо же возмогали; егды суды *попраны*; егда обычаи отеческій загашенъ былъ (Письма Курб., с. 143); А иногда отъ папъ вашихъ порготорья проповѣдана; а иногда бороды и усы побриша; а нынѣ во слѣдъ неосвященого Лютора поидоша (Письма Курб., с. 368); запасу небольшое место осталось, а первой *разграблен* весь: и книги и одежда иная отнята была, а иное осталось (Аввакум. Житие, с. 73); Посем молил пречистую богоматерь, и *показаны* ему оба языки, московской и здешней, на воздухе (Аввакум. Житие, с. 107); тамо же и *облеченъ* во мнишескій образъ; по смерти же царя Бориса возведенъ бысть на святительскій престолъ во градѣ Ростовѣ (Пов. Кат.-Рост., с. 619); *Убито* у нас под стѣною Азова города на том 1-ом приступе в тот 1-ый день турок 6 голов языческих (Пов. об азов. взятии, с. 72); понеже бо слышах отъ нѣкихъ людей, что тотъ Мнишекъ Юшко былъ в Риму Латынскій мнихъ, и сверже съ себя мнишескій образъ и бысть бѣлецъ, и воеводою *поставленъ* во своей отчинѣ, яко же и Гришка Отрепьевъ (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 722). Ст.-б е л.: которы(и) же Влодисла(в) бы(л) короле(м) Польски(м) и ѵге(р)скимъ и ѳо(р)тунъне с Ту(р)ками вальчы(л) много кроть ихъ побива(л) а потомъ самъ з во(и)скомъ Польски(м) и ѵгэрскимъ по(д) Ва(р)ною ѿ Ту(р)ковъ *поражо(н)* и *забитъ*, лета Божого наро(ж) ≠ а ѵ м д (Лет. Рачин., с. 273); да маріа лежала оу домоу ѥнове. бо велікою болестію и залостію *оудрѵчена* ногами ходити не могла. и плакала лежачи чере де и чере но (Страсти Христовы, л. 15 об.); также заразомъ, на той же годинѣ, пріѣхали подданые господарскіе зъ Смоленска, мѣщане Оршанскіе, и привели съ собою полоненика, который *взятъ* въ полонъ въ службѣ жолнерской въ Инфлянтѣхъ (Вестов. отписки Кмиты, 1573—1574 гг.); възвеселих'ся о томъ, што ми *мовлено* (Отв. клир. Острож., с. 411); вѣдаи тое иж у малых днехъ не ѡстанеть тут падь земли штобы *не сказжона* (Пов. о витязях, с. 19). Ст.-у к р.: Шестьдесятого теды дня отъ облеженя, Цар'городъ *взятъ* (Ист. о Флор. соборе, с. 467); Левъ кнѧзь сочте колко погибло воѣ его землѣ людии што *поимано*. *избито* и што ихъ Бжиею волею изъмерло. полъ трѣтьи. надесѧть. тысѧчѣ (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 296 об.—297); А коли от того веселя и триумфу радости мирское *порван*, тогды

зараз во адѣ ся знашол, тогды зараз во огнь ввержен был (Виш. Книжка, с. 34); гдѣ старшій архіерей Илій, якъ Дагонъ, спадши съ престола шію зломалъ, а Офни и Финій, законопреступныи его сынове, единого дня *побиты* (Пересторога, с. 224); Двадъцать четвертого дня месяца сенътебра *дороблен* Ерусолим, сталася реч добра (Хронология Рымши, 1581).

В приведенных выше примерах сказуемое обозначает действие, не связанное с настоящим моментом и целиком отнесенное в прошлое. Во многих примерах это значение причастного сказуемого подтверждается контекстуальным окружением его глагольными сказуемыми в прошедшем времени. На отнесение действия в прошлое указывают также слова, обозначающие время совершения действия: *иногда*, *на той же годинѣ*, *месяца сенътебра* и т. п.

Приведенные здесь примеры подтверждают существование в восточнославянских языках уже с XV в. тенденции к употреблению причастного сказуемого в аористном значении, что благоприятствовало проявившемуся позже (в XVIII—XIX вв.). иноязычному влиянию.

Именное сказуемое, выраженное причастием на *-н*, *-т* и связкой в будущем времени, обозначает действие в будущем или состояние предмета, которое будет получено в результате действия в будущем. Значение данного типа сказуемого остается неизменным в восточнославянских памятниках на протяжении всего рассматриваемого периода.

Др.-рус.: и да *блгословлена боудоу* и азъ ѡ тебе (Ж. Феод. Печ., л. 32а); просящему у тебе даи, толкущему отверзи, да *не лишенъ будеши* царствія небеснаго (Сл. Дан. Зат., л. 279 об.); тоу и азъ *съподобленъ... боудоу...* съконьчати животъ свои (Сказ. о Б. и Г., л. 11г); а его же. прокленуть чловци и *будеть проклѧть* (Ипат. л., л. 198). Ст.-рус.: егда *званъ бꙋдеши* кимъ на бракъ не сѣди на преднемъ мѣсте (Домострой, с. 9); а не веруяй *осужден будет* и во веки погибнет (Аввакум. Житие, с. 59); и как хмель силу возмет, *пропита будет* и однорядка (Сатиры о пьянстве, с. 87); Прикормилъ [сиг]омъ а *не оᵀбиᵀ будеᵀ* и киᵇпичомъ (Пословицы XVII в., л. 365 об). Ст.-бел.: Которое братьи рожоной *будет* отца *забито*, яко мают головщины искати (Лит. ст. 1529 г., заголовок, 59); кто оувѣри᷍ а ѡхриститьца *спасе᷍ боуде᷍*. а кто не оувѣри᷍ *потоупле᷍ боуде᷍* (Страсти Христовы, л. 35 об.); И король рекъ: Тот суд вашъ *не будеть рушон* (Пов. о витязях, с. 12); а дла того неха' *будꙋᵀ ꙁмоцнены* сеᵇрдъца ваши (Александрия, с. 57). Ст.-укр.: Бъ заради оуста твоѥ. и *не слышано боудеть* слово твое (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 271); Сих проклятых владык никакож не приймуйте и молѣтеся, да *отгнани будут* (Виш. Книжка, с. 24); Штоколвекъ звяшешъ на земли, *будетъ звязано* на небѣ (Палин. Копыст., с. 401).

Значение сказуемого, выраженного причастием страдательного залога настоящего времени с суффиксом *-м-*, в памятниках восточнославянских языков, по-видимому, ничем не отличалось от его значения в современных языках. Это сказуемое дает представление о состоянии субъекта, возникшем в результате испытываемого этим субъектом длительного, незавершенного действия. Если состояние предмета, выраженное составным сказуемым с причастием страдательного залога прошедшего времени, возникает как следствие испытанного этим предметом действия и существует и после окончания этого действия, то состояние предмета, выраженное составным сказуемым с причастием страдательного залога настоящего времени, возникает и существует в большинстве случаев одновременно с вызывающим это состояние действием. Например [29]:

Др.-рус.: многашьды же и *биємі соуть* ѿ приставьникъ. и тако же вьсѧ слоужьба ихъ съ грѣхъмь сътвардѥтьсѧ (Ж. Феод. Печ., л. 48—49а); призьри съ высоты стыѩ твоѥѩ вижь болѣзнь срдца моѥго юже прихъ ѿ сродьника моѥго. ꙗко тебе ради *оумьрщвлѥмь* ѥсмь вь сь днь (Сказ. о Б. и Г., л. 12б); бѣси ѿ члвкъ ѿ*гоними бываху* млтвми стхъ аплъ (Чт. Б. и Г., л. 4); И тъ *не видимъ бы* ѿ нею (К. Тур., с. 17); видѣв же Ꙗрославъ ꙗко *побѣжаемъ есть*. побѣже съ Ꙗкуномъ кнѧземь Варѧжьскы (Лавр. л., л. 50 об.). Ст.-рус.: ѿ члкъ *хвалима есть* жена добра, и страдолюбива и молчалива (Домострой, с. 18); и сие во церкви святои убиистьво его всѣмъ *вѣдомо* (Письма Ив. IV, л. 61); въ неиже вси законопреступницы со діяволомъ *мучими будуть* (Письма Курб., с. 376); и умертвят от вас, и *будите ненавидими* всеми имени моего ради (Аввакум. Письма, с. 222); Въ тужъ церковь *введена бысть* Пречистыя Богородица, трію лѣтъ суща, *хранима бысть* и *питаема* отъ руки Ангеловы до 12 лѣтъ (Пут. моск. купцов, с. 143); Азъ же, Василий, прощеніе у митрополита просилъ въ томъ, что невѣрованіемъ *одержимъ бысть* (Пут. Гогары, с. 120); Егда же ко злой смерти *влекоми будут*, тогда воспомянут родители своя и наказание их (Сатиры о пьянстве, с. 92). Ст.-бел. и ст.-укр.: оучнкъ же тотъ *бы знаємъ* аннѣ (Страсти Христовы, л. 7); ижъ велможно^{ст} ваша *не есть* ему запевне *знаема* (Александрия, с. 44); Але однакъ то *вѣдаемо* и *слыхаемо*, ижъ Кандійскіе Грекове зневолены есть отъ Влоховъ (Отв. клир. Острож., с. 408); И такъ мужаются и укрѣпляются, посредѣ волковъ *невредимы суть* (Переспорога, с. 215); И въ томъ гоненіи чимъ большъ *гонимы* и преследованы *были*, тымъ большъ моцъ (Переспорога, с. 215).

Значения составных сказуемых с причастиями страдательного залога настоящего и прошедшего времени не всегда четко раз-

[29] См. также примеры на стр. 28—29.

граничивались. Это хорошо видно в случаях параллельного употребления сказуемых, выраженных обоими типами страдательных причастий. Например: да и мы ѥго ради съмѣримъсѧ цакы же *пороуганъ бысть* и ѡпльванъ и *заоушаѥмъ*. и вьсѧ претьрпѣвъ нашего ради спсенига (Ж. Феод. Печ., л. 29в); *любимъ* бо бѣ преже Володимеромъ. *чтенъ* же ѿо Мьстислава и ѿо всихъ людеи (Ипат. л., л. 108 об.) а самъ чи долго поживе но и здѣ живота *лишенъ* а ѡнамо *моучимъ есть* вѣчно (Ипат. л., л. 113); пути имъ *вѣдоми*, яругы имъ *знаеми*, луци у нихъ *напряжени*, тули *отворени*, сабли *изъострени* (Сл. о плк. Иг., с. 8).

Можно предположить, что при таком сближении страдательных причастий настоящего и прошедшего времени сами причастия обозначают более или менее статичный признак, а в некоторых случаях намечается и адъективация причастий.

Составное сказуемое с именной частью, выраженной причастием действительного залога настоящего времени, обозначает признак субъекта, состоящий в длительном, постоянном действии: и вижь что створити хотать рабу твоѥму борису а моѥму брату ты бо ѥсѫ *свѣдыи* всѧ (Чт. Б. и Г., л. 14); и плакашасѧ по немь вси Переѧславци. *бѣ* бо *любѧ* дроужиноу. и злата не сбирашеть. имѣнига не щадѧшеть. но даѧшеть дроужинѣ. *бѣ* бо кнѧзь добръ. и крѣпокъ на рати. и моужьствомъ крѣпкомъ *показаюсѧ*. и всѧкими добродѣтелми наполненъ. ѡ нем же Оукраина много постона. (Ипат. л., л. 227 об.).

Составное сказуемое с причастием действительного залога прошедшего времени в именной части не имеет какого-либо единого, определенного значения. Оно представляет собой исчезающее явление и, совпадая по значению с другими формами, вытесняется ими из употребления. В некоторых случаях оно имеет значение второстепенного сказуемого. Например: къ колываню ѥсте *ходивъше* серебро поимали. а сами поидосте в новъгородъ. (I Новг. л., л. 105); Нестеръ злѣ рѣчи, на Мьстислава къ Дв҃дови лжюча занеже *бѧше* Мьстиславъ ѡзлобивъ ѥ. ѿпустилъ ѿ себе (Ипат. л., л. 193—193 об.).

Данное сказуемое также может обозначать состояние предмета, полученное в результате такого действия самого предмета, которое завершено к моменту речи и имеет значение для этого момента: аще ли *покаѧвшесѧ будемъ*. в немже ны Бъ҃ велить жити. (Лавр. л., л. 56 об.); тоу наѣхаша пещероу непроходноу. в неі же *бѧше* множьство чюди *влѣзше*. бѧше нѣлзѣ іхъ взѧти (I Новг. л., л. 144—144 об.); се же все ѩко же во снѣ видѣвше. бѣ бо самъ *падъ* и лежаще в дому иде же бѣ пиръ (Чт. Б. и Г., л. 47).

В последних двух примерах составное сказуемое совпадает по значению со сказуемым — причастием на *-л*[30].

[30] Ср. определение значения сказуемого на *-лъ*, данное Е. С. Истриной («Синтаксические явления Синодального списка I-й Новгородской летописи», стр. 115).

* * *

Итак, именное сказуемое претерпело на протяжении XI—XVII вв. некоторые изменения в своей структуре и в меньшей степени в значении. Историческое развитие именного сказуемого в разных восточнославянских языках часто бывает неоднородным или происходит с разной степенью интенсивности.

1. Изменения касаются употребляемости связки в настоящем времени. Эти изменения почти не затрагивают деловой письменности, в которой сказуемое чаще употребляется без связки независимо от периода и территориальной принадлежности. В повествовательной литературе наблюдаются две противоположные тенденции: а) распространение бессвязочных конструкций в старорусских памятниках по сравнению с древнерусскими памятниками, где употребление сказуемых со связкой и без связки примерно одинаково; б) рост числа связочных конструкций в старобелорусском и староукраинском языках, причем тенденция к увеличению употребительности связки в староукраинском языке выражена значительно сильнее, чем в старобелорусском.

Во всех восточнославянских языках наблюдаются и общие черты в употреблении связки. Так, в определенно-личных предложениях по всем восточнославянским языкам связка употребляется гораздо чаще, чем в 3-м лице; при именной части, выраженной существительным, связка обычно употребляется чаще, чем при именной части, выраженной прилагательным или причастием.

2. С различной степенью интенсивности происходит в восточнославянских языках распространение творительного предикативного. Этот процесс наиболее интенсивно протекает в староукраинском языке.

В сказуемом с именной частью, выраженной существительным, единичные случаи употребления творительного предикативного встречаются уже в древнерусских памятниках; после XIV в. употребление творительного предикативного на месте именительного возрастает, особенно в староукраинских и, в меньшей степени, в старобелорусских памятниках. Единичные случаи творительного предикативного в сказуемом, выраженном причастием, отмечены лишь в староукраинских памятниках. Распространению творительного предикативного в именном сказуемом сопутствует закрепление за этой формой особого значения: называния предмета по временному, непостоянному признаку.

3. В древнерусских и старорусских памятниках прилагательное в качестве сказуемого употребляется преимущественно в краткой форме. В старорусских и старобелорусских памятниках полная форма прилагательного в этой функции употребляется чаще, чем в старорусских памятниках, но все же реже, чем краткая. Во всех восточнославянских памятниках краткая форма

прилагательного в данной синтаксической функции имеет значение как постоянного, так и переменного признака.

Полная форма прилагательного в древнерусских и старорусских памятниках однозначна, т. е. употребляется для обозначения постоянного признака. В староукраинских и старобелорусских памятниках, по-видимому, в связи с более широким ее распространением, полная форма прилагательных имеет значение не только постоянного, но и переменного признака.

4. Значительные изменения за указанный период произошли и в именном сказуемом, выраженном причастием.

В древнерусских памятниках в роли именной части сказуемого употребляются причастия как страдательного, так и действительного залога, хотя последние встречаются значительно реже. Позднее в восточнославянских памятниках употребление причастий действительного залога в составе именного сказуемого почти полностью прекращается.

Не осталось без изменения и причастие страдательного залога в роли сказуемого. В древнерусских памятниках в составе именного сказуемого встречаем причастия прошедшего и настоящего времени, из них причастия настоящего и прошедшего времени от глаголов несовершенного вида употребляются одинаково редко. В дальнейшем в восточнославянских памятниках употребление причастий страдательного залога совершенного вида расширяется, а употребление страдательных причастий несовершенного вида сокращается, причем в старорусских памятниках этот процесс в большей степени затронул причастия прошедшего времени несовершенного вида, а в старобелорусских и в староукраинских — причастия настоящего времени.

Примеры употребления причастий страдательного залога в полной форме в древнерусских памятниках единичны, их число значительно возрастает позднее в старобелорусских и староукраинских памятниках и в меньшей степени — в старорусских памятниках.

5. Эволюция значений причастного сказуемого, так же как и сказуемых, выраженных существительным и прилагательным, в различных восточнославянских языках за рассматриваемый период однородна.

Изменения в значении касаются прежде всего сказуемого, выраженного причастием страдательного залога прошедшего времени без связки. В древнерусских памятниках данное сказуемое по преимуществу имеет перфектное значение, аористное значение встречается чрезвычайно редко. В старорусских, старобелорусских и староукраинских памятниках данное сказуемое с аористным значением встречается гораздо чаще.

СОГЛАСОВАННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Из большого комплекса вопросов, составляющих в своей совокупности историю определения в восточнославянских языках, здесь будут рассмотрены лишь некоторые: 1. О функции кратких и полных форм прилагательных в восточнославянских памятниках; 2. Порядок следования членов атрибутивного словосочетания; 3. Притяжательное прилагательное как одно из грамматических средств выражения принадлежности; 4. Некоторые особенности согласования членов атрибутивного словосочетания.

Интересный вопрос об эволюции значений атрибутивных словосочетаний в восточнославянских памятниках не затрагивается нами, поскольку он с достаточной детальностью и четкостью разрабатывается в исследованиях Л. Н. Шатерниковой [1] и Т. П. Ломтева [2].

Не анализируется нами также вопрос об обособлении определений — но уже по другой причине: в связи с тем, что разработка этой проблемы наталкивается на трудности, которые нам пока представлялись непреодолимыми. Отчасти сложностью данного вопроса объясняется неудача, постигшая А. Г. Руднева в его исследованиях, посвященных обособлению в древнерусском языке.

При отграничении обособленных членов предложения от необособленных автор, в конечном счете, руководствуется данными современного языка, поскольку из выделяемых им основных формальных критериев обособления: 1) пояснительная интонация и паузы; 2) дополнительное логическое ударение при произношении; 3) инверсия — два первых не применимы к любому письменному языку, в том числе и древнерусскому; третий также не применим к древнерусскому определению, поскольку оно, по признанию самого автора, может быть как препозитивным, так и пост-

---

[1] См.: Л. Н. Шатерникова. Из истории синтаксической роли относительного прилагательного. «Уч. зап. Вологодского пед. ин-та», вып. 1, 1940, стр. 176—205.

[2] См.: Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956, стр. 437—473.

позитивным [3]. Что же касается замечания А. Г. Руднева о том, что «в древнерусской письменности точки в ряде случаев, несомненно, отражают интонационное членение осложненных обособленными оборотами предложений» [4], то оно не может не вызвать недоумения. Совпадения деления древнерусского предложения точками с интонационным членением редки, случайны и не могут использоваться в качестве формального признака, ибо сами устанавливаются автором на основании его языкового чутья.

В данном разделе анализируются одиночные согласованные определения. Причастия, история которых обладает рядом специфических особенностей, не рассматривались нами.

В ряде случаев устанавливаются некоторые статистические характеристики элементов атрибутивного словосочетания. При объединении единиц по каким-то группам (например, при выделении качественных, относительных, притяжательных прилагательных) мы сталкиваемся иногда с большими трудностями. Чтобы субъективное отнесение тех или иных единиц к одной из групп не сказалось на правильности устанавливаемых количественных соотношений между этими группами, мы не учитывали при подсчетах случаи, представляющиеся нам спорными. Кроме того, при установлении количественного соотношения между краткими и полными формами не учитывались: а) формы, общие для этих рядов (*красною* и т. п.), б) словоформы, подвергшиеся графическому сокращению (*стмь духомь* и т. п.).

В связи с тем, что атрибутивное словосочетание представлено различным количеством примеров в древнерусских, старорусских, старобелорусских, староукраинских памятниках, мы при сравнении этих четырех систем оперируем не абсолютными цифрами (количество примеров), а процентными соотношениями. Что касается количества примеров, то здесь, нам кажется, следует лишь указать, что имеющийся материал достаточно велик для того, чтобы устанавливаемые процентные соотношения могли считаться достоверными. В нашем распоряжении имеется около 51 000 одиночных согласованных определений (приблизительно по 11 000 из древнерусских и старобелорусских памятников, около 16 000 из старорусских и около 13 000 из староукраинских памятников).

---

[3] См.: А. Г. Руднев. Обособленные члены предложения в истории русского языка. «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 174, 1959, стр. 121—122.

[4] А. Г. Руднев. О генезисе обособленных членов предложения как синтаксической категории в русском литературном языке. Автореф. докт. дисс. Л., 1952, стр. 22—23.

О ФУНКЦИИ КРАТКИХ И ПОЛНЫХ ФОРМ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПАМЯТНИКАХ

Перечень частей речи, которые могут играть роль согласованного определения, полностью совпадает для древнерусских памятников, для современных восточнославянских языков и, естественно, для старорусских, старобелорусских и староукраинских памятников. Ограничимся поэтому приведением этого перечня.

Прилагательное. Да пришли ми цтениѧ *доброго* (Новг. берест. гр. II пол. XIV в., Арц. и Борк., № 271); *Бѣлые* ручки *чюжие* труды любятъ (Пословицы XVII в.); А ѳже приходила темность *ночнаꙗ* (Александрия, с. 67); В крові *татарській* і *бусурманській острий* меч свой купають (Дума о Берест. звыч.).

Причастие. Изидоша же вси из града *бохранимаго* Ростова (Лавр. л., л. 158); И вы немогите мнѣ, *прироженному* государю своему, противитися (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 723); далъ мнѣ листы *зашитые* (Вестов. отписки Кмиты, 1573—1574 гг.); Повторе хвали бога твоего *розрадованною* душею (Перло многоценное).

Порядковое числительное. и наставшю дни ѡ*смому* (Лавр. л., л. 63 об.); И оттуду шелъ на Литовскую землю, на *первый* градъ на Каменницу (Пут. Гогары, с. 120); Інтермедія *друга* по *третьому* акті (Инт. Гаватовича).

Местоимения. Како нареку день *той* (Пов. о раз. Ряз., с. 16); а *тот* холоп государю *своему* выслужитца (Сказ. про Бову, с. 471); Также дей и Нагайцы и *иншые* орды отъ него ся откинули (Вестов. отписки Кмиты, 1573—1574 гг.); Чесомѳ оучать *сіѧ* четыри части (Грам. Смотр., с. 327).

Что касается морфологических особенностей указанных частей речи, выступающих в качестве определения, то здесь наибольший интерес исследователей заслуженно вызывало соотношение кратких (нечленных) и полных (членных) форм. Наличие этих двух параллельных рядов форм согласованных определений является специфической особенностью славянских памятников. Параллельные формы отмечены для всех частей речи, выступающих в функции определения: а) для прилагательных: тобѣ лѣпо ѣздити в *велицѣ* полку (Лавр. л., л. 120 об.); *великыи* полкъ идеть (Лавр. л., л. 121); которы(и) бы(л) на(и)денъ ѳв *о(р)лове* гнезде (Лет. Рачин., л. 245); вѣру тую мели якобы *су(д)ны(и)* день мѣлъ быти (Лет. Рачин., л. 235); б) для причастий: начаша скакати зълии они въ лодию ѥго. *обнажены* меча имоуще въ роукахъ своихъ (Сказ. о Б. и Г., л. 13г); въземи оу тимоще одиноу на десѧтѣ гривъноу оу въицина шоурина на конѣ *псании* хомоутъ и воже (Новг. берест. гр. XI или XII в., Арц., № 78); в) для некоторых числительных: Інтермедія *друга* по *третьому* акті (Инт. Гаватовича); Виси вечинка

десятая годинка (Пословицы XVII в., л. 332 об.); г) для некоторых местоимений: взимати *всѧку* потребу (Лавр. л., л. 43 об.); оутворитися въ оутварь *всякоую* (Ж. Феод. Печ., л. 34в); держиши в *толицѣ* нужи (Ипат. л., л. 175); добро бы ны гне с тобою оумрети створшемоу *толикоую* свободоу Новгородьцемь (Ипат. л., л. 215).

Влиянием полных форм объясняется также наличие в восточнославянских памятниках форм числительных и местоимений типа *третияя*, *третиюю*, *третиее*, *нашии* и т. п. Например: ѣхати ти в роусу. на *третиюю* зимоу (Новг. гр. 1264 или 1265 г., Шахм. О языке, № 2); и на *третьее* лѣто введе и в любовь. со ѡцмь его (Ипат. л., л. 222); люди немалыи идѹ́т в панства *нашии* (Львов. гр. 1537 г., Arch. Sang., т. IV, № 78).

Однако примеров, позволяющих проследить соотношение двух рядов форм у местоимений, причастий и числительных, довольно мало. Категория полноты / краткости свойственна в первую очередь прилагательным, и другие части речи, выступающие в функции определения, видимо, испытывали в этом отношении влияние прилагательных. Ограничимся поэтому анализом соотношения в восточнославянских памятниках кратких и полных форм прилагательных.

Таблица 1

Удельный вес кратких и полных прилагательных в восточнославянских памятниках (в %)

Памятники / Форма прилагательного	Древнерусские	Старорусские	Старо-украинские	Старобелорусские
Краткая	29,3	18,8	12,4	9
Полная	70,7	81,2	87,6	91

Таким образом, восточнославянские памятники фиксируют постепенное уменьшение удельного веса кратких прилагательных. Если в древнерусских памятниках XI—XIV вв. они составляют 29,3%, то в восточнославянских памятниках XV—XVII вв. (взятых в их совокупности) содержание кратких прилагательных в атрибутивной функции уменьшается вдвое, до 14,4%.

Отметим, что кроме кратких форм в именительном падеже немало в памятниках XV—XVII вв. также и кратких форм в других падежах.

Ст.-рус.: *По мнозе* же времяни прииде господь (Моск. гр. 1572 г., Дух. дог. гр., № 104); а коли лѹ́читсѧ какое платно кроити *молодѹ́* чл҃кѹ́ сн҃ѹ́ или дщери (Домострой, с. 30); Ну, го-

лубка, скажи всем благословение от меня, *грешна* старца (Аввакум. Письма, с. 239). Ст.-бел.: обрѣтохомъ мужа *свята, достойна* вѣры (Западнорус. гр. 1488—1489 гг., Археогр. сб., I, № 2); поеха(л) ко кнѣзю Василью Моско(в)скому не въ *мнозе* дружыне (Лет. Рачин., л. 265); а тот звер вшол бы въ *чужу* землю (Лит. ст. 1529 г., с. 77). Ст.-укр.: а ѿ *калинова* кыста по великыю ивницю. а великою ивницею по *камены* горы (Ст.-укр. гр. 1458 г., Укр. гр., № 91); Яко жъ и сатана преобразуется во ангела *свѣтла* (Пересторога, с. 227); Въ бездоушныхъ среднее *женскы* прилагается... бездоушным сѫществителнымъ различны рѡдъ соущымъ прилагается прилагателе множестве *средна* рода (Грам. Смотр., с. 333).

Таким образом, наши материалы противоречат замечанию А. Г. Руднева о том, что именные прилагательные теряют способность изменяться по падежам «примерно к XV веку» [5].

Данные, приведенные в табл. 1, убеждают, как будто, также в том, что в старорусских памятниках краткие формы более употребительны, чем в старобелорусских и староукраинских (в старорусских они составляют 18,8%, в старобелорусских — 9%, в староукраинских — 12,4%).

В современных восточнославянских языках краткие прилагательные в атрибутивной функции еще менее употребительны: это некоторые падежные формы притяжательных прилагательных (*отцова шапка, отцову шапку* и т. п.), некоторые устойчивые сочетания (*надел на босу ногу, средь бела дня* и т. п.). Краткие формы встречаются также в устном народном творчестве и в поэтическом стиле литературного языка (обычно со специальным стилистическим заданием) [6].

Прежде всего, необходимо установить, является ли для восточнославянских памятников в целом или хотя бы для древнейших из них соотношение кратких и полных прилагательных живым, т. е. выполняющим некую строго определенную функцию, или же разница в употреблении кратких форм атрибутивных прилагательных в древнерусских памятниках и в современных восточнославянских языках — чисто количественная, а сама категория для древнерусских памятников (и тем более для позд-

---

[5] См.: А. Г. Руднев. Обособленные члены предложения в истории русского языка, стр. 151.

[6] См.: «Грамматика русского языка». Т. I. Фонетика и морфология. М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 286; «Курс сучасної української літературної мови», т. I. За ред. Л. А. Булаховського. Київ, 1951, стр. 454; Б. М. Кулик. Курс сучасної української літературної мови, ч. II. Синтаксис. Київ, 1961, стр. 58—59; Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3. М., 1956, стр. 218—226; «Курс сучаснай беларускай літаратурнай мовы. Марфалогія». Мінск, 1957, стр. 79; «Граматыка беларускай мовы». Т. I. Марфалогія. Мінск, 1962, стр. 172—174; «Очерки по сравнительной грамматике восточнославянских языков». Одесса, 1958, стр. 112.

них памятников XV—XVII вв.) такая же мертвая, как для современных восточнославянских языков.

При решении этого вопроса, видимо, можно идти двумя путями.

а) Первый путь заключается в попытках доказать, что употребление кратких и полных форм синтаксически немотивировано. Для этого нужно найти достаточно большое, чтобы исключить случайность, количество примеров, где в совершенно аналогичных условиях употребляется то краткая форма, то полная.

Идеальными для сопоставления были бы две одинаковые (отличающиеся лишь фонетическим оформлением слов) фразы, в одной из которых употребляется краткая форма, а в другой — полная. Однако даже в этих фразах (подыскать которые чрезвычайно трудно) разница в оформлении прилагательного может быть не произвольной, случайной, а вполне мотивированной, связанной с влиянием предшествующих фраз, стремлением автора в одном случае выделить один из членов фразы, а в другом нет, и т. д. и т. п. Все это крайне затрудняет наблюдения, направленные по этому пути, и приводит к тому, что никогда нельзя быть полностью уверенным в результате.

В грамоте рижан князю Михаилу Константиновичу ок. 1300 г. (Срезн. Др. пам. 1-е, № 240) находим употребление то краткой, то полной формы одного и того же прилагательного, находящегося в аналогичных условиях, причем эти колебания, видимо, не связаны с разницей в значении: «потомь кнѧжо шолъ еси оу *розбоиникову* клеть. товаръ еси *розбоиниковъ*. взалъ» — «товаръ его былъ со *розбоиниковымъ* товаромъ оу клети» — «потустилъ же оу *розбоиникове* клети. волкы. жо ѡвчины».

Аналогичные примеры находим и в других восточнославянских памятниках. Ср. три следующих примера из Вестовых описок Кмиты Чернобыльского, 1573—1574 гг.: «на сесь часъ самъ, особою своею, и съ обоима сынми своими есть *въ Олександровой слободѣ*» — «вси скарбы свои *съ Александровы слободы* до Новгорода Великого выпроводилъ» — «князь великій съ обоими сынми своими *въ Олександровѣ слободѣ* збираетъ войска великіе».

Другой, более простой способ доказать случайность, незначимость употребления кратких и полных форм в восточнославянских памятниках — поиск предложений с двумя (или больше) семантически близкими прилагательными, которые являются однородными членами предложения (*сильный и крупный дождь*) или относятся к однородным членам предложения (*гнедая лошадь и бурая корова*), причем одно из этих прилагательных (иногда первое, иногда второе) имеет краткую форму, а другое — полную. Примеров такого типа, подтверждающих немотивированность употребления кратких и полных форм прилагательных, довольно много в восточнославянских памятниках, в том числе и в древнейших из них — памятниках XI—XIV вв. Приведем некоторые примеры.

Др.-рус.: а доронкѣ *кобы гнѣда* да *коро пестраѧ* болшаѧ да *волъ бурои* да другои *чернои* (Дух. гр. Патрикея 1392—1427 гг., рук. ГБЛ, Тр. Сер., № 100б); къ володимирю ѿступаѥть сѧ по толѣ по оуимицю по *пѣсчаныи бродъ*. по еоуфимково село... а ѿ *пѣсчана броду* по пиньскыи мостъ (Дог. гр. Дм. с кор. Казим. 1366 г., Собол. и Пташ., № 8); То не видал есмь *неба полъстяна*, ни *звиздъ лутовяныхъ* (Сл. Дан. Зат., л. 282); а азъ блюдѧ рай *западноу страноу* и *полоуденноую* (Сл. о Адаме и Еве, с. 9—10). Ст.-рус.: а межа тои земли. с верьхнего. конца. ѿ *дурневьскои. межи. до дмитрушови. межи* (Двин. гр. XV в., Шахм. Исслед., № 15); коли *лѫчитсѧ* какое платьѧ кроити себѣ, или жене или дѣтемъ или людемъ, *камчато* или *тафтяно* или *изѫфрено* или *кѫшачно* или *зенденинное* или *сѫкняное*, или *армячное* или *сермяжное* (Домострой, с. 29); Ту бяше отъ всѣхъ мѣстъ черноризцы, Игумени, і со *юдоли Іосоватовой*, и изъ *Саввина монастыря*, изъ *Предтечева*, и со Иордана Игуменъ Лазарь (Пут. Зосимы, с. 64); святит бо ся *муж невеерен* о *жене верней* (Аввакум. Письма, с. 220). Ст.-бел.: Плакали те[ѫ] пе[р]сове, не то[л]ко для *сме[р]ти дариевы*, яко для *м[и]л[о][с]ти але҃за[н]дровои* (Александрия, с. 72); Была тэды *быстра и великаѧ* битва и поражка з ѡбѣюх сторон (Ист. о Атыле, с. 175).

Нам кажется, что А. Г. Руднев совершенно прав, когда он, основываясь на данных Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, пишет: «. . . известное время краткая и полная формы прилагательного оставались стилистически и семантически нейтральными в атрибутивной функции. . . Нередко выбор того или иного из возможных вариантов кажется делом случая, словно автору текста было совершенно безразлично, употребить ли членную или нечленную форму прилагательного» [7].

б) Второй путь, которым можно идти при определении мотивированности/немотивированности употребления кратких и полных форм, противоположен первому и заключается в попытке доказать мотивированность этого употребления. Для этого предлагаются гипотезы, объясняющие употребление кратких и полных форм. Если среди них будет гипотеза, достаточно точно объясняющая, почему в одних случаях употребляется краткая форма, а в других — полная, то тем самым, разумеется, будет доказано, что употребление кратких и полных форм мотивированно — они выполняют строго определенную функцию.

Существует несколько различных точек зрения на значение кратких и полных форм прилагательных в древнерусском языке.

Первая из них является перенесением на древнерусский язык широко распространенного определения значения кратких и

[7] А. Г. Руднев. К вопросу о принципах употребления именных и местоименных прилагательных в древнерусском языке. «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 69, 1948, стр. 153—154.

полных форм, выдвинутого Ф. Миклошичем в его «Сравнительном синтаксисе славянских языков»: «Сложные формы указывают на обозначенный прилагательным и существительным предмет как на уже упомянутый или ранее известный. . . Именные формы указывают на предмет, обозначенный прилагательным и существительным, как на не известный заранее, указывают, что соединение прилагательного с существительным должно пониматься, как производящееся только впервые в акте речи. Таким образом, понятие при своем первом упоминании обозначается именной формой, а позже. . . сложной. . .» [8].

Распространяя это определение на древнерусский язык, утверждая, что соотношение кратких и полных форм «выражало категорию определенности и неопределенности в применении к существительным, которые определяло прилагательное» [9], Л. П. Якубинский несколько уточняет его: «Ошибкой всех исследователей, занимавшихся нашей категорией, было то, что они понимали ее узко синтаксически, контекстно, смешивая понятие лексико-семантической определенности с понятием «вышеупомянутости» и поэтому, дескать, определенности. Они забывали, что понятие определенности есть лексико-синтаксическое понятие, поскольку определенность может быть дана в самом лексическом значении слова» [10].

Иначе объясняет употребление кратких и полных форм прилагательных в древнерусском языке Е. С. Истрина. Она пишет: «В случаях, где определение выражено именной формой, обозначаемый им признак имеет существенное значение в общем смысле предложения, с чем связывается и энергичность его проявления; между тем в случаях, где определение выражено местоименной формой, соответствующий признак не играет значительной роли в предложении, и проявление его не отличается энергичностью» [11]. «Значение именной формы прилагательного может быть определено как значение предикативное» [12].

Если точка зрения Л. П. Якубинского еще соотносится с точкой зрения Е. С. Истриной («неопределенность» связана с «предикативностью», предикат обычно содержит «новое»), то мнение А. И. Толкачева диаметрально противоположно ей: «. . . прилагательные сложные обозначали «признак, существенный для данного предложения», а прилагательные именные — «признак известный, обычный» . . . именно сложные формы прилагательных

[8] F. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Bd IV. Syntax. Wien, 1883, стр. 132—134.

[9] Л. П. Якубинский. Из истории имени прилагательного. «Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР», т. I, 1952, стр. 52—61.

[10] Там же, стр. 55.

[11] Е. С. Истрина. Употребление именных и местоименных форм имен прилагательных в Синодальном списке 1-й Новгородской летописи. «Изв. ОРЯС», т. XXIII, кн. 1, 1918, стр. 45.

[12] Там же, стр. 62.

обозначали признак, «энергично проявляющийся», «существенный для данного предложения»»[13].

При проверке правильности указанных гипотез (точнее — при проверке применимости этих гипотез для объяснения фактов восточнославянских памятников) особо тщательного рассмотрения заслуживают новгородские берестяные грамоты. Близость языка берестяных грамот к разговорной речи[14], древность этих памятников (некоторые из них датируются XI—XII вв.) делают их показания особенно ценными. Кроме того, при проверке применимости рассматриваемых гипотез они являются своего рода «лакмусовой бумажкой»: если правильна точка зрения Е. С. Истриной или же точка зрения Л. П. Якубинского, то в обоих этих случаях берестяные грамоты à priori должны содержать по преимуществу краткие формы прилагательных. При малом размере новгородских берестяных грамот каждое атрибутивное словосочетание, как правило, встречается в грамоте один раз, является, таким образом, неопределенным, что, по Л. П. Якубинскому, должно вызвать преобладание кратких форм. Лаконизм берестяных грамот, стремление выражать только то, что «имеет существенное значение в общем смысле предложения», по Е. С. Истриной, также должно привести к преобладанию кратких форм прилагательных.

В анализируемых грамотах наблюдается, однако, картина, прямо противоположная ожидаемой: вместо преобладания кратких форм в берестяных грамотах XI—XIV вв. мы находим преобладание полных[15]. В новгородских берестяных грамотах XI—XIV вв. из 26 качественных прилагательных лишь 4 представляют собой краткую форму: ...тѣ придоу *по великѣ* д... (Берест. гр. XII в., Арц., № 380); *Старо* поле, Завьтьрение по Рыдино 2 жеребьѧ (Берест. гр. II пол. XIII в., Арц., № 390); Мѣкѣфорко хъцьть оу тьбе прошатѣсѧ на Лунѣну. А на Лунѣнѣ человѣкъ *добръ* (Берест. гр. II пол. XIV в., Арц. и Борк., № 314); куии ми. зѣндѧнцю *добру*. а куны ꙗзъ. дала. двду. прибышѣ (Берест. гр. XIV в. или XIV—XV вв., Арц. и Борк., № 125). Легко заметить, что приведенные атрибутивные словосочетания относятся к числу тех, которые в ходе истории восточнославянских языков особенно долго сохраняли краткую форму: фразеологизм *великъ день*, географическое название

---

[13] А. И. Толкачев. История членных прилагательных русского языка. Ч. 1. Формы мужского рода единственного числа. Канд. дисс., 1951, стр. 94—95.

[14] По мнению Р. И. Аванесова и В. И. Борковского, они «отражают живой разговорный язык народа» («Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот». М., 1955, стр. 7).

[15] Приводятся данные по качественным и относительным прилагательным (за вычетом притяжательных), поскольку указанные точки зрения выдвигаются на основе рассмотрения именно этих двух типов (иногда даже на основе рассмотрения лишь качественных прилагательных).

Старо поле и, наконец, прилагательное *добръ*, в качестве эпитета до сих пор употребительное в фольклорных произведениях.

Аналогичную картину мы видим и в относительных прилагательных, где из 24 примеров, встретившихся в анализируемых грамотах, краткая форма отмечена лишь в трех: *золотнъ бѣлилъ на бѣлкоу* (Берест. гр. I пол. XIV в., Арц. и Борк., № 288); Поиме коне *корилескы* (Берест. гр. II пол. XIV в., Арц. и Борк., № 266); У Давыда 9 лососи сухыхо, 3 *просолни* (Берест. гр. II пол. XIV в., Арц. и Борк., № 258), причем последний пример спорен: *просолни* можно рассматривать и как именную часть составного сказуемого.

Таким образом, при анализе функций кратких и полных форм прилагательных в текстах памятников мы пытались идти поочередно двумя путями. Поскольку второй путь (попытка доказать мотивированность употребления кратких и полных форм) не приводит к существенным результатам (имеющиеся гипотезы противоречивы и весьма спорны), а первый путь (попытка доказать немотивированность употребления кратких и полных форм) привел нас к обнаружению большого числа бесспорных примеров отсутствия мотивированности, мы склонны думать, что уже для древнейших восточнославянских памятников употребление кратких и полных форм прилагательных не связано с различением значений. Краткие и полные формы являются в атрибутивных словосочетаниях синонимичными, и употребление краткой или, напротив, полной формы остается в значительной степени случайным. (Там, где наблюдается определенная регулярность, она определяется, как будет показано далее, преимущественно морфологическими факторами.)

Таким образом, разница в использовании кратких форм прилагательных в древнерусских памятниках, в восточнославянских памятниках XV—XVII вв., и, наконец, в современных восточнославянских языках — не качественная, а чисто количественная, здесь мы имеем дело с тремя последовательными ступенями вытеснения архаичных форм. (Этот процесс, начавшийся, видимо, в первом тысячелетии нашей эры и не закончившийся полностью и сейчас, в конце второго тысячелетия, — один из самых длительных процессов в истории восточнославянских языков.)

Трактовка кратких форм прилагательных в восточнославянских памятниках как архаичных, исчезающих форм подтверждается также тем фактом, что уже с древнейших времен краткие формы имеют в памятниках делового стиля меньший удельный вес, чем в памятниках художественного стиля (см. табл. 2).

Между тем, с позиции гипотез о том, что противопоставление кратких и полных форм является в восточнославянских памятниках живым и значимым (выражающим определенность или предикативность), этот факт не поддается объяснению: деловые памятники с их небольшим объемом, лаконизмом, стремлением обо-

Таблица 2

Удельный вес кратких прилагательных в памятниках различных стилей (в %)

Стиль \ Памятники	Древнерусские	Старорусские	Староукраинские	Старобелорусские
Деловой	16,7	15,5	7	6,4
Художественный . . .	32,5	20,5	13,8	9,7

значать только «существенные признаки», напротив, должны были бы характеризоваться по сравнению с художественными памятниками повышенным содержанием кратких форм.

В пользу предположения о том, что в восточнославянских памятниках соотношение кратких и полных форм прилагательных уже не служит для обозначения определенности/неопределенности, говорит также то обстоятельство, что уже в древнерусских памятниках для обозначения определенности существительного начинает использоваться постпозитивная согласуемая частица — местоимение *тъ, та, то*. Ср. следующие примеры, где это местоимение употребляется при существительных, обозначающих нечто упоминавшееся ранее: «не могуще снѧти гривны и оусѣкнуша главу его, и тако снѧша *гривну ту*» (Лавр. л.); «Смердовъ жалуете и ихъ конии, а сего не помышляюще, оже на весну начнеть *смердъ тотъ* орати *лошадью тою*, и приѣхавъ половчинъ ударить смерда стрѣлою и поиметь *лошадь ту*» (Ипат. л.) [16]. Примеры немногочисленны и не позволяют заключить о широком употреблении постпозитивного члена, но позволяют говорить о явственной тенденции к его выработке. Вряд ли эта тенденция могла возникнуть, если бы старый способ выражения определенности/неопределенности соотношением полных/кратких форм прилагательных ощущался как живой, продуктивный.

Интересно отметить, что в более поздних памятниках, где постпозитивный член получил широкое распространение (например, в Сочинениях протопопа Аввакума), он ставится также и при существительных, определяемых прилагательными. Например: Плюнуть на действо то и службу ту их, да и на *книги те их новоизданныя* — так и ладо будет! (Житие, с. 85); протопоп! не отступай ты *старова тово благочестия* (Житие, с. 94); Со Христом и большому волку, *хохлатой той собаке*, глаза вырву, нежели щенятам (Письма, с. 292).

---

[16] Примеры заимствованы из работы: П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953, стр. 167.

Вряд ли приведенные примеры можно расценивать как случаи двойного обозначения определенности — полной формой прилагательного и постпозитивным членом. Вероятно, прилагательное здесь (как и в других примерах из более ранних памятников) уже не ощущается как показатель определенности.

Итак, по нашему мнению, употребление в тексте краткой или полной формы прилагательных в значительной степени объяснялось простой случайностью — в значительной степени, но не целиком. У пишущих, бесспорно, были в этом отношении какие-то привычки и предпочтения, но они не связаны с различением значений и объясняются морфологическими факторами. Рассмотрим основные из этих факторов.

1) В восточнославянских памятниках выбор между краткой и полной формами прилагательного в значительной степени определяется падежной формой прилагательного. Так, во всех группах прилагательных творительный падеж единственного числа мужского и среднего рода; родительный, дательный, творительный и местный падежи множественного числа прилагательных всех трех родов, как правило, имеют полную форму.

В этом отношении весьма показательны, например, следующие конструкции: а *с новым* ти *городо* и с торъжко жити въ старинѣ и в миру (Дог. гр. кн. Дм. Ив. с кн. тверск., 1375 г., сп. XV в., рук. ЦГАДА); не хочемъ оу себе дьржати *дѣтии дмитровыхъ* (I Новг. л., л. 75). В приведенных примерах прилагательные имеют полную форму несмотря на то, что именительный падеж этих прилагательных (и многие другие формы) являются краткими (*Новъгородъ*, *дѣти дмитровы*).

Примеры с краткими формами творительного падежа единственного числа мужского и среднего рода; дательного, творительного, местного падежей множественного числа прилагательных всех родов встречаются в анализируемых памятниках XI — XVII вв., но они очень редки. Вот некоторые из них: то же мы въ роухъ дьржаще *сквѣрньны оусты* цѣлоуѥмъ (Новг. л., л. 111); і поставиша новгородци полкъ. *за ржтвомь хвомь* в конци (Новг. л., л. 133 об.); и бѣаше в дн҃ь соуботьныи въ тоузѣ и печали *оудроучьнъмь ср҃дцьмь* (Сказ. о Б. и Г., л. 10г); плакашеса *съкроушенъмь ср҃дцьмь* (Сказ. о Б. и Г., л. 10г); ѡн же боле крѣплашеть послушивая *грамотъ патриаршь* (Ипат. л., л. 174); да оупари хорошо іли заспицы подсыпать да с солью и с *кислы штами*, приварить (Домострой, с. 51); И посемъ оболстивъ *словомъ* Поляцы *мирномъ* воеводъ царевыхъ, яко быти имъ мирнымъ и брани не искати (Пов. Кат.-Рост., с. 591).

2) При выборе между полной и краткой формами пишущий руководствовался, видимо, также морфемным составом прилагательного, т. е. наличием в нем определенных суффиксов. В древнерусских памятниках прилагательные с суффиксом *-ьск* обычно (на 98,6%) являются полными, прилагательные же с суффиксами *-ов* (*-ев*), *-ын* (*-ин*), *-jь*, напротив, краткими (на 98,8%).

Часть прилагательных с суффиксом *-ьск* относится по значению к относительным прилагательным, ср.: оумертвивъ *плотьскую похоть* (Лавр. л., л. 71); И сбыс҃а над ни *притча еуальская* (Лавр. л., л. 144 об.). Другая часть прилагательных с суффиксом *-ьск* близка по значению к притяжательным прилагательным с суффиксами *-ов*(*-ев*), *-ын*(*-ин*), *-jь*. Ср. следующие примеры, где прилагательные на *-ьск* употребляются вместе с притяжательными прилагательными как однородные члены: *безъ боярского* или *без дворецкого* или *безъ казначеева* вѣдома (Суд. Ив. IV, с. 188—189); «вѣдаю, яко о честь *папину и кролевскую* не дбали бысте» (Виш. Книжка, с. 57). И то обстоятельство, что прилагательные с суффиксом *-ьск*, в отличие от близких им по значению относительных и притяжательных прилагательных, являются полными, доказывает, что выбор между краткой и полной формами осуществляется с учетом морфемного состава прилагательного, а не значения прилагательного, как полагают многие исследователи [17].

В более поздних восточнославянских памятниках (XV — перв. пол. XVII в.) еще больше снижается удельный вес кратких форм в прилагательных с суффиксом *-ьск*; одновременно происходит вытеснение кратких форм полными также в притяжательных прилагательных с суффиксами *-ов* (*-ев*), *-ын* (*-ин*), *-jь*, *-ьнь*, однако здесь краткие формы по-прежнему сохраняют господствующее положение. Вытеснение кратких форм в украинских и белорусских памятниках протекает быстрее, чем в русских. Более точное представление об этих процессах может дать табл. 3.

Примечание. Для экономии места везде указывается только процентное содержание кратких форм. В случае необходимости определить процентное содержание полных форм нетрудно: они дополняют краткие формы до 100%.

Если для древнерусских прилагательных с суффиксом *-ьск* господствующей является полная форма, а для прилагательных с суффиксами *-ов* (*-ев*), *-ын* (*-ин*), *-jь*, *-ьнь* — краткая, то прочие группы прилагательных (так называемые качественные и относительные прилагательные) используют оба ряда форм — преоб-

[17] См., например: В. Л. Георгиева. Синтаксические функции прилагательных в древнерусском языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1952, стр. 4—5 и др.

Таблица 3

Удельный вес кратких форм в прилагательных с суффиксами *-ов(-ев), -ын(-ин), -jъ, -ънъ, -ьск* (в %)

Памятники / Класс прилагательного	Древнерусские	Старорусские	Староукраинские	Старобелорусские
С суфф. *-ов(-ев), -ын(-ин), -jь, -ьнъ* . .	98,8	97,7	74,5	73,3
С суфф. *-ьск*	1,4	1,1	0,6	0,6

ладающей является в древнерусских текстах полная форма, но краткая также занимает заметное место.

Исследователями неоднократно отмечалось, что качественные и относительные прилагательные характеризуются в памятниках разным соотношением кратких и полных форм. Как показывает табл. 4, несколько больший удельный вес краткие формы имеют в качественных прилагательных. Это касается как древнерусских памятников XI—XIV вв., так и восточнославянских памятников XV—XVII вв.

Таблица 4

Зависимость удельного веса кратких форм от класса прилагательных (в %)

Памятники / Класс прилагательного	Древнерусские	Старорусские	Староукраинские	Старобелорусские
Качественные	24,2	13,9	8,5	4,7
Относительные	19,7	5,1	1,8	1,9

Однако разница (особенно в древнерусский период) не настолько велика, чтобы служить основанием для того резкого противопоставления качественных прилагательных относительным, которое имеет место в целом ряде работ по историческому синтаксису русского языка. Так, Е. С. Истрина считает, что в Синодальном списке I Новгородской летописи «прилагательные относительные находятся уже на пути к потере именных форм» [18], между тем как «различие в значении именной и местоименной форм качественных прилагательных было фактом живого языка» [19].

[18] Е. С. Истрина. Указ. соч., стр. 59.
[19] Там же, стр. 61.

Изучение широкого круга древнерусских памятников заставляет усомниться в правильности этого вывода: в памятниках XI—XIV вв. краткие формы в качественных прилагательных встречаются лишь немногим чаще, чем в относительных (в качественных прилагательных они составляют 24,2%, в относительных — 19,7%).

В дальнейшем в памятниках XV—XVII вв. различие между качественными и относительными прилагательными по содержанию кратких форм становится гораздо более резким: краткие формы качественных прилагательных исчезают гораздо медленнее, чем краткие формы относительных прилагательных. Вероятно, причиной явилось то обстоятельство, что краткие формы качественных прилагательных в атрибутивной функции поддерживались краткими формами качественных прилагательных в предикативной функции. В относительных же прилагательных краткие формы вытеснялись полными параллельно из определения и из сказуемого [20], и, естественно, само это вытеснение протекало быстрее.

3) Выбор краткой или полной формы прилагательного иногда зависит также от вхождения прилагательного в некоторые сравнительно употребительные сочетания. Так, например, в Лаврентьевской летописи прилагательное «великий» в сочетании «*князь великии*» имеет полную форму, а в сочетании «*радость велика*» — краткую [21].

ПОРЯДОК СЛЕДОВАНИЯ ЧЛЕНОВ АТРИБУТИВНОГО СЛОВОСОЧЕТАНИЯ

Для восточнославянских памятников, точно так же, как и для современных восточнославянских языков, определение тяготеет к определяемому слову и размещается, как правило, рядом с ним. Этому наиболее обычному контактному расположению определения уделяется основное внимание в данном разделе. Дистантное расположение определения (т. е. отрыв определения от определяемого слова) рассматривается в конце раздела (стр. 75—79).

Контактное расположение определения

А. В древнерусских памятниках XI—XIV вв.

С самого начала обращает на себя внимание то обстоятельство, что в древнерусских памятниках велик удельный вес атрибутивных словосочетаний с постпозицией определения (в дальнейшем условно говорим о постпозитивных (или препозитивных) атрибу-

[20] См. раздел «Именное сказуемое».

[21] Некоторые сочетания, долго сохраняющие краткую форму прилагательного, приведены в работе: В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. (Простое предложение). Львов, 1949, стр. 218, 226 и др.

тивных словосочетаниях). Если в современных восточнославянских языках постпозиция одиночного определения — явление редкое [22], то в древнерусских памятниках, по нашим подсчетам, на 52% препозиции приходится 48% постпозиции.

Такое количественное соотношение явилось причиной появления двух диаметрально противоположных точек зрения на то, какой порядок элементов атрибутивного словосочетания является для древнерусских памятников нормальным, обычным.

«В древнерусских памятниках письменности, как и вообще в древнеславянских памятниках, широко использовалась постпозиция согласованного определения в отношении определяемого им слова. Постпозитивное определение означало обычный невыделенный признак» [23].

Другой точки зрения придерживаются В. И. Борковский [24], Л. А. Коробчинская [25], М. Виднэс [26]: «Согласованное определение находится, как правило, в препозиции к определяемому слову. Постпозицию определения мы объясняем стилистическими причинами — желанием выделить логическим ударением прилагательное (или другую часть речи) — определение. . .» [27].

По нашему мнению, количественное соотношение между препозицией и постпозицией определения в древнерусских памятниках (52% на 48%) не дает оснований для выделения одного из двух указанных типов атрибутивного словосочетания как нормального, обычного, а другого — как необычного. Следует признать, что в древнерусских памятниках, в отличие от современных восточнославянских языков, препозитивные и постпозитивные атрибутивные словосочетания имеют почти равную степень употребительности.

Этот вывод подтверждается данными всех памятников, хотя соотношение препозитивных и постпозитивных атрибутивных словосочетаний колеблется.

При изучении соотношения препозитивных и постпозитивных определений так же, как при изучении кратких и полных форм, можно идти в двух противоположных направлениях: а) попытка

---

[22] См., например: «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1. М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 674—679: «Курс сучасної української літературної мови», т. II. За ред. Л. А. Булаховського. Київ, 1951, стр. 137—138; «Курс сучаснай беларускай літаратурнай мовы. Сінтаксіс». Мінск, 1959, стр. 171—175.

[23] О. А. Лаптева. О некоторых изменениях порядка слов в древнерусском языке. — НДВШ. Филол. науки, 1959, № 3, стр. 55.

[24] См.: В. И. Борковский. Указ. соч., стр. 231 и др.; В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Изд. 2. М., 1965, Синтаксис.

[25] См.: Л. А. Коробчинская. К вопросу о порядке слов в древнерусском языке. Автореф. канд. дисс. Львов, 1950, стр. 9.

[26] См.: M. Widnäs. La position de l'adjectif épitète en vieux russe. Helsingfors, 1953, стр. 193.

[27] В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 448—449.

доказать синтаксическую немотивированность препозиции и постпозиции; б) попытка доказать синтаксическую мотивированность препозиции и постпозиции.

Немотивированность препозиции и постпозиции определения в древнерусских памятниках подтверждается, как будто, следующими примерами: како есте были въ лви съ *отцмь моимь* глѣбомь. ї *с моимь стрыемь*. федоромь (Гр. смол. кн. Алек. Глеб. ок. 1300 г., Гр., касающ., VIII); а *браѣ моеи* ни *моеи* кнагинѣ тѣ лю не надобны (Гр. вел. кн. Сим. Гордого 1353 г., Обнор., № 28); оже имоуть *роусина вольного* оу *вольное жены*. въ ризѣ или на гътьскомь бѣрѣзѣ (Гр. неизв. смол. кн. 1223—1225 гг., Сум. и Лоп.); таа правда. латинескомоу възати. оу роускои земли. оу вълъсти *кназа смольнескаго*. и оу *полотьскаго* кназа вълъсти. и оу *витьбескаго* кназа. вълъсти (Смол. гр. 1229 г., сп. А); послаша же *разаньстии кнзи* къ юрью володимирьскомоу. просаче помочи іли самомоу поіти. юрьі же самъ не поіде. ни послоуша *кнзіі разаньскыхъ* молбы (I Новг. л., л. 121 об.); по отцѣ рѣцѣ гдѣ потече в Волгу же. Мурома *языкъ свои* и Черемиси *свои языкъ*. Моръдва *свои языкъ* (Лавр. л., л. 4); и тако Игорь въста и вниде *въ дворъ Мьстиславль*. и тако люа ша Володимира и хотѣша оубити про Игора. и тако из народа стоащеи възрѣша Игора вбѣгша *въ Мьстиславль дворъ* (Ипат. л., л. 129); королъ же. Володимеру ре отпущаа его. *отцю моему* и *своему брату* поклониши Изаславу (Ипат. л., л. 148); Изаславъ же видѣвъ брата своего въ здоровьи и слыша *королеву речь*. оу брата своего. и *любовь королеву*. радовашеса по велику (Ипат. л., л. 148); Дѣвиця бо погубляеть *красу свою* бляднею, а мужь *свое мужество* татбою (Сл. Дан. Зат., л. 282 об.); а *разбойника вѣрнаго* распаше на дрѣвѣ иже израсте из главень. а *невѣрнаго разбоиника* распаше на древѣ еже израсте в мерѣ рѣцѣ (Сл. о древе, с. 307); иде ісаакъ по повелѣнію *оца своего* въ *свою клѣть* (Смерть Авраама, с. 82); нѣ *сила ваша* боле *нашеа силы* (Соломон и Китоврас, с. 257).

Как примеры немотивированности чередования препозиции и постпозиции определения должны расцениваться также случаи, когда на месте препозиции определения в одном списке памятника мы находим постпозицию в другом списке, и наоборот. Ср. два следующих примера из Смоленской грамоты 1229 г.: Роусиноу не вести. латинина. *къ горачему желѣзоу* (сп. В) — Русину не вести латинина *ко железу горацему* (сп. С).

В ряде случаев явственно проявляется стремление использовать чередование препозиции и постпозиции определения как определенный художественный прием. Ср. следующие примеры:

тогда *мѣдяна врата* сломишасѧ, и *верета желѣзныа* скрушишасѧ (К. Тур., III, 13); Господи! Даи же князю нашему *С[ам]сонову силу, храбрость Александрову, Іосифль разумъ, мудрость Соломоню* и *хитрость Давидову* (Сл. Дан. Зат., л. 284); Глаголеть бо в мирскых притчах: *рѣчь продолжена* не добро, добро *про-[долж]ена паволока* (Сл. Дан. Зат., л. 284); и ѡномоу было въѣхавши в Киевъ. и *домъ твои* взяти и *брата твоего* ѧти. и *женоу твою.* и *сна твоего.* а пѫсти. и къ ѡцю то *твои ворогъ* держиши на *свою головоу* (Ипат. л., л. 135 об.).

Приведенные примеры, а также многие другие, им аналогичные, убеждают в том, что в древнерусских памятниках препозиция или постпозиция согласованного определения не связаны с различением значения и являются в значительной мере случайными.

Доказать обратное (т. е. доказать м о т и в и р о в а н н о с т ь того или иного расположения одиночного определения в древнерусских памятниках) вряд ли возможно.

В этой связи весьма показательным является появление двух диаметрально противоположных точек зрения, которые упоминались в начале данного раздела главы [28]: согласно одной из них обычный, невыделенный признак выражается в древнерусских памятниках препозитивным определением, согласно другой — постпозитивным определением.

Возможность противоположного толкования одних и тех же примеров заставляет усомниться в правильности обеих указанных точек зрения и утвердиться в предположении, которое уже подсказывалось нам ранее наличием в текстах большого количества примеров немотивированности чередования препозиции и постпозиции определения. Вероятно, для древнерусских памятников порядок членов атрибутивного словосочетания является относительно свободным и не имеет смыслоразличительного значения.

Одно и то же определение в аналогичных условиях ставится то в препозиции, то в постпозиции, и смысл высказывания от этого не меняется. И хотя одни группы определений тяготеют к препозитивному употреблению, другие — к постпозитивному, но это не связано с различением значений и вызвано факторами морфологического или лексико-фразеологического характера.

Здесь с достаточной отчетливостью выявляются следующие факторы:

1) Принадлежность определения к той или иной части речи.

а) П о р я д к о в ы е ч и с л и т е л ь н ы е обычно (90%) располагаются перед определяемым словом, например: а въ ладогоу ти кнѧже ѣздити *на третиѥ лѣто* (Новг. гр. 1304—1305 гг., Шахм. О языке, № 10); *въ третіи днь* въскрну (К. Тур., III, 13);

---

[28] См. выше, стр. 62.

постпозиция сравнительно редка (10%), например: и наставшю дни ѡсмому. въ.в.ю суту по Пасцѣ. въ ча.в.дне (Лавр. л., л. 63 об.); И помяну Ниръ *сонъ первый* (О Мельхиседеке, с. 31).

б) Для прилагательных и местоимений обычной является как препозиция, так и постпозиция; разница между прилагательными и местоимениями заключается лишь в том, что прилагательные используют препозицию чаще, чем постпозицию (на 60,8% препозиции приходится 39,2% постпозиции), местоимения же, напротив, чаще постпозитивны, чем препозитивны (на 59% постпозиции 41% препозиции) [29]. Приведем примеры.

Препозиция прилагательных: продаите *половъи конь* (Новг. берест. гр. XI — нач. XII вв., Арц. и Борк., № 160); Бъ всегда *Рускы землѣ.* и *Руски снвъ* въ бещестьи не положилъ есть (Ипат. л., л. 162); и се *въ оутрии днь* призоветъ та кназь (Ж. Феод. Печ., л. 65б). Постпозиция прилагательных: (Т)ы таже все соудать *послоухы. свободьными* (Рус. пр. 1282 г., л. 625б); и едва угнаша его *в земли Суздалстей*, и внезапу нападоша *на станы Батыевы* (Пов. о раз. Ряз., с. 13); Ту Игорь Князь высѣдѣ *изъ сѣдла злата*, а *въ сѣдло Кощїево* (Сл. о плк. Иг., с. 22). Препозиция местоимений: Аже боудоуть людье *из оноѥ земли* тѣхъ послѣ вести (Смол. гр. 1229 г., сп. В); Рюрикъ же не оуправи *своее рѣчи* (Лавр. л., л. 140); *в той днь* блюсти *всего зла* (О днях лунных, с. 390). Постпозиция местоимений: А продаи *клеветьника того* (Новг. берест. гр. XI в., № 247); зажгоша *свѣчѣ вси* над ни *въ цркви тои* (Ипат. л., л. 129 об.); не разумѣ *посѣщенья твоего* (Сл. Илариона, с. 52).

Оказалось, однако, что с точки зрения размещения по отношению к определяемому слову только порядковые числительные представляют единство. Что касается прилагательных и местоимений, то они распадаются на мелкие группы, одни из которых вполне определенно тяготеют к препозитивности, другие же — к постпозитивности. Таким образом, зависимость между расположением определения и принадлежностью его к той или иной части речи оказывается верной только для числительных; для прилагатель-

---

[29] Относительные, вопросительные, неопределенные и отрицательные местоимения не учитывались при подсчете, поскольку: 1) они сравнительно немногочисленны и, таким образом, соответствующие сведения были бы статистически недостоверными, 2) на расположение местоимений, относящихся к каждому из этих разрядов, должны были оказывать влияние добавочные факторы: связь с предшествующим предложением (для относительных местоимений); специфика порядка слов в вопросительном предложении (для вопросительных местоимений); то, что некоторые разряды еще находятся в стадии формирования (для неопределенных и отрицательных местоимений). См., например: М. В. Федорова. Лексико-грамматические очерки по истории русских местоимений. Изд. Воронежского ун-та, 1965, стр. 155—165, 196 и др.

ных же и местоимений она является в известной мере фикцией, результатом суммирования разнородных данных. Естественно, что она должна быть пополнена указанием на более частные зависимости, действующие в пределах отдельных частей речи. Эти зависимости рассматриваются далее в пунктах 2, 3, 4.

2) Расположение прилагательного зависит от того, является ли оно кратким или же полным (бóльшая часть кратких прилагательных — 68% — постпозитивны, тогда как бóльшая часть полных — 69% — отмечена в препозиции)[30]. Например: а се я всеволодъ далъ ѥсмь *блюдо серебрьно*. въ л҃. грвнъ серебра. стмоу же геѡргиеви (Гр. Мстислава, ок. 1130 г., Обнор., № 8); Лежите *на земли пусте*, ни ким брегоми (Пов. о раз. Ряз., с. 16); а нынѣ водѧ *новоую женоу* а мънѣ не въдасть ничьто же (Новг. берест. гр. XI или XII в., № 9); Ту *кроваваго вина* недоста; ту пир докончаша *храбріи Русичи* (Сл. о плк. Иг., с. 18).

3) Расположение прилагательного зависит также от принадлежности его к тому или иному классу.

Притяжательные прилагательные в древнерусских памятниках обычно (61,8%) постпозитивны. Например: Томьᵀ лѣᵀ. прѣстависѧ. ѡа. *снъ всѣволожь вьноукъ мьстиславль*. априлѧ въ .гі. (I Новг. л., л. 12); се ѥсть *снъ бии, црь Изрлвъ* (К. Тур., V, 27); *Ра же бии* феѡ҃ръ вниде *в жилище зміево* (Фед. Тирон, с. 97). Препозиция притяжательных прилагательных встречается в анализируемых памятниках XI—XIV вв. значительно реже (38,2%), например: Овьса *оу Боуѧкъва брата* дови гривене пать кны (Новг. берест. гр. руб. XII—XIII вв., № 219); и быᵀ в Ростовѣ радоᵀ велика *о Глѣбовѣ приѣздѣ* (Лавр. л., л. 167).

Для остальных классов, напротив, более характерна препозиция; однако и здесь удельный вес препозиции неодинаков для разных классов прилагательных (качественные прилагательные препозитивны на 71,2%, относительные прилагательные — на 57,9%). Приведем некоторые примеры.

Препозиция качественных прилагательных: в тои пакости *велика пагоуба* бываеть ѿ погани. смолнѧномъ и немцомъ (Смол. гр. 1229 г., сп. D); и цвьтѧше мѣсто то *добрыими нравы* (Ж. Феод. Печ., 36г). Препозиция относительных прилагательных: а ѿ *пѣсчана броду по пиньскыи мостъ* (Дог. гр. кн. Дм. с кор. Казим., 1366 г., Собол. и Пташ., № 8); людье изнемогоша *водною жажею* и предашаᵀ (Лавр. л., л. 37 об.). Постпозиция качественных прилагательных: А *конюхъ старыи* оу стада 80 гривенъ (Рус. пр. по Акад. сп., л. 51); Лежаша *на земли пусте*, на траве ко-

[30] К этому выводу приходили многие исследователи древнерусского синтаксиса. Ср.: Е. С. Истрина. Указ. соч., стр. 52; В. И. Борковский. Указ. соч., стр. 219 и сл.

выле (Пов. о раз. Ряз., с. 15). Постпозиция относительных прилагательных: и сътвори въ тои клѣтъцѣ *всенощьноѥ пѣниѥ* (Сказ. о Б. и Г., л. 19б); Ту Игорь Князь высѣдѣ *изъ сѣдла злата*, а въ сѣдло Кощіево (Сл. о плк. Иг., с. 22).

Следует иметь в виду, что данная зависимость (зависимость расположения прилагательного от принадлежности его к тому или иному классу) связана со второй, рассмотренной ранее зависимостью (зависимость расположения прилагательного от принадлежности его к полным или кратким). Так, склонность притяжательных прилагательных к постпозиции в какой-то степени связана с тем, что они имеют, как правило, краткую форму.

Оказалось, однако, что свести эти зависимости к одной нельзя: так, удельный вес препозиции в кратких качественных прилагательных больше, чем в кратких относительных, а в полных качественных больше, чем в полных относительных.

4) Размещение местоимения зависит в древнерусских памятниках от разряда, к которому это местоимение относится. Притяжательные местоимения обычно (78,3%) стоят в постпозиции, например: і придоша пѣши *в домы своя* (I Новг. л., л. 160 об.); василиѥ *оче мои* и господине. приклони *оухо твое* и оуслыши *гласъ мои* (Сказ. о Б. и Г., л. 14б). Определительные и указательные местоимения, напротив, тяготеют к препозиции (определительные препозитивны на 88,9%, указательные — на 70,2%), например: злая жена *всю жизнь* мужа своего погубить (Сл. Дан.-Зат., л. 283); Вѣдаи то *каждыи чл҃вкъ* (Дог. гр. 1350 г., Собол. и Пташ., № 46); взати ѥму *тая правда* которая *в томъ городѣ* (Смол. гр. 1229 г., сп. F); что бо *сего чюдесѣ* дивнѣѥ (Чт. о Б. и Г., л. 46).

5) Размещение определения в древнерусских памятниках зависит от вхождения его в состав того или иного конкретного атрибутивного словосочетания. Так, например, в словосочетании «великии князь» для определения характерна препозиция, в словосочетаниях «честь великая», «побѣда великая», «радость великая» это же определение встречается, как правило, в постпозиции.

Б. В восточнославянских памятниках XV—перв. пол. XVII в.

Что касается расположения одиночного определения в современных восточнославянских языках, то здесь показания всех трех восточнославянских языков являются, несмотря на некоторые частные различия, вполне однородными: определение ставится, как правило, в препозиции; постпозиция, некогда столь же употребительная, крайне редка [31].

[31] См.: «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, стр. 674—679; «Курс сучасної української літературної мови», т. II, стр. 137—138; Б. М. Кулик. Курс сучасної української літературної мови, ч. II, стр. 127—128; «Курс сучаснай беларускай літаратурнай мовы. Сінтаксіс», стр. 171—175.

Поскольку эволюция порядка членов атрибутивного словосочетания началась с единой исходной точки и привела к единому результату в современных восточнославянских языках, то можно было бы ожидать, что русские, украинские и белорусские памятники XV—XVII вв. также будут едины в отношении расположения определения и будут фиксировать некую промежуточную стадию развития тенденций, приведших к изменению системы, представленной древнейшими памятниками, в систему современных восточнославянских языков.

Этого, однако, нет. Ожидаемая промежуточная стадия развития фиксируется лишь в старорусских памятниках, где действительно увеличился удельный вес препозиции (с 52% до 68,7%), а в старо-украинских и старобелорусских памятниках этого роста нет — как и в древнерусских, в них большой вес имеет постпозиция определения. Можно было бы видеть в этом некоторую замедленность развития украинского и белорусского языков в рассматриваемом отношении. Однако имеющиеся данные заставляют со всей категоричностью отказаться от этой точки зрения: действительно, старо-украинские и старобелорусские памятники внутри отдельных групп определений отнюдь не сохраняют того соотношения между

Таблица 5

Удельный вес препозиции согласованного одиночного определения в восточнославянских памятниках (в %)

Часть речи \ Памятники	Древне-русские	Старо-русские	Старо-украинские	Старо-белорусские
Прилагательные . . .	60,8	68,2	46,1	46,9
Местоимения	41	68,8	59,2	64
Числительные	90	95,8	43,2	74
Всего	52	68,7	51,2	55,5

препозицией и постпозицией, которое существовало в древнерусских памятниках. Изменения прослеживаются достаточно отчетливо, хотя они имеют не тот характер, что изменения, фиксируемые старорусскими памятниками. Наглядное представление об этом могут дать табл. 5—7.

В табл. 5 приведены данные, касающиеся эволюции размещения определений-прилагательных, определений-местоимений и определений-числительных; в табл. 6 — данные, касающиеся эволюции размещения отдельных классов прилагательных; в табл. 7 — отдельных разрядов местоимений.

Таблица 6

Удельный вес препозиции отдельных классов прилагательных (в %)

Класс прилагательного \ Памятники	Древнерусские	Старорусские	Староукраинские	Старобелорусские
Качественные	71,2	75,5	64,9	66
Притяжательные . . .	38,2	53,5	21	26,5
Относительные	57,9	69,1	36,7	28,8

Таблица 7

Удельный вес препозиции отдельных разрядов местоимений (в %)

Разряд местоимения \ Памятники	Древнерусские	Старорусские	Староукраинские	Старобелорусские
Указательные	70,2	93,6	82,8	96,7
Определительные . . .	88,9	95,6	92,4	94,2
Притяжательные . . .	21,7	34,3	32,8	31,4

Данные, приведенные в табл. 5—7, весьма убедительно свидетельствуют о том, что от древнерусского состояния развитие взаиморасположения частей атрибутивного словосочетания шло в восточнославянских письменностях по двум различным линиям.

Одна линия (отражаемая старорусскими памятниками) проявляется в увеличении удельного веса препозиции определения. Препозиция становится основным порядком взаиморасположения членов атрибутивного словосочетания. Это касается всех рассматриваемых групп прилагательных, местоимений и числительных. Исключение составляют только притяжательные местоимения, для которых обычной остается постпозиция. Однако и здесь препозиция начинает теснить постпозицию: ее удельный вес увеличивается по сравнению с древнерусскими памятниками в полтора раза (с 21,7 до 34,3%).

Отметим еще, что удельный вес препозиции особенно быстро растет для тех классов, где он был наименьшим (т. е. в относительных и притяжательных прилагательных). Происходит, таким образом, некоторое выравнивание классов. Так, если в древнерусский период качественные прилагательные были препозитивны на 71,2%, а притяжательные на 38,2%, то в старорусских памятниках разница между классами в отношении взаиморасположения членов

атрибутивного словосочетания становится менее ощутимой: в качественных прилагательных — 75,5% препозиции, в притяжательных — 53,5%. Приведем некоторые примеры из старорусских памятников.

Препозиция определения[32]: 1) а межа. с нижную сторону. ѡ двины. *по глубокому. ручью* (Двин. гр. XV в., Шахм. Исслед., № 125); 2) . . . о томъ истязанъ будетъ въ день *страшнаго суда* (Стоглав, с. 42); 3) А будетъ кто воровствомъ же учнетъ отъимати *гсударевы печати отъ государевыхъ грамотъ* (Улож. 1649 г., с. 12); 4) а *тому мастерству* недостаточно наученъ и негораздо знаетъ (Уч. и хитр. рат. стр., с. 56); 5) *ото всѣхъ странъ* врази уже приближаются и находятъ (Письма Курб., с. 456); 6) Послушай, куря, *моего учения, своея матере* лисицы (Пов. о куре и лис., с. 191); 7) Июня в *24 день в первом часу* дни пришли к нам паши его под город (Пов. об азов. взятии, с. 61). Постпозиция определения: 1) и укрѣпить ноги наша *на путь миренъ* (Стоглав, с. 32); 2) и Яз оставил *житие земное* у вас и пут *царства небеснаго* (Пересветов, с. 83); 3) Пойдем, брате, тамо в полунощную страну, *жребия Афетова, сына Ноева* (Сл. о Кулик. битве, с. 33); 4) *Славу таковую* отъ нихъ получилъ еси! (Письма Курб., с. 151); 5) каменіа и древа и *нивы вся* дарми его упокоишася (Ст. о Смуте, с. 1283); 6) *Языкъ мои врагъ мои* прежде *ума мое* рыще[т] (Пословицы XVII в., л. 381); 7) В Петров пост, в пяток, *в час шестый*, тьма бысть (Аввакум. Житие, с. 56).

Другую линию развития древнерусского размещения членов атрибутивного словосочетания (отражаемую староукраинскими и старобелорусскими памятниками) обнаружить гораздо труднее. Тот факт, что количественное соотношение между препозицией и постпозицией определения в староукраинских и старобелорусских памятниках примерно то же, что и в древнерусских, говорит, как будто, о том, что заметного развития нет, а есть сохранение древнерусского состояния. На самом же деле сходство является внешним, и за ним кроются глубокие изменения в расположении отдельных групп определений. Как и в старорусских памятниках, увеличился, по сравнению с древнерусскими памятниками, удельный вес препозиции атрибутивных местоимений (с 41% в древнерусских памятниках до 59,2% в староукраинских памятниках и до 64% в старобелорусских памятниках), но одновременно (в отличие от русских памятников) уменьшился удельный вес препозиции прилагательных (с 60,8% в древнерусских памятниках до 46,1% в староукраинских памятниках и до 46,9% — в старобелорусских)[33],

[32] Порядок подачи материала: 1) качественные, 2) относительные, 3) притяжательные прилагательные; 4) указательные, 5) определительные, 6) притяжательные местоимения; 7) числительные.

[33] Таким образом, наш материал не подтверждает вывода некоторых исследователей о преимущественной препозиции определения-прилагательного в староукраинских или старобелорусских памятниках (ср.: О. П. Бевапалько.

и уменьшился удельный вес препозиции порядковых числительных (с 90% в древнерусских памятниках до 43,2% в староукраинских и до 74% в старобелорусских памятниках).

Это положение, находящееся, видимо, в противоречии с основной линией развития порядка членов атрибутивного словосочетания в восточнославянских языках, в противоречии с результатом развития, который находим в современных украинском и белорусском языках, объясняется, очевидно, влиянием на староукраинскую и старобелорусскую письменность польского языка [34]. Позднее проникновение в литературный язык особенностей живой народной речи (где это влияние было, очевидно, менее сильным) привело к победе в украинском и белорусском литературном языках той тенденции к препозиции определения, которая задолго до того победила в русском литературном языке и была заложена, видимо, еще в древнерусском языке.

К сожалению, данных для сравнения староукраинских и старобелорусских памятников со старопольскими мы не имеем. Поэтому, в полной мере сознавая уязвимость нашего метода, мы сопоставляем данные староукраинских и старобелорусских памятников с данными современного польского языка Таким образом, мы исходим из предположения (разумеется, нуждающегося в проверке), что в старопольских памятниках уже сложился в общих чертах порядок членов атрибутивного словосочетания, существующий в современном польском языке.

Наши материалы показывают, что порядок членов атрибутивного словосочетания староукраинских и старобелорусских памятников полностью (включая даже частности, детали) согласуется с фактами современного польского языка.

а) В староукраинских и старобелорусских памятниках атрибутивные местоимения являются (так же, как в польском языке [35]) по преимуществу препозитивными (в этом отношении польский и русский языки развивались в одном направлении), и поэтому показания старорусских, староукраинских и старобелорусских памятников довольно однородны: препозиция местоимения составляет в них соответственно 68,8, 59,2 и 64%. (В древнерусских памятниках препозиция местоимения составляла лишь 41%).

Історична граматика української мови, ч. III. Синтаксис. Київ, 1956, стр. 112; «Нарысы па гісторыі беларускай мовы». Мінск, 1957, стр. 366—367).

[34] Ср. высказывание Л. А. Булаховского: «Письменный язык украинцев и белорусов, как известно, в течение веков, в одних жанрах больше, в других меньше, испытал на себе очень сильное влияние польского, влияние тем более глубокое, что оно не было только литературным или в основном литературным, а отражало интеграционные процессы, происходившие и в народном, бытовом языке» («К истории взаимоотношений славянских литературных языков». — «Изв. АН СССР, ОЛЯ», т. X, вып. 1, 1951).

[35] Ср.: «Gramatyka opisowa języka polskiego z ćwiczeniami», t. II. Pod red. W. Doroszewskiego i B. Wieczorkiewicza. Warszawa, 1959, стр. 249—250.

б) Качественные прилагательные в староукраинских и старобелорусских памятниках обычно препозитивны, но постпозиция имеет здесь бо́льший удельный вес, чем не только в старорусских, но даже и древнерусских памятниках (в староукраинских и старобелорусских памятниках — 34,5, в старорусских — 24,5, в древнерусских — 28,8%).

в) Относительные прилагательные (как и в польском языке [36]) обычно постпозитивны (в староукраинских памятниках на 63,3% в старобелорусских — на 71,2%).

г) Особенно характерна постпозиция (как и в польском языке [37]) для притяжательных прилагательных (в староукраинских памятниках — 79% постпозиции, в старобелорусских — 73,5%).

Приведем некоторые примеры препозитивных и постпозитивных определений в староукраинских и старобелорусских памятниках [38].

Препозиция определения в старобелорусских памятниках: 1) разсудытся со мною на *страшномъ судѣ* (Ст.-бел. гр. 1458—1459 гг., АЗР, т. I, № 62); 2) хто бы *земскую службу* заступил (Лит. ст. 1529 г., с. 21); 3) кнзь же великїй Семенъ возвратиса на Москвѫ слышати *црво жалованїе* (Лет. Акад., л. 148 об.); 4) А потомъ *ѡное мѣсто* долго пусто стоало (Ист. о Атыле, с. 206); 5) ехалемъ до Варшавы и мешкалемъ тамъ презъ *вшитку осень* (Дневн. Евлаш., с. 132); 6) штобы еси не моглъ печа имети ѡ *твоеи матоуне* (Страсти Христовы, л. 12 об.); 7) Былъ мене богъ почстилъ у *первомъ турнаю*, а в другом (Пов. о витязях, с. 34). Постпозиция определения в старобелорусских памятниках: 1) напервей далъ ми *землю пѫстѫю* панъ Миколай Радивиловичь (Вил. гр. 1510 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 48); 2) Новинъ съ *краю тутошнего* не мѣлъ есми (Вестов. отписки Кмиты, 1573—1574 гг.); 3) За тымъ декретъ от того *наместника патриархового* оферованъ (Лет. Баркул., л. 150); 4) А я еще *осени той* мусилемъ Варшаву наведити (Дневн. Евлаш., с. 130); 5) дарѫю и записѫю жоне моей, кнегини Настасьи *выслѫгѫ всю* (Могилев. гр. 1533 г., Arch. Sang., т. III, № 437); 6) А для того воротисе до *земли твое* певей ни*ли *гнѣвъ нашъ* на *головѫ твою* вступи

[36] Ср.: А. С. Посвянская. К вопросу о порядке слов в польском языке. (Место одиночного определения, выраженного именем прилагательным.) Автореф. канд. дисс. М., 1954, стр. 11.

[37] Ср. «Gramatyka opisowa języka polskiego z ćwiczeniami», t. II, стр. 249—250.

[38] Порядок подачи материала в пунктах: 1) качественные, 2) относительные, 3) притяжательные прилагательные; 4) указательные, 5) определительные, 6) притяжательные местоимения; 7) числительные. Приводится по одному примеру на каждую из перечисленных групп.

(Александрия, с. 47); 7) Умеръ король, его милость, Августъ в понеделокъ липца 7 дня, *годины третей* зъ полудня (Дневн. Евлаш., с. 134).

Препозиция определения в староукраинских памятниках: 1) и мы ему дали и записали за его *вѣрную службу* тая села (Киев. гр. 1437 г., АЮЗР, т. I, № 19); (2 *грамматичкого дробязку* не изучих, *риторичное игрушки* не видах (Виш. Книжка, с. 10); 3) Впал з ними *Ксерксово войско* рубаючи (Вирши Саковича); 4) Колі риби достанемо В *тоім горщику* зваремо (Инт. Гаватовича); 5) приими *всю власть* его (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 253 об.); 6) Идиж, иди за *своим Христом* (Сл. о збур. пекла); 7) и осѣло до *третего дня* и въ порохъ ся обернуло (Палин. Копыст., с. 472). Постпозиция определения в староукраинских памятниках: 1) попал есми в *долги великие* (Луцк. гр. 1534 г., Arch. Sang., т. III, № 493); 2) на что ся *церковь восточная* вооружила (Вин. Позорище, с. 218); 3) виденіе сердца своего глаголютъ, а не отъ *устъ Господнихъ* (Отв. клир. Острож., с. 409); 4) *тестаментъ оный* въ руки ему вложили (Ист. о Флор. соборе, с. 466); 5) И *пророки всѣ* тымъ же способомъ посланы были (Переторога, с. 228); 6) Гой козачейку, *пане ж мій*, Далек же маэш *домик свій*? (Песня про козака и Кулину); 7) ⟨Люципер⟩ тилко послов очѣкую. И *вѣсти первой* ожидаю (Сл. о збур. пекла).

Как и в древнерусских памятниках XI—XIV вв., препозиция или постпозиция одиночного согласованного определения является в восточнославянских памятниках XV—XVII вв. в значительной степени случайной и не связанной с различием в значениях. В этом убеждают многочисленные случаи употребления в аналогичных условиях то препозиции, то постпозиции определения. Приведем несколько примеров такого рода.

Ст.-рус.: а стоятъ на томъ мѣстѣ 7 *кандилъ христіянскихъ*, и едино *Латынское кандило* съ масломъ древянымъ (Пут. моск. купцов, с. 139); или кто *тетеревиной шатеръ*, или куропотную сѣтку украдетъ, и въ томъ на него будутъ челобитчики, и съ суда про то сыщется допряма: и на немъ за то доправити иску *за шатеръ тетеревиной* три рубли (Улож. 1649 г., с. 65—66). Ст.-бел.: А *сына дей молодшого* отправити маетъ до Москвы, а *старшого сына* отправляетъ у Новгородъ Великій (Вестов. отписки Кмиты, 1573—1574 гг.); и *кнѧ(з) великы(и)* Ꙗкгаило ра(д)у собѣ оучини(л) *съ своею мате(р)ю великою кнгнею* Оульяною. и (з) *бра(т)ею своею*. (Лет. Крас., л. 78). Ст.-укр.: Пытали есьмо *старыхъ бояръ* и *мужей старыхъ* (Луцк. гр. 1430 г., АЮЗР, т. I, № 18); Этꙋмологі҃а есть *часть* грамматіки *вторая* ... Сꙋнтаг҃і҃с есть *третіа часть* грамматіки (Грам. Смотр., с. 328, 332); *дроугъ извѣстенъ* в *не извѣстнѣ вещи* познавается (Грам. Смотр., с. 332); Зъ писма св. науку о томъ маешъ *въ первомъ артикулѣ*, *первого роздѣла*, *части первой* (Палин. Копыст., с. 487);

Естъ Петръ *верховнымъ апостоломъ*, есть и Павелъ *апостоломъ верховным* (Палин. Копыст., с. 442).

Причина перехода от свободного расположения определения к закрепленному, фиксированному заключается, видимо, в том, что фиксированное взаиморасположение членов атрибутивного словосочетания делает более четкими и ясными синтаксические связи внутри предложения. Это облегчало понимание, и, кроме того, избавляло от многих случаев омонимии. Свободное расположение определения в восточнославянских памятниках, напротив, приводило к тому, что определение, находящееся между двумя существительными, грамматически могло в ряде случаев относиться к любому из них. Если же между двумя существительными оказывалось несколько определений (одинаковых или же омонимичных по форме), то возможность ложного понимания еще более увеличивалась: не всегда ясно, относятся ли все эти определения к первому существительному или ко второму, или, наконец, часть из них относится к первому, а часть — ко второму существительному. Примеров такого типа в анализируемых памятниках очень много. Ограничимся приведением лишь некоторых из них.

Др.-рус.: чл҃вкъ быхъ щедръ и млтив҃ъ. не солгавъ ѡбѣта *моего въчлвчнья* (К. Тур., VI, 39); баше бо ѡбрѣлъ *моужа такового бесоурменина* иже стрѣлаше. живымъ ѡгньмь (Ипат. л., л. 222). Ст.-рус.: А которой бояринъ, или дворецкой, или казначей, или діякъ, *жалобника своего приказу* отошлетъ... (Суд. Ив. IV, с. 189); цѣловати животворащїи крт҃ъ, и *стыи, честныѧ ѡбразы чюдотворные многоцѣлебныѧ мощи* (Домострой, с. 5); ... в онбаре оустроити сани дровни телѣги колеса ѡдры *страдные* дѫги хомѫты ѡглобли рогожи *посконные* вожжи лыка и мочала, веревки *лычьные* ѡброти тажи шлеи (Домострой, с. 53); і ему служили многіе *люди мудрые филосовы і докторы* (Пересветов, с. 68); По повелѣнію же цареву обрѣтеся такый хитрецъ и дастъ обѣщаніе царю, да потопитъ *градъ той водою* (Пов. Кат.-Рост., с. 587); и *козньми нѣкими хитропытными наводненіи* Тулу градъ взя (Статьи о Смуте, с. 1300); И се до здѣ *лжи тоя смутныа писма* (Статьи о Смуте, с. 1312); *Ксенья бедная Гавриловна!* Взыщи мужа тово своего и живи с ним (Аввакум. Письма, с. 290). Ст.-бел.: и реистръ *шкод тых подданых* своих ѡн в себе маеть (Брест. гр. 1544 г., Arch. Sang., т. IV, № 318); посланъ же пила *до людеи ѡкроутны*᷍ *свои*᷍ *соудеи* мордаревъ не не вѣдаючи кде посла᷍ маеть быти (Страсти Христовы, л. 23); Тогды дари᷑ прочитавши ѡны᷑ листъ засмути᷍се ве᷑ми пото᷑ листъ написа᷍ *пано᷑ свои᷑ преложоны᷑ ты᷑ обычае᷑* (Александрия, с. 45). Ст.-укр.: *проповѣдниковъ новыхъ законовъ своихъ езуитовъ* по всему свѣту розсылаетъ (Пересторога, с. 228); и събравшеся всѣ зрители оного *видѣния безобразнаго того гласа*, чудуйтеся и поминайте его (Виш. Книжка, с. 19); троякое Гос-

www.ruslang.ru

подне Петра о любви пытанье не естъ *невѣдомости Панское мнеманье* (нехай такъ нѣкоторыи не мышлятъ!) (Палин. Копыст., с. 427).

Почему из двух возможных типов фиксированного размещения определения восточнославянские языки останавливаются на препозиции, а не на постпозиции, некогда с ней равноупотребительной, — сказать трудно. Возможно, в какой-то степени это связано со стремлением сильнее отграничить согласованное определение от определения несогласованного, закрепив за первым препозитивное, а за вторым постпозитивное положение. Иногда это позволяет избежать омонимии — например, омонимии атрибутивного прилагательного с субстантивированным прилагательным. Ср. следующую конструкцию: свѣдоцства *зъ писмъ святыхъ* (Палин. Копыст., с. 349). Для восточнославянских памятников эта конструкция является омонимичной («зъ писмъ святыхъ» =а) из писем, написанных святыми; б) из писем, являющихся святыми). В современных восточнославянских языках этой двузначной конструкции соответствуют две однозначные конструкции: 1) «из писем святых» (=из писем, написанных святыми); 2) «из святых писем» (=из писем, являющихся святыми). Во всех случаях, аналогичных приведенному, фиксированное положение согласованного и несогласованного определений избавляет от омонимии.

Дистантное расположение определения

Отрыв определения от определяемого слова — явление, встречающееся как в памятниках, так и в современных восточнославянских языках. Приведем некоторые примеры из памятников XI — перв. пол. XVII в.[39]

Др.-рус.: а *волостии ти книже новгородьскыхъ* своими моужи не держати (Новг. гр. 1265 или 1264 г., Шахм. О языке, № 2); оу дворе оу Фредрика *ключь взали силою клетьныи* и пошли прочь (Гр. рижан к кн. Мих. Конст. ок. 1300 г., Срезн. Др. пам. 1-е, № 241); а *судьи слати тобѣ свои* на петровъ дьнь (Новг. гр. 1371 г., Шахм. О языке, № 8); Дивнѣи дива, иже кто *жену поимаеть злобразну* прибытка дѣля (Сл. Дан. Зат., л. 282 об.). Ст.-рус.: и *людским бы еси вракам* не потакал (Моск. гр. 1572 г., Дух. дог. гр., № 104); *Плае берегѹтъ оу собѧ лѹчшее* (Домострой, с. 19); Нам *земля подобна есть Руская* милому младенцу у матери своей (Сл. о Кулик. битве, с. 41); и благымъ добронравіемъ своимъ, аки *солнечнымъ любовнаго луча свѣтомъ* военачялники совокупи (Ст. о Смуте, с. 1317—1318); я не боюсь никово; *одново боюсь Христа* (Аввакум. Житие, с. 88). Ст.-бел.: и *листъ намъ судовый* на то далъ (Вил. гр.

[39] Курсивом выделяются определение, определяемое слово и разделяющие их слова.

1514 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 66); умеръ князь Массалский, *въ ласце на онъ часъ королевской* будучий (Дневн. Евлаш., с. 134); *знаменитое мужства своего сведѣуство* ѡказал (Ист. о Атыле, с. 127). Ст.-укр.: дали есмо емоу за его *вѣрную намъ слоужбоу* село холопѧчь (Луцк. гр. 1451 г., Укр. гр. № 84); по всѣ свои вѣки *жадной въ собѣ монархіи* не знала (Палин. Копыст., с. 408); Ти естесь ему щось за родина, Що така *твоя о нем з нами перепина* (Сл. о збур. пекла).

Примечание. Очень часты в памятниках конструкции с частицами «же», «бо» типа: *Тои же зиме* приходиша всѧ чюдьска земля къ пльсковоу (Новг. л., л. 40—41); *оусобнаѧ же рать* бываеть ѿ сваженіи дьяволя (Новг. л., л. 125—125 об.); *вси бо Оугре и Лѧхове* оубьени быша (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 251). Эти конструкции нередки и в современных восточнославянских языках. Вряд ли можно говорить здесь о разрыве атрибутивного словосочетания: частица относится к одному из членов словосочетания и входит в состав атрибутивного словосочетания, что, как нам кажется, не позволяет рассматривать данные конструкции как конструкции, где разделены определение и определяемое слово.

Разница между древним и современным состоянием заключается, видимо, не в наличии или отсутствии дистантного расположения согласованного определения, а в распространенности такого расположения: как будто, дистантное расположение определения в восточнославянских памятниках имеет большее распространение, чем в современных текстах [40]. Если это так, то его роль как способа смыслового выделения определения была в памятниках менее эффективной, чем в современных текстах (по общему принципу — употребительность обратно пропорциональна эмоциональности). Некоторые конструкции с дистантным определением настолько широко распространены в памятниках, что дистантность определения должна здесь рассматриваться как нормальное, обычное словорасположение, не связанное со смысловым выделением.

1. Такова конструкция, где между определением и определяемым словом стоит личное местоимение или притяжательное местоимение *его, ее, их*.

Др.-рус.: Цо *прилбица ѿ тебе Ондрѣюва*, прилбица даі Ондрѣю (Новг. берест. гр. XIV в., № 383); а без *новгородьского ти слова* кнѧже. воины не замышлѧти (Новг. гр. 1371 г., Шахм. О языке, № 8); а *вотчины вы моеѣ* блюсти. а не обидети (Гр. 1382 г., рук. ЦГАДА); а *домъ ѥго всь* розграбиша. и села (I Новг. л., л. 112); И поидоша в церковь пресвятыя владычицы богородицы *честнаго ея успения* (Пов. о раз. Ряз., с. 11). Ст.-рус.: и *силы имъ некоторые* не чинять (Моск. гр. 1543 г., АЮБ, т. 1, № 40); и *тѣ ему убытки* платити безъ суда втрое (Суд. Ив. IV, с. 264); и тѣхъ бѣглыхъ людей и крестьянъ роспрашивая отдавати *старымъ ихъ помѣщикомъ и вотчинникомъ*

[40] Это не более чем предположение, нуждающееся в дополнительной проверке. Соответствующие подсчеты нами не производились.

(Улож. 1649 г., с. 86); однако есми холоп, *иного мнѣ имени* не прибудетъ (Пересветов, с. 75); аще ли сего не сотворишь, *неистерпимую тебѣ брань* являю (Письма Курб., с. 149); и, уразумевше истинну, не стали *к прелесной их службе* ходить (Аввакум. Житие, с. 93). Ст.-бел.: ты *кривды емѫ великии* дѣлаеш оу пѫщахъ его (Троцк. гр. 1494 г., Arch. Sang., т. III, № 42); а самому волно пойти *со всими его статки* (Лит. ст. 1529 г., л. 23); и мовилъ еи ѡ *своеи великои ку неи милости* (Пов. о витязях, с. 1). Ст.-укр.: і *любов к ним приятелскую* указал (Укр. гр. 1653 г., Вос. Укр. с Рос., т. III, № 182); А тамъ же отъ мѣстъ *розные на нихъ скарги* чинено до митрополита (Пересторога, с. 211).

Для современных восточнославянских языков подобное включение личного местоимения или притяжательного местоимения *его, ее, их* внутрь атрибутивного словосочетания не характерно. Для восточнославянских памятников оно является нормой.

2. Вполне обычными также (хотя и не единственно возможными) являются в восточнославянских памятниках конструкции, где между определением и определяемым расположено несогласованное определение к этому определяемому.

Др.-рус.: Того лѣ Стосла кнѧзь въ Юргевѣ руші *црквь ста Юргѧ каменую* (Лавр. л., л. 157). Ст.-рус.: и ты бъ *тое Государя нашего бояръ грамоту* къ паномъ Радамъ отослалъ, не издержавъ, часа того (Смол. гр. 1580 г., АИ, т. I, № 206); бо уже и *седины власовъ нашихъ свѣтлые* ко одному свѣту свѣтлеишему образъ являютъ и возваніе къ небеси (Письма Курб., с. 456). Ст.-бел.: и *лист дѧдка твоего записный* в себе мает (Брест. гр. 1544 г., Arch. Sang., т. IV, № 321); взѧвши Рым, мѣли бы *вечную своих справ славу* (Ист. о Атыле, с. 214). Ст.-укр.: абы онъ *богомолцомъ вашей милости вѣчнымъ* былъ (Киев. гр. 1563 г., АЮЗР, т. I, № 143); Что есть орфографіа: Есть *часть грамматики первѧ*, естество писменъ... (Грам. Смотр., с. 328); Пытаемо: до которои церкви належатъ *оные Лариона, а по вашему — Гиларіуша, слова?* (Отв. клир. Острож., с. 426); а за сии образ... приимеши *неувядаемый славы вѣнец*... (Виш. Книжка, с. 109).

Следует отметить, что для современных восточнославянских литературных языков дистантные конструкции с несогласованным определением между определением и определяемым словом также вполне обычны, — но только в случае распространенного определения (ср.: «*Формы существительного, рассмотренные в первой главе исследования*, малоупотребительны», но: «*Рассмотренные формы существительного* малоупотребительны»). Таким образом, восточнославянские памятники отличаются от современных языков тем, что включение несогласованного определения внутрь атрибутивного словосочетания было возможно не только в случае распространенного определения, но также и в случае одиночного определения.

3. Вполне обычными, нейтральными для восточнославянских памятников являются также конструкции, где между определяемым словом и определением стоит предлог *ради*, *дѣля*[41], например: то же все бы *грѣхъ дѣлъ нашихъ* (I Новг. л., л. 151 об.); Вот дурак, *сластей тех ради земных* что над собою сделал! (Аввакум. Письма, с. 228); ономоу же оутекши пред нимъ. *борзости ради коньское* (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 250).

Специфика взаиморасположения членов атрибутивного словосочетания в восточнославянских памятниках XI—XVII вв., сразу же обращающая на себя внимание исследователя, в значительной степени сводится к наличию в текстах памятников большого числа дистантных конструкций трех указанных видов: а) с личным местоимением или притяжательным местоимением *его*, *ее*, *их* внутри атрибутивного словосочетания; б) с несогласованным определением внутри атрибутивного словосочетания; в) с предлогом внутри атрибутивного словосочетания.

Другие виды дистантных атрибутивных словосочетаний сравнительно редки. Приведем некоторые примеры.

Др.-р у с.: а *городовъ оу рускои земли новых* не ставити (Дог. гр. кн. Евн., Кейст., Люб. с кор. Казимиром, 1350 г., Собол. и Пташ., № 46). Ст. - б е л.: человекъ презъ великую доброту свою *вечнои годный памети* (Дневн. Евлаш., с. 146); *А свирепа естлибы которая* в бороне не бывала (Лит. ст. 1529 г., с. 93); я битву покину коли *дань ѡтпустишъ корновальскую* (Пов. о витязях, с. 21). Ст. - у к р.: а *своей есми печати* на тот час не мѣл (Луцк. гр. 1544 г., Arch. Sang., т. IV, № 304); але и *простого люде стану* у иновѣрство и отщепенство приходили (Пересторога, с. 205); а я *штоденны зостаю бгомолце* (П. Берында); Маю *тот на полю вшиток* (Инт. Гаватовича).

Особенно редки в древнерусских памятниках случаи отделения определения от определяемого слова целой группой слов. Несколько большее распространение они получают в более поздних восточнославянских памятниках, где отрыв определения от определяемого слова начинает использоваться как один из способов придачи изложению элемента торжественности. То, что это приводило к тяжеловесности и значительно затрудняло понимание, видимо, считалось несущественным. Как в украинских и белорусских, так и в русских памятниках определенных стилей нередки подобные случаи нарочитого отделения определения от определяемого слова целой группой слов. Вот некоторые из них: А *новые отъ частыхъ расколы дѣющихъ учителеи* ихъ растлѣнны, и православные бы имъ не во всѣмъ вѣрили (Письма Курб., с. 402); и вос-

[41] В отдельных случаях внутри атрибутивного словосочетания могут находиться также другие предлоги. Ср.: Иная убо не *твоеи въ милости бяху* (Письма Ив. IV, л. 90).

хотел бы он, великий государь, ваших бусурманских кровей разлития и градом вашим бусурманским разорения *за ваше бусурманское к нему, великому государю, неисправление* (Пов. об азов. взятии, с. 69); Она же едва *слезнаго ради великаго народа моленія* на се преклонилася (Ст. о Смуте, с. 1320); *свою от заведения свобождая землю*, десницею вышнего *царскую восприял еси диадиму* (Укр. гр. 1624 г., Вос. Укр. с Рос., т. I, № 22); в державе великого короля польского, государя богом попущеного над нами, *умножившиеся злочестивой уніятской от апостолов церкве святоя восточноя ереси* (Укр. гр. 1624 г., Вос. Укр. с Рос., т. I, № 22); Аже *для достаточного о всяких делех с нами разговора* милость вашу его царское величество к нам прислал (Укр. гр. 1653 г., Вос. Укр. с Рос., т. III, № 210); *и трꙋдности тежъ слꙑвъ до вырозꙋмѣнꙗ темны многїи* ъ в собѣ маетъ (П. Берында); и от лжи в лжу перескакует, и крѣпити *ту тоюж лжею ложь*, яко что сущее, нудится (Виш. Книжка, с. 102); Якожъ тутъ *побожного и святобливого душа человѣка умыслу*, на тое смотрячи, не маетъ вздыхати (Отв. клир. Острож., с. 405); То *свѣжая владзы ключовъ царства небесного у патріарховъ нашихъ, святой Восточной Церкве пастырей скутечность* (Палин. Копыст., с. 471).

ПРИТЯЖАТЕЛЬНОЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ КАК ОДНО ИЗ ГРАММАТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Восточнославянские языки использовали в ходе своей истории два основных способа выражения принадлежности: а) притяжательным прилагательным и б) родительным падежом существительного. (Был еще и третий способ выражения принадлежности — дательным падежом существительного, но он ни в один из периодов развития восточнославянских языков не занимал заметного места. А. Правдин предполагает, что дательный принадлежности даже «в древнейший период не представлял собою вполне живого языкового явления и что многие случаи его употребления объясняются влиянием церковнославянской традиции» [42].)

Мы не можем выделить все достоинства и недостатки каждого из указанных способов выражения принадлежности и ограничимся лишь приведением нескольких фактов, доказывающих, что каждый из них в определенных случаях имел преимущества перед другим.

На преимуществах родительного принадлежности перед притяжательным прилагательным мы остановимся в дальнейшем. Сейчас мы отметим другую сторону вопроса, не освещенную исследователями, — преимущества притяжательного прилагательного, которые позволяли ему в течение многих веков успешно конкури-

---

[42] А. П р а в д и н. К вопросу о выражении принадлежности в русском языке. «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», вып. 51, 1957, стр. 109—110.

ровать с родительным принадлежности и оставаться вплоть до XVIII в. основным способом выражения принадлежности [43].

Одно из этих преимуществ заключается в сохранении определения как единой синтаксической категории, не делящейся, как это имеет место в современном языке, на «согласованные определения» и «несогласованные определения».

Другое преимущество притяжательного прилагательного заключается в том, что оно способствует более четкому выделению атрибутивного словосочетания: притяжательное прилагательное согласуется с определяемым словом, и это позволяет с легкостью определять, к какому из членов предложения оно относится.

Особенно сильно это преимущество должно было сказываться в тех (довольно многочисленных) случаях, когда определение оказывалось в предложении между двумя существительными, например: Кобꙗка руками ѥша... Тѣтиѧ с *сыно Кобꙗкова тьсти* Турундаѧ (Лавр. л., л. 134); оу ерма взꙗ полти да плачена васьꙗну старецу да двѣ *овчины ондронову сну* (Дух. гр. Патрикея, 1392—1427 гг., по рукописи); бѣаше бо по истинѣ *чловѣкъ бжии. свѣтило* въ вьсемь мирѣ видимоѥ (Ж. Феод. Печ., л. 42а).

В приведенных примерах замена притяжательного прилагательного родительным принадлежности привела бы к синтаксической омонимии, поскольку в восточнославянских памятниках размещение родительного не было фиксированным и грамматически он мог относиться как к предшествующему слову, так и к последующему. Употребление притяжательного прилагательного избавляло здесь от омонимии — во всех случаях, кроме случая, когда прилагательное грамматически согласуется как с существительным, предшествующим ему, так и с существительным, следующим за ним. В этом последнем случае притяжательное прилагательное также оказывалось бессильным против омонимии. Например: се же проявлꙗше *нахожењье Антихово нашествие* на Иерлмъ (Лавр. л., л. 55 об.); возрастивши сердца *воинником своимъ царьским жалованіемъ* і ласкою і привѣтомъ добрым (Пересветов, с. 67).

Третье (и, кажется, основное) преимущество притяжательного прилагательного — его однозначность, выгодно отличающая его от родительного (или дательного) принадлежности: так, форма *братов* может обозначать только принадлежность, тогда как форма *брата* может обозначать, кроме принадлежности, также родительный объекта при отрицании (*не было брата*), может обозначать

[43] Некоторые разряды притяжательных прилагательных (прилагательные от собственных имен) употреблялись чаще, чем родительный падеж существительного, даже в русских памятниках первого десятилетия XIX в. (ср.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в системе словосочетаний в русском литературном языке XIX века». М., 1964, стр. 139—140).

также винительный падеж в разных значениях и именительный (или винительный) падеж двойственного числа.

Разумеется, эта омонимия родительного принадлежности с другими формами в абсолютном большинстве случаев легко разбирается благодаря контексту, и все-таки это в какой-то, пусть небольшой, степени затрудняет понимание. Иногда же употребление родительного (или дательного) принадлежности приводило бы к серьезному затруднению понимания или даже к ложному пониманию. В этих случаях ярко проявляются преимущества притяжательного прилагательного как способа выражения принадлежности: «нѣсть сына игорева», «видѣти сына игорева», бесспорно, синтаксически точнее и четче конструкций «нѣсть сына Игоря», «видѣти сына Игоря», которые можно ошибочно квалифицировать как конструкции с приложением. Ср., например, также следующую фразу из Галицко-Волынской летописи, имеющую в отношении выражения принадлежности явные преимущества перед ее грамматическим эквивалентом в современных восточнославянских языках: и видѣвъ Воишеволкъ. *помочь Шварновоу и Василковоу ѡца своего.* и радъ бы велми (л. 287 об.). (Фраза «Увидел помощь Шварна и Василка, отца своего» двусмысленна: 1) 'увидел помощь, присланную Шварном и Васильком, отцом его'; 2) 'увидел помощь, присланную Шварном, и увидел Василька, отца своего'.)

Перейдем к вопросу о преимуществах родительного принадлежности. С самого начала мы можем отметить то немаловажное обстоятельство, что родительный проще в морфологическом отношении—в том смысле, что его образование, в отличие от образования притяжательного прилагательного, не требует от говорящего (пишущего) акта словообразования, иногда — например, в случаях с редкими или незнакомыми собственными именами — довольно затруднительного) [44].

Есть также много других преимуществ употребления родительного падежа принадлежности. Так, родительный падеж позволяет различать единственное и множественное число соответствующих имен, не различающиеся в синонимических конструкциях с притяжательным прилагательным; например, в словосочетании *имения боярские* не определено, принадлежат ли имения одному боярину или же нескольким.

По верному замечанию С. Я. Макаровой [45], только родительный принадлежности, но не притяжательное прилагательное

[44] Эта затруднительность усиливалась вследствие наличия нескольких омонимичных суффиксов притяжательности — *ов* (*ев*), *jь*, *ьск* и др. — ср. два следующих примера из Жития протопопа Аввакума: и везли *от патриархова двора* (с. 66); и послал с дьяконом ярославским, с Козьмою, и с подьячим *двора патриарша* (с. 94).

[45] См.: С. Я. Макарова. Родительный падеж принадлежности в русском языке XI—XVII вв. «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. III, 1954, стр. 13—14.

используется (и использовался в памятниках начиная с древнейших времен) при субстантивации прилагательного или причастия, например: Бы же *родителема бл҃женаго* преселитися въ инъ градъ Курьскъ (Ж. Феод. Печ., л. 1); Уже соколома крильца припѣшали *поганыхъ саблями* (Сл. о плк. Иг., с. 24).

Л. А. Булаховский отмечает, что способ передачи принадлежности с помощью притяжательных прилагательных недостаточно гибок, поскольку он «не возможен по отношению к понятиям во множественном числе, вообще не допускает определений к лицу владеющему и легко переводит несобственные имена в общие значения, значения группового свойства. . .» [46].

Соглашаясь с этими замечаниями исследователей, мы, однако, хотели бы подчеркнуть, что некоторые из них излишне категоричны.

Известно, что в старославянских, а также в некоторой степени и в древнерусских памятниках существовал способ образования притяжательных прилагательных от существительного множественного числа — прибавление суффикса *-ьскъ*, который обозначал (там, где он имел притяжательное значение) принадлежность множеству — в отличие от суффиксов *-ев* (*-ов*), *-ин* (*-ын*), *-jь*, *-ьнь*, обозначавших индивидуальную принадлежность [47].

Не совсем точным является также замечание Л. А. Булаховского о том, что передача принадлежности с помощью притяжательных прилагательных «вообще не допускает определений к лицу владеющему». В принципе такие конструкции возможны. Изредка они встречаются в восточнославянских памятниках, например: матежю же бывшоу межоу силними людьми ѡ чт҃ь и ѡ волость *герьцюковоу. оубьеного.* ѡ землю Ракоушьскоу (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 275); И то де строеніе Іакова, *Іосифова* отца, *прекраснаго* (Пут. Гогары, с. 112).

Эти конструкции были неудобными, поскольку они могли приводить к омонимии. Так, в последнем из приведенных выше примеров только по смыслу можно определить, что определение *прекраснаго* характеризует Иосифа, поскольку грамматически оно может относиться и к существительному *Иаков.*

В восточнославянских памятниках в зависимости от соотношения указанных факторов принадлежность оформляется то с помощью родительного падежа, то (гораздо чаще) с помощью притяжательного прилагательного [48].

---

[46] Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Изд. 5. Киев, 1958, стр. 319.

[47] См.: А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр. 160.

[48] О преобладании употребления притяжательного прилагательного как характерной особенности славянских памятников писали многие исследователи. См., например: П. Лавровский. О языке северных русских

Был, однако, такой тип конструкций, где оба этих способа обнаруживали свои недостатки и поэтому выбор любого из них представлялся нерациональным. Это конструкции, обозначающие принадлежность от существительного с приложением («жена князя Игоря» и т. п.). Наличие определения (точнее — приложения) при существительном располагает, как было указано выше, к употреблению родительного принадлежности. Однако родительный принадлежности также нежелателен, поскольку употребление этого родительного нередко приводит к затруднению понимания или даже к ложному пониманию, а здесь этот недостаток родительного принадлежности еще более усиливался благодаря тому, что приложение к существительному также должно было стоять в родительном падеже, увеличивая тем самым возможность омонимии (ср. *сына князя Игоря*).

В современных восточнославянских языках существительное, выражающее принадлежность, и приложение к нему ставятся в форме родительного падежа, однако для памятников такой способ оформления принадлежности нехарактерен, хотя изредка он и используется, например: Престависѧ блговѣрныи. и хртолюбивый кнѧзь Михалко. сн҃ъ Гюргевъ. внукъ *Мономаха Володимера* (Лавр. л., л. 128—128 об.).

Обычным для памятников является другой способ — сочетание родительного принадлежности с притяжательным прилагательным, например:

Др.-рус.: а ѡ҃ перваго лѣта Михаилова. до перваго л҃ѣ Ѡлгова Рускаго *кнѧзѧ* л҃ѣ. к҃.ѳ. (Лавр. л., л. 6 об.); бѧше бо сѧ затворилъ в не҃. Ꙗрославль сн҃ъ *Володимерича* (Лавр. л., л. 145). Ст.-рус.: А которыя у них волости и села будут в *сына* моего *Федоров* удел (Моск. гр. 1572 г., Дух. дог. гр., № 104); *Микулина* жена *Васильевича* Марья Дмитриева рано плакашеся у Москвы брега (Сл. о Кулик. битве, с. 38); на дворец к Спасу, на *Силино покойника* место (Аввакум. Житие, с. 65); Царевну же Ксѣнію, дщерь *царя Борисову*, дѣвицу сущу, срамотнѣ счиниша надъ нею (Пов. Кат.-Рост., с. 578—579). Ст.-бел.: ихъ держали подлѣ правъ великого *князя Витовтовыхъ* (Троцк. гр. 1456 г. или позже, АЗР, т. I, № 60). Ст.-укр.: нехай листъ сѫдовый *пана воеводин* князь Кошерский положить

летописей. СПб., 1852, стр. 107; Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, стр. 421—422; F. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, Bd IV; А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III. Харьков, 1899, стр. 522; Л. Н. Шатерникова. Из истории синтаксической роли относительного прилагательного, стр. 176—205; В. И. Борковский. Указ. соч., стр. 351.

(Львов. гр. 1537 г., Arch. Sang., т. IV, № 80); нѣст ученици *Христовы, основателя* истинны (Виш. Книжка, с. 96)[49].

Конструкции этого типа, совмещая два разных способа выражения принадлежности, являются более сложными, чем синонимичные конструкции с двумя родительными принадлежности, и если они так широко распространены в восточнославянских памятниках (а также в старославянских памятниках [50] и в памятниках других славянских языков, например польского [51]), то это значит, что они имели (во всяком случае — для того периода) какие-то преимущества перед конструкциями с двумя родительными принадлежности.

Основное из этих преимуществ заключалось, видимо, в большей четкости выделения атрибутивного словосочетания и уменьшении опасности омонимии. Ср. следующую конструкцию: и *воеводу кнзА Ѳедорово(г)* по(и)малъ (Лет. Рачин., с. 261). Синонимичная конструкция с двумя родительными падежами была бы двусмысленной: «воеводу князя Федора» =а) 'Федора, воеводу князя'; б) 'воеводу, служащего у князя Федора'.

Употребление конструкции «притяжательное прилагательное + родительный принадлежности» сокращало цепочки следующих друг за другом родительных падежей и падежей, им омонимичных. Например: а по ярослава послаша. по брата *алеѯандрова*. во тфѣрь. снъ *посадничь*. і лоучшіі бояры (I Новг. л., л. 140 об.); и тако скончаша и ИгорА кнзА сна ѺЛгова (Ипат. л., л. 129 об.); и далъ есми его въ манастырь святого великого архіерея чюдотворца *Христова* Николы у поминку (Киев. гр. 1512 г., АЮЗР, т. I, № 59, I); взАли собѣ Полацы на короле(в)ство По(ль)ское сына королА *Казимерового* Іана Ѻльбра(х)та (Лет. Рачин., с. 275); А коли виделъ сын королА *Перемонтов* Трыщана и рек... (Пов. о витязях, с. 122).

Убедиться в преимуществах этих конструкций по сравнению с эквивалентными им конструкциями современных восточнославянских языков нетрудно — стоит только в приведенных примерах притяжательные прилагательные (выделенные курсивом) заменить родительным принадлежности.

В восточнославянских языках притяжательные конструкции типа «родительный принадлежности + притяжательное прилага-

---

[49] Аналогичные конструкции отмечались целым рядом исследователей. См., например: А. А. Потебня. Указ. соч., т. III, стр. 517—520; В. И. Борковский. Указ. соч., стр. 353—355; С. Я. Макарова. Указ. соч., стр. 21—27.

[50] См.: А. Вайан. Указ. соч., стр. 61.

[51] Ср. следующие примеры из старопольских памятников XV—XVI вв.: wykupił list Piotraszew Czepurskiego (1401); stolec Dawidow, przodka jego (1543) (Z. Klemensiewicz, T. Lehr-Spławiński, S. Urbańczyk. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1955, стр. 412).

тельное» вытеснялись конструкциями с двумя родительными падежами. А. А. Шахматов отмечает, однако, что эти притяжательные конструкции сохраняются и в современном языке: «Вышел я оттуда домой, дошел *до отца протопопова дома*, стал перед его окнами» (Лесков, Соборяне, I, 3); «позвольте, я *на отца Захариину трость* сургучную метку положу или нарезку сделаю» (Там же, I, 2) [52].

Неудобство конструкций «родительный принадлежности+притяжательное прилагательное» заключалось, видимо, в противопоставлении грамматических приемов выражения принадлежности, используемых в случаях с одиночным именем, грамматическим приемам выражения принадлежности в случаях с именем, имеющим при себе приложение [53].

Поэтому, начиная с древнейших текстов, в восточнославянских памятниках используется еще один, третий способ обозначения притяжательности от словосочетаний «имя+приложение», заключающийся в образовании притяжательных прилагательных от обоих членов этого словосочетания. Например: а моисѣи печатникъ *кнѧжь федоровъ* печаталъ. а федорко писець *кнѧжь федоровъ* псалъ (Смол. гр. 1284 г., Сахаров. Обр. др. пис., № 4); а тоу былъ въ смолѣньске на мѣсте *на кнѧжи на федорове*. аньдрѣи михаиловичь кнѧзь (Смол. гр. 1284 г., Сахаров. Обр. др. пис., № 4); Всеволодъ Юргевичь *Володимерь* внукъ *Мономаховъ* (Лавр. л., л. 137), и *братнѧ* вчастка *микитина* половина во всемъ (Двин. гр. XV в., Шахм. Исслед., № 7); а хто иметъ моѥ *старцево григорьѥвъ* проданьѥ подвигывати (Двин. гр. XV в., Шахм. Исслед., № 5); будет на тебя *Иванов сыновен* гнев или обида (Моск. гр. 1572 г., Дух. дог. гр. № 104); до *Царева Государева* указу (Суд. Ив. IV, с. 235); обручиша Люторку Маруху по ихъ Люторскому обычаю съ Ѳеонасіемъ Власьевымъ въ *Ростригино* мѣсто *Гришино* (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 737); *по старцову Епифаниеву* повелению говорю (Аввакум. Житие, с. 111); Твоя, *государева-светова*, воля (Аввакум. Письма, с. 189); А инши твои, *государевы-световы*, казаки, тружающиися в водах, в то время многие помирали (Аввакум. Письма, с. 188); и прия и с чтью и с любовью. подъ свою роукоу. *по братню* словоу *по Володимѣровоу* (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 300 об.).

Конструкции с двумя притяжательными прилагательными широкое распространение получили в старорусских памятниках, но

---

[52] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Изд. 2. Л., 1941, стр. 289.

[53] Вероятно, неудобством данного способа объясняются конструкции, где определение к родительному принадлежности ошибочно согласуется не с этим родительным, а уподобляется притяжательному прилагательному, например: кнѧзь велики(и) Мкгаило вѣлми (с) оу(ра)дова(л) приездѣ кнѧз *великомоу Витовътовѣ* (Лет. Крас., л. 75).

позднее, как и конструкции «притяжательное прилагательное + родительный падеж существительного», были вытеснены конструкциями с двумя родительными падежами.

Примечание. Кроме трех указанных способов обозначения принадлежности при наличии приложения, встречается (крайне редко) еще один: конструкции «неизменяемое существительное в форме именительного падежа + притяжательное прилагательное». Примеры: Раб и посланник *Исус Христов* (Аввакум. Письма, с. 244); вси своихъ справъ ищутъ, а не *Iисусъ-Христовыхъ* (Переторога, с. 232).

Мы видели, таким образом, что оба основных способа выражения принадлежности (родительный принадлежности и притяжательное прилагательное) имеют свои недостатки и свои достоинства. Долгое время, однако, перевес был на стороне притяжательного прилагательного. Лишь в XVIII в. основным средством выражения принадлежности становится родительный падеж существительного.

Поскольку учеными не отмечаются преимущества притяжательного прилагательного перед родительным принадлежности, постольку остаются непонятными как причина господства притяжательного прилагательного в течение многих веков, так и причина его исчезновения. В связи с этим возникло (как нередко бывает в подобных случаях) предположение об иноязычном влиянии.

М. Виднэс полагает, что выражение принадлежности родительным падежом при отсутствии прочих определений «не могло развиться самостоятельно на русской почве» и что оно «возникло в XVIII в. под влиянием французского языка» [54].

Русские лингвисты считают, что в самих восточнославянских языках была тенденция к вытеснению притяжательных прилагательных родительным падежом существительного [55].

Этот вывод представляется нам правильным — так же, как вывод о том, что процесс постепенного перехода к выражению принадлежности родительным падежом существительного начался еще задолго до XVIII в. С. Я. Макарова отмечает, что в отличие от Повести временных лет, где притяжательные прилагательные встречаются примерно в восемь раз чаще, чем родительный принадлежности, в XVI—XVII вв. наблюдается заметное увеличение исполь-

---

[54] М. Виднэс. О выражении принадлежности притяжательным прилагательным и родительным падежом принадлежности в русском языке XVIII—XIX вв. — В сб.: «IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии», т. II. М., 1962, стр. 177—178.

[55] См.: Л. Н. Шатерникова Указ. соч., стр. 203—204; В. И. Борковский. Указ. соч., стр. 355; В. Л. Георгиева. Синтаксические функции прилагательных в древнерусском языке, стр. 20—22; С. Я. Макарова. Указ. соч., стр. 28—29; Н. С. Валгина. Притяжательные прилагательные в русской письменности XVI—XVII вв. «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», т. 89, 1956, стр. 25. — Л. Н. Шатерникова считает, что в XVIII в. процесс ускорился благодаря сильному влиянию французского языка (указ. соч., стр. 203—204).

зования родительного принадлежности, который в отдельных памятниках (Хождение Гостя Василия, Повесть о Савве Грудцине) равноупотребителен с притяжательными прилагательными [56].

Отметим еще один показатель уменьшения употребительности притяжательных прилагательных в более поздних восточнославянских памятниках — уменьшение удельного веса притяжательных прилагательных среди всех прилагательных.

По нашим наблюдениям, на долю притяжательных падает в древнерусских памятниках XI—XIV вв. 15,1% прилагательных, тогда как в восточнославянских памятниках XV — перв. пол. XVII в. — 9,8% (в старорусских — 10,4, в староукраинских — 9,3, в старобелорусских — 7,6%).

Мы полагаем, что сохранение в течение ряда веков притяжательного прилагательного как основного средства выражения принадлежности объясняется тем, что, наряду с недостатками, этот способ имел целый ряд преимуществ по сравнению с родительным принадлежности, о чем говорилось выше.

Вытеснение притяжательных прилагательных родительным принадлежности связано, нам кажется, с тем, что изменилось соотношение достоинств и недостатков каждого из этих способов. 1) Притяжательные прилагательные утратили основное преимущество — однозначность, поскольку возникли омонимичные им фамилии на *-ин*, *-ов(-ев)* (*Старостин*, *Иванов*, *Васильев*) и формы родительного падежа множественного числа существительных мужского рода на *-ов* (*-ев*) (*отцов* и т. п.). 2) Напротив, возможность синтаксической омонимии родительного принадлежности, являющаяся главным его недостатком, несколько уменьшилась благодаря тому, что родительный принадлежности, который раньше мог быть как препозитивным, так и постпозитивным, окончательно закрепился в постпозиции (за исключением некоторых устойчивых сочетаний типа «Московский ордена Ленина и Трудового Красного Знамени театр. . .»).

Вытеснение разных групп притяжательных прилагательных идет с неодинаковой быстротой. Так, В. В. Виноградов и Л. А. Булаховский отмечают особенно быстрое вымирание притяжательных прилагательных с суффиксом *-ов* (*-ев*), связанное с тем, что они омонимичны с формами родительного падежа множественного числа существительных мужского рода и с распространенным типом фамилий [57].

Неодинаковы также темпы вытеснения притяжательного прилагательного в отдельных восточнославянских языках. По мнению некоторых исследователей, в современных украинском и белорусском языках притяжательные прилагательные в роли согласован-

[56] См.: С. Я. Макарова. Указ. соч., стр. 28.

[57] См.: В. В. Виноградов. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.—Л., 1947, стр. 192—198; Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку, стр. 321.

ных определений употребляются значительно чаще, чем в русском языке [58].

Постепенное вытеснение притяжательных прилагательных вызвало исчезновение из литературного языка конструкций, где притяжательное прилагательное и родительный принадлежности выступают как однородные члены [59]. В памятниках конструкции этого типа — не редкость. Например: а что селъ княже на новгородьскои земли *твоихъ или княгыниныхъ. или бояръ* твоихъ. техъ селъ тобе съступитися (Новг. гр. 1304—1305 гг., Шахм. Исслед., № 10); и разъвръ̀ти вѣру. ѿвергъсѧ ѿ пр̀тла Ирл̀мка. *и* Ѳлександрьскаго *[и] Цр*ѧграда. *и* Ѳнтиахиискаго (Лавр. л., л. 40); Митрополитъ *Великого Новагорода и Великолуцкій* (Новг. гр. 1594 г., АИ, т. I, № 244); въ Іерусалимѣ Царь царствующымъ Христосъ, Творецъ, Господь и Учитель *Петровъ и всѣхъ*, муку принялъ (Отв. клир. Острож., с. 416); а *своего и жон и детеи* своих горла боронили (Ист. о Атыле, с. 215).

В заключение раздела о притяжательных прилагательных укажем одну частную особенность обозначения принадлежности в восточнославянских памятниках.

Если в современных литературных восточнославянских языках притяжательное прилагательное или родительный принадлежности могут относиться только к существительному (или субстантивированному прилагательному или причастию), то в памятниках притяжательное прилагательное или родительный принадлежности в ряде случаев относятся к притяжательному местоимению («мой», «свой», «его» и т. п.), уточняя это местоимение. Например: на *мое Царево и Великого Князя* имя та жаловалная грамота подписана (Моск. гр. 1575 г., АИ, т. I, № 192).

Иногда конструкции этого рода служили для уточнения, являющегося необходимым, например: писано *моею* рукою грешною *протопопа Аввакума* (Аввакум. Житие, с. 53); А иные *ево, Афонасьевы*, ругательства сказать странно и страшно (Аввакум. Письма, с. 192); тогда узрят тые гладячии пробовници, што ест *наша православных* вѣра (Виш. Книжка, с. 75).

Однако гораздо чаще употребление притяжательного прилагательного или родительного принадлежности, уточняющих притяжательное местоимение, не вызвано необходимостью. Ср. следующий пример: И язъ царь и великій князь Дмитрей Ивановичь всеа Русіи . . . велѣлъ есми тое грамоту переписати *на свое царево и великого князя Дмитрея Ивановича всеа Русіи* имя (Моск. гр. 1605 г., АЮБ, т. 1, № 41, III). В конструкциях, аналогичных приведенной

---

[58] См.: «Очерки по сравнительной грамматике восточнославянских языков», стр. 296.

[59] Однако для Ф. И. Буслаева данные конструкции (например: . . . исполнить волю *народа и божию*), видимо, еще соответствуют нормам литературного языка («Историческая грамматика русского языка», стр. 451).

выше, употребление уточняющего притяжательного прилагательного или родительного принадлежности — стилистический прием для придания изложению оттенка торжественности. Так, в старорусских памятниках при обозначении принадлежности царю употребление одного лишь притяжательного местоимения, видимо, считалось недостаточно вежливым: необходимо было уточнять это местоимение притяжательным прилагательным или родительным принадлежности или одновременно и тем и другим. Например: Великій Государь Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь указалъ быть *на своей Великого Государя* службѣ (Гр. 1597 г., АИ, т. I, № 250); увидѣли *ваши Государевы* измѣнники, что я побѣжалъ (Гр. 1614 г., АИ, т. III, № 264); і без береженія прожити не мочно *въ твоемъ* царствѣ *государеве* (Пересветов, с. 61); зде, на Колмогорах, изволь мне быть, или как *твоя государева* воля (Аввакум. Письма, с. 193).

В ряде случаев конструкции этого типа не несли как будто специальной смысловой и эмоциональной нагрузки, и употребление элемента, уточняющего притяжательное местоимение, является излишним. Ср. следующий пример: И *к моему протопопову* зимовью мертваго кинул под окошко (Аввакум. Письма, с. 192), где уточнение *протопопову* излишне, поскольку адресат знает автора письма (в придании изложению оттенка торжественности также, очевидно, не было необходимости).

Для современного русского литературного языка рассматриваемые конструкции совершенно не характерны. В случаях уточнения употребляются различные конструкции других типов, например конструкция с повторением определяемого слова — «*наша армия, армия рабочих и крестьян*, непобедима», «это *твой долг, долг брата*» (в соответствии со старорусским «*твой братов* долгъ»; конструкция с обращением — «увидел *твоего, Миша*, отца» (в соответствии со старорусским «увидел *твоего Мишина* отца») и т. д.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОГЛАСОВАНИЯ ЧЛЕНОВ АТРИБУТИВНОГО СЛОВОСОЧЕТАНИЯ

Тезис «согласованное определение в восточнославянских памятниках, как и в современных восточнославянских языках, согласуется с определяемым словом» кажется вполне тривиальным и даже тавтологическим. Тем не менее этот вопрос представляет определенный интерес и нуждается в некоторых уточнениях[60].

Восточнославянские памятники содержат примеры, свидетельствующие о колебаниях при установлении согласования определе-

[60] В отличие от предшествующих разделов главы, построенных на большом фактическом материале, данный раздел строится на отдельных (довольно немногочисленных) примерах, имеющих чисто иллюстративный характер.

ния с определяемым словом. Интересно, что при этом некоторые конструкции восточнославянских памятников отличаются от современных конструкций большей, другие же, напротив, меньшей грамматической полнотой согласования [61].

1. Бóльшая грамматическая полнота согласования членов атрибутивного словосочетания в восточнославянских памятниках наиболее ярко проявляется в том, что нередко определение уподобляется определяемому слову не просто как падежной, а как предложно-падежной форме, т. е. повторяет предлог, встретившийся в определяемом слове. Например: и сташа възлѣ рѣку шатры. *на березѣ на полого* (Лавр. л., л. 146).

Повторение предлогов, его функция, существующие по этому вопросу точки зрения детально анализируются В. И. Борковским на материале древнерусских грамот [62]. Это позволяет нам ограничиться приведением нескольких примеров из древнерусских памятников других жанров, а также из более поздних восточнославянских памятников.

Др.-рус.: аже погоубѧть слѣдъ. *на гостинци на велицѣ.* а села не боудеть или на поусте (Рус. пр. 1282 г., л. 624 об.); и цѣлова стоую бцю. *на грамотахъ на всѣхъ* ярославлихъ (I Новг. л., л. 112 об.); Посла благовѣрныи и холюбивыи кнѧзь великыи Всеволодъ Гюргеви. внукъ Володимерь Мономаха. сна своего Ярослава. *в Переяславль. в Русьскыи* кнѧжитъ (Лавр. л., л. 141); Мьстислав же поиде *к воротомъ к водньмъ.* твора бит (Ипат. л., л. 213); и на весноу съдоума с моужи своими. поиде на Полтьскъ. *на зѧтѧ на своего.* на Всеслава (Ипат. л., л. 214 об.); и тоу заяша стада многа Половецкая. *в лоузѣ в Днѣпрескомъ* (Ипат. л., л. 232 об.); возма волость *оу зѧтѧ оу своего.* даи же старѣишомоу (Ипат. л., л. 236). Ст.-рус.: се купи дементѣи ... землю горнюю. юрмольскую і в нары. оуцастокъ. ихъ і *с притеребы. з горними. і съ юрмольскими і с наречскими* (Двин. гр. XV в., Шахм. Исслед., № 79); придалъ ми ихъ, пожаловалъ на пашню, *за рѣчкою за Черною,* съ Монастыревскіе же межи (Моск. гр. 1493 г., АЮБ, т. 1, № 118, V); и поминати имъ кнзя Юрья по вся дни... на божественныхъ литоргѣяхъ и *въ октеньяхъ въ заупокойныхъ* докуды и мір стоитъ (Моск. гр. 1554—1555 гг., АЮБ, т. 1, № 30, V); и язъ богомолецъ твой ѣдалъ *со Архіепископомъ съ Новгородскимъ* съ одного блюда (Гр. 1584—1585 гг., АИ, т. I, № 216); и списки городовые и грамоты къ Петру прислалъ діякъ Одинецъ Микифоровъ *съ своимъ съ подъячимъ*

[61] Под большей или меньшей полнотой согласования понимаем большее или меньшее число компонентов согласования. Так, например, согласование в падеже (*Окаянныхъ Литву*) считаем менее полным, чем согласование в роде, числе и падеже (*Окаянную Литву*).

[62] См.: В. И. Борковский. Указ. соч., стр. 232—311.

съ Постникомъ (Отрывок разыскного дела, XVI в., АИ, т. I, № 140); а дѣлить намъ земля и луги и лѣсъ всякой поле *съ ряду съ одного* столбами (Моск. гр. 1632 г., АЮБ, т. I, № 112, IV); а гдѣ будетъ менши десяти дворовъ, и *съ тѣхъ съ дворовъ* по два рубли (Моск. гр. 1639 г., АИ, т. III, № 201); да полѣзъ есми *на судно на послово* и с товарищи (Хож. Аф. Ник., л. 369 об.); да всѣ с голыми мечи, да с саблями, да с щиты, да сулицами, да с копіи, да *с лукы с прямыми с великими* (Хож. Аф. Ник., л. 385). Ст.-бел.: и вызнали, аже по Лисичій Бродъ земля церковная святого Спаса, *изъ вѣка изъ давного* (Погонич. гр. 1422 г., АЗР, т. I, № 31); ѡтъ тое сеножати земьлѧ оусѧ по лану а *по гостинець по Вешеньскый по старый* и по болото (Гродн. гр. 1443 г., Укр. гр., № 78); Жаловала намъ бояр(и)ня господарьская Станиславовая Мацевича Марина *на невѣсткѹ на свою на Миколаевѹю* Мацевича на Ядвигѹ (Вил. гр. 1510 г., Лит. Метр., т. I, кн. 1, № 16); сѣде *на кнѧженье на Новгоро(д)ское* кн҃зь Андреи Костѧнтинови(ч) (Лет. Акад., л. 151); прїиде(т) кн҃зь Андрѣи Полоцьки(и) *з воиско(м) з Неме(ц)ки(м)* з Лиѳлѧ(нты). со всею Латыголою. на Лито(в)скѹю землю (Лет. Крас., л. 78); и ѿтолѣ ѡпѧть поеха(л) *до Лѹцка до Вѣликого* (Лет. Крас., л. 87); а *в по(ст) ѹ велики(и)* мѧсо едали по село(м) и по воло(с)тѧ(м) (Лет. Рачин., л. 271). Ст.-укр.: и позвалъ. коундрата. боренича. ѡ *границю*. ѡ *вашичиньскоую* (Галич. гр. 1401 г., Укр. гр., № 36); Прислал ти ко мні . . . с грамотою *про вісти про кримские* і нагайские (Укр. гр. 1651 г., Вос. Укр. с Рос., т. III, № 19); иде *в землю во* Ѡмазовьскоую ко Болеславоу. Кондратовоу сн҃ви (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 265 об.); А Левъ нача кнѧжити в Галичѣ и в Холмѣ. *по братѣ по своемь*. по Шварнѣ (Ипат. л. (Гал-Вол.), л. 289 об.); и поиде *на бра на своего*. на Кондрата. к городоу. ко ѣздовоу (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 293); «Прочее, — рече, — пребывай *в разумѣ в твердом* и непоколебимом» (Виш. Позорище, с. 216).

Итак, в отличие от современных восточнославянских языков, где максимально полное согласование членов атрибутивного словосочетания — трехкомпонентное (в роде, числе, падеже — *к своему сыну*), в памятниках максимально полным является четырехкомпонентное согласование (в роде, числе, падеже, предлоге — *к своему к сыну*).

В восточнославянских памятниках бо́льшая (по сравнению с современными восточнославянскими языками) грамматическая полнота согласования иногда проявляется также при установлении согласования в роде. Так, если в современном русском языке при существительных на *-а*, *-я* или в современном польском при существительных на *-а*, *-о*, обозначающих лиц мужского пола (*пана*, *Коля*, *wojewoda*, *Fredro*), согласованное определение употребляется в форме мужского рода, то в памятниках встре-

чаются иногда определения в форме женского или среднего рода. Например: Половцемъ вси бѣжати. назадъ *съ своею воеводою* Жирославомъ (Ипат. л., л. 141); Петръ естъ началникъ або *княжа апостолское*, Павелъ естъ *княжа апостолское* (Палин. Копыст., с. 442); *ѡдно кнѧжа Ры(м)ское* имене(м) Палемо(нъ) (Лет. Рачин., с. 225); и *ѡное кнѧже* Куно(с) мѣлъ дву(х) сыно(в) (Лет. Рачин., с 227); А *кнѧжа ѡное* его проси[л] его мовечи (Александрия, с. 62).

Чаще, однако, встречается в памятниках постановка определения в форме мужского рода, например: і *святійший патриярха* о безділі его дал нам знати (Укр. гр. 1650 г., Вос. Укр. с Рос., т. II, № 190); за *святійшим патриярхою константинополским* (Укр. гр. 1653 г., Вос. Укр. с Рос., т. III, № 143); *папа Римскій*, Иосифъ, *патріарха Константинополскій* (Ист. о Флор. соборе, с. 436); Певне Беллярминъ — той дистинкціи *первый евангелиста* (Палин. Копыст., с. 371).

Иногда колебания встречаются даже в пределах одной фразы, например: *нѣкотори' княжа дариево*, которому имя было анаполѳ[с] седячи за столо[м] часто погледа[л] на ѡбли҃е алеѯа[н]дрово (Александрия, с. 64).

С большей грамматической полнотой согласования мы встречаемся в памятниках при согласовании определения с существительным, снабженным суффиксами эмоциональной окраски (*-ишк-*, *-ищ-* и т. п.). В современном литературном языке эти существительные оформлены по среднему или женскому роду, однако согласующееся с ними определение оформляется в зависимости от того, какой род имело исходное существительное (*мой сынишка*, *моя девчушка*, *такой мужичище*, *такая ручища*, *такое плечище*). В памятниках определение нередко ставится в форме среднего рода, например: *А дружище наше старое* Феодор Ртищев, тот и шесть десят рублев казначею своему велел в шапку мне сунуть (Аввакум. Житие, с. 92).

Примеры такого типа (из памятников XVI—XVIII вв.) приводятся в работах Г. И. Рожковой [63], Т. С. Ворошиловой [64], П. С. Кузнецова [65], причем П. С. Кузнецов предполагает, что «это явление наблюдалось и в более ранние эпохи истории русского языка». В подтверждение этого предположения мы можем привести два примера из Хожения Афанасия Никитина, памятника XV в.: Азъ же *рабище божие* Афонасие и сжалися по вѣрѣ (л. 383); да по 4 человѣкы на слонѣ сѣдятъ нагыхъ, *одно платище* на гузне (л. 388).

---

[63] См.: Г. И. Рожкова. Из истории уменьшительных образований существительных в русском языке. Канд. дисс. М., 1950.

[64] См.: Т. С. Ворошилова. Из истории шуйских говоров XVI—XVIII вв. Канд. дисс. М., 1955.

[65] П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959, стр. 87—88.

Подобное явление встречается и в фольклоре, ср.:

А мое-то конишечко дорожное,
Дорожное конишечко заезжено...
Идет Иванище сильное...

(Гильфердинг, «Онежские былины») [66].

2. Однако приведенные факты (повторение предлога, «грамматическое» согласование в роде) еще не позволяют говорить, что памятники характеризуются, по сравнению с современными восточнославянскими языками, большей грамматической полнотой согласования членов атрибутивного словосочетания: на самом деле, встречаются в памятниках также противоположные по своему характеру случаи, — такие, где определение и определяемое слово характеризуются, по сравнению с современным языком, меньшей грамматической полнотой согласования. Так, в современных восточнославянских языках два варианта (типа: *такой забияка*, *такая забияка*) возможны лишь при существительных, не имеющих переносного значения. Существительные с переносным значением сохраняют согласование соответствующего существительного с прямым значением (говорят: «моя надежда», «мой свет» — независимо от того, обозначают ли этими словосочетаниями лиц мужского или женского пола). В памятниках возможно согласование с учетом пола. Например [67]: Полетим, братия, тогда *надежу своего* встречать с великою радостию и веселием (Аввакум. Письма, с. 228); *У света моей*, у Федосьи Прокопьевны, Морозовы, не выходя жил во дворе (Аввакум. Житие, с. 93); *Свет моя*, государыня! (Аввакум. Письма, с. 208).

Строгих принципов согласования определения с определяемым словом, видимо, не было: нередки колебания. Ср., например, следующие примеры из Писем протопопа Аввакума: Полетим, братия, тогда *надежу своего* встречать с великою радостию и веселием (с. 228); Грешник протопоп Аввакум Петров, припадая, глаголю тебе, свету, *надеже нашей* (с. 185); И не то, государь — свет, *надежда наша*, едино, но в десеть лет много тово было (с. 188).

С меньшей грамматической полнотой согласования мы сталкиваемся в памятниках также и в тех случаях, где при собирательных существительных, склоняющихся по единственному числу, определение ставилось «по смыслу» — в форме множественного числа. Например: Вы просили есте о недоведомых вам вещах — о *сожженных братии*, како их почитати? (Аввакум. Письма, с. 245); вѣрныи (одны между языки, незнающими бога, другии *от латины*, *познавших бога и паки гордостию отпадших и едино с невѣрными мудрствующих*) проплывают (Виш. Книжка, с. 118); и *сами* дей *Москва*

[66] Примеры заимствованы из работы: П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка, стр. 88.

[67] Имеющийся в нашем распоряжении материал невелик и ограничивается лишь сочинениями протопопа Аввакума.

нѣкоторые, *панствамъ тымъ зычливые*, о томъ такъ говорятъ (Вестов. отписки Кмиты, 1573—1574 гг.); бискупъ *зъ преднейшими шляхтою* выехавши, упоминалъ и едналъ го за местомъ (Дневн. Евлаш., с. 153).

Чаще, однако, определение стоит в форме единственного числа, например: *ѡ люба моꙗ братыꙗ.* и снвѣ и моужѣ землѣ Роускоѣ (Ипат. л., л. 225); *Всеволожа дроужина* хотѧхоуть ѣхати крѣпько на Стослава (Ипат. л., л. 217 об.).

Колебания принципов согласования определения с определяемым словом, отмеченные в данном разделе, связаны, во-первых, с тем, что как категория числа, так и категория рода являются значимыми, что «рядом с грамматическими представлениями о роде в нас живет и сознание реальных родовых представлений, зависимых от наших представлений о естественном поле» [68]; во-вторых, с тем, что иногда грамматические представления не совпадают с реальными представлениями (имена мужского рода на *-а*, существительные единственного числа типа *братия*, *дружина*, *Москва* в памятниках, существительные единственного числа типа *ряд* (*ученых*), *большинство* (*ученых*) в современном языке и т. п.).

КРАТКИЕ ИТОГИ

1. Уже в древнерусских памятниках краткие формы прилагательных в атрибутивной функции, видимо, не отличаются по значению от полных и вытесняются этими последними. В отношении использования кратких форм разница между древнерусскими памятниками XI—XIV вв., восточнославянскими памятниками XV—XVII вв. и современными восточнославянскими языками — чисто количественная: это три последовательные ступени вытеснения архаичных форм. Процесс вытеснения кратких форм наиболее быстро протекает в старобелорусских памятниках, несколько медленнее — в староукраинских, еще медленнее — в старорусских.

2. Порядок следования членов атрибутивного словосочетания в древнерусских памятниках относительно свободный и (так же, как чередование кратких/полных форм прилагательных), видимо, не имеет смыслоразличительного значения. Препозиция и постпозиция определения имеют в памятниках XI—XIV вв. почти равную употребительность (на 52% препозиции 48% постпозиции). В дальнейшем (в памятниках XV—XVII вв.) развитие идет по двум разным линиям. Одна линия (отражаемая старорусскими памятниками) проявляется в повышении удельного веса препозиции за счет постпозиции, наблюдаемом во всех группах согласованных определений. Другая линия (отражаемая староукраинскими и старобелорусскими памятниками) не связана с изменением того количественного соотношения между препозицией и постпозицией

[68] А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 30.

определения, которое существовало в древнерусских памятниках. Однако за внешним сходством кроются глубокие изменения, которые произошли в расположении отдельных групп определений. В староукраинских и старобелорусских памятниках для некоторых групп определений (например, для относительных и притяжательных прилагательных) удельный вес постпозиции по сравнению с древнерусским состоянием не только не уменьшается, но, наоборот, даже увеличивается, и это увеличение, бесспорно, находится в противоречии с общим направлением развития порядка слов атрибутивного словосочетания в восточнославянских языках, в противоречии с конечным пунктом этого развития. Очевидно, оно является результатом влияния польского языка, с которым староукраинские и старобелорусские памятники обнаруживают в этом отношении полное сходство, распространяющееся даже на отдельные детали.

3. Основным средством выражения принадлежности в восточнославянских памятниках XI—XVII вв. было притяжательное прилагательное, которое, обладая рядом недостатков, имело также ряд серьезных преимуществ по сравнению с родительным принадлежности. Основные из этих преимуществ: однозначность притяжательных прилагательных (т. е. отсутствие омонимичных с ними морфологических форм) и бо́льшая формальная взаимосвязь определения и определяемого слова (в силу того, что они согласуются между собой). Указанные (и некоторые другие) преимущества притяжательного прилагательного в течение многих веков (вплоть до XVIII в.) обеспечивали ему перевес над родительным принадлежности. Именно изменившееся соотношение достоинств и недостатков каждого из этих способов, а не иноязычное влияние послужило главной причиной вытеснения притяжательного прилагательного родительным падежом существительного.

4. Восточнославянские памятники в некоторых случаях характеризуются, по сравнению с современными восточнославянскими языками, большей грамматической полнотой согласования членов атрибутивного словосочетания (ср. конструкции типа: *изъ вѣка изъ давного*; *съ своею воеводою*; *дружище наше старое* Феодор Ртищев). В других же случаях памятники, напротив, обнаруживают меньшую грамматическую полноту согласования (ср. конструкции типа: *надежу своего* встречать; *у света моей*, у Федосьи Прокопьевны).

ВТОРЫЕ КОСВЕННЫЕ ПАДЕЖИ

С появлением историко-синтаксических изысканий А. А. Потебни вторыми косвенными падежами принято называть винительный, родительный и дательный имени, входящие в состав сказуемого и управляемые тем же глаголом, что и первый косвенный падеж объекта. Наличие в структуре предложения двух синтаксически связанных однопадежных форм оправдывает и термин «двойные падежи» применительно к обороту в целом. Функционально оба элемента оборота неоднородны. Если «первый» падеж обнаруживает прямую зависимость от глагольного сказуемого, то второй вступает в двустороннюю синтаксическую связь: с соотносительным по форме именем (дополнением) и глаголом-сказуемым. В лингвистической литературе синтаксическая роль второго падежа определяется по-разному. Так, не отрицая соотнесенности со сказуемым, А. М. Пешковский считал неправомерным относить его к составу сказуемого и именовать «предикативным» [1]. А. А. Шахматов [2], а вслед за ним М. Г. Булахов [3], Я. А. Спринчак [4] рассматривают вторые падежи как промежуточную категорию между сказуемым и второстепенным членом — косвенным дополнением. Большинство исследователей включает вторые падежи в составное именное сказуемое [5]. При этом некоторые синтаксисты видят в сочетании глагола и второго падежа неразложимое единое целое [6]. Наиболее убе-

[1] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, стр. 309.

[2] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Изд. 2. Л., 1941, стр. 332.

[3] См.: «Нарысы па гісторыі беларускай мовы». Дапаможнік для студэнтаў вышэйшых навучальных устаноў. Мінск, 1957, стр. 313.

[4] Я. А. Спринчак. Очерк русского исторического синтаксиса. Простое предложение. Киев, 1960, стр. 181.

[5] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958, стр. 301; В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Изд. 2. М., 1965, стр. 392—393; Е. Тимченко. Акузатив в українській мові (з української складні). Київ, 1928, стр. 18.

[6] В. И. Чагишева. Второй винительный падеж в русском литературном языке XVIII в. «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 122. Кафедра русского языка, 1956, стр. 85.

дительной представляется позиция Р. Мразека, в одной из последних работ которого предложен дифференцированный подход к этому вопросу в зависимости от характера связки: при личных глаголах — чистых связках сочетание глагола и второго падежа предлагается считать одним членом предложения, при полнознаменательных — двумя [7]. Поскольку второй винительный и родительный всегда выступают в синобъектной функции при более или менее полнознаменательных глаголах, их синтаксическая роль близка к роли предикативного дополнения (термин А. А. Шахматова), тогда как второй дательный при чистой связке, будучи соотнесен с косвенным субъектом (синсубъектная функция), образует вместе с инфинитивом один член предложения.

Такая дифференциация не противоречит, однако, пониманию всех вторых падежей как предикативно окрашенных.

Истоки двойных падежей связаны, вероятно, еще с общеиндоевропейским синтаксисом, так как различные их виды представлены во многих языках этой языковой семьи [8]. Вторые падежи, несомненно, имели место и в общеславянском языке-основе, откуда они были унаследованы отдельными славянскими языками. Судьба этого давнего синтаксического оборота в отдельных славянских языках неодинакова. По данным Р. Мразека, вытеснение двойных падежей шло волной с убывающей интенсивностью со славянского северо-запада на юг. Поэтому можно установить своеобразную градацию утраты вторых падежей во «всеславянском» масштабе: западнославянские, восточнославянские и южнославянские языки, причем последние проявили здесь наибольшую синтаксическую устойчивость [9].

История вторых косвенных падежей имеет много общего с судьбой второго именительного [10]. Структурная близость всех видов оборота с двойными падежами сказалась и в общем направлении их исторического развития — в замене творительным предикативным или предложно-падежными сочетаниями.

Поскольку вторые падежи составляли очень колоритную синтаксическую особенность древнерусского языка и испытали кардинальное изменение, их не могли обойти вниманием русские лингвисты разного времени и направлений. У Н. Греча, А. Х. Востокова, Ф. И. Буслаева, П. Глаголевского есть рассуждения

---

[7] Р. Мразек. Синтаксис русского творительного. (Структурно-сравнительное исследование). Praha, 1964, стр. 208.

[8] А. А. Потебня. Указ. соч., т. II—III, стр. 301, 380; С. Б. Бернштейн. Основные задачи, методы и принципы «Сравнительной грамматики славянских языков». — ВСЯ, вып. 1. М., 1954, стр. 8—10.

[9] См.: Р. Мразек. Указ. соч., стр. 17.

[10] О. В. Патокова. К истории развития творительного предикативного в русском литературном языке. «Slavia», roč. VIII, šeč. I, 1929, стр. 29; Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956, стр. 114 и др.

о втором именительном и отдельные замечания по поводу второго дательного или второго винительного [11]. Основная заслуга в разработке вопроса принадлежит, несомненно, А. А. Потебне, который рассмотрел на огромном фактическом материале согласуемые падежи в сравнительно-историческом аспекте. Труд А. А. Потебни послужил прочным фундаментом для дальнейших исследований [12].

Компактно и цельно изложен материал о вторых падежах В. И. Борковским в «Исторической грамматике» [13] и Т. П. Ломтевым в его «Очерках» [14]. Об отдельных сторонах истории вторых падежей можно найти материал и обобщения у Е. Ф. Карского, Е. С. Истриной, в учебной литературе по истории украинского, белорусского, русского языков [15].

Суммарную картину использования вторых падежей и их синонимических замен в литературном языке XVII—XVIII вв. удалось дать В. И. Чагишевой [16]. Автор, не ставя вопросов генезиса, очень тщательно и исчерпывающе характеризует условия употребления вторых падежей и их синтаксических синонимов. В статьях И. Ф. Нелюбовой дается сравнительная картина использования вторых падежей в стилистически ограниченном круге памятников [17]. Белорусский путь изменения вторых падежей подробно описан Т. П. Ломтевым на большом фактическом материале памятников, фольклора и живых белорусских говоров.

В монографии Р. Мразека «Синтаксис русского творительного», специально посвященной синхронному всестороннему описанию творительного на месте именительного и

---

[11] В. В. Виноградов. Из истории русского синтаксиса. М., 1958, стр. 145—146.

[12] А. А. Потебня. Указ. соч., т. II—III.

[13] В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 392—404.

[14] Т. П. Ломтев. Указ. соч., стр. 212—230.

[15] Е. Ф. Карский. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи. Л., 1929;, Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка I-й Новгородской летописи. «Изв. ОРЯС», т. 24, кн. 2. Пг., 1923; Я. А. Спринчак. Указ. соч.; А. А. Москаленко. Синтаксис простого речення давньоруської української мови. Посібник для студентів-заочників. Одеса, 1959; «Нарысы па гісторыі беларускай мовы» и др.

[16] В. И. Чагишева. Указ. соч.; Она же. Второй дательный падеж и его синтаксические синонимы в русском литературном языке XVII—XVIII вв. — В кн. «Вопросы современного и исторического синтаксиса русского языка». «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 225, 1962, стр. 109—136.

[17] И. Ф. Нелюбова. Конструкции с двойными падежами в Галицко-Волынской летописи. «Наук. зап. Станіславського пед. ін-ту», філол. серія, т. IV, 1960; Она же. Конструкция с двойными падежами в русских и украинских грамотах XIV—XV вв. «Праці Одеського держ. ун-ту ім. І. І. Мечникова», рік XCVII, т. 152. Серія філол. наук, вып. 15, 1962.

косвенных вторых падежей, предлагается ряд новых наблюдений и убедительных обобщений. Автор дает отлично разработанную на историко-лингвистической канве синтаксическую типологию творительного предикативного и его «альтернаций» (синонимических замен) не только в русском, но и в других славянских языках.

В данном разделе исследования сделана попытка проследить историю вторых косвенных падежей сначала в древнерусских, а затем в старорусских, староукраинских и старобелорусских памятниках.

Второй винительный падеж

Специфика оборота с двойным винительным наиболее четко определена А. А. Потебней: «Подобно всем так называемым предикативным падежам второй винительный представляет несколько видоизмененное повторение свойств первого, несогласуемого винительного, стоящего в том же предложении» [18]. В семантико-синтаксическом плане согласуемые падежи неоднородны, хотя оба управляются одним и тем же глаголом. Синтаксическую функцию первого винительного можно определить как чисто объектную, так как этот падеж выступает в предложении как прямое дополнение при прямопереходном глаголе. Второй винительный характеризуется двойными синтаксическими отношениями: он связан атрибутивно-предикативными, или аппозитивными, отношениями с первым винительным и объектно-предикативными — с управляющим глаголом. Таким образом, в древний синтаксический оборот с двойным винительным включались два согласуемых падежа и «вводящий» эти падежи полузнаменательный или полнознаменательный глагол.

Грамматическая форма глагольных связок ограничена переходными глаголами. Наклонение, время, лицо и парадигматический ряд (личная или склоняемая форма), по-видимому, не влияют на структуру оборота. Тенденции, которые можно здесь выявить, имеют чисто морфологический характер.

Первый винительный при составном втором падеже мог быть выражен существительным (одушевленным и неодушевленным, собственным и нарицательным), субстантивированным прилагательным. Еще более частой формой выражения первого винительного в восточнославянских памятниках XI—XVII вв. является местоимение. В ряде случаев наблюдается контекстуально обусловленная неполнота оборота с двойным винительным, и вместо трех обязательных его композитов мы находим только два (связку и второй винительный), например: Они же *видѣвъше* отрока протость [19] и ризами же хоудами *облечена*. не рачиша

---

[18] А. А. Потебня. Указ. соч., т. I—II, стр. 295.
[19] Описка, вм. *кротость*.

того прияти (Ж. Феод. Печ., л. 31б); высѣкше Всеслава исъ пороуба злии ѡни. и *постави*ᵗ *кнзѧ* собѣ (Ипат. л., л. 128); и зело-де он, Иларион, мучил меня, — реткой день коли плетьми не бьет и *скована* в железах *держал* (Аввакум. Житие, с. 98).

Первый винительный в староукраинских и старобелорусских памятниках отличается от первого винительного в древнерусских и старорусских памятниках не в синтаксическом, а только в лексическом плане (ср. ниже в примерах *дъябла*, *матку*, *птатства*, *ручничку* и т. д.).

Со времени появления труда А. А. Потебни «Из записок по русской грамматике» в синтаксической литературе прочно утвердилась традиция при описании двойных падежей учитывать прежде всего морфологическое выражение второго падежа (существительным, прилагательным, местоимением, причастием) «ввиду того, что эти части речи в рассматриваемом падеже в более позднем языке заменяются другими оборотами не все в одно время и не все одинаково и что в самом древнем языке круги их употребления различны» [20].

Второй винительный существительного

1. Следует отметить, что без глагола словосочетание с «двойными падежами» не обретает своей сущности и может представлять собою в предложении простое приложение. Ср.: . . . <нѣсть лѣпо . . . ослоушатисѧ *наставьника игоумена* своего. . .> *ѥго* же постави намъ *старѣишиноу* и *пастоуха*. . . (Ж. Феод. Печ., л. 53а). В приведенном предложении дважды встречаются согласуемые падежи в разной синтаксической функции: 1) *наставьника игоумена* — приложение, 2) *ѥго старѣишиноу и пастоуха* — двойной винительный падеж.

Поскольку «причина, по которой второй винительный не смешивается с простым определением и приложением, заключена в вещественном значении действительных глаголов cognoscendi, sentiendi, declarandi, faciendi, от которых он косвенно зависит» [21], следует прежде всего рассмотреть семантические группы управляющих глаголов.

Наиболее употребительным семантическим типом связок при втором винительном в древнерусский период были глаголы назначения (*поставити*, *сътворити*, *посадити*, *избрати*, *благословити*, *положити*): И събрачесѧ чернь. и волочахоу добрыѥ моужа. думающе с ними. *кого ц҃рѧ поставѧть* (I Новг. л., л. 66 об.—67); приѣха маѯи митрополитъ в Новъгородъ. і ростовьскыи еп҃пъ семенъ. І тфѣрскыи еп҃пъ андрѣи. і *поставиша архиеп҃па* Новоугородоу *Феоктиста*. . . (I Новг. л., л. 152—152 об.);

---

[20] А. А. Потебня. Указ. соч., т. I—II, стр. 301.
[21] Там же.

ѡиметь Гъ ѡ Иерлма крѣпкаго исполина и чл҃вка храбра... *поставлю оуношю кнаѕа* имъ. и ругателѧ ѡбладающ҃ ими (Лавр. л., л. 48); и посади сн҃а своего Володимера Новѣгородѣ *еп҃па постави Жидату*... (Лавр. л., л. 51); приѧста гра҃. и *посадиста посадника* Стополча *Василѧ*. (Лавр. л., 91 об.); Изѧславъ *постави митрополита Клима. калугера Русина*... (Лавр. л., л. 105); Тако и на сего блжнаго призрѣ Бъ и ста҃а Бц҃а. хотѧщю *его поставити служителѧ* своеи цркви и *пастуха* всеи земли Ростовьскои... (Лавр. л., л. 138); вы же помыслите въ себѣ кого хощете. да азъ *поставлю и* вамъ въ себе мѣсто *игоумена* (Ж. Феод. Печ., л. 62г); и съ съвѣта вьсѣхъ великааго *никона игоумена* себѣ *поставиша* (Ж. Феод. Печ., л. 66г—67а); Добръ зѣло послухъ снъ твои Георгии, *его* же *створи* Гь҃ *намѣстника* по тобѣ твоему вл҃цьству... (Сл. Илариона, с. 67); поражю пастыр҃а, и разидутсѧ ѡвца, нъ помалѣ, постеръ руку, съберу ѩ, и *сътворю* ѩ *пастыр҃а* (К. Тур., с. 14); се о влко стадо богословесныхъ твоихъ овьць. и имъ же *ма бѣ пастоуха створилъ*... (Ж. Феод. Печ., л. 27); смирилъ еси дш҃ю мою. и во ц҃ртвии твоемь *причастника ма створи*... (Ипат. л., л. 242); Бѧше оу миндовга сн҃ъ ... *того избра* гь *поборника* по правои вѣрѣ (I Новг. л., л. 141).

Следующую по частотности в обороте с двойным винительным составляет семантическая группа знаменательных глагольных связок со значением называния (*наречи, нарицати, именовати, звати, глаголати, прозывати, назнаменати*): *Англа* ли *ва наре-коу*... (Сказ. о Б. и Г., л. 16г); блаженыи же *того* призъвавъ и благословивъ *игоумена* имъ въ себе мѣсто *нарече* (Ж. Феод. Печ., л. 63а); *Чл҃вка* ли *ва именоую* то паче всего чл҃вчьска оума преходита (Сказ. о Б. и Г., л. 16г—17а); *Ц҃рта* ли *кнаѕа* ли *ва проглаголю*. нъ паче чл҃вка оубо проста и съмѣрена (Сказ. о Б. и Г., л. 16г — 17); при Оустиньянѣ ц҃ри. звѣзда восиа на западѣ. испущающи луча. *юже прозываху блистаницю* (Лавр. л., л. 55 об.).

При глаголах со значением называния возможно употребление очень близкого второму винительному от существительных так называемого именительного независимого названия[22], употребляющегося до сих пор: вьниде въ манастырь тоу соущи близъ города иже *наричюти* и ста҃а *гора* (Ж. Феод. Печ.,

[22] См. об этом: А. А. Потебня. Указ. соч., т. I—II, стр. 184; В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 365—366. — Некоторые авторы называют этот падеж все-таки винительным. См., например: О. П. Безпалько. Нариси з історичного синтаксису українськоі мови. Посібник для фак-тів мови і літератури педінститутів. Київ, 1960, стр. 90.

л. 41б); Похвалившесѧ оканьнии *нерекоша его* < городъ > *зѣнець* земли... (I Новг. л., л. 152 об. — 153); и *нарекоша и* въ стѣмь крщньи Θеѡдоръ (Лавр. л., л. 138 об.); и *зовуть* ѩ *Татары*. а инии глють *Таѳмены*, а друзии *Печенѣзи* (Лавр. л., л. 153).

Правда, на основании чисто формального признака в последнем предложении формы *Татары*, *Таѳмены* рядом с грамматически правильной древней формой именительного падежа *Печенѣзи* можно воспринимать не как именительный, а как винительный падеж множественного числа.

Третья семантическая группа управляющих глаголов связана со значением принятия и владения (*имати*, *имѣти*, *поѧти*, *приимати*): стыи же молѧше ѩ. да *и поимоутъ* въ слѣдъ себе и *съпоутьника* (Ж. Феод. Печ., л. 28в); и се вамъ игоуменъ. ѥго же сами изволисте того послоушаите. и *оц҃а того* дховьнаго, себѣ *имѣите*. и того боитесѧ (Ж. Феод. Печ., л. 63б); Томь҃ лѣ҃. глѣбъ. кнзь рѧзаньскыи. володимиричь наученъ сы сотоною на оубииство. сдоумавъ въ своѥмъ оканьнѣмъ помыслѣ. *имѣѩ поспешника костѧнтина бра*т своего (1 Новг. л., л. 88 об.—89); ср. в Лаврентьевской летописи: здумавъ в своем ѡканьнѣмь помыслѣ. *имѣѩ поспѣшника брата* своѥго *костѧнтина* и с ни҃ *дьѧвола* (л. 150 об.); К неиже вси крт҃ане. страхомъ пририщють. *оутѣху* и *заступницю имуще тѧ* ... (Ипат. л., л. 197—197 об.); кланѧемсѧ тобѣ. и хочемь *тѧ имѣти* собѣ *ѡц҃а. игоумена* (Ипат. л., л. 220); тогды же Новгородци пришедше к Гюргеви. *поѧша* оу него *сна Мстислава кнѧзѧ* собѣ. (Лавр. л., л. 115); ср. о тех же событиях в Ипатьевской летописи: тогда Новгородци пришедше къ Дюргеви. и поѧша оу него *сна Мъстислава кнзѧ* собѣ (л. 171 об.).

В единичных случаях управляющий глагол мог иметь другое лексическое значение: *видѣти (видя)*, *познати*: Татарове же возбояшеся, *видя Еупатия* крепка *исполина* и навадиша на него множество пороков... (Пов. о раз. Ряз., с. 114).

Параллельно со вторым винительным существительных уже в древних памятниках русской письменности встречается его синтаксический синоним — творительный предикативный[23]: Даи же ми тѣло ѡного х҃а, ѥго же *снмь* биѥмь *нарицахуть* книжници... (К. Тур., с. 27); ⟨бг҃ъ⟩ *нарече свѣ҃ днемъ* а *тмѫ нарече нощью* (О всей твари, с. 347); Постави кнѧзь Ѩрополкъ игумена Марка ста҃ Іѡа҃. ѥго же *постави* Никита митрополитъ ѥп҃омъ Переѧславлю... (Лавр. л., л. 98—99 об.); и постригоша и то҃ дни... и *поставиша* и *игоуменомь* (I Новг. л., л. 102 об.); кнзь

[23] А. А. Потебня. Указ. соч., т. I—II, стр. 492; Е. Ф. Карский. Указ. соч., стр. 41; Е. С. Истрина. Указ. соч., стр. 169.

же Юрьи володмирьскый тогда *посла еремѣа* въ сторожихъ *воеводою* снаса с романомь (I Новг. л., л. 122); ѡче *имѣю та ѡцмь гномъ* (Ипат. л., л. 169—169 об.).

Обследуя новгородские грамоты XIII—XIV вв., В. И. Борковский приводит ряд примеров с творительным предикативным на месте второго винительного[24].

2. В старорусских памятниках разных жанров, но особенно книжных, чаще всего встречаются в качестве связки глаголы речи, называния: *кого* за собою *скажутъ стря(п)чи(х)* и *пору(т)чико(в)*; темъ вини(ти) у поля стоя(т)(ь) (Суд. Фед. Ив., с. 15); оковаху бо по верху тоя кади желѣзнымъ. обручемъ для того, что бы нелзѣ ея урѣзати, а *осмину именовали осмую долю* бочки (Ст. о Смуте, с. 1285—1286); Что *тя* ныне, кабаче, *нареку, дурна* ли или *безумна, разбойника* ли *тя нареку*, но манием о землю бросаешь, *купца* ли *тя нареку* (Сатиры о пьянстве, с. 89).

К этой же семантической группе с некоторой натяжкой можно отнести глаголы *молить, просить, исповедать*: *Его* же *молиша* и *просиша государя* себѣ на престолъ царствіа Московскаго государства. . . (Ст. о Смуте, с. 1319).

По грамматической форме имени существительного с прежней *-ŏ-основой во множественном числе в памятниках XVI—XVII вв. нельзя с достоверностью сказать, винительный, творительный или даже именительный (на *-ки*) падеж употребляется в составе именного сказуемого, так как известно, что эти формы на определенном историческом этапе были тождественны.

Та же убо не стыдяся плѣнныхъ и измѣнныхъ *человѣкъ предстатели нарицати*. . . (Письма Ив. IV, л. 158 об.); О тлѣнныхъ человѣцѣхъ, — не вемы сихъ, *предстатели нарицати их*ъ (Письма Ив. IV, л. 72); Яко же убо Еллини, неподобно тлѣнных *человѣкъ мученики нарицаеши* (Письма Ив. IV, л. 159); и отъ Бога *православных* не устыдѣша ся очюждати и *еретики прозывати*. . . (Письма Курб., с. 406—407); А еже пишеши, *имянующи насъ измѣнники*. . . (Письма Курб., с. 131).

Однако и творительный предикативный при глаголах речи в старорусских памятниках употребляется не менее, если не более широко, чем второй винительный[25]: *Григорьем звали*, байник. . . (Аввакум. Письма, с. 261—262); А прежніе мѣры, *которыя имянуемы четверти*, то бывала четвертая доля бочки или кадки, то же и *оковами зваху* (Ст. о Смуте, с. 1285); и *нарекоша его царемъ*, а *чающе его* истинного прямого *царевича*. . . (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 729); И *церковь* Божію *болваницею нарицая* и правовѣрныхъ *людеи*, почитающихъ образъ Господа нашего Исуса Христа

---

[24] В. И. Борковский. О синтаксических явлениях новгородских грамот XIII—XIV вв. «Уч. зап. Ярославского пед. ин-та», вып. IV. Русское языкознание, 1944, стр. 34.

[25] В приводимых далее примерах встречаются рядом тот и другой падеж.

и Пречистыя Матери его, *болваnоклонники назва?* (Письма Курб., с. 374—375).

Как и в более ранний период, широко распространены при двойном винительном глагольные связки со значением назначения (*поставить*, *благословить*, *сотворить*, *выбрать*, *совосприподобить*, *дать*) [26]: да того мертвого человѣка. . . да *исца* ему *ябедника поставят* (Пересветов, с. 66); Молю тя, христолюбивая, не ходи к еретику попу Осипу! Ей, *бога свидетеля поставляю*, сосуд пагубы. . . (Аввакум. Письма, с. 270); И раздѣли воинство на три полкы: первому полку *воеводу постави* единокровнаго своего *болярина князя Михаила Васильевича Шуйскаго*, другому же полку *воеводу постави князя Ивана Михайловича Воротынсково*, третьему полку *воеводу* постави князя Ивана *Борисовича Черкаскаго* (Пов. Кат.-Рост., с. 590); и на его мѣсто *поставиша* Великому Новуграду *Исидора митрополита*. . . (Ст. о Смуте, с. 1284); и проситъ у своего сына Михаила Феодоровича, паче же и *благословляетъ его быти государя* въ Рустеи земли *царя* и великаго *князя* Михаила Феодоровича (Ст. о Смуте, с. 1320); Сице собра полки многіа и *военачальника* искусна во бранѣхъ *князя Димитріа Михаиловича Пожарскаго* надо всѣми *быти совоспрподоби* [27] (Ст. о Смуте, с. 1317); *Сыны* ваша возметъ и положитъ. . . и *поставитъ тысящьники* и *жательми* жатвы своея (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 24).

В последнем примере сочетаются в именной части винительный и творительный падежи. Глагол *дать* не проявляет такой «валентности» соединения с двойными падежами, как другие названные выше глаголы. Поэтому два смежных винительных падежа имени можно рассматривать как имя и его простое приложение: Книгу Кормчию дал прикащику, и он мне *мужика кормщика дал* (Аввакум. Житие, с. 83); Аз же пресвятей богородице молихся, да *даст* ми *жену помощницу* ко спасению (Аввакум. Житие, с. 59).

В языке протопопа Аввакума встречается двойной винительный, представляющий собою переделанную евангельскую цитату: . . . Несмь достойна нарещися дщерь твоя, *сотвори мя*, яко *едину* от наемниц твоих! (Аввакум. Письма, с. 209).

Управляющий глагол мог иметь значение познания чего-то, восприятия, хотя эта группа в обороте с двойным винительным существительного гораздо малочисленнее, чем в обороте со вторым винительным прилагательного и причастия: да *мнятъ* вси людіе существенно *быти царевича Дмитрѣя* оного *Ростригу*, и восхотѣша ему служити, а Борисова сына суща отвергошася

[26] Едва ли можно согласиться с мнением Т. П. Ломтева о единичном характере второго винительного в XVII в. при глаголах назначения (указ. соч., стр. 217).

[27] Возможно, следовало бы рассматривать слово «военачальника» как препозитивное приложение.

(Пов. Кат.-Рост., с. 576); *мняху его суща царевича Дмитрѣя быти* (Пов. Кат.-Рост., с. 578); Такожде и нынѣ *уповаемъ его способника быти* намъ (Письма Ив. IV, л. 174); Се ты Іудеи именуешися . . . *надѣяжеся себя вождя быти* слѣпымъ свѣтъ сущимъ и во тмѣ наказатель безумнымъ, и учитель младенцемъ (Письма Ив. IV, л. 719 об.).

В языке Аввакума, в Статьях о Смуте и в письмах Курбского встречается управляющий глагол *показати*: тогда убо онъ по народѣ *пастыря* непреоборима *показати себе* хотяше (Ст. о Смуте, с. 1311—1312); княгиня Евдокея Прокопьевна, свет трисиянный вселивыйся в душу твою, *сосуд* избран *показа тя* (Аввакум. Письма, с. 211).

В Уложении 1649 г. встретился глагол *писать*: А *порутчиковъ* по немъ въ томъ велѣть въ поручную запись *писать людей* добрых (Улож. 1649 г., с. 63).

Глаголы со значением владения, принятия встречаются очень редко: и возлюби у него дщерь, именем Маруху, и восхотѣ *пріяти ю жену* (Ск. о Гр. Отрепьеве, с. 722); *Брата тя* приспа присно *имехом и имеем*, *и имети хощем* (Аввакум. Письма, с. 294).

Единичным примером представлен глагол движения *вести*: идетъ ко мнѣ из Литвы великой воевода Юрье Мнишекъ, а *ведетъ* мнѣ *супругу* свою *дочь* (Ск. о Гр. Отрепьеве, с. 739).

Таким образом, сравнение семантического диапазона глаголов, управляющих вторыми падежами существительных, в древнерусских и старорусских памятниках показывает, что произошел некоторый сдвиг в частоте употребления структуры с двойным винительным при глаголах назначения, которые уступили свое первенство в XV—XVII вв. глаголам называния. Почти «вышли в тираж» управляющие глаголы со значением принятия, владения; семантические границы групп стали более зыбкими и неопределенными.

Лексическое значение глагольной связки предопределяет в известной мере структуру всего оборота с двойными падежами. При глаголах со значением принятия, назначения второй винительный никогда не мог быть выражен собственным именем и выражался существительными довольно ограниченной семантической группы, включавшей название должности, сана, общественного положения (*старѣишину*, *царя*, *игумена*, *посадника*, *служителя*, *князя*, *поборника*, *пастуха*, *пастыря*, *учителя* и т. д.). Лексически вторые винительные существительных при глаголе со значением называния, речи были более свободными. Ср. столь разнообразные в семантическом плане существительные, как: *землю*, *нощь*, *отца*, *презвитера*, *апла*, *блистаницу* и др.

Учет семантики второго винительного очень показателен в плане сравнения с развитием именительного предикативного, где, по свидетельству О. В. Патоковой, в древнерусском языке

имена, включенные в сказуемое, не выходят за рамки сравнительно узкого семантического круга: чин, сан, должность [28]. Во втором винительном семантика имени была, вероятно, несколько шире, чем во втором именительном. Кроме указанных семантических групп во втором винительном употреблены имена *нощь*, *землю*, *блистаницю*, *чловка* и др. «Должностная» лексика во втором винительном остается преобладающей и в старорусский период: *начальник*, *государь*, *царь*, *разбойник*, *купец*, *стряпчий*, *игумен*, *кормщик* и т. д. Помимо этого, более широкое распространение получают сочетающиеся с глаголами речи существительные разной экспрессивной окрашенности, так или иначе определяющие, характеризующие предмет (*еретики*, *болванопоклонники*, *изгнанец*, *мученики* и др.). Здесь могут выступать и неодушевленные существительные с конкретным вещественным лексическим значением (*осмина*, *оковы*, *сосуд*, *ковчег*).

В старорусских памятниках творительный предикативный — явление еще более распространенное и продуктивное, чем в древнерусских памятниках. Об этой замене падежей А. А. Потебня, приведя массу примеров, писал: «В ст. рус. памятниках употребление здесь творительного существительного (но не прилагательного) сначала почти столь же обыкновенно, как и употребление согласуемого падежа» [29].

Управляющие глаголы при творительном предикативном в поздних древнерусских памятниках относятся преимущественно к глаголам речи. Обилие форм творительного падежа вместо старого винительного существительных можно отметить в «Письмах» Курбского, что, возможно, связано с польским влиянием: и *церковь* Божію *болваницею нарицая* . . . (Письма Курб., с. 374—375); почему *есть нарицалъ его псевдопрофитомъ* (Письма Курб., с. 441); воспомянухомъ о каликахъ твоихъ, *ихже воеводишками* усильствуешь безстыдне *творити* (Письма Курб., с. 150).

В. И. Борковский отмечает: «. . . по-видимому, с XVI в. нормой стала постановка имени существительного в творительном падеже» [30]. По отношению к живому народному языку XVII в. Т. П. Ломтев также считает нормой творительный предикативный на месте второго винительного [31].

Обильно представлен творительный предикативный существительных в разговорных пластах Сочинений Аввакума и в демократической сатире XVII в.: А плуты те, — ну их к черту! И *людьми их не зову* (Аввакум. Письма, с. 276); Да у меня же был на Москве бешаной, — *Филипом звали*, — как я из Сибири выехал (Аввакум. Житие, с. 114); а тот ерш встретился со мною на устье Ростовскаго озера и *назвал меня братом* (Пов. о Ерше, с. 149); и

[28] О. В. Патокова. Указ. соч., стр. 5.
[29] А. А. Потебня. Указ. соч., т. I—II, стр. 492.
[30] В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 367.
[31] Т. П. Ломтев. Указ. соч., стр. 218.

мнѣ ты саромоты доспѣл, и плохою *женою поставил* (Пов. о куре и лис., с. 195).

Любопытно, что пословицы XVII в., сохраняющие в силу своей специфики архаичные грамматические формы, тоже знают творительный предикативный на месте второго винительного: И по роже. знат. что *Сазономъ звать* (Пословицы XVII в., л. 349); *Зовутъ его Ѳомою* а живетъ он собою (Пословицы XVII в., л. 347 об.) и т. д.

Однако письменность даже в более поздний период (XVIII—XIX вв.) еще знает незначительное употребление второго винительного существительных. Убедительную картину соотносительности употребления в XVIII в. второго винительного и творительного предикативного находим в статье В. И. Чагишевой [32]. В литературном языке XVIII в. двойной винительный — синтаксический архаизм, который изредка имеет место в деловом и научном стиле [33]. В литературном языке XIX—XX вв., по наблюдению О. М. Доконовой [34], остатки двойного винительного существительных исключительно редки. Именительный предикативный на тех же этапах языка вытесняется творительным менее энергично, чем второй винительный [35]. Причины этого А. А. Потебня видел в той степени «объектности» второго падежа, которая больше во втором винительном, чем во втором именительном [36].

О. В. Патокова, детально исследовавшая вопрос о взаимодействии именительного и творительного предикативных в историческом плане, считала, что темпы «наступления» творительного предикативного на второй именительный были менее интенсивными, чем это представлялось А. А. Потебне [37].

Начиная с XVII в. в языке памятников письменности обнаруживается еще одна синтаксическая замена второго винительного: предложно-именные сочетания «*за*+вин. п. ед. ч.», «*в*+вин. п. мн. ч.»: Государевы измѣнники Терскіе казаки насъ на дорогѣ поневолили, взяли къ себѣ силно, и *насъ крѣпили за приставы* (Рус. гр. 1614 г., АИ, т. III, № 264); А *нас* на Руси *не почитают* и *за пса* смердящаго (Пов. об Азов. взятии, с. 68); Мыши *обрали кота за попа* (Пословицы XVII в., л. 357).

---

[32] В. И. Чагишева. Второй винительный падеж в русском литературном языке XVIII в., стр. 83—100.

[33] Там же, стр. 89.

[34] О. М. Доконова. Из наблюдений над употреблением конструкций со вторым винительным падежом в языке писателей XIX—XX вв. «Уч.-зап. Московского пед. ин-та им. Н. К. Крупской», т. 139, вып. 9. Труды кафедры русского языка, 1963, стр. 51—59.

[35] А. А. Потебня. Указ. соч., т. I—II, стр. 492.

[36] Там же, стр. 493. — См. также о языке отдельных памятников: Т. А. Колосова. Синтаксис повестей об Азовском взятии и осадном сидении (простое предложение). Автореф. канд. дисс. М., 1956, стр. 13.

[37] О. В. Патокова. Указ. соч., стр. 5.

3. В старобелорусских памятниках преобладающую семантическую группу связок составляли глаголы называния, речи, при которых второй винительный встречался очень редко, например: И иныѥ ѡ ины речаˣ мнѣ ѡ неᴹ *казали*. льжа *ѥго чорнокни*ж*ника быти*. а проти[в] законоу и чинѧчего (Страсти Христовы, л. 31); все собраніе людеи *кликали ѥго* правдиве. зо пѣоты нарожоного. и *злосника* (Страсти Христовы, л. 18 об.). Гораздо чаще встречаются: а) именительный независимый или б) творительный предикативный. Например: а) вступиᴶ тежъ алеѣа[и]деръ на горѣ *которѣю звано таврѣ*[с] (Александрия, с. 48); ѡдного *звали Прокъшою* (Лет. Рачин., л. 252); б) на котором мѣстцу почали будовать тое мѣсто, *которое* теперь *Вэнэцэю* зовуть (Ист. о Атыле, с. 213).

В старобелорусской письменности шире, в сравнении со старорусской, распространены в качестве связки глаголы мысли (verba cognoscendi): *вѣрить*, *увѣрить*, *признавать*, *знать*, *вызнывать*, *повѣдать*: а со исоусо оукрижова ѥсми бы а *оувери ѥсми ѥго быти творца* всего свѣта (Страсти Христовы, л. 27); пане староста того *есмо знали чорнокни*ж*ка быти сна езопа*... (Страсти Христовы, л. 16 об.); лысты по всей Москве разослалъ, *повѣдаючи* себе *быти царя Дмитра Ивановича Московского* (Лет. Баркул., л. 169—169 об.). При этих глагольных связках преобладает второй винительный, хотя встречается и творительный предикативный: *повѣдаетъ сѧ* наилепшымъ коньскимъ *мистромъ* (Ист. о Гвид., с. 152); нижли одны Москвичи *признавали его царемъ быти* и самая Москва и вси болшие бояре московские, — и иныя многая Москва, которая первей *его* добре *знала быти царемъ московскимъ* (Лет. Баркул., л. 173).

При глаголах владения наравне употребляются второй винительный и творительный предикативный: Тро(и)идень па(к) *по(и)меть жону* ѵ кнѧжа(ти) Мазовэ(ц)кого *до(ч)ку* его (Лет. Рачин., л. 238); ... толко любо *того* хоче *короле мѣти* а не цесарѧ (Страсти Христовы, л. 21); *мелемъ* на тотъ часъ у себе великимъ *приятелемъ старосту* ляховицкого *пана Симона* Шлятковского (Дневн. Евлаш., с. 146).

При глаголах назначения в старобелорусской письменности особенно XVI—XVII в. широко употребителен уже творительный предикативный: Року Божого нарож. 1586 *взято* на королевство Полское *кролемъ кролевича* швецкаго (Лет. Баркул., л. 142); И Трыцан рекъ: И мышлю, ꙗко *быхмо* ѡную *панну королевою поставили* (Пов. о витязях, с. 121).

В старобелорусской литературе можно встретить единичные случаи употребления творительного предикативного и при других лексических значениях управляющего глагола (*ѵзрѣти*, *дати*, *ѡстати*, *держати*, *послати*): чо(р)ные люди на томь прысѧгнули што имъ *пна А(н)дреѧ де(р)жа(т)* ѵ себе *воеводою* поче(ст)но

на Смоле(н)ску (Лет. Рачин., л. 272); дали намъ въ той рѣчи *судью пана Ина Заберезынского* (Зап.-русск. гр. нач. XVI в., Лит. метр., т. I, кн. I, № 22).

Другим эквивалентом второго винительного существительных были предложно-именные сочетания, изредка встречавшиеся и в старорусских памятниках («*за*+вин. п. ед. ч.», «*в*+вин. п. мн. ч.»): Панъ Тарановскій . . . оного *тирана за короля взяти* былъ обѣщалъ. (Вестов. отписки Кмиты, 1573—1574 гг.); ты ми *его даи за мужа*. . . (Ист. о Гвид., с. 145); . . . свещеннодействовати, архимандриты, игумены ставити, *въ четцы благословляти*, *въ поддіяконы* и *во діякони* христонисати . . . (Брест. гр. 1610 г., АЮЗР, т. II, № 40).

В современном белорусском языке творительный предикативный на месте субстантивного второго винительного является живой синтаксической нормой [38], рядом с которой шире, чем в русском языке, употребляется «*за*+вин. п. ед. ч.».

Ряд предложений с двойным винительным содержит инфинитив *быти*, а сочетание винительного падежа имени с этой формой воспринимается как оборот, близкий к Accusativus cum Infinitivo. Е. Ф. Карский полагал, что редкие случаи его употребления в старобелорусской письменности навеяны влиянием древнерусского и старославянского письма, куда они занесены переводчиками из греческого и латинского синтаксиса [39]. Инфинитив *быти* в таком обороте — слабо зависимое второстепенное сказуемое с вещественным значением существования, наличия: а *оувери*ѧ *есми его быти творца* всего свѣта... (Страсти Христовы, л. 27); листы по всей Москве разослалъ, *поведаючи себе быти царя Дмитра Ивановича Московского* (Лет. Баркул., л. 169—169 об.).

Однако в тех же самых памятниках есть случаи замены второго винительного творительным падежом: да штобы ѡнъ *не го*ꙋ*ри*ѧ себе *сно*ѧ бжьимъ а *короле*ѧ *быти* (Страсти Христовы, л. 18 об.); одны Москвичи *признавали его царемъ быти* (Лет. Баркул., л. 173).

Большое количество примеров второго винительного и творительного предикативного на его месте, взятых из старинных белорусских памятников, находим в 3-м выпуске «Белорусов» Е. Ф. Карского [40], а также в монографии Т. П. Ломтева [41], где

---

[38] «Нарысы па гісторыі беларускай мовы», стр. 317.

[39] Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3. М., 1956, стр. 399.

[40] Там же, стр. 397—399; 419.

[41] Т. П. Ломтев. Исследования в области истории белорусского синтаксиса. Составное сказуемое и его изменение в истории белорусского языка, ч. II, гл. VII. «Уч. зап. Белорусского гос. ун-та», вып. II. Минск, 1941.

приводятся примеры употребления структурных замен второго винительного оборотом «*за*+вин. п. имени» [42].

Наш материал и указанный в специальной литературе убеждает в том, что двойной винительный в старобелорусской письменности еще достаточно широко употреблялся, и потому мы не можем присоединиться к категорическому заявлению, что «творительный предикативный имен существительных на месте второго винительного был обязателен уже в древнем белорусском языке» [43].

4. В староукраинских памятниках второй винительный существительного представлен сравнительно небольшим числом примеров.

Лексическое значение управляющих глаголов не выходит за рамки уже известных нам по старорусским и старобелорусским памятникам семантических групп.

1) Глаголы речи (*назвати, называти, звати, речи, наречи, повѣдати, глаголати*): кнѧжащоу же Воишелкови в Литвѣ и поча емоу помагать Шварно кнѧзь. и Василко. *нареклъ* бо *бѧшеть Василка* ѡца собѣ и *господина* (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 287); Мьстиславъ же совокупи рать свою посла ю *нарекъ Чюдина воеводу* (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 306 об.); Зъ знаменитого оного Петрового вызнанья, учиненого на пытанье Христово свое «*кого мя глаголють* человѣци *(быти) сына* человѣческого ...» (Палин. Копыст., с. 398).

Как уже указывалось, при глаголах речи практически очень трудно применительно к языку письменности отделить второй винительный от независимого именительного названия: ... ея же *мудрование* апостол Павел *смерть нарече* (Вин. Книжка, с. 97); Бо єси Іоан, *зовут тя* покаянию *проповѣдник* (Сл. о збур. пекла, с. 80); *Каптур* тот или *страшило*, а по нашому *клобук*, которому хвост висит на задѣ, праведно ест *назвати страшило* (Вин. Книжка, с. 25).

Иногда двойной винительный сочетается в структуре одного сложного предложения с творительным предикативным: Але всѣ, или есть ихъ, которіи *его каменемъ зовутъ*, або на немъ збудованую быти Церковъ повѣдають, въ той сенсъ *фундаментомъ* Церкви *быти его розумѣютъ* (Палин. Копыст., с. 357).

2) Глаголы назначения, принятия (*учинити, поставити, чинити, зоставити, признавати, познати, вѣрити, знайти, въмѣнити, створити*); Христосъ *намѣстника* по собѣ церкви Своей святой Іерусалимской *апостола Іакова зоставилъ* (Отв. клир. Острож., с. 416); А *познавши его быти не* простого *человека*, але *Бога*

---

[42] Т. П. Ломтев. Исследования в области истории белорусского синтаксиса. Составное сказуемое и его изменение в истории белорусского языка. ч. II, гл. VII.

[43] Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка, стр. 217.

правдивого ... заразъ пошолъ (Пересторога, с. 207); Я *тебе стражу, слугу, невольника* и *вязня* женѣ *учиню* (Виш. Книжка, с. 13).

При управляющих глаголах второй семантической группы творительный предикативный употребляется в староукраинских памятниках гораздо шире, чем двойной винительный. Примеры: Гдѣ ж корол Его Милость рачилъ емꙋ *дати* з рꙋки его *сꙋдами насъ* (Луцк. гр. 1542 г., Arch. Sang., т. IV, № 264); Так, бож. апостолъ Павелъ *постановилъ епископомъ Тимофея* ... такъ, *рукоположилъ епископомъ* въ Критѣ *Тита* (Палин. Копыст., с. 512); *третьимъ епископомъ его быти личитъ*, а *вторымъ Анаклета*, а *первымъ Лина* (Пересторога, с. 233).

Функциональная емкость творительного, противопоставленного согласуемому винительному, в староукраинских памятниках обнаруживается и в его семантическом разнообразии. Наряду с существительными, характеризующими общественное положение лица (*зрадцами, членками, карчмарем, наступниками* и др.), в творительном предикативном широко употребительны различные абстрактные и вещественно-конкретные существительные с прямым или переносным значением: Яко ваш(ю) тую оплаканую и нещастливую *згоду — згодою*, а не слушнѣй — *Вавилономъ* або онымъ темнымъ *хаосомъ* і самымъ пекелнымъ *проклятствомъ*, *называти* и *розумѣти* хто не мает?! (Отв. клир. Острож., с. 405); третій тые першіе *постановленья упоромъ называетъ* (Отв. клир. Острож., с. 426); и то абы тоею *фѣгурою значилъ церковъ* (Палин. Копыст., с. 351).

Предложно-падежные сочетания как «конкурент» согласуемого винительного, а затем и творительного предикативного в староукраинских памятниках были еще малоупотребительны: . . . *которого приемши за пастыра* . . . (Виш. Книжка, с. 24); мой даскал простак, который *рыболовци в человѣколюбци претворяет* (Виш. Книжка, с. 10).

По наблюдениям О. П. Безпалько, предложно-падежная конструкция и в староукраинском и в современном украинском занимает значительно большее место, чем в русском языке: Його прислали до мене за комісара в артилерійський дивізіон (П. Панч.) [44].

Следовательно, для староукраинского языка можно установить следующую градацию продуктивности названных выше синтаксических синонимов: творительный предикативный, согласуемый винительный, предложно-падежные сочетания.

Современный украинский литературный язык знает три синонимические замены былого двойного винительного падежа суще-

---

[44] «Нариси з історичного синтаксису української мови». Посібник для фак-тів мови і літератури педінститутів. Київ, 1960, стр. 24, 90—92.

ствительных. Примеры: На голову цього гуртка Катя запропонувала обрати Віктора Мартинова (О. Копиленко); Брянський призначив його старшиною (О. Гончар, Прапороносці)[45].

Второй винительный прилагательного

1. Круг знаменательных глаголов, с которыми в древнерусских памятниках сочетался второй винительный прилагательного, оказывается еще более широким, чем круг глаголов, сочетающихся со вторым субстантивным падежом. Обширные связи второго винительного прилагательных с семантически разнообразными управляющими глаголами были отмечены еще А. А. Потебней [46], справедливо видевшим в этом одно из проявлений большей предикативности прилагательного, чем существительного в синтаксической роли второго падежа.

Несмотря на трудности четкой группировки по лексико-семантическим классам встретившихся в обороте переходных глаголов, можно выделить следующие их типы.

Глаголы со значением активного действия, вызывающие появление определенного признака в объекте (*створити, оучинити, создати, положити, дати* в значении *сделать*): ѥще же и *сл(ѣ)па ѥго сътвориховѣ* на оувѣриѥ прочимъ (Сказ. о Б. и Г., л. 23в); и сповѣда ѥму хр҃олюбець. како стаⷯ имущему суху *ногу цѣлу створиста* (Чт. Б. и Г., л. 106г—107а); и възвратишасѧ в своⷯ си ѡпа҃. *землю* ихъ *пусту створивше* и пожгоша всю (Лавр. л., л. 137 об.); и встануть на безаконьѥ внучатъ твоихъ. и *пусто творѧть мѣсто* (Лествица, с. 93); і покрутившесѧ ⟨Новгородци⟩ ідоша за наровоу. і *створиша волость* іхъ *поустоу* (І Новг. л., л. 132 об.—133); и вси волостеви по рижескои земли *дали двину волену* ѿ оустьⷯ до вѣрху по водѣ и по берегу (Смол. гр. 1229 г., сп. F).

В Сказании о Борисе и Глебе отмечен второй винительный сравнения с союзом *акы*: *женоу* же тоу *акы мрътвоу сътворіста* (л. 21г).

Обширную группу управляющих глаголов при адъективном втором винительном составляли глаголы, обозначавшие движение, пребывание в состоянии, действие над объектом, сохраняющим определенные свойства, качества, выраженные в прилагательном (*привести, извести, довести, нести, принести; держати, пустити, отпоустити, оставити, дати, ѩти, изымати; налѣзти; соблюсти; въвергноути; погрѣсти*); при этом сам контекст налагал на прилагательное обстоятельственный оттенок («в каком виде? как?»): и *привезоша и* въ новъгородъ

---

[45] Примеры цитируются по коллективной монографии «Історична граматика української мови» (Київ, 1962, стр. 442).

[46] А. А. Потебня. Указ. соч., т. I—II, стр. 305.

мр҃твъ... (I Новг. л., л. 88); и оуѧ *и* болезнь. велика на свинѣ. и възложивше на носилицѣ *несѧхуть* токмо ле *жива* (Ипат. л., л. 211 об.); и се положи на оумѣ своемь. Аще Бъ *приведеть мѧ сдорового* дни сиѧ, то не могоу никакого же. Роускои землѣ забыти (Ипат. л., л. 214); нынѣ *ворогы* свои *держишь просты* (Ипат. л., л. 213 об.); і люди многы града того. овы побиша. а *дроугы изъимаша живы* (I Новг. л., л. 139—139 об.); бл҃жныи же ѥ҆ппъ Кирилъ. *взѧ кнѧзѧ мертва* (Лавр. л., л. 162 об.).

Своеобразным катализатором предикативности прилагательного могло быть действительное причастие от глагола *быти*: а *самого несоша больна соуща* (Ипат. л., л. 242)[47].

Небольшой группой представлены управляющие глаголы со значением речи, чувства, восприятия (verba dicendi, sentiendi, cognoscendi: *видѣти*, *проглаголати*, *наречи*). Например: и приѣха *види повержена Игорѧ мр҃твого* (Ипат. л., л. 129 об.); И прииде из Чернигова в землю Резанскую во свою отчину, и *видя ея пусту* (Пов. о раз. Ряз., с. 14); То слышавше вѣрнии люди *видѣвше* преже *ногу* ꙗко *суху сущю* нынѣ же *цѣлу* (Чт. Б. и Г., л. 106в). В последнем предложении предикативность прилагательного усилена согласованным с ним действительным причастием *сущю*.

По своему лексическому значению адъективный второй винительный с трудом поддается какой-либо регламентации, однако чаще других в этой роли оказываются прилагательные *живъ*, *мьртвъ*, *цѣлъ*, *пустъ*, *сдравъ*. По форме в памятниках древнерусской письменности — несомненное преобладание кратких прилагательных (соотношение 7 : 1)[48]. Наиболее ранние случаи употребления полных форм в роли второго падежа отмечены в житийной и летописной древнерусской литературе: имше же за сухую ногу... *цѣлую створиста* (Чт. Б. и Г., л. 106б); на заоутрье же *налѣзоша Тугоркана мертвого* (Лавр. л., л. 77); аще Бъ *приведеть мѧ сдорового*... (Ипат. л., л. 14); Вы есте *нарекли мѧ* во своемь племени во Володимерѣ *старѣишаго* ... и ту хотѣша *и* Кияне пѣшци оубити. *мнѧще ратного* (Ипат. л., л. 158 об.).

Относительно характера ранних случаев местоименных прилагательных в роли второго винительного убедительным представляется объяснение В. И. Борковского, который связывает новую

---

[47] О подобной структуре см. подробнее в следующем разделе, стр. 127—128.

[48] Исследуя синтаксис значительного пласта древнерусских грамот, В. И. Борковский также указывает на использование лишь именных форм прилагательных во вторых косвенных падежах («Синтаксис древнерусских грамот. (Простое предложение)». Львов, 1948, стр. 197).

синтаксическую функцию полных прилагательных с их субстантивацией [49].

В сравнении с существительными, прилагательные очень долго употреблялись в форме согласуемого падежа [50].

Как было отмечено еще А. А. Потебней, параллельно с творительным предикативным существительных творительный предикативный прилагательных представляет еще большую редкость. Он зафиксирован от полного прилагательного: ти бо мимоходячи *прославять человѣка* любо *добрым* любо *злым* [51].

2. В старорусских памятниках древняя конструкция с адъективным вторым винительным продолжала быть живым, активным оборотом. В условиях его употребления можно отметить происшедшие в течение двух-трех столетий некоторые сдвиги. Прежде всего еще более расширился круг управляющих глаголов: во-первых, за счет расширения синонимических рядов глаголов трех названных выше групп; во-вторых, за счет появления новых групп глаголов, управляющих вторым винительным (*одрати*, *накрыть*, *кинуть*, *представить*, *исцелить*, *проглотить*, *искати* и др.). Примеры: И тою горою высокою хотели *нас живых накрыть* и засыпать в Азове городе великими турецкими силами (Пов. об азов. взятии, с. 73); *веру* к богу *тверду* и *непостыдну держите* (Моск. гр. 1572 г., Дух. дог. гр., № 104); Хощю *неповинных представити вас* в день просвещенный праведному судии (Аввакум. Письма, с. 291); Пашков же, возвед очи свои на меня, — слово в слово что медведь морской белой, *жива бы меня проглотил* (Аввакум. Житие, с. 82); *не исцелих тя* всего *здрава* до конца (Аввакум. Письма, с. 199); царь имъ вины в том не учинил, толко *ихъ* велѣлъ *живых одрати* (Пересветов, с. 72); и которыхъ гдѣ *застаху живыхъ*, и не даша ихъ побити (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 750); И *храм* то *чистъ держати* всѣгда (Домострой, с. 8).

Следующую отличительную черту в языке старорусских памятников составляет численно значительное употребление прилагательных в полной форме, хотя именные прилагательные в этой функции продолжают оставаться преобладающими. Как убедительно показано Н. Ю. Шведовой, предикативное употребление членных прилагательных на русской почве отнюдь не было синтаксическим полонизмом, а уходило своими корнями как самобытное русское явление в глубины народной речи [52]. По наблюдениям ав-

---

[49] В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка, стр. 396.

[50] Ср. вывод Е. С. Истриной об абсолютном отсутствии творительного предикативного прилагательных в 1-й Новгородской летописи («Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи», стр. 169).

[51] Пример взят из указанной работы А. А. Потебни, стр. 500.

[52] Н. Ю. Шведова. Возникновение и распространение предикативного употребления членных прилагательных в русском литературном языке XV—XVIII вв. «Докл. и сообщ. Ин-та русского языка АН СССР», вып. 1, 1948, стр. 106.

тора, XVII в. дает богатый и разнообразный материал по предикативному использованию членных прилагательных во всех стилях речи. Н. Ю. Шведова приходит к выводу о вытеснении из составного сказуемого именных форм относительных прилагательных уже в первой половине XVIII в. Этот вывод может быть распространен и на адъективный второй винительный, выраженный относительным прилагательным.

Чаще других в полной форме употребляются субстантивированные прилагательные *живой* и *мертвый*: Так *их* и с матерью троих в землю *живых закопали* (Аввакум. Житие, с. 105); И он, Афонасий, *ево*, Иякова, за то, бив кнутом, жжег до смерти. И к моему протопопову зимовью *мертваго кинул* под окошко . . . (Аввакум. Письма, с. 192).

Однако семантические рамки местоименных форм, несомненно, становятся более широкими (*опричный*, *нагой*, *пеший*, *неповинный*, *подрочный*, *безплотный* и др.): Свѣта же во тьму прелагати не тщуся, и *сладкое горькое не прозываю* (Письма Ив. IV, л. 67); уповая отженути Московское воинество от стѣнъ грацкихъ мощію своею, *своихъ* же *свободныхъ учинити* покушается (Пов. Кат.-Рост., с. 614); Посем паки *меня* из монастыря *водили пешева* на патриархов двор (Аввакум. Житие, с. 67); На Логина возложили чепь. . . и *кинули* в палатку *нагова* (Аввакум. Житие, с. 67).

Краткие прилагательные в роли второго падежа по своей семантике еще более свободны и не ограничены: а другая половина взяти иску на судне, потому что, *знаючи дияка лъжива*, почто с нимъ судитъ (Суд. Фед. Ив., с. 12); а къ тому *вѣдаю тя* во священныхъ писаніяхъ *искусна* (Письма Курб., с. 148); Я *ея маленьку помню* (Аввакум. Письма, с. 283); Кто твоя гнилая чудеса изочтет, кому ли *тя потребна нареку*? (Сатиры о пьянстве, с. 88); да составятъ брань съ ними и *градъ Колугу учинятъ свободну* (Пов. Кат.-Рост., с. 585—586); сию же *дѣвицу* осквернивъ блудомъ и *убогу учини* и въ пустыню заточи (Пов. Кат.-Рост., с. 580); а прикащики того небрегутъ же. и *монастыри и села чинятъ пусты* съ своими племянники (Стоглав, 44); владыко, *не остави нас сиры* (Аввакум. Письма, с. 204).

В старорусских памятниках единично встречаются обороты с адъективным вторым винительным + инфинитив *быти*: Аще убо иныи нѣцы отъ тебе повинути мя достоина судища, яко Димоѳилъ *непщуетъ* благаго о всѣхъ *Бога не быти человѣколюбива* (Письма Ив. IV, л. 718—718 об.); Росстригу называет себѣ дядею и *глаголетъ его быти жива* (Ст. о Смуте, с. 1297).

Синонимические замены второго адъективного творительным предикативным, как это неоднократно отмечено в литературе, появляются довольно поздно. При этом прилагательные употребляются в местоименной форме и, по справедливому замечанию В. И. Борковского, являются субстантивированными. Творительный предикативный начал прежде всего развиваться при глаголах

со значением называния и активного глагольного действия, вызывающего появление признака в прямом объекте (типа *учинити*). Это объясняется, вероятно, большими возможностями творительного как объектного падежа в выражении обстоятельственного значения образа действия: А къ царицѣ посольства править и еѣ видеть не допустили. а отговорилися тѣмъ, *назвали царицу болною* (Котош., с. 57); *Учините мя* равно *сподобными* мне (Ист. Ал. рос., с. 130) [53]; *Называет себя святым*, а явен враг божий (Аввакум. Письма, с. 258).

В отличие от субстантивного творительного предикативного, творительный адъективный в том же круге старорусских памятников употребляется очень редко. Это, вероятно, объясняется спецификой синтаксических отношений в адъективном варианте оборота с двойными падежами: предикативное прилагательное в силу своей природы не допускает двусмысленного толкования и путаницы с прямым объектом действия. Чем же в таком случае объяснить замену согласуемого винительного творительным предикативным? Вероятно, общей для всех вторых падежей тенденцией, вызванной требованием четкой коммуникации, тенденцией, вполне оправданной при субстантивном выражении второго винительного. Исторически нарастающая «синтаксизация» творительного предикативного падежа, коснувшись одной структурной модели двойных падежей, не могла не охватить и других моделей.

Опираясь на исчерпывающую выборку материала из литературного языка XVIII в., В. И. Чагишева также делает вывод о более широком употреблении в этот период второго винительного прилагательных, нежели существительных [54]. Из перечисленных автором семантических групп глаголов, управляющих вторым винительным в XVIII в., ясно, что их круг фактически совпадает с тем, который отмечен для древнерусских и старорусских памятников. «Процесс замены второго винительного творительным предикативным в XVIII в. не закончен и протекает неравномерно» [55]. Темпы изменения внутри этого типа составного сказуемого напоминают относительно медленный процесс вытеснения второго именительного прилагательных. Современный русский язык, преимущественно в своей разговорной разновидности, знает второй винительный прилагательных, параллельно с которым употребляется творительный предикативный. По наблюдениям О. М. Доконовой, функционально оба несколько отличаются друг от друга: «творительный описывает, а не определяет субъект» [56]. Второй винительный прилагательных сохраняется при глаголах воздействия на

---

[53] Оба примера цитируются по монографии Т. П. Ломтева «Очерки по историческому синтаксису русского языка» (стр. 224).

[54] В. И. Чагишева. Второй винительный падеж в русском литературном языке XVIII в., стр. 89.

[55] Там же, стр. 99.

[56] О. М. Доконова. Указ. соч., стр. 54.

предмет или лицо, обладающее предикативным признаком. Примеры: И, связав *ее живую*, под сосной *оставить* там (Пушк., Ск. о м. цар.); В том нет вины твоей, что *схватили тебя нагого* (Гог., Т. Бульба) [57].

Как отмечает Грамматика АН СССР, в современном русском языке такой винительный соотнесен обычно с местоименным первым винительным и очень близок к определению [58].

3. В старобелорусской письменности адъективный второй винительный продуктивнее, чем субстантивный. Чаще всего он наблюдается при глаголах со значением чувства, мысли, речи: ꙗзы пред силною жалостію оуже бы страти оусю силоу говореніа. да не дивь заню оуже *какъ бы мертвого сна видела* (Страсти Христовы, л. 11); Въ тымъ же року 1572, *видечи я пана отца* моего *осиротелого* и велце для смерти малжонки своей *жалосного*, радячисе ... (Дневн. Евлаш., с. 135); все соудіе посполу *сказали* ѥго смрти *быти винного* (Страсти Христовы, л. 22 об. — 23); Богданъ Азкевичъ самъ дома *ѳорого кажуть*, выслалъ слугу (Сп. татар дом., с. 1369); Милкуманъ Обдышевичъ выслалъ слугу, а самъ дома, *повѣдаютъ быти хорого*, кляча... (Сп. татар дом., с. 1371); а потом, удавши се на службу, трафяли ли ми се таки паны, которые *ме* оборачали до браня поборовъ и чиненя личбъ, *поразумевши* на то зъ натуры *спꙗсобного* (Дневн. Евлаш., с. 128); повѣдано ми на Трыщана, але сам *знаю вѣрна его* к собѣ (Пов. о витязях, с. 88); се ѵже *сповѣдали бы Филипа ѵмерлого* (Александрия, с. 35).

При глаголах речи, мысли иногда употреблялся инфинитив *быти*, усиливающий предикативность признака, выраженного адъективным винительным (см. примеры из памятников Страсти Христовы, История о Атыле, Александрия).

Очень близок к глаголам восприятия широко распространенный в грамотах глагол *найти* в значении *счесть* в канцелярском штампе: ... *кого найти в томъ ... правого (правых)/виноватого (виноватых)*: И мы, подлугъ того свѣтка свѣдецства, *нашли* въ томъ *Круповичовь правыхъ*, а *Бастунцовъ виноватыхъ* (Радун. гр. 1444 г., АЮЗР, т. I, № 22, V); И мы въ томъ Ѩнка *правого нашли* (Вил. гр. 1510 г., Лит. метр. т. I, кн. 1, № 147); их милость *знашли его* ѿ тыхъ людей *правого* и тую землю емѵ присѵдили (Вил. гр. 1514 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 86).

При прямом значении глагола *найти* в прилагательном, стоящем в винительном падеже, атрибутивное значение сильнее, чем предикативное: и *нашолъ Пулкана мертва* и *два львы мертвых* (Ист. о Гвид., с. 161).

---

[57] Примеры из указанной работы О. М. Докоповой.

[58] «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1. М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 552.

Глаголы активного действия, в результате которого появляется признак, выраженный вторым винительным, имеют место и в старобелорусских памятниках: И поехал Лукаперъ у бои, на кого колвек прышол, *того мертва учынилъ* (Ист. о Гвид., с. 139); а и(н)шы(х) полонъ вывелъ. и *землю* ихъ *пусту вчынилъ* (Лет. Рачин., л. 236); и в том *кнѧзѧ маршалка* Волынское земли и тых всих *кнѧжат* и *панѧт волных вчинили* и *чиним*. (Брест. гр. 1544 г., Arch. Sang.,, т. IV, № 328).

К этой группе примыкают два лексически несходных глагола, которые тоже указывают на действие, порождающее предикативный признак: *родити*, *выховати*: другого *сына* моего мелъ южъ у себе отъ килку летъ въ науце и твиченю своимъ, а бодаи *негоршого выховалъ* (Дневн. Евлаш., с. 156); а которое *дѣтя родила есми мертвое* съ того бою, за то . . . (Вил. гр. 1510 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 46).

Глаголы, управляющие объектом, уже имеющим свой устойчивый признак, представлены в старобелорусской письменности лексически многообразно (*оставить*, *застать*, *кинуть*, *поимать*, *инѧть*, *пустить*, *отпустить*, *схватить*, *держати*, *сжечь*, *выправить*, *отдать*); сюда же можно отнести глаголы движения и владения (*привести*, *повести*, *имѣти*); а до нашого па^ства *его невиннаго* а *праведного приве*л *еси* (Страсти Христовы, л. 29 об.); и та(м) его веле(л) ⟨Шви(т)ригаило⟩ оутопити по(д) Вите(б)скъ оу Двинѣ. а *инѧ(ли) его невинно(г)* (Лет. Крас., л. 88); на то(м) местцу было жъглищо вчынено гдѣ *бы его ме(р)твого со(ж)гли* (Лет. Рачин., л. 234); и вдарыл его трыкроть ножомъ и *кинул его мертва* (Ист. о Гвид., с. 159); *мамы Ярома*, *сына* намъ милого, *жонатого* (Дневн. Евлаш., с. 139); А *гонца* вашого *Артема Нечаева отпущаемъ* къ вамъ *здорового* (Копыс. гр. 1615 г., АЗР, т. IV, № 196).

Лексические границы последней группы значительно шире, чем в древнерусских памятниках.

В старобелорусских памятниках уже начиная с XV в. в роли второго падежа доминируют п о л н ы е формы прилагательных над краткими (3 : 1). Так, уже в одном из самых ранних белорусских памятников (Страсти Христовы — XV в.) в этой функции употребляются исключительно местоименные формы. Показательно широкое употребление преимущественно полных прилагательных в грамотах XV—XVII вв. В старобелорусской литературе XVI в. выделяются известной степенью синтаксической архаизации лишь Повесть о витязях и История о Гвидоне, где параллельно уживаются обе формы, причем преобладают краткие.

Замена второго винительного прилагательных т в о р и т е л ь н ы м п р е д и к а т и в н ы м проходила в старобелорусских памятниках значительно активнее, чем в старорусских. Так, Е. Ф. Карский отмечает в ряде памятников XVI в. около десятка случаев такого замещения: на^ неприѧтелей мои^ *моу^ры*^ *вчини*^ *мѧ*

еси (7 Псалт. XVI в., 122); ш'то *ме мовишъ добрымъ* (что *мѧ глаголеши бл҃га*) (26 б. Ев. Тяпин. ок. 1580 г.)[59] и др.

В современном белорусском языке при нормативном творительном предикативном второй винительный прилагательных ограничен в своем употреблении: Убачыўшы *побач яе, такую вясёлую* (У. Громович, Вяселле у Загор'і)[60].

3.4. В с т а р о у к р а и н с к о й письменности второй винительный и творительный предикативный прилагательного численно равноценны. Наиболее широко представлены согласуемые падежи в Галицко-Волынской летописи и в сочинениях И. Вишенского. Отдельные случаи употребления оборота со вторым адъективным отмечены в Палинодии Захария Копыстенского, Истории о Флорентийском соборе, Пересторогe, украинских грамотах, в Лексиконе Памвы Берынды, в Ответе клирика Острожского.

Лексические группы управляющих глаголов, от которых зависит структура двойных падежей, повторяют уже знакомые по древнерусским и старорусским памятникам семантические классы глаголов речи, чувства, мысли, активного действия. Однако есть и особенности: не используются глаголы движения, употребляется ряд новых глаголов, которые трудно отнести к какой-либо из названных групп (*прагнути, рачити, хотѣти* и др.). При этом по частоте употребления нельзя отдать предпочтения ни одной из указанных групп. Естественно, лексическое выражение общей семантики в староукраинской письменности иногда особенное: *мнимати, мовити* или отмеченное украинскими фонетическими чертами: *оставити — зоставити, учинити — вчинити, сказати — казати* и др.

Глаголы ч у в с т в е н н о г о в о с п р и я т и я (*видѣти, слышати*): Кгды *видѣлъ Его лакнучого* на тыхъ мѣстъ хлѣбомъ покусу навелъ (Отв. клир. Острож. с. 385); *Сампсона*, кгды *відѣлъ любоженнаго*, жоною смерти приправилъ (Отв. клир. Острож., с. 386); Христос *видѣвши архиерее и пастырѣ бесплодные, мѣста* церковные в широких реверендах *позасѣдалые* (Виш. Книжка, с. 72); сего ради к лицу велможа Юрия не писал, но к тебѣ, старице Домникие: *слышах* бо *его болна суща* (Виш. Послания, с. 169).

Среди разнообразных глаголов р е ч и чаще других употреблялся в староукраинской письменности глагол *повѣдати*: Коему Христу глаголеши себе вѣрна и Евангелие кое учиш?.. (Виш. Книжка, с. 83).

К числу глаголов м ы с л и относятся следующие: *вѣдати, мнимати, преложити, оувѣрити, розумѣти*: той такъ маетъ быти розумѣнъ, якъ *розумѣного быти преложилемъ Златоустого* св... (Палин. Копыст., с. 448); И зас: «Если *ся* кто *мнимает быти мудр*

---

[59] Е. Ф. К а р с к и й. Указ. соч., вып. 2—3, стр. 419.
[60] Пример цит. по кн.: «Нарысы па гісторыі беларускай мовы», стр. 318.

в вѣцѣ сем, нехай ся учинит кглупым. . .» (Виш. Книжка, с. 30); пан Юрко, *ведяще естество* человеческое *немощно суще, страстно, грѣшно*. . . человѣка творит и разумѣет (Виш. Послания, с. 164); И дух святый — завсегды духъ святый, *которого божого быти. . . увѣрили есмо* (Ист. о Флор. соборе, с. 449—450).

Глаголы активного действия, вызывающие признак предмета, отмечены в Галицко-Волынской летописи, у И. Вишенского, в Истории о Флорентийском соборе: си же <татаровѣ> *оучиниша поусту землю* Володимерьскоую (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 296); си же вса *некрºтыны*ˣ *Литвоу створи* Андрѣи (Ипат. л. (Гал.-Вол), л. 274); Где есте болным послужили? Не ваши милости ли *болных* еще сами от здоровых *чините*, биете, мучите и убиваете? (Виш. Книжка, с. 54); которых кров, силы и праци и подвига выссавши и *нагых* в оборѣ и коморѣ *учинивши*. . . (Виш. Книжка, с. 54); и ваше мучителство и неправду до конца обнажает, — *голу, безобразну, безвстыдну . . . ясну чинит* (Виш. Книжка, с. 93—94); и *мѣстца* святые *пусты вчинили* (Ист. о Флор. соборе, с. 471).

Предыдущей группе семантически близки вводящие глаголы, при которых как бы регистрируется уже имеющийся признак предмета или лица (*имати, поустити, съблюсти, обрѣсти, заставити, дати*): А *иныи* излоупивше. *поущахоу нагы* (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 296 об.); в лѣсахъ *Грегорка* догонивши, розбили, листы побрали и на поли еле *живого заставили* (Пересторога, с. 207—208); Не видимо ли всѣ, як тут *все цѣло заставил*, толко сам в земленые нядра впроважон? (Виш. Книжка, с. 34); Вопрос. Что ест мудрость змиина? Отвѣт. Се есть, еже *главу цѣлу соблюсти* (Виш. Книжка, с. 96); От того манастыря зас до Ватопеда манастыря приспѣвают и, вшедши вонь, *обрѣтают его тща* (Виш. Книжка, с. 80—81).

Многочисленную группу составляют глаголы разнообразного лексического значения (*прагнути, посудити, показати, рачити, хотѣти, сподобити* и др.): Внегда . . . предлежащій намъ подвигъ совершимъ. . . тогда и сію нашу *волю цѣлу быти хощемъ* (Палин. Копыст., с. 333); Еще мало о ложном чистцу латинском речем, да от всѣх *страннаго и безобразнаго покажем* (Виш. Книжка, с. 120); И молимся преславному царствию твоему, да *сподобиши* и *сего свободна прийти* ко своему пресветлому лицу (Укр. гр. 1624 г., Вос. Укр. с Рос., т. I, № 22).

Количество кратких форм прилагательных в староукраинских памятниках уравновешивается полными в той же роли. Полные формы отмечены уже в таком раннем украинском памятнике, как Галицко-Волынская летопись (XV в.), в Ответе клирика Острожского, Истории о Флорентийском соборе (XVI в.), Лексиконе Памвы Берынды (нач. XVII в.) и др.

Любопытно отметить, что прилагательные в краткой форме обычно зависят от знакомых по древнерусскому периоду семантических групп глаголов, тогда как полные формы, наряду со ста-

рыми, чаще сочетаются с новыми глаголами: *рачити*, *увѣрити*, *прагнути*, *показати*, *казати*, *преложити* и др.

Семантический круг и кратких и полных прилагательных в староукраинских памятниках еще более широк, чем в древнерусских, причем полные формы уже не всегда воспринимаются как субстантивированные.

В сравнении со старорусской письменностью, в украинских памятниках различных жанров находим много случаев замены адъективного второго винительного творительным предикативным. Например: Если *ся* кто *мнимает быти мудр* в вѣцѣ сем, нехай *ся учинит кглупым*, яко ничого *незнаючим*, тогда будет мудр (Виш. Книжка, с. 30) [61]; И того ли ради *дурным зовеши* и посмѣваеши *инока!* (Виш. Книжка, с. 37); И мало нижей — *обѣ* тыи *столицы апостолскими называетъ* (Палин. Копыст. с. 517); *Павла* и *выборнѣишимъ и настаршимъ мусишъ признати* (Палин. Копыст. с. 445—446); а *всѣхъ отщепенцами называетъ* и *виноватыми чинитъ* (Пересторога, с. 226); Кгды вже ѡтшол папеж и ѡн рымским сэнат, гетманы пытали Атыли, для чого бы надъ звычаи так *сѧ лацнымъ а мѧкъким* против рыманом *ставил* (Ист. о Атыле, с. 219—220).

В некоторых памятниках (например, в сочинениях И. Вишенского, в Палинодии Копыстенского) встречается параллельное, однородное употребление в структуре одного предложения второго винительного и творительного предикативного: От сего же отвѣта их узриши ложи и прелест латинскую: или *себе мудрѣишими учинят*, или *невмѣстных быти* духа святаго святых *отец посудят*. . . (Виш. Книжка, с. 101); *Апостола* зась *Павла Христосомъ зоветъ столпомъ* Церкве и, надъ желѣзо и камень моцнѣишій, духовнымъ *адамантомъ*. . . (Палин. Копыст., с. 395).

Творительный предикативный чаще всего наблюдается при глаголах *называти—звати*, *чинити—учинити*, *наречи*, *познати*, *признати*. Утверждение творительного предикативного прилагательных вместо второго винительного в синтаксической системе украинского языка наблюдалось, несомненно, раньше, чем в русском языке. Оно находилось в прямой зависимости от бурного процесса вытеснения именных прилагательных членными в составном именном сказуемом. Все отмеченные нами формы творительного падежа прилагательных на месте второго винительного являются местоименными.

Творительный предикативный существительных исторически предшествует творительному предикативному прилагательных. Возможно, переходной ступенью было употребление в творительном падеже конструкции «отчасти лексически обесцвеченное существительное (*человек*, *дело*)+полнозначное прилагательное».

---

[61] В примере имеется и второй винительный падеж.

Другим способом синонимической замены второго винительного является «*за*+вин. п.»: нижли вмеръ ѡц(ь) наш(ь) въ него, тымъ нъ *насъ ищетъ за невольнихъ* (Задвей. гр. 1515 г., Литов. метр., т. I, кн. 1, № 188); Залапивши одну исторію, . . . тую выставуешь, тою щитишся, *тую за правдивую быти удаешь* (Отв. клир. Острож.). Иногда перед предложно-именным сочетанием употребляется союз *яко*, указывающий на сравнительное значение этого сочетания: про тожъ абысте ваши милости оного *яко за проклятого* и *за изверженного мѣли* и *за архимандрита не почитали* (Брест. гр. 1609 г., АЗР, т. IV, № 178).

В более торжественных по синтаксическому строю памятниках староукраинской письменности встречаются в качестве замены наречия. О функциональной обусловленности возможной замены второго винительного прилагательных наречиями писал В. А. Богородицкий, считавший, что при этом «еще нагляднее, чем творительным падежом, обозначается способ действия» [62]. Примеры: Пощупайся тылко в лысую головку, ксенже бискупе луцкий, колко еси за своего священства *живых мертво* ко богу *послал* (Виш. Книжка, с. 54); ато для того, иж хула в них крыется на бога, *которую* свѣтом правды обголити и *наявно* всѣм *показати* хощу (Виш. Книжка, с. 60).

Как указывают исследователи украинского синтаксиса, винительный прилагательного употребляется до сих пор, однако очень ограниченно [63].

Второй винительный причастия

В специальной литературе второй винительный причастия представлен с меньшей полнотой, чем винительный падеж существительного и прилагательного [64]. Это, вероятно, связано с возможностью двоякого толкования синтаксической сущности таких оборотов. На трудности отграничения второго винительного причастий от определений и приложений указывал еще А. А. Потебня [65]. Предикативность этого оборота более усиленна в сравнении с рассмотренными уже структурами с адъективным и субстантивным вторым падежом. Тем не менее некоторые исследователи не находят возможным рассматривать второй винительный причастия

---

[62] В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики (из университетских чтений). Изд. 2, испр. и доп. Казань, 1907, стр. 260—261.

[63] Примеры см. в кн.: О. П. Безпалько. Нариси з історичного синтаксису української мови, стр. 92.

[64] Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка, стр. 224—225 (где отдельные примеры с причастием даны рядом со вторым винительным прилагательного); В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 394, 399—401.

[65] А. А. Потебня. Указ. соч., т. I—II, стр. 308.

как составной элемент сказуемого, а считают его атрибутивно-предикативным определением [66].

Рассмотрим специфику этого оборота в его истории, начиная с древнерусского периода.

1. По своему лексическому значению управляющие глаголы при втором винительном причастия так же широко разнообразны, как и при втором винительном прилагательных. Однако ведущую группу в древнерусских памятниках составляют глаголы со значением восприятия (verba sentiendi).

видѣти: сусѣдѣ же *видѣша ю* таку *лежащю*. Вземше несоша ю въ храмину ину (Чт. Б. и Г., л. 113в); и се рабыни изникноувъши *видѣ Петра стоꙗща* и ѿ радости же не ѿврьзе воротъ (Ж. Феод. Печ., л. 40г); и *видѣ* авраа҃ *Ісаака плачющѧ* плакати и ѡ нача сѣло. *видѣвже* и аггл҃ъ *плачющѧ* нача плакати и тъ с нима (Смерть Авраама, с. 80); и *видѣ* дрꙋгаго *мꙋжа ворожаща*. и посмиꙗсѧ и *видѣ свадьбꙋ играющю* и въсплакасѧ. и *видѣ мужа идꙋща и блꙋдѧща*. и наведе и на поу (Пов. о Китоврасе, с. 255); Заутра же *видѣша* людье *кнзѧ бѣжавша* възвратишасѧ Кыевоу (Лавр. л., л. 58 об.); Михалко же *видѣвъ брата ѣхавша*. и ѣха Володимерю (Лавр. л., л. 126); Галичане же *видѣвше короля идуща* прочь оубоꙗшасѧ полковъ Рускы (Лавр. л., л. 144); моꙗ нравы всѧ вспри҃мѣте. ꙗже *мѧ видѣста творѧща* нищи и вдовиць не презрита (Лавр. л., л. 151 об.); *видивше* же братьꙗ вся Ꙗрополкъ Вячеславъ. Гюрди и Андрѣи. *полкы* своꙗ *възмѧтены*. ѿѣхаша въ своꙗси (Ипат. л., л. 111); По вци же *видѣвше стада* своꙗ *взѧта и жены и дѣти* стъсноувше вобрьдоша во Днѣпръ (Ипат. л., л. 232 об.); Князь великий Юри Ингоревич, *видя братию* свою *и боляр* своихъ *и воеводе* храбро и мужественно *ездяще*, и возде руце на небо со слезами (Пов. о раз. Ряз., с. 11); И приеха ⟨Еупатий Коловрат⟩ в землю Резаньскую, и *виде ея опустевшу, грады разорены, церкви пожены, люди побьены* (Пов. о раз. Ряз., с. 13).

слышати: ти *слышааше блаженаго пришьдъша*. то повелѣваше тѣмъ прѣстати ѿ таковыꙗ игры (Ж. Феод. Печ., л. 60а); Таче по времени паки нѣкоторѣмъ *слыша* въ стѣмь еуалии *га глаголюща* ... (Ж. Феод. Печ., л. 30г); ꙗгда бо *услышааше кого* млтвоу *творѧща*. ти тъгда ставъ прославѧше о немь ба (Ж. Феод. Печ., л. 38г); оканъи же печаловашесѧ *слыша҃въ брата грѧдуща* к себе и того ради погубитъ ꙗго посылаѥть (Чт. Б. и Г., л. 97б—в); блаженъи же ꙗко *слыша оца оумерша*.

[66] А. Г. Руднев. Обособленные члены предложения в истории русского языка. «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 174. Кафедра русского языка, 1959, стр. 77.

возрѣвъ на нб҃о ... (Чт. Б. и Г., л. 96б); ратьнъи же ѩко *оуслышаша* блжнго *бориса идуща* с вои бѣжаша (Чт. Б. и Г., л. 96а—б); Половци же ти *слышавше ѣхавша Глѣба* к Переѩславлю. и здумаша... (Лавр. л., л. 20 об.); Ведомь же сквозѣ торгъ. и *слыша мѫжа реклща*. нѣсть ли червїи на .ѕ. лѣтъ и расмиѩсѧ китоврасъ (Пов. о Китоврасе, с. 255).

Другие переходные глаголы со значением восприятия, мысли и речи сравнительно с двумя рассмотренными выше встречаются довольно редко: И видѩще вси людиѥ же и клирици *мнѧхоуть бесноующисѧ*. и влечахоуть ю къ гробома стою (Ск. Б. и Г., л. 22б); таче дошедъ блжныи оумиривъ грады всѧ. възвратисѧ вспѧть. идуще же ѥму *повѣдаша ѥму оца оумерша. бра* старѣишаго *стополка сѣдша* на столѣ оца (Чт. Б. и Г., л. 96б); и такоже паки преже всѣх обрѣтаашесѧ въ црквы. сице же паки по всѧ нощи *съповѣдахоути и творѩща* (Ж. Феод. Печ., л. 46в—г); оче истиноу ти глю ѩко аще *быша* ми *възвѣстили оцѧ въставъша* ѿ мьртвыихъ. не быхъ сѧ тако радовалъ (Ж. Феод. Печ., л. 60а—б); не насытистели сѧ въ л҃ и и҃ лѣт *зрѧщи мене исполумртва лежаща?* (К. Тур., л. 40).

В ряде приведенных выше примеров причастие в винительном падеже действительно может рассматриваться двояко: как определительный оборот и как составная часть сказуемого. Структура, включающая причастие от глагола *быть* в значении ‘существовать, иметь место’, всегда однозначна: тоже блжныи гла ѥмоу. се ѩкоже *видиши* оуже *вечеръ соущь* и оутрьнии днь далече ѥсть (Ж. Феод. Печ., л. 44г); и *мнѣвше* же бѣсовьско *пораженіе суще*. вземше несоша въ црквь стою (Чт. Б. и Г., л. 112б).

В следующем предложении сочинены как однопорядковые второй винительный причастия и соединенное с ним союзом *а* отдельное предложение, входящее в сложное целое: И *оувѣда* Всеволодъ ѳ*рополка. оумерша* (а) Вѧчеславъ сѣдить в Киевѣ. и събравъ мало дроужины съ братомъ своимъ. Стославомъ и с Володимеромъ Двдцемъ придоша Вышегородоу. и сташе той вѣшедше в городъ (Ипат. л., л. 112).

Управляющие глаголы последней группы, по существу, семантически малооднородны (глаголы чувства, мысли, речи). Другие управляющие глаголы составляют семантически еще более пеструю картину. Их объединяет значение действия, распространяющегося на объект, получающий или уже имеющий предикативный признак.

сътворити, творити: ѥще же и слѣпа ѥго сътвориховѣ на оувѣриѥ прочимъ. еда не начьноуть вы вѣры ѩти... и

по трьхъ дн҃ьхъ възьративъшасѧ и присѣтивѣ ѥго *сътворивѣ и видѣща* (Сказ. о Б. и Г., л. 23в); и поѧша насъ ан҃гли свирепіи и гонѣхоу того ради и *створи нас* ѿтоу*жены* ѿ раѣ (Сл. о Адаме и Еве, с. 11).

вести: И страньныѣ же много коривъши възвратиса въ домъ свои. ѣко нѣкоѥго зълодѣѧ *ведоущи съвѣзана* (Ж. Феод. Печ, л. 28г); и *привезоша и* на колѣ҃ ѡкована *суща* (Лавр. л., л. 88).

оудати: Въ лѣ҃ ѕ҃ · х҃ · чг҃ · . . . мца марта. въ · а҃ · дн҃ь *оудавъша* же *кончака бѣжавша*. посласта по немь Коунътоугдыѣ (Ипат. л., л. 222 об.).

ѣти: и оускориша Кыѧне передъ Володимеромь. и ѣша *Игоря* в цр҃кви *стоѣща* по ѡбычаю на ѡбѣдни (Лавр. л., л. 105 об.).

соблюсти: они же надогнавше надъ берегъ. и начаша стрѣлѧти его ⟨Дв҃да⟩ и тако Бъ҃ *соблюде и неврежена* (Ипат. л., л. 216 об.).

налѣзти: оубьѥн же бы҃ ⟨кн. Андрей⟩ в су҃ту на ночь... *Налѣзоша и* подъ сѣньми *лежаща* (Лавр. л., л. 124 об.).

обрѣсти: и за тѣмь оутече Михаль. а Игоря поверзъше на нозѣ волокоша и сквозѣ Бабинъ торжекъ. до сто҃е Бц҃и. и ту ѡбрѣтоша *мужа стоѣща* с колы (Лавр. л., л. 106); кнѧзь же Всеволодъ възвративъсѧ ѿ Коломны. приде ѡпѧть в землю свою. и ѡбрѣте *Глѣба стоѣща* на Колахши на рѣцѣ (Лавр. л., л. 130); ег'даже прииде лотъ ѡб'рѣте *s'вѣрие спѧщи* (Сл. о древе, с. 306).

Второй винительный причастия выступает в памятниках в ряде вариантов в зависимости от залога, времени и краткой или полной формы второго падежа.

Следует отметить, что страдательные причастия прошедшего времени, соотнесенные с первым винительным падежом от неодушевленных существительных мужского—среднего рода, ничем не отличаются от именительного предикативного, а структура в целом при глаголах речи, мысли, чувства становится синтаксическим омонимом к бессоюзным предложениям с изъяснительно-объектными отношениями: и пригна ⟨Еупатий Коловрат⟩ во град Резань, и *виде град разорен, государи побиты*, и *множества народа лежаща*: они побьены и посечены, а ины позжены, ины в реце истоплены (Пов. о раз. Ряз., с. 13); Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и *видѣ* отъ него тьмою вся своя *воя прикрыты* (Сл. о плк. Иг., с. 5); пришедши же на пожаръ мѣста цр҃квнаго. и *видѣша всѧ* ѡгнемь *взѧта*. толико. *икона* та ста҃ мнка Θеѡдора. с вощаницею *цѣла* посредѣ ѡгнѧ (Лавр. л. л. 148—148 об.).

В последнем предложении весь структурный комплекс скорее является сложным бессоюзным предложением, так как последняя часть иначе содержала бы формы винительного падежа от существительного *икона* и прилагательного *цѣла*.

В других случаях определенность в оценке конструкции создается параллельным однородным сочетанием четко выраженного второго винительного с существительным женского рода и структурно более независимого оборота, включавшего неодушевленное существительное мужского — среднего рода+причастие: *оуслышав* же Всеволодъ *полонену жену* и з дѣтьми и до бо҃яръ и имѣны҃а. взято. печаленъ бы҃ велми (Лавр. л., л. 136 об.); и приеха <Еупатий Коловрат> в землю Резаньскую, и *виде ея опустевшу*, *грады разорены*, *церкви пожены*, *люди побьены* (Пов. о раз. Ряз., с. 13).

Впрочем, и здесь можно было бы рассматривать три последних предикативных сочетания как вторую часть бессоюзной конструкции, раскрывающую смысл первой части: «какова опустевшая рязанская земля».

Одним из ранних «преобразований» конструкции со вторым винительным причастия следует считать отсутствие согласования причастия с именем в первом винительном: е҆гдаже прииде лотъ *wб҆рѣте ѕ҆вѣрие спѧщи*. и взѧ ·г҃· глав҆нѣ и п҆ринесе ко ав҆раамѹ (Сл. о древе. с. 306).

Любопытно различное оформление однородных причастий, соотнесенных с общим первым винительным: и се ꙗко възьрѣвъ *видѣ* прѣподобьнаго *Θеодиса* въ свѣтѣ томь посрѣдѣ манастыра прѣдъ црквию *стоѧща*. роуцѣ же на нб҃о *въздѣвъшю*. и мл҃твоу къ б҃оу прилѣжьно *творѧща* (Ж. Феод. Печ., л. 55г—56а).

Особого внимания заслуживает специфически древнерусский второй винительный причастия, названный А. А. Потебней «составным» [67].

Кроме причастия, во второй предикативный падеж включается либо прилагательное, либо существительное, либо другое причастие, выполняющее как бы роль именной части при семантически опустошенном предикативном причастии от глагола *быти* в настоящем времени. Другие причастия в этой функции исключительно редки: *слышаша аг҃гла послана бывшаго* к нимъ (Пов. о плаче, с. 280); Тогда варѡ҃ и авимеле҃х. начаша плакати їеремїи. слышавшї же вси людїе текоша к ни҃ и *видѣвше іеремїю* долѹ *лежима оумерша*, растерзаша ризы своѧ (Пов. о плаче, с. 282); и възрѣвъ *видѣ желѣза* иже бѣша на немь. и на подроузѣ ѥго *изламана лежаща* окрьстъ ѥго (Сказ. о Б. и Г., л. 468).

---

[67] А. А. Потебня. Указ. соч., т. I—II, стр. 315.

А. А. Потебня указывал на «явственное выражение предикативности второго падежа» в такой структуре за счет причастия настоящего времени от глагола *быти*. Что касается самого оборота, то А. А. Потебня высказывался за его народность [68].

Смысловая нагрузка во втором падеже такого оборота падала чаще всего на долю прилагательного, при котором причастие представляет собой незнаменательную связку. Прилагательное в составе этого оборота последовательно употреблялось в краткой форме. Такая же особенность отмечена Н. И. Толстым для старославянского языка [69]:

Примеры: и по словеси стааго оца нашего Ѳеѡдосиа *обрѣте бъчьвь* тоу правѣ *положеноу. и пълъной соущю* медоу (Ж. Феод. Печ., л. 54а); он же ... идыи поутьмь *оузрѣ распалиноу калноу соущю* и скоро вьшьдъ въ ню ... (Ж. Феод. Печ., л. 34б—в); Пришедъ же въ нд҃нъ дн҃ь *видѣ црквь* стою *ветху сущ*ю (Чт. Б. и Г., л. 110а); и *мьнѣвъ* же *блжного мртва суща* изидоша вонь (Чт. Б. и Г., л. 99б); рече авраамъ къ сар҃рѣ. како ты *вѣси* сего *члка* бъ *сѵща бжїа* (Смерть Авраама, с. 82); а Володимѣра воротиша. назадъ зане бы жалостно зрѣти на нь. *видѧчи его болна соуща* (Ипат. л., л. 279 об.); Сия бо наведе бог грех ради наших. А *князя Ингоревича яша* еще *жива суща* (Пов. о раз. Ряз., с. 12); и *привезоша и* ‹Василька› на колѣ ѡкована *суща* ссадиша и с колъ (Лавр. л., л. 88); и приде к нему Ѳльга и *видѣвъ ю добру сущю* зѣло лицемъ. *и смыслену*. оудививьсѧ прь разуму еѧ (Лавр. л., л. 17 об.).

Изредка встречается прилагательное в полной форме: мнози бо глть в рачѣ *его видѣвше суща* тако. ꙗко же и въ. оульꙗни *законопреступнаго* (Чт. Б. и Г., л. 102а); ре ему Волга *видиши мѧ болное сущю* (Лавр. л., л. 20 об.).

Семантика прилагательных во втором падеже довольно разнообразна (*больна, цѣла, вѣтха, законопреступнаго, тьсно* и т. д.).

Вспомогательный глагол-связка при составном втором винительном представляет собою чаще всего глагол восприятия (*видѣти, узьрѣти*), и лишь в некоторых редких случаях он имеет иное лексическое значение: *обрѣсти, ꙗти, привезти*.

Составной второй винительный мог включать, кроме причастия *сущ(а)*, имя существительное в винительном падеже или предложно-именное сочетание. Бо́льшая часть таких оборотов встретилась в Житии Феодосия Печерского: аще бо и кто не видѣвъ ѥѧ ти слышаа҃ше ю бесѣдоующю, то *начьняше мьнѣти*

---

[68] Там же, стр. 316.

[69] Н. И. Толстой. Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке (на материале евангельских текстов). — ВСЯ, вып. 2. М., 1957, стр. 99.

моужа ю соуща[70] (л. 28б); тъгда изникъ видѣтъ и *познавъ князя его соуща* ... (л. 40в).

Предложно-падежное сочетание обычно выражает состояние: Она же *видѣвъши сна* своего *въ* таковѣи *скърби соуща*. и ... плакашесѧ горко (Ж. Феод. Печ., л. 32в—г); и се *видѣ цр҃квь оу ѡблака соущѹ*. и въ оужасти бывъ погъна съ отрокы (Ж. Феод. Печ., л. 47в); *видѧше нища или оубога въ скърьби соуща* и въ одежи хоудѣ жалѧаше си (Ж. Феод. Печ., л. 51а); и ꙗко бысть идыи поутьмь и возꙗи его *видѣвы и въ* такои *одежи соущааго* (Ж. Феод. Печ., л. 43б).

А. А. Потебня, сопоставляя синонимичные структуры типа: «услышавъше Русь пришьдъша(ѧ)»=«услышавъше Русь, оже пришьли», считает в генетическом плане более ранней первую конструкцию, так как «относительное наречие ... одно из наиболее сложных и поздних явлений языка» [71]. И дальше: «Везде мы принимаем за исходную точку второй согласуемый падеж причастия, из которого позже развилось полное придаточное предложение с относительным словом» [72].

Замена творительным предикативным второго винительного причастия, как и второго винительного прилагательных, в ранних памятниках не встречается. Об этом говорят и наблюдения некоторых ученых [73].

2. Второй винительный причастия в старорусских памятниках представлен менее обильно. Чаще других его употребляют три автора: Катырев-Ростовский, протопоп Аввакум, Курбский. Очень редко он встречается в путешествиях Гогары, Зосимы, московских купцов, в письмах Ивана IV. Грамотам этот оборот не свойствен. Обнаруженные случаи его использования в Московской грамоте 1572 г. представляют собою евангельские цитаты: молю ти сь *имей мя отреченна*; да пришед внезапу, *обрящет вы спяща*; Блажен раб тои, *его* же пришед господь его *обрящет* тако *творяща*...

В этот период, пожалуй, самой активной группой управляющих глаголов оказываются полнозначные глаголы *держать*, *оставить*, *сослать*, *привести*, *обрѣсти*, *соблюсти*: подщисѧ *дѣти ѡставити наказаны* в заповедехъ г҃нихъ (Домострой, 62); И послѣ же того за то же слово *сосла* еретикъ въ заточеніе отъ ближнихъ своихъ велможъ добраго по православію *поборника*, *Михаила Игнатьевича Татищева*. на Вятку *скована* (Сказ. о Гр. Отрепьеве,

[70] В этом предложении любопытно столкновение в структуре двойного падежа разных родовых форм и согласование причастия не с первым винительным падежом, а с именем, входящим в составной предикативный падеж. Ср. там же: *ю—бесѣдоующю, ю — мужа соуща*.

[71] А. А. Потебня. Указ. соч., т. I—II, стр. 317.

[72] Там же, стр. 319.

[73] Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка I-й Новгородской летописи, стр. 170.

с. 740); и здаша ему Чернѣговъ и *воеводъ приведоша* къ нему на станъ *связанныхъ* (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 724); И на утріе *обрѣтоша Санджака* предъ враты *мертва лежаща озбоенна* мечемъ (Пут. моск. купцов, с. 145); Из лотки вытаща, по каменью *скована* окол порога *тащили* (Аввакум. Житие, с. 72); и *скована* в тюрьме *держал* пять недель (Аввакум. Письма, с. 187—188); а некли за правду нашу *соблюдеть ны* Господь *невредимы*, и живы будемъ отъ нихъ, — враговъ своихъ (Пов. о Рос. царстве, с. 210).

Как и в более ранний период, очень активны как структурно организующие глаголы со значением чувственного восприятия (*видеть*, *зреть*, *слышать*): Егда пріиде ко Господу Іисусу Христу единъ отъ воинъ ко кресту, и *видѣ его умерша* и копіемъ ребро ему прободе, и изыде кровь и вода (Пут. моск. купцов, с. 139); Народи же христіянстіи, *видѣвше его уныла суща*, и восплакашася вси горко со слезами (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 737); . . . не по обычаю *тварь виде изменену* . . . (Аввакум. Житие, с. 56); ныне же мы пакы *тя видим* во свое отечество *возвратившася* (Аввакум. Письма, с. 294); Той же Борисъ *видя народъ возмущенъ* о царевичевѣ убіеніи, и посылаетъ совѣтникы своя (Пов. Кат.-Рост., с. 565); *Видѣ* тогда *насилуемы многы* и зѣло оскорбися (Ст. о Смуте, с. 1317); и *видевъ церковъ* Господню отъ множаишихъ гоненіи *не одолѣваему* и кровми апостолъ и мученикъ наипаче *светлѣишу явившуся*, и *цареи* гонителей безъ вести *погибшихъ* и вмѣсто ихъ *православныя возведены*, и *благочестіе* на лицѣ всея земли повсюду *растуще* . . . (Письма Курб., с. 388).

Практически при названных глаголах определение синтаксической функции причастия (атрибутивная или атрибутивно-предикативная) явно затруднительно [74]. Лишь в некоторых случаях контекст помогает утвердиться в той или иной аттестации оборота. Например, в приведенном ниже предложении «сомнительный» второй винительный соединен сочинительной связью со вторым винительным составным, предикативность которого, как отмечено еще А. А. Потебней, заметнее и сильнее: царь соборъ собра, *видѣвъ вселенную возмущенну* отъ нея и православныя *церкви* многою бѣдою *одержимы суща* (Письма Курб., с. 364).

Другие глаголы чувственного восприятия в меньшей степени предопределяют двойственность синтаксической функции причастных оборотов: Увы души моей бедной! Лучши бы мне в пустыни даурской, со зверьми живучи, конец прияти, нежели ныне *слышу* во церквах *Христа* моего *глаголюща невоскресша* (Аввакум. Письма, с. 186); И *слыши Павла* къ Солуняномъ *вѣщающа* во 2 по-

---

[74] Не случайно подобные приведенным выше примеры Е. А. Голубева рассматривает на материале некоторых памятников XVII в. как причастное определение («Именные причастия действительного залога в древнерусской письменности XVII в.» — «Уч. зап. Калининградского пед. ин-та», вып. VII, ч. I. Филол. науки, 1960, стр. 142—145).

сланіи (Письма Курб., с. 390—391); И *слышахъ* отъ Езекѣиля *колесницу* четырьма колы *составлену* (Письма Курб., с. 377).

Глагол *имѣти* в старорусских памятниках становится, вероятно, самым непродуктивным управляющим глаголом при вторых падежах: *имел мя отреченна* (Моск. гр. 1572 г., Дух. дог. гр., № 104); Паче же учащенъ быхъ ранами отъ варварскихъ рукъ на различных битвахъ, и *сокрушенно* уже язвами все *тѣло имѣю* (Письма Курб., с. 4); дивно православнымъ, паче же искуснеишимъ въ чинѣхъ, вмѣсто пшеницы плевелы услаждатися, а всегда *имѣюще* пророческая *словеса* предъ очима *лежаща* (Письма Курб. с. 386); нѣсть бо кому мошно обрѣсти на небеси, *имѣюще догматы* богословія *разтлѣнны* (Письма Курб., с. 366).

Глаголы со значением мысли (*вѣсти*, *мнити/мнѣти*): Тебѣ окаянство, тебѣ исчезновеніе давятъ, все, аже тебѣ блаженного, яже *тебя цветущаго мнишь* (Письма Курб., с. 140); Побиша Павла камением, влечаху вне града, *мнеша его умерша* (Аввакум. Письма, с. 294); *не мните меня гордяща* о хожениі семъ (Пут. Зосимы, с. 60).

Глагол речи встретился лишь однажды как конструктивно главный элемент для оборота с двойным винительным: ибо *глаголють его*, по кровопіиствахъ и неправдахъ, *покаявшаго*. и въ законѣ господне *живуща*, иже до смерти кротко и праведно, и ни многое же, а ни мало къ тому *обидѣвша* (Письма Курб., с. 125—126).

Глаголы другой семантики также встречаются как управляющие вторым падежом, хотя и редко: на нем <столпе> царь Юстиніанъ стоит на конѣ: конь мѣдянъ, и сам мѣдянъ вылит, правую же *руку держитъ распростерту* (Пут. Зосимы, с. 61); и *кого* у намѣстничихъ или у волостелиныхъ людей *вымутъ скована*, а имъ не явлено, ино . . . (Суд. Ив. IV, с. 239—240).

Итак, в памятниках старорусского письма отмечается сужение количества вторых падежей краткого причастия при общей неустойчивости семантических границ управляющих глаголов.

Основной грамматической формой выражения второго винительного в старорусских памятниках продолжают оставаться к р а т к и е страдательные и действительные причастия (82%). Полные формы причастий — явление менее распространенное (18%). Например: Тебѣ окаянство, тебе исчезновеніе давятъ, все, аже тебѣ блаженного яже *тебя цветущаго мнишь* (Письма Курб., с. 140). Матери плачющеся чадъ своихъ, *видя их разсѣкаемыхъ*. . . (Пов. Кат.-Рост., с. 592); и *воеводъ приведоша* къ нему на станъ *связанныхъ* (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 724).

В поздних памятниках также встречается составной второй винительный причастия, хотя значительно реже, чем в древнерусский период: Не *мни мя неразумна суща* или разумомъ *младенчествующа*. . . (Письма Ив. IV, с. 173); И на утріе *обрѣтоша Санджака* предъ враты *мертва лежаща изоденна* мечемъ (Пут.

моск. купцов, с. 145). Народи же христіянстіи *видѣвше его унyла суща*, и восплакашася вси горко со слезами (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 737).

Второй винительный причастия иногда не согласуется с первым винительным, например: И паки Іисусъ въ ту пещеру пріиде ко ученикамъ своимъ, и *обрѣте ихъ спяща*, и пришедъ рече имъ. . . (Пут. моск. купцов, с. 147); Многие от нас людие искусные в осаде то *видели* во сне и вне сна ово *жену* прекрасну и светлолепну в багрянице светле на воздусе *стояща* посреди града вдова, ово *мужа* древне власата боса в светлых ризах, *взирающих* на полки бесурманские (Пов. об азов. взятии, с. 78).

Творительный предикативный причастий на месте второго винительного, как и в истории адъективного второго падежа, развивается сравнительно поздно. В XVIII в. В. И. Чагишевой отмечен ряд случаев его употребления [75]. В современном русском языке в использовании причастий обнаруживаются те же условия и ограничения, что и во втором винительном прилагательных. Особенно распространен он при глаголе *видеть* и производных от него: Он *видел себя . . . плывущего* в виду плодоносных южных берегов (Пауст., Сев. пов.) [76].

3. В старобелорусских памятниках второй винительный причастия встречается чаще всего в Александрии и Истории о Гвидоне.

Управляющий глагол представлен разными смысловыми группами, но и здесь преобладающими оказались глаголы со значением чувственного восприятия.

видеть (узрить, бачити, вбачити):

XV в.: *виде*ѧ есми *его* ѡселкѹ *седѧчого* (Страсти Христовы, л. 17); *видели* есте *дъѧбла звитеженого* и *потоупленого* (Страсти Христовы, л. 30); при то*м* были три црковные мистрове наши *видели его* ѹ небо *оузѧтого* (Страсти Христовы, л. 32); тогды потомъ къ намъ и къ нашимъ службамъ найдени будуть рыхлѣйши, коли *себе узрять* такыми ласками *утѣшоны* (Вил. гр. 1457 г., АЗР, т. I, № 61).

XVI в.: И король самъ до них прышол, и *увидел Бова стоечы* серед судна так цудного, ꙗко бы намалеван (Ист. о Гвид., с. 135—136); И коли в городе *вбачылъ* ѡдно *войско стоечы* на поли (Ист. о Гвид., с. 137); Бово погледѣлъ по мору и *видел* ѡдного *рыбака* по мору *ездечы* (Ист. о Гвид., с. 148); И видечы Бово *Додона мертва*, а *короля Пипина ухвачена* у своих руках, а ѡн вернулъ сѧ противъ войска (Ист. о Гвид., с. 167) [77]; А небог Бово . . . *увидел солъдан* на кганку *стоечы* и бороду *скубучы*,

[75] В. И. Чагишева. Второй винительный падеж в русском литературном языке XVIII в., стр. 89—100.

[76] О. М. Доконова. Указ. соч., стр. 54—59.

[77] В примере есть и второй винительный прилагательного.

велми *плачучы*, бо не давно прышол с под Армении, а своего сына великого Лукапера мертва ѡставил и сорок тысячеи своих людеи (Ист. о Гвид., с. 144); *Обачили* потымъ *ручничку* мою надъ возомъ в самомъ верху *завешону* (Дневн. Евлаш., с. 130).

XVII в.: тои^{ж} ночи царица али^{м}пиада *бога* амона з собою *лежачого видѣла* (Александрия, с. 26); Миколаю ... присегаю тобѣ ... ижъ *мене ꙗзришь* во ѡ^{т}чизне твое^{і} *воюючого*, а ца^{р}ство твое по^{л} мое па^{н}ство *по^{л}биваючого* ... (Александрия, с. 33); (А) коли але҃за^{н}де^{р} приеха^{л} до македонѣи: *ꙗзрѣлъ филипа годꙗючого* (Александрия, с. 33);

слышати: молчала еста ѡба иже пре^{т} плачо^{т} и з^{ж}алостїю. болше говорити не могли. коли ѡсиплы^{т} голосо^{т} *слышали его говорѧчего* ... есмы *слышали але҃за^{н}дра бы^{л}* мудростю *прiѡздобленого* (Александрия, с. 53); да *видели* ле^{т}ко *оумираючего* (Страсти Христовы, л. 13);

почути: И Пулкан *почул* много *людеи ходечы* по палацу (Ист. о Гвид., с. 159).

При глаголах движения и спокойного пребывания в определенном состоянии степень самостоятельности глагола достаточно велика, хотя, как верно подметил Е. Ф. Карский, «глагол не имеет достаточной полноты признаков, чтобы без прилагательного самостоятельно обозначать сказуемое»[78]. Наш иллюстративный материал подсказывает, что в такой же роли значимого присвязочного слова может оказаться и сходное с прилагательным по функции причастие.

Из этой группы глаголов очень широко распространен как глагол-связка в старобелорусской письменности глагол *найти*: да доконавши тое молитвы пришо^{т}. до апостоло^{т} да нашо^{т} *и* (sic!) *спѧчи*^{т} (Страсти Христовы, л. 5 об.); да ѡпѧть пр^{ч}шо^{т} до апостоло^{т}. и *нашо*^{т} *ихъ спѧчи*^{т} (Страсти Христовы, л. 107); и пошли моужове ѡные до кгалїлеи. и *нашли ихъ седѧчи*^{т}. а *мыслѧчи*^{т} закон^{т} бжїи (Страсти Христовы, л. 32);

зоставовати: але Панъ Богъ, который ме паслъ одного самого, не опустилъ ме и зъ тою малжонкою моею и не падавалъ насъ на волю неприятелей нашихъ, але, *ихъ* самыхъ розными плякгами дотыкаючи, яко отъ скалы отъ насъ *отпалыхъ* и *завстыжоных зоставовалъ* (Дневн. Евлаш., с. 138—139);

спускати: але <... матка ...> иже даро^{т} роуки поднимала, прото^{т} *ихъ* назадъ *споускала сплетены*^{т} (Страсти Христовы, л. 14).

Глаголы активного действия, результатом которого является определенное качество или свойство (*творити*, *оучинити*), при партиципном втором винительном встречаются реже, чем при субстантивном: а ни красы виденіа его уо немъ нетъ, а ни *есмо*

[78] Е. Ф. Карский приводит из старобелорусской литературы массу примеров употребления таких глаголов в сочетании с прилагательным (указ. соч., вып. 2—3, стр. 353).

творили его троудноватого и ѿ ба *покореного* (Страсти Христовы, л. 10 об.); дава емоу пити рекоучи есть ли ты кро жидовскїи *оучини се забвего* (Страсти Христовы, л. 22); А вшедши алѧдеръ до египту. *нашол* тамъ *стопъ* царски з великого камени *выкова* (Александрия, с. 38).

Глаголы речи, мысли сравнительно редко встречаются в этой разновидности второго винительного падежа: тоутъ сѧ в немъ наполнило ѡно прочство. *ведили есмо его недержачого* выѡбраженіа (Страсти Христовы, л. 10 об.); ѡца *и маткоу* їсвоу *знали есмо бочихъ-се* бога. а ѿ млтвы *не ѿстѹпаючи*. а трижды оу год боу десѧтиноу *даваючи* (Страсти Христовы, л. 31 об.).

Специфика старобелорусских памятников во втором винительном проявилась в преимущественном использовании в качестве второго падежа полных форм причастий (полные формы составляют около 70%, краткие — около 30%).

Эта особенность белорусского языка развилась и закрепилась как грамматическая черта в современном состоянии языка. В. И. Борковский пишет: «Судьба имени прилагательного в составе сказуемого не была сходной в восточнославянских языках. . . В современном белорусском языке в роли предикативного имени в составном сказуемом выступают обыкновенно местоименные формы прилагательных или стянутые из местоименных» [79].

Только старобелорусскому письменному языку, в отличие от древнерусского и старорусского, свойственно использование в качестве второго винительного полных форм бывших действительных причастий прошедшего времени на *-л*, перешедших позже в прилагательные. Примеры: . . . *видечи* . . . *пана осиротелого* . . . (Дневн. Евлаш., с. 135); *ихъ. . .* отъ насъ *отпалых зоставовалъ* (Дневн. Евлаш., 138—139); *нашли ю замерзлѹю* (Александрия, с. 62); *нашол ю замерзлую* (Александрия, с. 67); *нашолъ . . . матку . . . повсталую* (Александрия, с. 49).

В западнорусских памятниках сравнительно часто встречается двойной винительный с инфинитивом от глагола *быть*. А. А. Потебня, приведя два примера из «Остромирова евангелия», называет такой инфинитив «связкою второго падежа», или «связкой предикативного атрибута» [80]. Этот грамматический элемент, по его мнению, помогает более явственному разграничению собственных атрибутов и вторых падежей.

В белорусских памятниках, как, впрочем, и в украинских, второй падеж при этом мог быть выражен любым именем, в том

---

[79] В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 370 (со ссылкой на исследование Е. Ф. Карского «Белорусы. Язык белорусского народа», вып. 2—3, стр. 224—226 и 356—357).

[80] А. А. Потебня. Указ. соч., т. I—II, стр. 124.

числе и глагольным (=причастием): ни҃ли бы и҂. або *некоторо҃* с ни҃ *пригодило бы ста* до ѡблино҃ти. стольца вѣльмо҃ности нашее. пре҆пев'ные. нав'ные. ли҃тынаши. *бы҃* ѡзванаго. и *позванаго* (Гродн. гр. 1463 г., Срезн. Свед. и зам., X); И рекли ‹жидове› до него пане староста *того есмо знали чорнокни҃ка быти сна҃ езопа* тесле из марїи *нароженого* (Страсти Христовы, л. 16 об.); *есмы слышали але҃а҃ндра. бы҃* мудростю *приѡздобленого* (Александрия, с. 53).

Любопытно, что согласованными оказались почти все полные формы причастий, а несогласованными — все краткие причастия в роли второго винительного. История о Гвидоне: *увидел Бова стоечы* (с. 135); *видел . . . рыбака ездечы* (с. 148); *почул много людеи ходечы* (с. 159); *вбачылъ . . . воиско стоечы* (с. 137); *виделъ . . . пана . . . падшы* (с. 155). Страсти Христовы: *нашли гробы . . . ѡтворене* (л. 33). При этом характер несогласования такого рода, что краткое причастие по существу становится деепричастием и лишь в некоторых случаях (при страдательном их залоге) обретает одну родовую форму во множественном числе [81]: *видѣла. знамена . . . и хорѫгви росточоны* (Александрия, с. 35); *нашол ворота ѡтворены* (Ист. о Гвид., с. 169).

4. Второй винительный причастия в староукраинских памятниках чаще всего встречается при управляющих глаголах чувственного восприятия.

видѣти — зрѣти: *оузрѣвше* же бо҃дре Галичьстии. *Василка ѡ҃шедша* с поло҃мъ воздвигоша крамолоу (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 262); Тако теды и ты от инока не погоршайся, если *бы еси его* и *напившася видѣл* (Виш. Книжка, с. 41); Иноци же . . . исхождаху от вертеп и от чащей, и всяк во своя прихождаше и своя *кровы зряху ижжены* и *порушены* и *единожители избиены* (Виш. Книжка, с. 88); И зас где узаконено, яко если *видит* овца *пастыря* от окрадения душегубца в ров невѣрия *впадша*, или во огнь ереси *вскочивша*, или в водѣ прелести утонути *умысливша*, яко да и овца вслѣд пастыря . . . вскакует (Виш. Книжка, с. 64); Тогда убо *видѣ* цар греческий Михаил Матеолог *себе побѣждена*, молебники во Италию посылает (Виш. Книжка, с. 79); И кгды *его* въ томъ своемъ незбожномъ предсявзятю *упартого видѣлъ* владзою духовного . . . звязалъ его (Палин. Копыст., с. 473); Ныне же точию едва сень *их обретающихся зрим* (Укр. гр. 1626 г., Вос. Укр. с Рос., т. I, № 33); И уж ты *его пиючa* и *едуча видел* и осудил (Виш. Книжка, с. 41). Ср. рядом предложение с нарушением согласования причастия: А если бы и так было, жебы от бѣсов *знаменого инока* в корчмѣ *пиючи видѣл еси!* (Виш. Книжка, с. 42).

---

[81] Таким образом, в отношении причастия страдательного залога термин «несогласование» понимается условно (форма указывает на число, но уже не сохраняет указания на род).

Оборот с двойным винительным при глаголах чувственного восприятия часто допускает однородную связь с подобными себе оборотами, соотнесенными с тем же управляющим глаголом. Например: А *видячи обители* свои, *мѣстца* святыи *попалены*, *понищены*, зъ кгрунту *повыворочаны*, *братию побитую*, *помученую*, *кровь порозливаную*, *иныхъ* въ полон *поведеныхъ*, — въ болѣзни сердца, со слезами и крикомъ великимъ, оплаковали и рыдали, спѣваючи оныи псаломъ (Ист. о Флор. соборе, с. 472).

Глаголы другой семантики (мысли, речи, владения, движения) чрезвычайно редки: черезъ тую метафору монархою церковнымъ *назначоного* и *установленого быти его розумѣлъ* (Палин. Копыст., с. 357); всѣмъ имъ сплоне однимъ разомъ *обѣтницу* тую *зысчену быти* отъ Христа Господа *повѣдаем* (Палин. Копыст., с. 399—400).

Иными словами, круг управляющих глаголов семантически в тех же границах, что и в древнерусских, старорусских, старобелорусских памятниках, хотя лексически некоторые из них характеризуются как юго-западные: *мовити*, *показати мели*, *розумѣно*.

Второй винительный падеж мог быть выражен краткими и полными формами действительных и страдательных причастий, при этом предпочтение отдавалось кратким формам (они составляют около 67%).

Специфичным для староукраинских памятников следует считать обилие двойных винительных оборотов с причастием и связкой *быти* и почти полное отсутствие так называемого составного второго винительного падежа причастий, включавшего еще причастие от глагола *быти* (*суща*, *сущу* — ср. в старорусских памятниках, стр. 130).

Большая часть оборотов со вторым винительным причастия и связкой *быти* встретилась в языке Палинодии Захария Копыстенского: зъ которыхъ первую, то естъ *владзу* зуполную апостолскую, *повѣдаютъ дану быти* отъ Христа (с. 507); Которого што ся дотычетъ, мы *слова* тыи отъ Христа Господа до одного Петра *быти речены* свободне *признаваемо* (с. 415).

Усиленная добавлением инфинитива *быти* предикативность причастия не ослабляется даже при дистантном расположении первого и второго винительных и постпозиции управляющего глагола: Поневажъ божественный сей учитель *слова* тыи Христовы «паси овцы мои» зъ самой интенціи Христовы до всѣхъ апостоловъ, а не до самого Петра *речены быти научаетъ* (Палин. Копыст., с. 425); а *Петра*, до которого то речено, и въ которого особѣ тая обѣтница естъ учинена, единостью своей особы едность Церкви *фигуруючого быти покладаетъ* (Палин. Копыст., с. 359).

Синонимические замены второго винительного причастий творительным предикативным, вероятно, еще малопродуктивны в староукраинской письменности. Несколько случаев отмечено в Палинодии Копыстенского (1621 г.): не толко абовѣмъ *Петра*

апостола отцѣ *пишутъ предпочитаннымъ, или вывышеннымъ и преложеннымъ* межи апостолами, и але другихъ (Палин. Копыст., с. 452).

Особый интерес представляет параллельное употребление второго винительного и творительного падежей причастия *збудованую — збудованой*, встречающееся в этом же памятнике: Ажесмо въ преложономъ артикулѣ зъ божественныхъ учителей Церковныхъ слышали речь нѣяко противную, которыи, *повѣдаючи церковь* Христову *збудовану быти* на вѣрѣ ... то выразными словы твердять, же Церковь Христова не есть на Петрѣ збудована (лечъ *быти збудованой* на Петрѣ, и не быти, — суть речи собѣ противныи) (Палин. Копыст., с. 352—353); Гды зась на Петрѣ туюжъ Христову *Церковъ збудовану быти повѣдаютъ*, единость Церкве на вызнанью, черезъ Петра именем всѣхъ апостоловъ и всѣхъ вѣрныхъ, ажъ до скончения лѣта по собѣ наступующихъ, учиненомъ, *збудованой розумѣютъ* (Палин. Копыст., с. 361).

О предикативной силе оборота со вторым падежом говорит синонимическое употребление для выражения одного и того же содержания изъяснительного придаточного предложения, тоже зависящего от глагола чувственного восприятия: *видѣша дух* святы *сходящь* яко голубь и на сынѣ *пребывая зрите* истинно имѣюще, яко от отца дух святы исходит голубем, а не от сына (Виш. Книжка, с. 83).

По наблюдениям О. П. Безпалько, в современном украинском языке старому второму винительному действительных причастий сначала соответствовало деепричастие, затем придаточное, а второму винительному страдательных причастий — творительный предикативный [82].

5. Рассмотрев три структурных варианта оборота со вторым винительным существительного, прилагательного и причастия в разных памятниках древнерусского, старорусского, староукраинского, старобелорусского письма, можем сделать ряд выводов.

1) Специфика каждой разновидности оборота определяется не только морфологическим выражением именной части сказуемого, но и характером преобладающих в каждом типе семантических групп управляющих глаголов. Так, при субстантивном втором винительном ведущими смысловыми группами оказываются управляющие глаголы назначения и называния; при адъективном — переходные глаголы со значением воздействия на предмет, уже имеющий предикативный признак, а также глаголы речи, мысли, чувства; при партицинном — глаголы чувственного восприятия.

---

[82] О. П. Безпалько. Указ. соч., стр. 93.

Изменение происходит в направлении расширения синонимических рядов этих глаголов и лексически разного по трем языкам наполнения старых семантических групп.

2) Второй винительный существительных и прилагательных в древнерусский период был выражен сравнительно ограниченным семантическим кругом имен. Общая тенденция, проявившаяся в восточнославянских языках (XV—XVII вв.), состояла в значительном расширении этого круга.

3) История всех вариантов оборота с двойным винительным имеет много общего в восточнославянских языках: второй согласуемый падеж вытесняется творительным предикативным и предложно-именными сочетаниями. Однако характер и активность вытеснения различны по языкам и в зависимости от морфологического выражения второго винительного. Наиболее интенсивно процесс синонимической замены протекал при субстантивном втором винительном (с XIII по XV в.), наименее — при партицинном (с XVI—XVII вв.). Развитие творительного предикативного на месте второго винительного прилагательных и причастий связано с появлением предикативного употребления их полных форм (с конца XV в.). Вытеснение второго винительного существительных, прилагательных и причастий происходило в старобелорусских и староукраинских памятниках более активно, чем в старорусских.

ВТОРОЙ ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

1. Одной из интересных особенностей восточнославянских памятников является предикативное употребление дательного падежа. При независимом употреблении дательный предикативный входил в состав дательного самостоятельного [83]. Будучи же зависимым от инфинитива, дательный предикативный выступал как часть составного сказуемого и одновременно как элемент оборота со вторым косвенным падежом. Применительно к древнерусскому языку второй дательный получил наиболее основательное освещение в исследовании А. А. Потебни [84].

Как и двойной винительный, этот оборот имел обычно трехчленную структуру с перекрестной синтаксической связью всех входящих в него элементов: управляющего глагола, дательного субъекта (в безличных и в безличных инфинитивных предложениях) или дательного косвенного объекта (в личных предложениях) и, наконец, второго дательного, имеющего предикативный характер.

---

[83] См. раздел «Дательный самостоятельный».

[84] А. А. Потебня, Указ. соч., т. I—II, стр. 324—327, 377—379, 381—383.

Первый дательный чаще всего представляет собой (как и первый винительный) местоимение или существительное. В отдельных случаях в роли первого дательного выступает субстантивированное прилагательное.

Иногда в восточнославянских памятниках наблюдается пропуск первого дательного, например: ти тако философьствоваше молѧсѧ по всѣ дни так *схраненоу быти* (Ипат. л., л. 243—243 об.); и рече Игорь къ Дружинѣ своей: братіе и дружино! Луце же бы *потяту быти*, неже *полонену быти* (Сл. о плк. Иг., с. 5). При опущении первого дательного синтаксические функции второго падежа сохранялись неизменными, так как падеж субъекта потенциально как бы присутствовал в предложении, будучи понятным из предыдущего контекста. При изучении двойного дательного принимается во внимание: а) степень знаменательности управляющего глагола; б) морфологическое выражение предикативного падежа (существительное, прилагательное, местоимение, причастие); в) структурный тип предложения с рассматриваемым оборотом.

2. Из древнерусских памятников двойной дательный чаще всего отмечается в житийной литературе. Правда, двойной дательный встречается в обследованных памятниках примерно в 10 раз реже, чем двойной винительный, но это, вероятно, обусловлено узостью синтаксических рамок употребления второго дательного — преимущественно с инфинитивом глагола *быти*. При независимом употреблении инфинитива все предложение оказывается безличным инфинитивным, при зависимом — безличным (не инфинитивным) или личным. В древнерусском материале количественно преобладают случаи с зависимым инфинитивом. При этом в качестве грамматического центра в группе сказуемого могли выступать личные семантически неоднородные глаголы (*дати*, *послабити*, *молитисѧ*, *оучити*, *судити*): соудѧщии же не *послабиша томоу такомоу быти* (Сказ. о Б. и Г., л. 21г); <. . . *оуча* братию > не възноситисѧ ни о чемь же. нъ съмереноу быти мнихоу. а *самому мьньшю* всѣхъ *творитисѧ* и *не величатисѧ*. нъ къ вьсѣмъ *покоривому быти* (Ж. Феод. Печ., л. 43г); но аще и *мене осудилъ єси оубьєну быти*. . . (Чт. Б. и Г., л. 95г); и ꙗко же иѡанъ Бословьць рече. ꙗлико же ихъ приѧтъ *дасть имъ* область *чадомъ* божиємъ *быти* (Сказ. о Б. и Г., л. 18г); ти тако философьствовавше *молѧсѧ* по всѣ дни тако *схраненоу быти* (Ипат. л., л. 243—243 об.).

Стержневым словом мог быть безличный глагол или наречие: тако же *подобаєть намъ нагомъ* проити ѿ свѣта сего (Ж. Феод. Печ., л. 58г); *Подобаше* иєрѣиску *чину расудну быти* (К. Тур., с. 7); *лѹчше* е *єдіномѹ оубьенѹ быти* за многыхъ (Пов. о плаче, с. 274); и побиенъ бы ѿ плѣнены его їєримиѧ въ їєрлимѣ ѿ ихже *по͡баше емѹ милованѹ быти* (Пов. о плаче, с. 283—284).

В Чтении о жизни Бориса и Глеба встретился двойной дательный без инфинитива *быти*: не лѣпо бо бѣ такому *скровищю скровену* под землею (л. 30).

Зависимость инфинитива от другого предикативного слова может быть ослаблена в структуре сложного предложения: не жалуи, аже моеи *волости поженѣ быти* (Ипат. л., л. 140 об.); Луче есть на своей землѣ костью лечи, нели на чужѣ *славну быти* (Ипат. л., л. 155); и ѿтолѣ начатъ того оукарѧти о братоненавидѣнии. жадааше бо зѣло ꙗже *поточеноу быти* (Ж. Феод. Печ., л. 58г); оувы мнѣ оуне бы съ тобою оумрети ми неже *оуꙗединеноу* и *оусиреноу* ѿ тебе въ семь житии пожити (Сказ. о Б. и Г., л. 13в).

Независимый инфинитив при двойном дательном обороте встречается реже: ‹поручили ѥсмо. . .› за кнѧ, за корибута, иже *быти ꙗему вѣрну и послушну* своѥго брата (Собол. и Пташ., № 7); и рече: братіа! намъ ли от града погинути, или *граду* от нас *пленену быти*? (Сл. Дан. Зат., л. 281); чьто чада помыслисте ли въ себѣ ꙗже *достоину быти* въ ваа игоуменоу (Ж. Феод. Печ., л. 63а).

Встретился независимый инфинитив, составляющий вместе с двойным дательным часть бессоюзного сложного целого: сему бъ спону нѣкаку створи *быти ꙗему хрсыѧну*. ꙗко же древле плакидѣ (Чт. Б. и Г., л. 91г); такоже и сему владимеру ꙗвление бие *быти ꙗему кртыѧну* створи же (Чт. Б. и Г., л. 92а).

В двух последних предложениях интересны синтаксические отношения между повторяющимся предикативным сочетанием *быти ꙗему кртыѧну* и всей структурой предложения. Включаясь в ткань личного предложения и относясь к существительным с абстрактным значением (*спону*, *явление*), оборот с двойным дательным играет роль как бы расширенного атрибута к этим словам и вступает в пояснительную смысловую связь с остальной частью сложного целого.

Наряду с численно преобладающим инфинитивом *быти* (87, 5%), в качестве зависимого инфинитива в оборотах с двойным дательным спорадически могли выступать и глаголы другого лексического значения: нъ нази родихомъсѧ. тако же подобаѥт *намъ нагомъ проити* ѿ свѣта сего (Ж. Феод. Печ., л. 58г); оувы мнѣ оуне бы съ тобою умрети ми неже *оуꙗединеноу* и *оусиреноу* ѿ тебе въ семь житии *пожити* (Сказ. о Б. и Г., л. 13в).

Таким образом, двойной дательный в древнерусский период встречался в составе структурных единиц разного порядка: в безличных (в том числе инфинитивных) и личных предложениях.

Второй дательный мог быть выражен различными именными формами: существительным, прилагательным, местоимением, причастием.

Существительное в качестве второго дательного — явление редкое в сравнении с причастием и прилагательным в той же роли. Общее значение оборота при втором дательном существительного — выражение обязательности, неизбежности того, что утверждается о логическом субъекте: ѥлико же ихъ приѧтъ *дасть имъ область чадомъ* божиѥмъ *быти* (Сказ. о Б. и Г., л. 18б); помыслисте ли въ себѣ ѥже *достоиноу быти* въ ва *игоуменоу* (Ж. Феод. Печ., л. 63а).

Дательный субъекта, выраженный личным местоимением, функционально разграничен с дательным предикативным. Это делает оборот однозначным. В последнем же предложении, где дательный субъекта представлен субстантивированным прилагательным, синтаксически разное значение согласуемых падежей очевидно лишь в контексте.

В качестве второго дательного чаще выступает прилагательное в именной форме[85]. Дательный субъекта при этом не опускается. Качественное прилагательное в сочетании с инфинитивом утверждает с разной степенью категоричности (в зависимости от характера управляющего глагола) признак и качество, соотнесенное с логическим субъектом: ‹... оуча братию› ... *съмереноу быти мнихоу*. а *самому мьньшю* всѣхъ *творитисѧ* ... нъ къ вьсѣмъ *покоривоу быти* (Ж. Феод. Печ., л. 43г); *быти* ѥму *вѣрну* и *послушну* своѥго браа (Собол. и Пташ., № 7); тако же подобаѥть *намъ нагомъ проити* с свѣта сего (Ж. Феод. Печ., л. 58г); *Подобаше* иѥрѣиску *чину расудну быти* (К. Тур., с. 7).

Дательный предикативный мог быть выражен определительным местоимением: сущѧщии же не послабиша *томоу такомоу быти* (Сказ. о Б. и Г., л. 21г).

Основной формой выражения второго дательного падежа в древнерусских памятниках можно считать краткое страдательное причастие[86]. Второй дательный причастия возможен и в структуре личного и в составе безличного, в том числе инфинитивного предложения. Семантически такой дательный предикативный не поддается регламентации (ср. *миловану*, *оуѥдиненоу*, *оусиреноу*, *поточеноу*, *скровену*, *пленену*, *оубьѥноу*. Примеры см. выше).

Глагольно-именной характер второго падежа, усиливающий его предикативность, снимает какую-либо двуплановость толкования фразы.

Творительный предикативный и синонимичные предложно-именные сочетания («*в*+вин. п.»; «*в*+местн. п. мн. ч.») на месте

---

[85] В Синодальном списке I Новгородской летописи Е. С. Истриной отмечена полная форма: ко всѣмъ одинакымъ быти (166,6) (указ. соч., стр. 169).

[86] Материал, таким образом, противоречит утверждению Т. П. Ломтева о том, что преобладающей формой выражения второго дательного в древнерусский период было имя существительное («Очерки по историческому синтаксису русского языка», стр. 227).

второго дательного в языке обследованных памятников древнерусского периода не встретились.

3. Двойной дательный в старорусский период представлен бо́льшим количеством примеров, чем в древнерусских памятниках. Он встречается в широком круге памятников разной жанрово-стилистической окраски. В структурном плане этот синтаксический оборот в более поздний период мало чем отличается от двойного дательного на более раннем этапе его существования.

а) А хто купи[т] бе[з] поруки, и *тому быти виновату* (Суд. Фед. Ив., с. 49); [... бгъ ...] ѡжидае᷑ покаанiа еже ѡбратитисѧ и *живꙋ быти емꙋ* (Домострой, с. 22); да ми с пропою *такову* же *ми быти* и по запечью с ярыжными валятися и *нагому* пред всеми людми *ходити* и *насмеяну быти* (Сатиры о пьянстве, с. 75); Тако ж и в притчах глаголят: много лежать, добра не добыть, добра не добыть, горя не избыть... слаткого куса не есть, *умному не быть*, в дому не видать, князям *милу не быть* (Пов. о кур. и лис., с. 192); и о томъ де пріѣхалъ третій гонецъ въ Крымъ изъ Царяграда, *тебѣ* де *пограблену быти* от нихъ (Пут. Гогары, с. 120).

б) подобает убо царю три сия вещи имети, яко богу не гневатися, и яко смертну не возноситися, и *долготерпеливу быти* к согрешающим (Дух. дог. гр., № 104); Въ то же время случися *князю Дмитрѣю Пожарскому быти* на селѣ своемъ, отъ разоренія Московского *избѣжавшу* (Пов. Кат.-Рост., с. 613); достоитъ всѧкомꙋ *хртианінꙋ готовꙋ быти* в добрых дѣлехъ (Домострой, с. 6); Так добро и любезно *мне* на земле лежати и светом *одеяну* и небом *прикрыту быти* (Аввакум. Письма, с. 200).

Инфинитив в этой структуре представлен почти исключительно глаголом *быти*. Единственный случай использования полнозначного глагола *ходити* в той же функции находим в Сатирах о пьянстве: да ми с пропою такову же ми быти и по запечью с ярыжными валятися и *нагому* пред всеми людми *ходити*, и насмеяну быти (с. 75).

В предложении с общим дательным субъекта (*ми*) соотнесены как однородные структурно разнотипные сказуемые. В соответствии с характером каждого сказуемого находится его общее значение, в частности сказуемое с полнозначным глаголом движения+прилагательное (*нагому ходити*) в большей мере содержит обстоятельственный оттенок, чем другие сказуемые.

В качестве второго падежа, как и на более раннем этапе, выступают разные именные части речи: существительное, прилагательное, местоимение, причастие.

Малопродуктивной моделью двойного дательного в русском языке с древнейшего периода и до XVII в. была та, в которой второй предикативный падеж был выражен существительным. Приведем некоторые примеры: Слышал от многих мудрецевъ,

что *быти тебѣ*, государю, великому *царю* по небесному знаменію (Пересветов, с. 80); *Царю быти* благодатью божіею и мудростію великою на царстве своем (Пересветов, с. 65); И онъ, государь, начиталъ в мудрых своихъ книгахъ с своими докторы с философы мудрыми про твое царьское прироженіе по небесному знаменію, что *быти тебѣ царю* великому (Пересветов, с. 68); а *отцу* духовному велѣли бы есте у него *быть*, въ Варсунофьево мѣсто, *священнику старцу Хрисанову* (АИ, т. I, № 225); много лежать . . . в дому *господину не слыть* (Пов. о кур. и лис., с. 192).

Бо́льшую часть всех случаев использования второго дательного составляет дательный прилагательного, которое последовательно сохраняет в составе сказуемого свою именную форму, а по семантике еще более широкое, чем в древнерусский период: <И дѣтеи и домочаддо своихъ оучити> к болшимъ *быти послоушнъ*, и *покорнъ*, к средънимъ *любовнъ*, к меншим і оубогимъ *привѣтнъ* и *милостивъ* (Домострой, с. 18); рече Гъ в чемъ та застанъ в томъ и сѫжъ ино достоитъ всѧкомъ *хртиѧнінъ готовъ быти* в добрых дѣлехъ (Домострой, с. 6); Мало же времени минувшу, еже убо *владыкамъ быти* случается, немощію *одержиму быти* и зелію *изнемогшу* (Письма Ив. IV, л. 52 об.)[87]; И повѣлѣ Ростригa всѣмъ *Полякомъ*, и *Ляхомъ*, и *Литвѣ быти готовымъ* со всякимъ зъ боевымъ оружіемъ (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 745); И пріидоша къ нему, къ Ростригѣ, послы отъ папы Римского, и писа къ нему папа, чтобы *ему быти крѣпку* и *непоколебиму* въ ихъ проклятой Латынской вѣрѣ (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 737); и всѣхъ людей Московского народу, подручны себѣ учини, якоже и самому *царю* во всемъ *послушну* ему *быти* (Пов. Кат.-Рост., с. 563).

В Повести Катырева-Ростовского встретился любопытный для двойного дательного оборот с составной присвязочной частью, включающей, помимо прилагательного, действительное причастие от глагола *быти*, усугубляющее предикативность второго дательного: . . . бысть плачь и рыданіе веліе, яко *быти имъ вполы живымъ сущимъ* (Пов. Кат.-Рост., с. 574).

Зарегистрирована полная форма прилагательного в роли второго падежа: Предтеча Христов Іоаннъ всѣмъ человѣкомъ всякихъ чиновъ путь спасенія учинилъ как *имъ* жити, чтобы Богу *приятнымъ быти* (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 18). (См. также примеры из Повести Катырева-Ростовского и Сказания о Григории Отрепьеве). Како цр҃а или кнѧза чти[ти] и ко всѧкому чл҃кoу *каковоу быти* . . . (Домострой, с. 1); Како цр҃а и кнѧза чтити и повиноватиса . . . ко всѧкомъ чл҃къ *каковъ быти* (Домострой, с. 7);

[87] Возможно, форму *одержиму* следует рассматривать еще как причастие. В старорусских памятниках можно встретить в роли второго дательного определительное местоимение *какову—такову*.

... да ми с пропою *такову* же *ми быти* (Сатиры о пьянстве, с. 75).

Вторую по частотности группу морфологического выражения второго дательного составляет причастие: Или мнишн... и *царю повелеваему быти?* (Письма Ив. IV, л. 136—136 об.); *царю* же токмо председаніемъ и царьствія честію *почтену быти* (Письма Ив. IV, л. 137); и о томъ де пріѣхалъ третій гонецъ въ Крымъ изъ Царяграда, *тебѣ* де *пограблену быти* отъ нихъ (Пут. Гогары, с. 120); и в томъ во всѣмъ *чл҃кѣ истаѧзанѣ быти* в дн҃ь страшнаго сѣда (Домострой, с. 17); и язъ тобѣ не думаю; чтобы еси къ Москвѣ поѣхалъ, *быти тебѣ казнену* отъ бояръ (АИ, т. I, № 140); Въ то же время случися *князю Дмитрію Пожарскому быти* на селѣ своемъ, отъ разоренія Московского *избѣжавшу*, понеже раненъ бысть и отъ тоѣ раны закоснѣвшу ему на селѣ своемъ (Пов. Кат.-Рост., с. 613); А хто от вас к нам с такою глупою речью впредь будет, *тому* у нас под стеною города *быть убиту* (Пов. об азов. взятии, с. 70); да ми с пропою такову же *ми* быти и по запечью с ярыжными валятися и нагому пред всеми людми ходити и *насмеяну быти* (Сатиры о пьянстве, с. 75); Тако добро и любезно *мне* на земле лежати и светом *одеянну* и небом *прикрыту быти* (Аввакум. Письма, с. 200).

Первый случай творительного предикативного на месте второго дательного существительных относится к середине XV в. (при этом при знаменательной глагольной связке): *ему* князю Ивану Андреевичу Можайскому *писаться* господару нашему королю въ докончалныхъ и во всякихъ грамотахъ *братомъ* молодшымъ (АЗР) [88].

В XVI в. такие замены встречаются чаще: И кого, Государь, пожалуешь, послѣ меня велишь *быти игуменомъ*, и тотъ бы игуменъ, да и братіа, жили по моему преданію (Моск. гр. 1507 г., АИ, т. I, 288); Неудобно бывает *человѣку* грубому и неученому, и еще къ тому умомъ врожденному, *императоромъ быти* (Письма Курб., с. 411); яко *имъ* пригоже мнитмися живыми *мученики* ото всѣхъ православныхъ *реченнымъ быти* (Письма Курб., с. 391—392).

В XVII в. творительный предикативный существительных на месте второго дательного становится уже широко употребительным: а умыслили, чтобы *имъ быти* себѣ *царьствомъ*, как было при Кучюмѣ Царѣ (Моск. гр. 1613 г., АИ, т. III, № 1). *Не бывать калине малиною* (Пословицы XVII в., л. 359 об.).

В это же время, помимо развивающегося творительного предикативного, оформляется еще один «конкурент» второго дательного: предложно-именное сочетание «*в*+местн. п. мн. ч. существительных». В. И. Чагишева находит в Актах Московского государства

[88] Пример заимствован из кн.: А. А. Потебня. Указ. соч., т. I—II, стр. 492.

массу случаев употребления этого оборота на месте второго дательного существительных [89]. По наблюдениям автора статьи, в XVIII в. такие синонимические замены уже повсеместны.

Синонимическая параллель «*быть*+*в*+местн. п. мн. ч.» становится широко употребительной структурой прежде всего в деловой речи XVII—XVIII вв. Ср. в документах XVIII в. Челябинского архива: И *быть ему* (Афонасью Романову) попрежнему в Мияской крепости в *казакахъ* (л. 601, 1746 г.); а *быть имъ* какъ оные нынѣ есть в *казакахъ* (л. 342 об., 1744 г.). Такой оборот рассматривается на материале воронежских деловых документов XVII—нач. XVIII в. в статье В. И. Собинниковой [90].

Однако второй дательный существительных, по наблюдениям В. И. Чагишевой, еще встречается в языке И. Посошкова и в письмах Фонвизина [91]. Он остаточно живет в современной разговорной речи: *Надо же быть такому несчастью! Надо же быть такой беде!* (*такому горю*, *такой удаче*).

В отличие от второго дательного существительного, второй дательный прилагательного и причастия в среднерусский период оказывается более устойчивым. Случаи употребления творительного предикативного имен прилагательных в XVII в. еще единичны: А приговорено *войску быть* всегда *готовым* (Котош. III) [92]; Хочу я тебя скушати чтоб *мне* с тебя *здравой быть* (Пов. о куре и лис., с. 197).

Вероятно, для XVII в. нормой следует считать еще двойной дательный.

Что касается XVIII—XIX вв., то грамматисты почти одного времени указывают разные нормы употребления предикативного падежа с инфинитивом *быть*. Так, например, Н. Греч в своей «Практической грамматике» считает *быть любимым* более правильным, чем *быть любиму*, так как творительный «означает не лицо, а качество» [93].

А. Х. Востоков предлагает как нормативный такой тип глагольного управления, где «неопределенное наклонение глагола вспомогательного быть требует в таких случаях дательного падежа и в прилагательных и в причастиях, сочиненных с оным: *Быть здорову* и *спокойну* душою первое благо . . . *Нам можно быть спо-*

---

[89] В. И. Чагишева. Второй дательный падеж и его синтаксические синонимы в русском литературном языке XVII—XVIII вв., стр. 116—117.

[90] В. И. Собинникова. Предложно-падежные формы в предикативной функции (на материале воронежских памятников письменности). — В кн.: «Краткие очерки по русскому языку». Воронеж, 1964.

[91] В. И. Чагишева. Второй дательный падеж и его синтаксические синонимы в русском литературном языке XVII—XVIII вв.

[92] Цит. по кн.: Я. А. Спринчак. Очерки русского исторического синтаксиса. Простое предложение, стр. 186.

[93] «Практическая русская грамматика, изданная Н. Гречем». Изд. 2., испр. СПб., 1834, стр. 261.

койным». Замену дательного творительным он допускает лишь тогда, «когда употреблен уже дательный в наименованиях предмета, к коему относится действие. Например: *Быть обязанным кому-либо* (а не быть *обязану* кому-либо)» [94].

Отголоском второго дательного можно считать современные разговорно-просторечные фразы типа: Разве можно *быть такому упрямому*? *Тебе не пройти* туда *одетому*; и особенно при мн. ч. прилагательных: *Вам надо быть готовым* ко всему, или *надо быть внимательным*. В современном литературном языке реликтом согласуемых дательных падежей является безличное предложение с местоименно-предикативным дательным.

В личном предложении дательный косвенного объекта по отношению к предикативному дательному является дательным субъекта: И *повелѣ* Рострига всѣмъ *Полякомъ*, *и Ляхомъ*, *и Литвѣ быти готовымъ* (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 745).

4. В старобелорусской письменности двойной дательный — малоупотребительный синтаксический оборот, который встречается со вторым падежом прилагательного: а съ кимъ мы немирны, ино *имъ* съ тымъ *немирным быти* (Грам. 1483 г.)[95]; сы смрти есть а е годно *емоу живоу быти* на земли (Страсти Христовы, л. 24 об.).

В Баркулабовской летописи отмечено самостоятельное употребление двойного дательного в составе деепричастного оборота параллельно с творительным предикативным: Того жъ року 1606 Дмитръ Ивановичъ, *будучи ему коронованному царемъ* на Москве, не порадившися. . . (л. 169 об.).

Как отмечает Е. Ф. Карский, а позже Т. П. Ломтев, творительный предикативный на месте второго дательного существительных уже в древних белорусских памятниках — явление обычное: *тобѣ подобаетъ княземь* великимь *быти* во Вилнѣ (86 б. Супр.) [96]; а маммона *неволником* своим *росказуетъ* всѣм *быти неприятелями* (Еванг. Калиста, л. 68 об.) [97]. Вместе с тем уже возможна замена его предложно-именным сочетанием «*за*+вин. п. ед. ч.»: ачъ колвекъ есть речъ необеспечна *цареви ити за посла* (Александрия, с. 62).

5. Как и в старобелорусских памятниках, в староукраинской письменности оборот со вторым дательным падежом был слабой, непродуктивной синтаксической моделью. Об этом

---

[94] «Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная». Изд. 12. СПб., 1874, § 130.

[95] Этот пример приведен Т. П. Ломтевым как иллюстрация творительного падежа в сказуемом (?) (Т. П. Ломтев. Исследования в области истории белорусского синтаксиса, стр. 222).

[96] Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3, стр. 419.

[97] Т. П. Ломтев. Указ. соч., стр. 221.

свидетельствует прежде всего его малая употребительность [98]. Второй дательный отмечен в Галицко-Волынской летописи, в грамотах, Палинодии Копыстенского, Книжке Вишенского. Например: . . . а пороучникъ бы Левъ. ꙗко *вѣрноу емоу быти* (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 277 об.); Сам наводитъ заразъ тоежъ о всѣхъ иншихъ апостолахъ маючи о всемъ свѣтѣ старане взяти южъ *имъ посполу быти* непотреба было (Палин. Копыст., с. 441); подобает. . . ему того дела плоды в себѣ изобразити се же ест *непорочну*, *трезвену*, *цѣломудрену*, *благоговѣину*, *честну*, *странолюбиву*, *учителну*, *не пианици*, *ни бийци*, *не сварливу*, *не мшелоимцу*, *но кротку*, *не завистливу*, *не сребролюбцу*, единой женѣ *мужу*, своего дома добрѣ *правящу* и прочая *быти* (Виш. Книжка, с. 116); «Елици же, — рече, — прияша его, *даст им* власть *чадом* божиим *быти* . . .» (Виш. Книжка, с. 68); Лучше убо и благополезнѣйше намъ за вѣру святую православную и за цѣлость отчизны на пляцу военомъ отъ оружія бранного полягти, нижьли въ домахъ своихъ яко невѣстюхамъ *побіенным быти* (Універсал Б. Хм., 1648 р.) [99].

Творительный предикативный на месте второго дательного — более спорадическое и позднее явление, чем этот же падеж на месте согласуемого винительного в староукраинском языковом материале (см. стр. 136): Вольно им цехмистра з братии своей кого пожелают избрать и оному во всем *послушными быть* (Укр. гр. 1633 г., Вос. Укр. с Рос., т. II, № 77).

Что касается синтаксиса украинских грамот XIV—XV вв., то уместно было бы сослаться на вывод И. Ф. Нелюбовой: «Примеров замены второго дательного творительным предикативным в грамотах нет» [100]. Несколько однотипных структур с творительным на месте согласуемого дательного встретилось в «Книжке» Вишенского: Даси ми, дияволе, *быти папѣжем*, *кардиналом*, *арцибискупом*, и другим нѣкоторым духовного стану *именоносцем* (с. 13); Даси ми зась, диаволе, *купцем*, *лихоимцем*, *мытником* и *карчмаром быти* (с. 14); *Даси ми* зась, диаволе, *ремесльником* хитрым и славным *быти* (с. 15).

В «Синтаксисе простого речення давньоруської і української мови» А. А. Москаленко, не приводя примеров второго дательного из староукраинских памятников, указывает на редкую возможность употребления этой структуры в литературном украинском языке XIX в.: «От з такою бідою як *йому не бути смутному*, *невеселому*» (Кв.-Осн.) [101].

---

[98] К такому же выводу пришел О. П. Безпалько («Нариси з історичного синтаксису української мови», стр. 64—65).

[99] Последний пример см. в указ. соч. О. П. Безпалько, стр. 65.

[100] И. Ф. Нелюбова. Конструкции с двойными падежами в русских и украинских грамотах XIV—XV веков. «Праці Одеського держ. ун-ту ім І. І. Мечникова», рік XCVII, т. 152. Серія філол. наук, вып. 15, 1962, стр. 190.

[101] А. А. Москаленко. Указ. соч., стр. 11.

Изредка такие обороты можно встретить в фольклоре, а также в современных украинских диалектах: треба *бути склоннішому* к старшому (Дернівка, Баришівськ. р. Київ. обл.); Газету не читать — значить *бути* темному *чловіку* (Князь Григорівка, Горностаївськ. р. Херс. обл.) [102].

В современном украинском языке нормой является творительный предикативный.

Рассмотренный материал позволяет сделать некоторые выводы.

1) Второй дательный, в сравнении со вторым винительным, на всех этапах развития восточнославянских языков — явление менее продуктивное, что, вероятно, объясняется большим однообразием структурной модели и узостью общего смыслового значения этого оборота (обозначение долженствования, необходимости).

2) В древнерусских, старорусских, староукраинских и старобелорусских памятниках наблюдается большая употребительность второго дательного прилагательных, затем причастий, частотная ограниченность согласуемого субстантивного падежа.

3) Прилагательное в этой функции в древнерусских памятниках встречается лишь в именной форме, тогда как в старобелорусских и староукраинских уже часты случаи функционирования местоименных прилагательных, что соответствует общей тенденции более широкого развития предикативного употребления полных прилагательных в этих восточнославянских языках.

4) Сужение употребительности оборота в староукраинских и старобелорусских памятниках шло, по сравнению со старорусскими памятниками, более быстрыми темпами.

5) Исторически наиболее продуктивной общей заменой второго дательного был творительный предикативный, развившийся прежде всего на месте субстантивного согласуемого падежа. Таким образом, в памятниках старорусской, староукраинской и старобелорусской письменности существовали соотносительные ряды структур, разные по времени образования, степени употребительности и характеру лексического наполнения.

В старорусских памятниках [103]	В староукраинских и старобелорусских памятниках
$И^1_{дат.}$ + Инфинитив + { дат. п. / тв. п. / *в* + м. / п. мн. ч. }	$И^1_{дат.}$ + Инфинитив + { дат. п. / тв. п. / *в* + м. п. мн. ч. / *за* + в. п. ед. ч. }

[102] О. С. Мельничук. Історія вживання давального безприйменникового відмінка в українській мові. — В кн.: «Дослідження з синтаксису української мови». Київ, 1958, стр. 278.

[103] Условные обозначения см. на стр. 148.

В течение XVIII—XIX вв. эти ряды сократились, утратив, по существу, самую древнюю структурную модель с согласуемыми дательными падежами. Следует отметить быстрые темпы этого процесса в сравнении с двойным винительным [104]. Однако отголоски второго дательного имеют место в живом современном русском языке. В восточнославянских языках наряду с общими элементами в этих рядах есть и расхождения: украинский и белорусский знают более употребительное, чем в русском, предложно-падежное сочетание «*за*+вин. п. ед. ч.» на месте древнего второго дательного [105].

ПОРЯДОК СЛОВ В СЛОВОСОЧЕТАНИЯХ С ДВОЙНЫМИ КОСВЕННЫМИ ПАДЕЖАМИ

Основные закономерности словорасположения являются общими для двойных винительных и двойных дательных падежей. Как в памятниках XI—XIV вв., так и в памятниках XV—XVII вв. (русских, белорусских и украинских) порядок слов в словосочетаниях с двойными косвенными падежами не является фиксированным. Можно установить несколько типов компоновки элементов, составляющих двойные косвенные падежи [106].

1. Г'—И^1—И^2
2. И^1—Г—И^2
3. И^1—И^2—Г'
4. Г—И^2—И^1
5. И^2—И^1—Г
6. И^2—Г—И^1

Однако в исследуемом материале резко преобладает препозиция первого косвенного относительно второго косвенного падежа (т. е. первых три из шести указанных типов). Чем объяснить этот факт? Вероятно, актуальным членением текста. В полном соответствии с мнением, существующим в специальной литературе, в памятниках первый косвенный падеж, представляющий собой «данное», «исходное» («тему»), препозитивен; напротив, второй косвенный, представляющий собой «новое» («рему»), постпозитивен. Например: поимъ с собою Климента *егоже игоумена постави* в свое мѣсто (Лавр. л., л. 91 об.); И *видечы* Бово *Додона мертва*, а *короля Пипина ухвачена* у своих руках (Ист. о Гвид., с. 167); А хто купи(т) бе(з) поруки, и *тому быти виноватy* (Суд. Фед. Ив., с. 49). Характерно, что первый косвенный часто выражен при этом местоимением или собственным именем (и то и другое указывает

---

[104] О. М. Доконова. Из наблюдений над употреблением конструкций со вторым винительным падежом в языке писателей IX—XX вв., стр. 51—59.

[105] Это отличие от русского синтаксиса составного сказуемого отмечено в работе: Н. И. Букатевич и др. Очерки по сравнительной грамматике восточнославянских языков. Одесса, 1958, стр. 289.

[106] Условные обозначения: Г — управляющий глагол, И^1 — первый косвенный падеж, И^2 — второй косвенный падеж.

на «известное», между тем как второй косвенный — на «новое» — на должность, качество, состояние и т. п.).

Инверсия, т. е. нарушение стилистически нейтрального «объективного» (по Матезиусу) словорасположения ($И^1$—$И^2$), вызвана также актуальным членением, она наблюдается в том случае, когда «новым» в речи оказывается то, что обозначается вторым косвенным падежом. Ср. следующий пример, где целью сообщения является имя нового архиепископа: и *поставиша архиепа Новоугородоу Феоктиста* (I Новг. л., л. 152—152 об.). Приведем еще несколько примеров инверсии: *преведоша связана Господа* от Каіяѳы къ Пилату (Письма Курб., с. 386); *съмереноу быти мнихоу* (Ф. Феод. Печ., л. 43г); а *отцу* духовному велѣли бы ѥсте у него *быть*, въ Варсунофьево мѣсто, *священнику старцу Хрисаньу* (Моск. гр. 1589 г., АИ, т. I, № 225).

В случае инверсии важное значение имеет лексическая разноплановость первого и второго косвенных падежей, не допускающая смешения их синтаксических функций (ср. приведенные выше примеры). При семантической близости первого и второго косвенного падежей возможно двоякое толкование фразы, например: да *исца* ему *ябедника поставят* (Пересветов, с. 66) («истца» — «ябедником» или «ябедника» — «истцом»? — вопрос остается открытым).

Естественно, что роль строгого порядка размещения частей при адъективном или партицинном втором косвенном менее важна, чем при субстантивном втором косвенном, так как синтаксическая функция адъективного или партицинного второго косвенного четко отделяется от синтаксической функции первого косвенного в силу их морфологической неодинаковости. Тем не менее и здесь преобладает последовательность $И^1$—$И^2$. Нарушение этой последовательности приводит к ослаблению предикативной и усилению атрибутивной функции прилагательного или причастия: Бъ ... васъ блгослови и сънабъди. ѡ прониривaго без бѣды. и *неподвижимоу и твьрьдоу* ѥже къ томоу *вѣроу* вашю *да съблюдеть* (Ж. Феод. Печ., л. 63б—в); А коли ѡбачили *входячого алеѯандра* ѡныи которыи ранили дария скрилисе (Александрия, с. 70); Не чудуй же ся, детино русский, *видѣвши напившагося инока* (Виш. Книжка, с. 40).

* * *

Сравнительно-историческое сопоставление вторых косвенных падежей в трех восточнославянских языках показывает общую направленность их изменений при наличии отдельных специфически национальных моментов. К последним относятся: более раннее вытеснение вторых падежей синонимичными оборотами в староукраинских и старобелорусских, чем в старорусских памятниках XV—XVII вв., различное (стилистически и количественно)

соотношение вторых косвенных падежей и их замены на протяжении всего этого периода, характеризующегося в целом быстрыми темпами развития синонимических «конкурентов» вторых косвенных падежей. Процесс становления главного из них, творительного предикативного, у всех восточных славян протекал самобытно и независимо [107]. Старославянский не знал такого значения творительного падежа.

Существовал ряд лингвистических факторов — предпосылок быстрого вытеснения вторых субстантивных, а затем, по аналогии с субстантивными, — адъективных и партицинных падежей (в первую очередь — творительным предикативным):

а) усиленная «синтаксизация» некоторых значений творительного падежа [108];

б) смысловая корреляция винительного предикативного, выражающего способ проявления, назначения, с творительным образа действия, совокупности и характеристики, что привело к появлению синтаксических дублетов;

в) нарастающая общеславянская тенденция к замене беспредложного управления предложным, которая вызвала быстрое развитие ряда предложно-именных сочетаний «*за*+вин. п. ед. ч.», «*в*+вин. п. мн. ч.», «*в*+местн. п. мн. ч.») и тем самым создала новый синонимический ряд ко вторым падежам с тождественными синтаксическими функциями;

г) затруднения в понимании смысла предложения при расширении семантической сферы каждого из компонентов оборота с двойными падежами, а также в связи с колебаниями в порядке их расположения.

Кроме перечисленных факторов, оказывающих влияние на историю как двойного винительного, так и двойного дательного, есть факторы более частного характера: одни из них действовали в пределах только двойного дательного, другие — только двойного винительного. Так, вытеснение двойного винительного связано в какой-то степени с морфологической унификацией в системе склонения основ на **ŏ*, приводившей к совпадению именительного и винительного падежей множественного числа, а значит, к появлению трех омонимичных морфологических форм (например, *епископы* — им., вин., твор. п. мн. ч.).

Второй падеж существительного был слабым членом создавшегося ряда синтаксических синонимов и по указанным мотивам хуже других конкурирующих синонимичных средств отвечал требованиям четкой коммуникации. Это обрекло его на отмирание.

---

[107] Некоторые исследователи видели украинско-польское влияние в широком распространении творительного предикативного в русском синтаксисе XVIII в. (О. В. Патокова, Л. А. Булаховский, У. Я. Едлинская и др.).

[108] См. об этом в «Синтаксисе русского творительного» Р. Мразека (стр. 10—18, 210—212).

ЗНАЧЕНИЯ ЗАВИСИМЫХ БЕСПРЕДЛОЖНЫХ ПАДЕЖЕЙ

РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

Согласно взглядам, установившимся в лингвистике, родительный падеж обычно рассматривают как два падежа. Один — собственно родительный, другой — несобственно родительный, или отложительный. Так, акад. Е. Ф. Карский отмечает: «Отчасти по своему происхождению и особенно по значению славянский родительный соединяет в себе функции двух падежей: собственно родительного и аблятивного (отложительного)» [1]. На разграничение двух падежей указывает акад. В. В. Виноградов: «В том, что традиционная грамматика называет родительным падежом, большинство исследователей различает два падежа — родительный и количественно-разделительный (или, иначе, «исходно-достигательный», «отложительный»)» [2]. И там же он определяет значение собственно родительного падежа: «За родительным падежом признается определительное, «прилагательное» значение в приименном употреблении. В приглагольном употреблении родительный падеж противопоставляется винительному падежу, так как он означает, что понятие, выраженное глаголом, распространяется или относится не ко всему объему имени» [3].

Мы рассматриваем беспредложный родительный падеж, выделяя следующие группы:

1) родительный отложительный (к нему примыкает значение родительного предела движения);

2) собственно родительный: а) при глаголе — родительный части; родительный объекта; родительный времени; б) при имени — родительный принадлежности; родительный субъекта; родительный объекта; родительный меры и количества; родительный косвенного объекта (при прилагательном).

---

[1] Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3. М., 1956, стр. 401.

[2] В. В. Виноградов. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.—Л., 1947, стр. 173.

[3] Там же, стр. 168.

Примечание. На протяжении всей истории восточнославянских языков при переходных глаголах с отрицанием употребляется родительный падеж — в отличие от тех же глаголов без отрицания, при которых объект обозначается винительным падежом. Многочисленные примеры родительного при отрицании см. в разделе «Отрицательные предложения» («Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Типы простого предложения»).

Родительный отложительный

Так называемый родительный отложительный, или удалительный, употребляется с глаголами в значении удаления, отделения и отдаленности от чего-нибудь (в прямом или переносном смысле). Об этом значении родительного падежа А. А. Шахматов писал: «Родительный падеж, восходящий в славянских языках к индоевропейскому отложительному падежу, означает, что признак отражается, отскакивает, удаляется от зависимой субстанции» [4]. Собственно, значение удаления, отделения заключается в глаголах, управляющих формой родительного падежа. Сюда относятся глаголы с приставками *из-*, *от-*, *о-*, *с-*, *у-* (приставки с отделительным оттенком) и глаголы с лексическим значением «избегать чего-то», «лишать(ся) чего-то». Эти глаголы в большинстве случаев непереходные.

В памятниках древнерусского языка мы находим достаточно большое количество случаев употребления родительного отложительного без предлога. Однако если рассматривать действие глагола как 1) «удаление от предмета путем передвижения в пространстве или путем отделения от него» и 2) как «удаление от предмета в переносном смысле» [5], то следует отметить, что примеры с первым оттенком встречаются редко. Ср. примеры родительного отложительного с оттенком удаления в пространстве: а *тѣхъ* сѧ ѥсмы ѿступили по своѥи воли (Гр. Алекс. Невск. 1257—1259 гг., ГВНП); дыѧволъ прельсти Евгою Адама и ѿпаде *рая* (Лавр. л., л. 35 об.); оусты же чтуть мѧ а срⷣце ихъ далече ѿстоить *мене* (Лавр. л., л. 57); Пищаньци волъчьꙗ *хвоста* бѣгають (Лавр. л., л. 27); и взѧста ⟨Василко⟩ копье̂ гра̂. и зажгста ѡгнѣ̂ и бѣгоша людье ѡгнѧ. (Лавр. л., л. 90); и розыꙗривсѧ ре̂ бра̂и свои. пⷭстите мѧ по немь. аче самъ оутечеть *мене* (Ипат. л., л. 123 об.).

Родительный отложительный со вторым оттенком употреблялся в словосочетаниях с многочисленными глаголами (а также отглагольными существительными и причастиями). Несколько примеров: а *свободъ* ти и *селъ* състоупитисѧ (Новг. гр. 1304—

[4] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Изд. 2. Л., 1941, стр. 314.

[5] Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956, стр. 262.

1305 гг., Шахм. О языке, № 9); ‹Володимиръ› подъбѣгъ ста подъ мосто. ѡдва оукрыса *противны* (Лавр. л., л. 43); кровью мнчьскою. ѡмывъса *прегрѣшении* свои (Лавр. л., л. 163); лоуче того ѡстанис *высокооумыа* своего. и проси си мира (Ипат. л., л. 112); хртыани же избавленѣ тоа *работы* (Ипат. л., л. 199 об.); но мнозѣ тогда ѡрѣкахоус *дшь* свои (Ипат. л., л. 225 об.); вси ѡ батыхъ пекуще здравьи *сего* ѡрѣаху (К. Тур., с. 36); въ градѣ семь не имамъ бѣжати *сътроениа* твоего (Чт. Б. и Г., с. 14).

Следует отметить, что в древнерусских памятниках наряду с родительным отложительным без предлога встречаем очень немногочисленные примеры предложных конструкций: Избави мя *от нищеты* сея (Сл. Дан. Зат., л. 280 об.); и изверже ю вонъ *ис храма* (Чт. Б. и Г., с. 50); и се ѡтрьшеса ѡ *выа* (Чт. Б. и Г., с. 52); се бо два сокола слѣтѣста *съ* отня *стола* злата (Сл. о плк. Иг., с. 24).

В позднейших восточнославянских памятниках беспредложные конструкции вытесняются предложными и примеры родительного отложительного без предлога становятся редки. Что же касается словосочетаний с оттенком удаления в пространстве (малоупотребительных уже и в древнерусский период), то они совершенно выходят из употребления.

В старорусских памятниках распространен родительный отложительный в сочетании с глаголом *лишать* (и отглагольными формами): и ѡнъ ѡчины лишенъ (Твер. гр. 1427 г., Дух. дог. гр., № 23); ѣздокъ *ѣзду* лишенъ (Суд. Ив. IV, с. 219); а по кабалѣ *денегъ* лишенъ (Суд. Ив. IV, с. 252); и тотъ истецъ *иску* своего лишенъ (Улож. 1649 г., с. 38); яко луна изменяется, *света* своего лишаема (Аввакум. Письма, с. 268); а тот ерш лишил нас того Ростовскаго *озера* (Пов. о Ерше, с. 148); За скудасть разума *полатъ* лишаются (Пословицы XVII в., л. 345 об.). Это словосочетание, довольно употребительное для старорусских памятников, сохранилось и в современном русском языке.

Примеры родительного отложительного в памятниках старорусской письменности находим и в сочетании с некоторыми другими глаголами, например: И *сихъ* отвращался (Письма Ив. IV, л. 49); И он, устрашася, отступился мне *девицы* (Аввакум. Житие, с. 61); и умом сына своего, света, да избавит нас сугубых *бед и напастей* (Аввакум. Письма, с. 243); льсти же и лукавства и всякого зла отнюдь всяко ненавистенъ бысть и *сихъ* весма удаляася (Ст. о Смуте, с. 1277); и тамо уповаху убѣжати *смерти* (Пов. Кат.-Рост., с. 595); *многобожія* Еллинскаго избежимъ (Письма Курб., с. 363); и помышляше, како бы избѣгнути неправеднаго его *убіенія* (Письма Курб., с. 382).

Из приведенных конструкций лишь конструкции с родительным отложительным при глаголе *избѣжать* также оказались продуктивными и сохранились в современном русском языке.

В рассмотренных нами памятниках старобелорусской и староукраинской письменности встречаем примеры родительного отложительного без предлога: ꙗ *свѣта* того ѿрекаюсѧ (Лет. Рачин., с. 239); потомъ онъ того *листу* отступилъ (Дневн. Евлаш., с. 147); и велѣлъ мѧ былъ избавить *горла* моєго и *жоны* моєѣ и *дѣтии* моихъ *имѣниѧ* моєго и *чти* моєѣ (Кременец. гр. 1434 г., Укр. гр., № 71); и ѿступили тоѣ *дѣднины* пану колѣ (Галич. гр. 1409 г., Укр. гр., № 40); маючи образъ благочестія, а *силы* его отметуючися, и *тыхъ* отвертайся (Палин. Копыст., с. 314—315); и тот власне с идолопоклонники часть свою мает и *Христа* отреклся есть (Виш. Послания, с. 167).

Однако гораздо чаще встречаются синонимичные конструкции с предложным родительным падежом. Часто колебания в употреблении беспредложного и предложного родительного находим в тексте одного и того же памятника. Ср., например, следующие конструкции из Перевальской грамоты 1498 г.: Ино, коли тот Тишко, сходячы сего *свѣта*, душу свою ему полецылъ (РИБ, т. XXVII, № 182); и, сходячы съ того *свѣта*, Тишко и душу свою Занку полецилъ на опеканье (РИБ, т. XXVII, № 182).

Как видим, примеры родительного отложительного довольно часто употреблялись при глаголах с приставкой *от-*. Однако надо отметить, что наиболее продуктивными в староукраинских и старобелорусских памятниках оказались конструкции родительного отложительного без предлога с глаголами *ѹйти*, (*у*)*бежать* со значением «избежать». Например: ‹Атылѧ› ушол *рукъ* рымских (Ист. о Атыле, с. 199); всих до того дорог искали и досветчали, абы *небезпечности* уйти могли (Ист. о Атыле, с. 201); ледвосмы ѹшли *рѹкъ* непри҃ате҃скихъ (Александрия, с. 46); ‹Хтожъ бы мѣлъ быти такъ неразсуднымъ, абы› оного *покою* бѣгати мѣлъ?! (Отв. клир. Острож., с. 216); далеко больш не маемъ ли бѣгати такового *пастыря* (Пересторога, с. 222); И нынѣ единъ другого поволуете, замутивши людми, границѣ перескакуючи, *суду* убѣгаючи (Пересторога, с. 223).

В заключение можно отметить, что в ходе развития восточнославянских языков действовала тенденция к вытеснению беспредложного родительного отложительного предложным родительным отложительным. Круг глаголов, с которыми употреблялся беспредложный родительный отложительный, был в восточнославянских памятниках XV—XVII вв. менее широким, чем в древнерусских памятниках, но более широким, чем в современных русском, белорусском и украинском языках.

Родительный предела движения

Близко к значению родительного отложительного примыкает значение беспредложного родительного предела движения при глаголах с приставкой *до-*. Лексическое значение этих глаголов (и отглагольных форм) — довести, дойти до определенного пункта[6] во времени и пространстве[7]. Примеры: дошедшю ему Черные *рѣки* (Лавр. л., л. 7 об.); и доведе и Володимиръ *воротъ*. мтре своеѧ (Ипат. л., л. 129); ‹Изѧславъ› ста на рѣци не дошедъ *Слоучи* (Ипат. л., л. 149); но *сего* мѧ довелъ братъ мои (Ипат. л., л. 158); ‹стополкъ› скоро доиде *кыѥва града* (Чт. Б. и Г., с. 14).

Однако наряду с беспредложным родительным предела движения в древнерусских памятниках встречаем также немногочисленные случаи употребления этого родительного с предлогом: изъ Кыева дорискаше *до Куръ* Тмутороканя (Сл. о плк. Иг., с. 36); дошедши имъ *до Кіѥва* (Лавр. л., л. 144); а что ти Бъ дасть и *до Бѣлагорода* доидеши перед ни (Ипат. л., л. 150).

В старорусских памятниках картина меняется. Здесь очень редки примеры беспредложного родительного предела движения при явном преобладании конструкций с предлогом.

Словосочетания без предлога: И дошедъ *Путимля града* (Пов. Кат.-Рост., с. 575); Дошо чотъ *бродꙋ* кинуся в воду (Пословицы XVII в., л. 339); По ниткѣ и *клꙋбка* доходятъ (Пословицы XVII в., л. 365 об.); Изыкъ *Киева* даведетъ (Пословицы XVII в., л. 381); Говоря *всего* договоришся (Пословицы XVII в., л. 336 об.)[8].

Предложные конструкции: уже и *до стѣны* града симъ домышленіемъ достигоша (Пов. Кат.-Рост., с. 585); даже искра благочестія доиде и *до Рускаго царьства* (Письма Ив. IV, л. 123 об.); Писанеице твое, любовію помазанное, дошло *до меня* (Письма Курб., с. 383); Еще не дошла *до тое версты*! (Аввакум. Письма, с. 213); Потом доехали *до Иргеня озера* (Аввакум. Житие, с. 73); и Христос нам дал изубря, большова зверя, — тем и *до Байкалова моря* доплыли (Аввакум. Житие, с. 85—86); Которой днь прошо то *до на* дошолъ (Пословицы XVII в., л. 352 об.).

---

[6] См.: В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Изд. 2. М., 1965, стр. 467.

[7] При глаголе *дойти* в смысле *достичь*. Ср.: И достиже совершена мужеска *возраста*, и нача владѣтелно держати. скиѥтро Російскаго государства (Пов. Кат.-Рост., с. 561).

[8] Следует отметить, что в основном беспредложное употребление родительного предела движения закрепилось в пословицах, которые, как известно, сохраняют и устаревшие языковые нормы.

Сравнивая памятники восточнославянских языков, находим, что в старобелорусских и староукраинских памятниках (в противоположность старорусским) усиливается и господствует родительный предела движения без предлога. Приведем несколько примеров: а коли доидет *лѣт*, будет великое доброти (Пов. о витязях, с. 20); дети дошедши *летѣ* мают правом искати (Лит. ст. 1529 г., заголовок, с. 32); дошли цэлого *Немна* (Лет. Рачин., с. 225); А небог Бово пошол пѣшъ день и другии и дошол *города* Задонии (Ист. о Гвид., с. 144); ‹кнзь великии› доиде *Вышегорода* (Лет. Акад., л. 149); Ознаймуемъ вамъ, же дошла *насъ* ведомость отъ старостъ нашихъ пограничныхъ (Воин. гр. 1566 г., РИБ, т. XXX, кн. 7, № 105); На живот зас родитися — тако, которий изшедши из утробы в мир сей и дошедши досконалного *възросту*, коли юж мысль розсуждати злое от доброго силу мает (Виш. Книжка, с. 27).

Впоследствии судьба родительного предела движения сложилась таким образом: в современном украинском и белорусском языках сохранилась беспредложная конструкция, в то время как в современном русском языке беспредложный родительный предела движения полностью вытеснили конструкции с предлогом.

Собственно родительный падеж

А. При глаголе

1) Родительный ч а с т и — широко распространенное значение беспредложного родительного падежа в древнерусских памятниках.

Так же, как и в современных восточнославянских языках, употребление родительного части в памятниках восточнославянской письменности соотносительно с употреблением винительного падежа при тех же глаголах [9]. Родительный части употребляется в тех случаях, когда действие, выраженное управляющим глаголом, распространяется на часть объекта. Этим значением родительного и определяется круг глаголов и существительных, способных образовывать соответствующие словосочетания. С одной стороны, используются глаголы, обозначающие действие, распространяющееся не только на весь объект, но и на часть объекта. С другой стороны, используются существительные, обозначающие объект, который может подвергаться воздействию частично. Чаще сюда относятся существительные, обозначающие конкретные понятия, реже — абстрактные понятия. В рассматриваемых памятниках восточнославянских языков в подобных сочетаниях с родительным части встречены прежде всего глаголы,

[9] Ср.: «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1. М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 122.

обозначающие действие, и значительно реже — глаголы, обозначающие душевное движение, волеизъявление, восприятие. Среди глаголов, употребленных в данных сочетаниях, преобладают глаголы с приставками. (Наиболее употребительны приставки *на-*, *до-*, *у-*, *при-*, *по-*.)

Примеры из древнерусских памятников: аже кто оуръветь *бороды* смолнѧнинѹ (Гр. неизв. Смол. кн. немцам ок. 1230 г., РЛА, 452); да приготовиши на вечерю *брашьна* на ѣдь кънѧзю (Ж. Феод. Печ., с. 53); повелѣ наливати *вина* (Ж. Феод. Печ., с. 51б); и приимши *брашьна* възможе исповѣда (Чт. Б. и Г., с. 113); овому *носа* оурѣзаша (I Новг. л., л. 136); єпп̃ъ же повелѣ ему ѡдину не҃лю порозную ѣсти *мѧса* (Ипат. л., л. 18в); пожали *земли* своея (Ипат. л., л. 240); ‹ѡни› поимавъше ѡружьꙗ. поидоша на нь (Ипат. л., л. 207); оутеръ *слезъ* свои҃ (Ипат. л., л. 225); Ꙗрославъ же посла к нему *пути* просѧ ѹ него (Лавр. л., л. 144 об.); ‹кнѧзи› съгладаша *полковъ* свои҃ (Ипат. л., л. 193).

Много примеров с родительным части находим также во всех восточнославянских памятниках XV—XVII вв.

Ст.-рус.: да тѣ[х] есмъ *пустошеи* да[л] и[м] (Моск. гр. 1471 г., АЮБ, т. 1, № 31); *городовъ* и *остроговъ* досмотрили (Моск. гр. 1614 г., АИ, т. III, № 43); ‹не стали бы› вымышляти какъ *денегъ* добыти (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 48); въ серебро подмѣшаютъ *мѣди*, или *олова*, или *свинцу* (Улож. 1649 г., с. 13); а взяти тѣхъ *пошлинъ* ‹не на комъ› (Улож. 1649 г., с. 44); а҆ *мекѹ* розсытитъ к҃ празникѹ (Домострой, с. 46); пришли мне *малины* (Аввакум. Письма, с. 290); и так ты, государыня, *горя* натерпелась (Аввакум. Житие, с. 84); Егда же кто того *лекарства* ‹вкусить› (Письма Курб., с. 159); и мы *кутьи* наелись (Аввакум. Житие, с. 79); испей *воды* (Пут. моск. купцов, с. 150); и ты *смерти* вкусишь (Пут. моск. купцов, с. 150); и прибавливаютъ въ него буйволовы *сметаны* (Пут. Гогары, с. 118); там *рыбы* наедимся (Пов. о Ерше, с. 150); Дѧка дитяке *ума* придаетъ (Пословицы XVII в., л. 339). Ст.-бел.: пан Васко Любич прикупил *земли* пашное и *сеножатей* к той земли качинской (Вил. гр. 1490 г., Arch. Sang., т. I, № 94); ѡни маютъ на истцахъ *пѣнязей* своихъ смотрѣти (Вил. гр. 1514 г., Лит. метр., т. I, № 69); ‹и ѡн мѣщаномъ› заказываєть *жита*, *пшениц(и)*, *солодовъ* молоти возити (Рудник. гр. 1515 г., Лит. метр., т. I, № 153); а жона будет вживала тых *речей* краденых (Лит. ст. 1529 г., с. 106); далемъ былъ *пенезей* Кгославскому (Дневн. Евлаш., с. 147); добыли *мечовъ* (Ист. о Гвид., с. 135); ‹бог› додаст *моцы*, *славы* и *богатствъ* (Ист. о Атыле, с. 192); *славы* собѣ воиною прымножал

(Ист. о Атыле, с. 210). Ст.-укр.: а земланы тыхъ *зѣмль* имаєть при ѣхъ имѣнию оставить (Кременец гр. 1434 г., Укр. гр., № 71); нижли та еще тых *имѣней* ‹записал› (Луцк. гр. 1534 г., Arch. Sang., т. III, № 493); ‹прошу, чтоби еси позволил› романцом косит *сена* (Укр. гр. 1653 г., Вос. Укр. с Рос., т. III, № 178); а богачомъ додает *добръ*, додаетъ *маетностій* (Отв. клир. Острож., с. 420); да им *хлѣба* до пришлого урожаю дотягнет (Виш. Книжка, с. 54), *таемницъ* шукати занехаешъ (Палин. Копыст., с. 496); червоныхъ *золотыхъ* отъ тебе потребуетъ (Пересторога, с. 209); Поляцы у свой языкъ намѣшали *словъ* Латинскихъ (Пересторога, с. 229); ‹духовные› *вольностій* вшелякихъ заживаютъ (Пересторога, с. 235); Колі *риби* достанемо (Инт. Гаватовича); наполню *пива* (Сл. о збур. пекла).

Многочисленные случаи употребления родительного части как в древнерусских, так и в более поздних памятниках восточнославянской письменности свидетельствуют о том, что условия употребления родительного падежа в этом значении не претерпели в ходе развития восточнославянских языков существенных изменений.

Однако в восточнославянских памятниках обозначение объекта неполного охвата действием, очевидно, менее четко отличалось от обозначения объекта полного охвата: как будет показано далее, объект полного охвата мог, точно так же, как объект неполного охвата, выражаться родительным падежом существительного.

2) Близко к значению родительного части значение родительного о б ъ е к т а (при глаголе). Но в отличие от родительного части, который обозначает объект неполного охвата действием, родительный объекта показывает, что действие глагола, управляющего существительным, распространяется на весь объект. В большинстве случаев в значении родительного объекта употребляются существительные, обозначающие абстрактное понятие, либо понятие конкретное, но неделимое. Круг глаголов, способных управлять родительным объекта существительных, в восточнославянских памятниках более широк, чем в современных языках.

В рассматриваемых памятниках родительный объекта широко употребляется при глаголах, указывающих на желание, достижение, а также при глаголе *касаться*.

Подобное же употребление родительного объекта наблюдается и в современном русском языке [10].

Приведем некоторые из примеров родительного объекта в словосочетаниях с вышеназванными глаголами, встретившихся в памятниках восточнославянской письменности.

---

[10] Ср.: «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, стр. 120.

Др.-рус.: ‹Вячеславъ ... посла сна› *Переславля* добыти (Ипат. л., л. 144 об.); и присла ко Стославоу *помочи* проса (Ипат. л., л. 219); жда ѿ тебе *вѣсти* (Ипат. л., л. 239); а себѣ *славы* искати (Сл. о плк. Иг., с. 26).

Ст.-рус.: учнутъ просити *воли* (Улож. 1649 г., с. 85); аще и убоялся еси *смерти* (Письма Ив. IV, л. 125); беспрестанно *смерти* мне искал (Аввакум. Житие, с. 75); А ожидаю *покаяния* ея (Аввакум. Житие, с. 79); важих *молитв* требую (Аввакум. Письма, с. 248); чаем *помощи* от вышняго бога (Пов. об азов. взятии, с. 75); и ждутъ *знаменія* Божія съ небеси (Пут. моск. купцов, с. 141); Во что ѕаець и ѕтѣни своеи боится (Пословицы XVII в., л. 334); Хто желаетъ *власти* (Пословицы XVII в., л. 376 об.). Ст.-бел.: потребуютъ съ тыхъ книгъ праведныхъ *списковъ* (Стат. Владислава, 1420—1423 гг., АЗР, т. I, № 27); а своего *имены* маеть ѡна искати (Кирен. гр. 1515 г., Лит. метр., т. I., № 177); а што ся дотычеть *выправы* ее (Вил. гр. 1514 г., Лит. метр., т. I, № 91); хотя бы ся тыкало *образеня* маестату его милости (Лит. ст. 1529 г., заголовок, № 2); А што ся дотычеть тыхъ иныхъ *дворцовъ* (Троцк. гр. 1536 г., Археогр. сб., т. I, № 27); А штос дотичет ѡного *листа* их порѹчного (Брест. гр. 1544 г., Arch. Sang., т. IV, № 328); ожедаючы блаженнаго *уповання* (Брест. гр. 1610 г., АЮЗР, т. II, № 40); ‹пришли по(с)лы› просячи оу него *до(ч)ки* (Лет. Крас., л. 80); хотевъ ихъ *смерти* (Лет. Баркул., л. 158); очекиваючи власне *помсты* Божой (Дневн. Евлаш., с. 129); *зыску* спросного прагнут (Ист. о Атыле, с. 187); которых *слов* Люпусъ улекнувшы сѧ реклъ (Ист. о Атыле, с. 200); витези ездечы *ровни* искали (Пов. о витязях, с. 119). Ст.-укр.: и тежъ што се дотычеть *капщизны* зъ мѣста Кіевского (Киев. гр. 1518 г., АЮЗР, т. I, № 68); А што сѧ дотычеть тых *границ* (Львов. гр. 1537 г., Arch. Sang., т. IV, № 84); Иж штос дотычет *припозванѧ* пана Сенютича (Луцк. гр. 1544 г., Arch. Sang., т. IV, № 304); іщущи царское *милости* (Укр. гр. 1652 г., Вос. Укр. с Рос., т. III, № 130); чл҃къ здоровы' ѡчеківаѥ *хоробы* (Киев. гр. 1632 г., Палеогр. изб., № 35); ‹князю› *здравія* зичим (Укр. гр. 1650 г., Вос. Укр. с Рос., т. II, № 167); которая *правды* и *спасения* людского алчет и жаждет (Виш. Книжка, с. 86); требуем *свѣдителства* (Виш. Книжка, с. 104); боятся тѣлесного *страдания* (Виш. Позорище, с. 218); *Анаѳемы* ся тежъ боимо (Палин. Копыст., с. 321); Што ся зась *аргументовъ* ‹дотычетъ› (Палин. Копыст., с. 362—363); яко[й] *помочи* потребуемъ? (Палин. Копыст., с. 505—506); Шукае *одежі* (Инт. Гаватовича); И *вѣсти* первой ожидаю (Сл. о збур. пекла).

В то время как в современном русском языке семантическая группа глаголов, употребляющихся в данной синтаксической

функции, ограничена глаголами, указывающими на желание, достижение объекта, и глаголом *касаться*, в памятниках восточнославянских языков, кроме уже указанных глаголов, здесь могут употребляться глаголы восприятия, например *слышать*, *смотреть*, такие глаголы, обозначающие чувство, как *жалеть*, и некот. др. В современном русском языке родительный объекта при многих данных глаголах вытесняется винительным объекта. В белорусском и украинском языках наблюдается подобная картина. Приведем примеры из памятников.

Др.-рус.: а ѡдиного себе ѡставимъ стеречи *землѣ* своеѧ (Ипат. л., л. 140); ‹Вѧчеславъ› послушавше *дроужины* своеѧ ‹и тако ѿрѧдиша› (Ипат. л., л. 154 об.) ‹лѣпо жити› оукоупѣ. блюдоучи ѡц҃ьства своего (Ипат. л.. л. 121 об.); послоушаѧ бж҃твныхъ *книгъ* (Ж. Феод. Печ., л. 27д). Ст.-рус.: и ты чадо блюдисѧ неправеднаго *имѣніѧ* (Домострой, с. 62); всего того й всѧкои *порѧдни* жена смотрила (Домострой, с. 37); и они едва нашего *слова* послушали (Письма Ив. IV, л. 148); многіи къ тому нарочитые мужіе ѣздили учитися тѣхъ *наукъ* (Письма Курб., с. 453); Жалея *Струны*, такову себе пагубу приял (Аввакум. Житие, с. 69); И не хотя, иной омрачится и уступит *спасения* своего (Аввакум. Письма, с. 226); тотъ послушаетъ телячьи *кожи*, сирѣчь *барабана* (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 19); Осмотря *ремешка* да бѣжи не мѣшка᷍ (Пословицы XVII в., л. 362 об.); Пожалѣть *алт҃на* потерять полтина (Пословицы XVII в., л. 365). Ст.-бел.: и мы спытали *Ганны* (Вил. гр. 1510 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 27); Смотрѣли есмо того *дѣла* (Вил. гр. 1510 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 46); ‹гдѣ бы се тымъ инокомъ ... видѣло› учыти всихъ *наукъ* (Минск. гр. 1615 г., АЮЗР, т. II, № 45); поиде боронити своеи ѡчины (Лет. Акад., л. 148 об.); а то оучилъ есми стережа своеи *головы* (Лет. Акад., л. 174 об.); На бо(р)здеи *присѧги* своее забы(л) (Лет. Крас., л. 75 об.); навчы(л)сѧ ꙗзыка Ру(с)кого (Лет. Рачин., с. 238); пилне *латины* учатъ (Дневн. Евлаш., с. 134); выслоухаи последнее *просбы* моее (Страсти Христовы, л. 3); ѡва стороже которые стер᷍ли ѓробоу їс᷍ва. пришли до мѣста (Страсти Христовы, л. 34 об.); а панна Дружнена гледела *конъца* (Ист. о Гвид., с. 141); и столечного их *мѣста* добыл (Ист. о Атыле, с. 200); Ст.-укр.: ино мы того *листа* князя Михайлова выслухавши, и то зрозумѣли (Острож. гр. XVI в., АЮЗР, т. II, № 126); ‹король› рачилъ ѡгледати *статѹтѹ* земского (Львов. гр. 1537 г., Arch. Sang., т. IV, № 80); ‹онъ› повиненъ будетъ научати правдивое *вѣры* (Брест. гр. 1610 г., АЮЗР, т. II, № 40); буду вас пытати *силы* того слова (Виш. Книжка, с. 74); ниже послушает *истинны* (Виш. Книжка, с. 96); Смотри *ряду* панского (Перестерога, 226); которыхъ *речей* научилестеся (Палин. Копыст.,

с. 320); перші отъ Христа Господа *вѣры* научени (Палин. Копыст., с. 393).

3) Родительный времени. В древнерусских памятниках широко употреблялся родительный времени, обозначавший различные отрезки времени (год, время года, месяц, день и т. д.). Родительный времени обычно представлял собою сочетание родительного падежа имени существительного с родительным падежом указательного местоимения, либо прилагательного, либо порядкового числительного (причем одна часть сочетания уточняет, конкретизирует другую), а также указывал на то, что действие, названное глаголом, занимает лишь часть времени. Приведем примеры:

Тоі же зимы придоша нѣмци (I Новг. л., л. 128); *тоі же осени* приходиша литва (I Новг. л., л. 136 об.); *тоі же ночи* і престависѧ (I Новг. л., л. 139 об.); *того же лѣта* иде Стополкъ из Новагорода (Лавр. л., л. 69 об.); *Тое же зимы* Кнѧ Юрги посла брата своего (Лавр. л., л. 155 об.); То все бы по всеї земли *одиного дні одиного ча* (Лавр. л., л. 157); *Тое же ѡсени*. Поѣха Стославъ Всеволодичь и с снмъ в Татары (Лавр. л., л. 165 об.); *Тоѣ осени* приѣхаша Борисъ и Глѣбъ (Лавр. л., л. 167); *Тое же весны* Феѡдоръ Ростислави пожже Переславль (Лавр. л., л. 171); *Другаго дни* велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ (Сл. о плк. Иг., с. 12); Бишася день, бишася другый; *третьяго дни* къ полудню падоша стязи Игоревы (Сл. о плк. Иг., с. 18); а да грамота на моквѣ *ию того лѣта* коли (город) моква погорѣла (Жал. гр. в. кн. Вас. Дмит. 1392 г., Срезн. Др. пам. 1-е).

Родительный времени употреблялся в составе устоявшихся формул при обозначении дат. В таких сочетаниях формы родительного падежа уточняют временные понятия, выраженные обычно формами винительного падежа (с предлогом или без предлога)[11]: *В се лѣ* представисѧ єпп Володимерскыи Стеѳа, *мца априлѧ* в · кѕ · дн въ чa · г · нощи (Лавр. л., л. 75 об.); и в · к · *того же мца в пѧтокъ* а ча дне Приде второе Бонакъ (Лавр. л., л. 77); *В лѣто* ѕѫ҃ѯѯ҃ѳ Престависѧ Изяславъ Глѣбовичь *мца въ Дı* (Ипат. л., л. 110); *того же лѣта* престависѧ кнзь Ꙗрополкъ *мца февралѧ въ* ѲІ *дн* (Ипат. л., л. 112); поиде

---

[11] На такое употребление форм родительного и винительного падежей при обозначении дат в древнерусских грамотах указывает В. И. Борковский. — См.: В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение). Львов, 1949, стр. 356.

надѣꙗсѧ на Бъ *мца іюлѧ въ кД* (Ипат. л., л. 136); *Тое же зимы в великое говение* сдумавъ Ꙗрославъ ... (Ипат. л., л. 238); Того же лѣта созда ... князь ... црквь ... *мца генварѧ въ первыи днь* (Ипат. л., л. 242 об.); А писанъ листъ оу Смотриꙋи по бьимъ нароженьи ·а· лѣтъ и ·т· и ·о· *пѧтого лѣта мцѧ марта оу ·зі· оу днь* стго Олеѯеѣ члвка бьѧ (Жал. гр. Подол. кн. Ал. Кориат., 1375 г., Срезн. Др. пам. 1-е, с. 265); а дана грамота на москвѣ *мца септѧбрѧ въ и индикта и в лѣт рай* (Жал. гр. митр. Киприана 1399 г., Рук. ЦГАДА).

В старорусских памятниках мы наблюдаем сокращение употребления форм беспредложного родительного падежа (в функции обстоятельства со значением частичного охвата времени действием) не в составе формул, обозначающих даты. В наших материалах встретились лишь единичные случаи такого употребления форм родительного падежа, например: А се посулили мне *Симеонова дни* сесть на Печатном дворе книги править (Аввакум. Житие, с. 92); А есть ли толко вы из Азова города *сея нощи* вон не выдете, не можете завтра от нас живы быти (Пов. об азов. взятии, с. 63); и *того лѣта* по повелѣнию Царя. . . (Пут. моск. купцов, с. 154). В составе же формул при обозначении дат (в памятниках старорусского периода) формы беспредложного родительного падежа продолжают иметь широкое распространение [12]: А пріѣхали въ Синайскую гору *въ лѣто 7092 году* (Пут. моск. купцов, с. 154); *того же году месяца апреля в 9 день* волное казачество великое Донское Войско, атаманы и казаки. . . (Пов. об Азов. взятии, с. 49); И *въ лѣто 7042-го году, декабря въ 4 день*, преставися великій князь Василей Ивановичь (Пов. Кат. — Рост., с. 560—561); Писана на Москвѣ, *лѣта 7034 Маія. въ 7 день* (Моск. гр. 1526 г., АИ, т. I, № 131); Писанъ въ нашемъ градѣ Москвѣ, *лѣта 7050 втораго мѣсяца ноября в 3-й* (Моск. гр. 1543 г., АЮБ, т. I, № 40); *Марта въ 13 день* писалъ къ намъ изъ Чердыни Ѳедосѣй Философовъ (Моск. гр. 1630 г., АИ, т. III, № 163).

В староукраинских и старобелорусских памятниках мы наблюдаем, что формы родительного падежа без предлога продолжают широко использоваться при обозначении времени, неполностью занятого действием. Ст.-бел.: *тое же зимы* ѡпѹщень Товлѹбій премь ратью ко Смоленьскоу (Лет. Акад., л. 147); Пишуть историкове, иж Атылѧ уродилъ сѧ был *того днѧ*, которого Юлиусъ Цэсар (Ист. о Атыле, с. 222); И коли былъ тот

[12] В состав формул, обозначающих даты, родительный падеж без предлога мог входить как наряду с формами винительного, так и наряду с формами местного падежа: *Нынешня 177 году, в великий пост на первой неделе* (Аввакум. Письма, с. 200).

турнаи в Орлендэи, *того лѣта* Анъцалот поставил сѧ рыцэром (Пов. о витязях, с. 29); Назавтрэе угрове, абы сами собѣ и жолнеры их зъ ѡное поражки въ непрыятелю *ночы прошлое учыненое* будучы спрацованы ѡтпочынули, положыли сѧ ѡбозом в долине Тарнокъ недалеко ѡт Потэныи (Ист. о Атыле, с. 175); Ст.-укр.: ѡ которыхжо дей кривдах *тое зимы* прошлое право ѡн з нимъ мел (Львов. гр. 1537 г., Arch Sang., т. IV, № 84); *тои ночи и тои годины* окрутною смертью погублю и мечу предамъ (Ист. о Флор. соборе, с. 461); А *нынѣшнего вѣку* зась в клюбу нѣвѣрия пръваго зовемое християнство впало (Виш. Книжка, с. 11).

Возможно также употребление форм родительного падежа в сочетании с формами винительного падежа: *на тоу [ж] зимѫ ноч[б]ра м[с]ца* пакы приходи ꙗ[л]гидрь къ Волокѫ *на Николинь дн҃ь* прииде ко Москвѣ (Лет. Акад., л. 154); твоѣ люди зъ твоее земли пришодши безвѣстьно, *сеѣ весны, канунъ Николина дня*, войною, подъ городъ нашъ Мценескъ, мѣсто выжьгли (Западнорус. гр. 1456 г., АЗР, т. I, № 58); *тыхъ часовъ, Марта третьегонадцать дня, въ суботу*, пріѣхал до Орши зъ Олександровы слободы служебникъ мѣщанина Виленского Лукаша Момонича, на имя Алексѣй (Вестов. отписки Кмиты, 1573—1574 гг.).

При обозначении дат в староукраинских и старобелорусских памятниках большей частью употребляются сочетания, состоящие только из форм родительного падежа.

Ст.-бел. : Писанъ у Воришъ *мѣсяца Марта 17 дня року 74.* (Вестов. отписки Кмиты, 1573—1574 гг.); Писанъ у градѣ Берести, *року Божого нароженья тисеча шесть сотъ десятого, мѣсяца іюня двадцатого дня* (Берест. гр. 1610 г., АЮЗР, т. II, № 40). Ст.-укр. : Писанъ у Кіевѣ, *року* и *дня вышей помененого* (Киев. гр. 1597 г., АЮЗР, т. II, № 163); Дат с Чигирина, *дня 8 генваря, року 1651* (Укр. гр. 1651 г., Вос. Укр. с Рос., т. II, № 206); Въ Минеи *мѣсяця іюня 29 дня*, на малой вечерни (Палин. Копыст., с. 476); И *нынѣшнего* часу, тую жъ проклятую унѣю на правовѣрныхъ воюючи навелъ (Переспорога, с. 230).

Изучение наших данных показывает, что развитие родительного времени от древнерусского состояния к современным восточнославянским языкам шло по двум различным линиям. В старорусских памятниках заметно сократилось употребление сочетаний родительного падежа в функции обстоятельства времени (тип *того лета*) и продолжалось употребление его в составе сочетаний, обозначающих даты, а в старобелорусских и староукраинских памятниках наряду с употреблением форм родительного падежа в составе дат продолжается широкое употребление родительного времени в сочетаниях с обстоятельственным значением. Такое положение в основном сохраняется и в наше время.

Б. При имени

1) Родительный принадлежности. Это — одно из наиболее распространенных значений приименного родительного падежа в современных восточнославянских языках. Что касается анализируемых памятников, особенно более ранних из них (памятники XI—XIV вв.), то здесь родительный принадлежности имеет несколько меньший удельный вес, поскольку в восточнославянских памятниках кроме родительного принадлежности было еще два других способа выражения принадлежности — дательным падежом существительного и личного местоимения и притяжательным прилагательным. По употребительности родительный принадлежности занимает в восточнославянских памятниках промежуточное положение — он более употребителен, чем дательный принадлежности, но менее употребителен, чем притяжательное прилагательное.

В восточнославянских памятниках родительный принадлежности и притяжательное прилагательное иногда сосуществуют в пределах одного словосочетания.

Это, во-первых, конструкции, где родительный принадлежности и притяжательное прилагательное выступают как однородные члены.

Др.-рус.: что имоуть молвити посъло великогъ *кнзѧ . и новгоръдескыи* томоу вероу имить (Гр. кн. Андрея Алекс. к мужам датск. кор. 1304 г., Гр., касающ., V). Ст.-рус.: а въ ней гробъ *Лазаревъ и сестры* его Мареы и Маріи (Пут. моск. купцов, с. 147). Ст.-бел.: алеѯа^{н}деръ сы^{н} филипо^{в} и *царевои* али^{м}пиѧды (Александрия, с. 51). Ст.-укр.: *Божью* милостью и пречистоѣ *Богоматери* (Луцк. гр. ок. 1429 г., АЗР, т. I, № 34); ижъ зносньйшая естъ *Македоніева* и его *единомисленниковъ* духоборцовъ незбожная ересь (Палин. Копыст., с 495).

Второй тип конструкций, допускающих в восточнославянских памятниках сосуществование родительного принадлежности с притяжательным прилагательным, — это конструкции с приложением. Как отмечалось ранее [13], здесь возможно сочетание двух родительных падежей (*отец князя Игоря*), сочетание двух притяжательных прилагательных (*отец княжь Игорев*), но наиболее употребительным является именно сочетание родительного принадлежности с притяжательным прилагательным. Приведем некоторые примеры.

Др.-рус.: или котораѧ буть села оца моего великомъ кнѧ-[же]ньѣ купла или моѧ села купленаѧ . или *бра* моего села *кнѧжи иванов[ы]* (Дух. гр. кн. Дм. Ив. до 1378 г., Обнор., № 29); Посла благовѣрныи и холюбивыи кнѧзь великыи Все-

[13] См. выше.

володъ Гюргеви . внукъ *Володимерь Мономаха* . сна своєго Ꙗрослава. в Переꙗславль . в Русьскыи (Лавр. л., л. 141). Ст.-рус.: Да по *государевѣ* же *царевѣ* и великого *князя Бориса Ѳедоровича* всеа Русіи грамотѣ, велѣно (Кайгор. гр. 1605 г., АЮБ, т. II, № 190); и ти израдиша полковъ ·s· Игоревъ полкъ середѣ . а по правоу *брата* его *Всеволожь* (Ипат. л., л. 223 об.); Царевну же Ксѣнію, дщерь *царя Борисову*, дѣвицу сущу, срамотнѣ счиниша надъ нею (Пов. Кат.-Рост., с. 578—579). Ст.-бел.: которое жь ꙗ *сестры* его *Барбаринꙋ* дочку за собою маю (Вил. гр. 1524 г., Лит. метр., т. I, № 135); и кнзь Ски[р]гаило Бо[ж]ею помо[ч]ю . и великого *кнзА Витовтавы[м]* приказа[н]емъ взА[л] Че[р]касы (Лет. Крас., л. 81 об.); ꙗ былъ длА того поехалъ, абых ѡт руки *пана Трыщановы* вмер (Пов. о витязях, с. 90). Ст.-укр.: Ино тых часов видело сА намъ мѣстцо вамъ зложити в ымѣни *кнАзА Кꙁьмином ивановича Жославского* (Львов. гр. 1537, Arch Sang., т. IV, № 81).

Подробно о соотношении разных способов выражения принадлежности, о недостатках и преимуществах каждого из них говорилось в главе «Согласованное определение» [14]. Поэтому мы ограничимся приведением материала, касающегося родительного принадлежности.

В древнерусских памятниках подавляющая часть случаев употребления родительного принадлежности относится, как отмечалось исследователями [15], к следующим типам конструкций: а) конструкции, где определяющее слово имеет при себе определение, приложение или управляемое слово, б) конструкции, где определяющее слово является субстантивированным прилагательным или причастием.

Конструкции первого типа: а цто грамота ѡпаснаꙗ за посадницею пецатию *Василиꙗ Ивавиць* а то ѥсма ѡдалѣ новугороду (Нибуров мир 1392 г., Schiemann, с. 286); почаша *добрыхъ люи* домы зажїгати (I Новг. л., л. 113 об.); гдѣ нынѣ *брата моего* снь (Ипат. л., л. 224 об.); ѡбломи силоу *рабъ твоихъ* (Ипат. л., л. 226); и поиде ко граду Пронску, и собра раздроблены уды *брата* своего благовернаго и христолюбиваго *князя Ольга Ингоревича* (Пов. о раз. Ряз., с. 17); хожаше по келиꙗмъ *оученикъ своихъ* (Ж. Феод. Печ., л. 49а); всАкъ бо приходАи с вѣрою. прикасаꙗсА к рацѣ мощии *стую стртую бориса и глѣба*. ту абие цѣлбу получаѥть (Чт. Б. и Г., л. 103б—в).

---

[14] См. выше.

[15] См.: В. И. Борковский. Указ. соч., стр. 355—356; С. Я. Макарова. Родительный принадлежности в русском языке XI—XVII вв. «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. III, 1954, стр. 9—15.

Как свидетельствуют древнерусские памятники, родительный падеж является единственно возможным способом выражения принадлежности, если в роли определяющего слова выступает субстантивированное прилагательное или причастие. Например: внесе в стую црквь. крты чтныа. многы мощи *стхъ.* в рака прекрасны (Лавр. л., л. 158 об.); И видя князь Ингварь Ингоревич велия трупия *мертвых* лежаша (Пов. о раз. Ряз., с. 16); бы же родителема *блженаго* преселитисѧ въ инъ градъ коурьскъ нарицаемыи (Ж. Феод. Печ., л. 27ц); идеже лежаста *стою* телеси пречьстьнѣи (Сказ. о Б. и Г., л. 19б).

Что же касается одиночного (т. е. не осложненного другими словами) родительного принадлежности, то он встречается в древнерусских памятниках весьма редко. Например: да и здѣ наполнитсѧ писаные *пѣвца* . дивенъ Бъ въ сты своихъ Бъ Изрлвъ (Лавр. л., л. 157 об.); в рѹцѣ Бии преда дхъ свои. и съвлѣкъсѧ ризы тлѣньнаго члвка. и в нетлѣньноую. и многострьноую ризоу ѡболкъсѧ Хѵ (Ипат. л., л. 129 об.); дружину твою, Княже, *птиць* крили прїодѣ, а звѣри кровь полизаша (Сл. о плк. Иг., с. 34); и въшьдши въ ѥдинъ манастырь *женъ* и тоу остризисѧ (Ж. Феод. Печ., л. 32г).

Старорусские, старобелорусские и староукраинские памятники XV — перв. пол. XVII в. в отношении условий употребления родительного принадлежности не отличаются сколько-нибудь заметно от рассмотренных выше древнерусских памятников. По-прежнему родительный принадлежности используется при наличии определения, приложения или управляемых слов или же там, где определяющее слово является субстантивированным прилагательным или причастием. Однако случаи употребления одиночного родительного принадлежности становятся в восточнославянских памятниках XV — перв. пол. XVII в. более частыми, чем в памятниках XI—XIV вв. Эта тенденция к замене притяжательного прилагательного родительным принадлежности проявляется в этот период вполне отчетливо, хотя и гораздо слабее, чем в более поздних памятниках восточнославянских языков (XVIII—XIX вв.). Имеющийся у нас материал не позволяет согласиться с замечанием М. Виднэс о том, что выражение принадлежности родительным падежом при отсутствии прочих определений возникло в русском языке только в XVIII в.[16]

---

[16] См.: М. В и д н э с. О выражении принадлежности притяжательным прилагательным и родительным падежом принадлежности в русском языке XVIII—XIX вв. — В сб.: «IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии», т. II, М., 1962, стр. 177—178.

Конструкции с родительным принадлежности, осложненным определением, приложением или управляемым словом, весьма многочисленны в памятниках XV—XVII вв. Несколько примеров:

Ст.-рус.: а называет де тѣ пожни *осподаря своего* землею (Моск. гр. 1501 г., АЮБ, т. 1, № 55, II); и ему тѣхъ своихъ хоромъ на межѣ *сосѣда своего* не ставити (Улож. 1649 г., с. 77); Медъ каплетъ ѿ ѹстъ *жены блѫдницы* (Пословицы XVII в., л. 355 об.); и изметъ насъ изъ рукъ *тѣхъ враговъ нашихъ*, аки агнецовъ. изо устъ волчіихъ (Пов. о Рос. царстве, с. 190); и стопы *святаго Апостола Павла* на камени воображени добрѣ (Пут. Зосимы, с. 61); Как бы мне мочь *Илии пророка*, всех бы еретиков тех, яко Илия, ножем переколол за владычицу ту (Аввакум. Письма, с. 261). Ст.-бел.: Хоружство *Айсы Азаровича* повѣту Троцкого (Сп. татар. дом., с. 1371); седилемъ у столу *кнезя Балтромея Недызвицкого, каноника виленского*, зъ преднейшыми слугами свлохами его (Дневн. Евлаш., с. 129); Битва Бовова з воиском *короля Маркобруна* (Ист. о Гвид., с. 158); и вбравшы тѣло *короля Аполона* ꙗк ест потребно, положыл его въ кошт (Пов. о витязях, с. 2—3); ꙗ есмъ ꙗлеѯа ᷈ деръ сы᷈ *царꙗ фили᷈па*. македо᷈ского (Александрия, с. 32). Ст.-укр.: маеетъ па᷈ того села запла[ти]ти имѣньемъ *того збѣгло[г]о чоловѣка* (Галич. гр. 1435 г., Укр. гр., № 73); о которыхъ его выступкахъ мало не весь свѣтъ вѣдалъ и доносилося до ушью *княжати пана воеводы Кіевского* (Переторога, с. 207); Новина, или Вѣст, о обрѣтении тѣла *Варлаама, архиепископа* охридскаго града, в градѣ Велис убитаго и в рѣку Вардар въвръженнаго (Виш. Книжка, с. 9); Евгеній, слуга *слугъ Божихъ*, бискупъ Римскій (Ист. о Флор. соборе, с. 437).

В старорусских, староукраинских и старобелорусских памятниках находим большое количество примеров, где родительный принадлежности выражен субстантивированными прилагательными и причастиями.

Ст.-рус.: да око[л]ничему на убитомъ полътина, да за доспе[х] *убита*[*г*](*о*) три рубъли (Суд. Фед. Ив., с. 14); и того убойца по томуже казнити смертію, да изъ животовъ его взяти *убитого* кабалныя долги (Улож. 1649 г., с. 11); отъ давнаго сего дѣла со усердіемъ желаше и во крови *праведнаго* руцѣ свои обагри таковаго ради хотѣнія своего (Пов. Кат.-Рост., с. 565); Разумъ *премудраго* яко потопъ умножится (Письма Ив. IV, л. 176); Надо всеми же сими восприимше щит веры, в нем же возможете вся стрелы *лукаваго* разжженныя угасити (Аввакум. Письма, с. 203). Ст.-бел.: струга малючка, котораꙗ была посеред полꙗ, нагле забравшы ꙗкъ поток трупы *забитых* за собою ѡтносила (Ист. о Атыле, с. 193); и тые витези, што были товарышы *подъчашого*, говорыли королю Артиушу (Пов. о витязях, с. 96). Ст.-укр.: десницею *вышнего* царскую

воспріялъ еси діадиму (Укр. гр. 1624 г., Вос. Укр. с. Рос., т. I, № 22); Отожъ маешъ згоду, которая кровью ся *святыхъ* обливает (Отв. клир. Острож., с. 404); и видѣ тѣло *блаженнаго* наверх воды изнесенное (Виш. Книжка, с. 125—126); предъ лицемъ *сивого* повстанешъ (Палин. Копыст., с. 460); той абовѣмъ *вѣрныхъ* каменемъ естъ (Палин. Копыст., с. 501);

Цепочку родительных падежей мы находим в памятниках при обозначении принадлежности нескольким лицам. Например: Есть дворъ Пилатовъ, въ немъ же живетъ нынѣ Амиръ; есть дворъ *Анны* и *Каіфы*, въ нихъ же нынѣ Срацыни живутъ (Пут. Зосимы, с. 65); И оттуду идохомъ въ Сехимъ Аравскій, иже зовется: Рахиль, идѣ-же есть гробъ *Авраама*, *Исаака*, *Іякова*, *Сарры*, *и Ревеки* (Пут. Зосимы, с. 66); на другой странѣ улицы подъ горою, домы *Анны и Каіафы* засыпаны землею (Пут. моск. купцов, с. 144).

Наибольший интерес представляют для нас примеры, где употребление родительного принадлежности не обусловлено рассмотренными выше факторами (действовавшими уже и в древнерусских памятниках). Эти конструкции с одиночным родительным принадлежности вполне могли быть заменены синонимичными конструкциями с притяжательным прилагательным. Значительное увеличение удельного веса этих конструкций в восточнославянских памятниках XV—XVII вв. свидетельствует о развитии тенденции к вытеснению притяжательного прилагательного родительным принадлежности. Приведем некоторые примеры с одиночным родительным принадлежности.

Ст.-рус.: И князецъ *Новогородка* сказалъ судьѣ про Петра (Отрывок розыскного дела XVI в., АИ, т. I, № 140); «Лѣпше, рече, лоза *пріятеля*, нежели ласкательные целованія вражіи» (Письма Курб., с. 467—468); Мыль *чл҃вка* sa гарами а смерьть его за плечами (Пословицы XVII в., л. 355); Нѣсть красна пѣснь во устѣхъ *грѣшника* (Пословицы XVII в., л. 356 об.); Седьмая церковь Успеніе, Святыя Богородицы, монастырь *черноризицъ* (Пут. Зосимы, с. 65); есть дворъ Іоакимовъ и Аннинъ, *отца Богородицы* (Пут. Зосимы, с. 65); по Господню повелѣнію, взято тѣло *Богородицы* изъ гроба, идѣже Богъ вѣсть (Пут. моск. купцов, с. 147); Попустил им Христос, предал нас в руки *враг* (Аввакум. Письма, с. 241); И есть купель *Соломона*, пять притворъ имуще, внутрь града Іерусалима стояще; есть купель *Силуамля*, внѣ града Іерусалима стояще (Пут. Зосимы, с. 65)[17].

Ст.-бел.: То естъ *бояръ* село Аксентевичи (Вил. гр. 1470 г., АЮЗР, т. II, № 74); заню тые пѣнязи ѿ братовъ *езопа* чере

[17] Особенно интересен последний из приведенных примеров: здесь в аналогичных условиях употребляются то родительный принадлежности (*купель Соломона*), то притяжательное прилагательное (*купель Силуамля*).

ѡцѣ старого законоу. исходаче ѿ дного до дроуго. дивно неразлоучоны прешли. до соломона (Страсти Христовы, л. 1); почаⁱ се перемена^т во ѡсобѣ смоковѣю, а тикаючи проти^в ковнатѣ *али*ⁿ*пиады* почаⁱ лета^т (Александрия, с. 27); вышли з мѣста и ѣпали переⁱ ноги *алеѯа*ⁿ*дра* просячи его ѡ горла (Александрия, с. 54); и дали тому мѣстцу имⁱ Кэвегаза, то ест дом *Кэвы* (Ист. о Атыле, с. 176); коли не вчыниш на волю *панны* абы ти чого злого не вчынила (Пов. о витязях, с. 18). Ст.-укр.: Духъ Господень на Мнѣ, то есть: Духъ *Отца* на Мнѣ, Сынѣ Его (Ист. о Флор. соборе, с. 442); Пороскопывали есте гробы продковъ, порушили есте кости *отецъ* (Отв. клир. Острож., с. 406).

2) Родительный с у б ъ е к т а. Близко к значению родительного принадлежности примыкает значение родительного субъекта. Родительный субъекта почти всегда стоит при отглагольных существительных и указывает на действующее лицо.

В древнерусских памятниках примеры родительного субъекта единичны. Например: и видѣвъ ненавидⁱ рода чл҃вц^а дїаволъ оумноженїа *чл҃вкъ*. створи имъ клан^тисⁱ идоломъ (Чт. Б. и Г., с. 89г); вижь течение *сльзъ* моихъ ꙗко рѣкоу (Сказ. о Б. и Г., с. 14в).

В дальнейшем в памятниках старорусских, старобелорусских и староукраинских этих примеров находим гораздо больше, встречаются они в памятниках всех жанров.

Ст.-рус.: и тою-де щелію Господь нашъ Іисусъ Христосъ во адъ сходилъ на воскресеніе *мертвыхъ* (Пут. Гогары, с. 113); и по повелѣнію Турскаго *Кадія*, людіе его отомкнухъ храмъ (Пут. Гогары, с. 119); Туто есть, сказываютъ, потонула трапеза, сирѣчь престолъ, сотворенье *Царя Константина* отъ драгихъ камений и отъ иныхъ вещей драгихъ (Пут. моск. купцов, с. 137); ⟨Господь⟩ не выдай нечестивым создания *рук* своих (Пов. об азов. взятии, с. 73); ⟨Новая повѣсть о преславномъ Російскомъ царствѣ⟩ и о крѣпкомъ стояніи *града Смоленска* (Пов. о Рос. царстве, с. 187); яко нашествіе *иноплеменныхъ* безъ тяшкія казни и жестоково отомщенія возможетъ проити? (Пов. Кат.-Рост., с. 608); Се ли тщание *измѣнниковъ* нашихъ? (Письма Ив. IV, с. 82); О воскресении *мертвых* (Аввакум. Письма, с. 274—275); А то влагодящее сердце, — какому пришествию *духа* быть? (Аввакум. Письма, с. 288). Ст.-бел.: тогды Господаръ маеть уставити опекуна на тые именья, хто бы земскую службу заступил и для неприеханя *сына*, або *брата* имения не тратить (Лит. ст. 1529 г., с. 21); И в то[т] часъ по выеха[н]ю *кн҃зⁱ* великого *Скирмо*[*н*]*та* зъ зе[м]ли Латыгольское прышли Нѣмцы (Лет. Рачин., с. 236); По выеханью *казаковъ и Литвы*, тогды было зиме ни зима (Лет. Баркул., л. 154 об.); въ року отъ нароженя *сына* Божого 1546 (Дневн. Евлаш., с. 128); лѣта отъ нароженья *Сына Божого* 1612 (Вил. гр. 1612 г., № 183). Ст.-укр.: писанъ листъ оу галичи

на вилью. оушестьѧ свѧтого *дха* (Галич. гр. 1404 г., Укр. гр., № 37); ꙗкъ скоро приехане *кнѧзѧ маршалка Его Милости* бꙋдет (Луцк. гр. 1544 г., Arch. Sang., т. IV, № 304); Паметни ми будучи милости его царского величества за битности в Путивлі *боярина князя* Семена Василіевича Прозоровского (Укр. гр. 1652 г., Вос. Укр. с Рос., № 88); О отступенью *Грековъ* (Отв. клир. Острож., с. 427); А если же так великий подвиг на воскресение *души* от мирскаго страстного навыкновения, яко и над чюдотворную благодать ся судит (Виш. Послания, с. 166); Якож вы явные во образѣ быти звыклые ступнѣ ко приближению небеснаго *бога* знати маете? (Виш. Книжка, с. 52—53); Видите ли, згоду вяжучие, вашу самых вѣру, яко воскресению *мертвых* не вѣруете! (Виш. Книжка, с. 57); ⟨которыхъ⟩ не допущалъ, частью тежъ, по обмовѣ *Кирилла* (Пересторога, с. 210); о исхождению *Пресвятого Духа* отъ самаго Бога и Отца вкоротцѣ предложилося (Палин. Копыст., с. 322); А то не презъ вступлене *поганъ* въ овчарню Жидовскую (Палин. Копыст., с. 437); и погребенъ былъ на цментару церкве брацкой, Успенія Пречистои *Дѣвы Богородици* (Палин. Копыст. с. 470)

3) Родительный о б ъ е к т а так же, как и родительный субъекта, употребляется при существительных, обозначающих действие; при этом он обычно указывает на предмет (реже на лицо), на которое направлено действие. В д р.-р у с. памятниках находим мало примеров: Земли же сгрѣшивши которои любо . казнить бъ смртью. или гладомь. іли наведениемь *поганыхъ* (I Новг. л., л. 125 об.); по размѣшеньи же *столпа* и по раздѣленьи ꙗзыкъ приꙗша снве Симови восточныꙗ страны (Лавр. л., л. 2 об.); ⟨старѣишина ... шедъ⟩ възвѣсти ꙗ҇му всѧ ꙗже о стою и о паленнии *цркви* (Чт. Б. и Г., с. 105а—б); се же блжныи сътвори не похоти р҃ди телесныꙗ не буди то но закон҃ ради прьского и послушанꙗ ради *оц҃а* (Чт. Б. и Г., с. 94б—в); О оканьнии си ли слышалъ что ре҃ бъ. каину о оубиствѣ *брата* своѥго (Чт. Б. и Г., л. 97а).

Количество случаев употребления родительного объекта увеличивается в восточнославянских памятниках XV—XVII вв.

С т.-р у с.: Яко возлюбил мя еси прежде сложения *мира*. (Моск. гр. 1572 г., Дух. дог. гр., № 104); ⟨тако же бы молили Бога⟩ о укрѣпленіи христолюбиваго *воинства* (Стоглав, с. 61); О плѣненіи *царя Василіа* и о смерти его и о разореніи *града Москвы* (Ст. о Смуте, с. 1308); и по распятии *Господа* нашего Іисуса Христа повелѣша крестъ Христовъ и разбойничьи сохранити въ гору (Пут. моск. купцов, с. 144); Ангелъ благовѣстилъ Богородицѣ о зачатии *Господа* нашего Іисуса Христа (Пут. Гогары, с. 112); почали в трубы трубить в великия для собрания *силы и полков* (Пов. об азов. взятии, с. 71); Видѣвъ

же той прежереченный многодушьный губитель и злый разоритель великого *государства* крѣпкое и непреклонное того столпа стояніе (Пов. о Рос. царстве, с. 204); и на пролитіе *крови* и на убіеніе дерзостенъ и неумолимъ (Пов. Кат.-Рост., с. 620); отъ сего много пролитія *крови* христіянскія бысть (Письма Ив. IV, л. 160 об.); Спаси бог, миленькие батюшки, очистники всего *мира*, и меня очистили, поганца (Аввакум. Письма, с. 256); а жгущая отъимется и послется тамо же в тартар на врагов божиих, казителей *закона* (Аввакум. Письма, с. 265); мучься за сложение *перст* (Аввакум. Житие, с. 109). Ст.-бел.: ѡ створителю *неба* и *земли*. ѡ цр҃ю всего створенїа (Страсти Христовы, с. 4 об.); Тежъ уставуем давность земскую от выданя *правъ* (Лит. ст. 1529 г., с. 12); за которы(м) ѡбра(н)ѣмъ *Алекса(н)дра* на короле(в)ство Польское зъедноче(н)е сѧ стало коруне Польско(и) з велики(м) кн҃з(с)тво(м) Лито(в)ски(м) (Лет. Рачин., с. 277); але иж кроиника угорскаѧ стараѧ тот час побитьѧ тых *панен* быти поведаеть (Ист. о Атыле, с. 208); А потомъ погребъ *тела* пана Першкова отправеный былъ 4 дня вересня (Дневн. Евлаш., с. 159); о нарушенье одъ отца Ипатія Потѣя *реліи* старожитное Грече҃ское (Вил. гр. 1605 г., АЮЗР, № 21); и после ѵвязаныѧ *служебника* пана воеводина Пухлякова служилъ мне три годы (Вил. гр. 1514 г. Лит. метр., т. I, кн. 1, № 104); с[о]лнце заᵀмѣло не хотѧчи взглꙗдаᵀ на ѡное великое выліᵀе *крови* (Александрия, с. 48). Ст.-укр.: усердный пособник и благоподвижный в делании и исправлении *книг* печатных (Укр. гр. 1624 г., Вос. Укр. с. Рос., № 23); просили есмо з обои сторо҃ ѡ҃ приложенье *печатеᵂ* (Кихв. гр. после 1500 г., Палеогр. изб., № 14); ⟨свой листъ дали⟩ на потверженіе тыхъ *границь и врочищь* (Зудечев. гр. 1421—1428 гг., АЗР, т. I, № 30); Что бо за чин в нашей церквѣ нынѣ на принятье *стану* духовнаго? (Виш. Послания, с. 164—165); ⟨утекав⟩ Василий Великий в пустыню на исцеление *страстѣй* (Виш. Позорище, с. 212); И сталося по яденіи *хлѣба* и питіи *воды* (Отв. клир. Острож., с. 395); безпеченство уродило недбал'ство и запамятанье всѣхъ *цнот*ы (Отв. клир. Острож., с. 419); Скоро по ономъ синодѣ а по з'глажен'ю съ того свѣта *Иосифа патріархи*, послалъ папа Евгеній до Константинополя (Ист. о Флор. соборе, с. 467); учители и строители *церкви* Божіей и книги друкованые почали множитися (Переспорога, с. 206); личбу отъ створенья *свѣта* змѣнилъ и скоротилъ (Переспорога, с. 228); Рекши абовѣмъ *прологовъ* собратель (Палин. Копыст., с. 496); гдѣ естъ отпущеніе *грѣховъ*, тамъ естъ церковь (Палин. Копыст., с. 404); а до знесенья нѣкоторыхъ отступничихъ *утечокъ*, за помочью тоюжъ Божею, поступую (Палин. Копыст., с. 372).

В ходе развития восточнославянских языков наблюдается процесс постепенного увеличения употребительности родитель-

ного субъекта и родительного объекта за счет вытеснения прилагательных в функции субъекта и объекта [18]. Т. П. Ломтев справедливо указывает, что преимущество родительного падежа заключается в том, что родительный падеж позволяет различить единственное и множественное число соответствующих существительных, не различающиеся в синонимических конструкциях с относительным прилагательным. Например, «в выражении *книжное чтение* нет указания на то, читается ли одна книга или несколько» [19].

Т. П. Ломтев отмечает также, что словосочетания типа *Игорево убийство*, *братне послушание* «неудовлетворительны для выражения потребности различать выражение объекта и субъекта» [20], объясняя этим «факт постепенного отмирания употребления имен прилагательных в функции субъекта и объекта действия, выраженного именем существительным, к которому относится имя прилагательное» [21].

С этим последним замечанием Т. П. Ломтева вряд ли можно согласиться.

Как показывают тексты восточнославянских памятников, субъектное значение обычно четко отграничивается от объектного (независимо от того, выражается ли оно прилагательным или же родительным падежом существительного): в конструкциях, где поясняемое существительное образовано от непереходного глагола (*бытность*, *выехание*, *пришествие*, *стояние*, *тщание* и т. п.), всегда обозначается только субъект действия (*течение слезъ*, *нашествие иноплеменныхъ* и т. п.); в конструкциях, где поясняемое существительное образовано от переходного глагола и обозначает действующее лицо (*казнитель*, *очистник*, *собратель*, *створитель* и т. д.), напротив, всегда обозначается только объект действия (*разоритель государства*, *створитель неба*, *очистники мира* и т. п.). Лишь в конструкциях с существительным, образованным от переходного глагола и обозначающим процесс действия (*пленение*, *послушание*, *раздѣление*, *собрание*, *убийство*, *укрепление* и т. п.), может обозначаться как субъект, так и объект действия. В этих конструкциях для выяснения значения словосочетания необходим контекст.

Следует отметить, однако, что в подобных конструкциях прилагательное (или родительный падеж существительного) служит, как правило, для выражения объекта. Например:

[18] Однако отдельные случаи употребления прилагательных в функции субъекта и объекта встречались еще и в XIX в., например: «Приход *Олегов* к нам раздоры окончает» (Озеров, Ярополк и Олег, I, 1); в деле о *Дмитриевом* убиении (Карамзин) (примеры заимствованы из кн.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в системе словосочетаний». М., 1964, стр. 138).

[19] Т. П. Ломтев. Указ. соч., стр. 457.

[20] Там же, стр. 456—457.

[21] Там же, стр. 457.

Стославъ же бѣ начало *выгнанью браню.* желаꙗ болшее власти (Лавр. л., л. 61 об.); ѡ *оубьеньи Андрѣевѣ.* В то же лѣ оубьенъ бы. великыи кнꙗзь Андрѣи (Лавр. л., л. 124); напередъ патріярха да изберетца царь на царство, и потомъ *патріаршеское избраніе* произволно будетъ! (Пов. Кат.-Рост., с. 582); Въ четвертый же день *убіенія Ростригина* пріидоша на Лобное мѣсто боляринъ князь Василей Ивановичь Шуйской и со иными многими (Пов. Кат.-Рост., с. 582); Но аще мы умолчимъ о премененіи частыхъ *законовъ* вашихъ, но вещь возопіетъ (Письма Курб., с. 367); длꙗ утраченьꙗ *паненства* своего упросила Брагиню, абы вмѣсто еи с королем на ложы была тую первую ноч (Пов. о витязях, с. 86); Таковый бо вам и ключ ко отверзению *царства* небесного Христос оставил (Виш. Книжка, с. 93); Субъектное значение прилагательного (или родительного падежа существительного) встречается редко. Например: царевичь Дмитрѣй избавленъ от смерти и *отъ Борисова гоненія* (Пов. Кат.-Рост., с. 577).

Таким образом, в конструкциях с относительным прилагательным неразличение субъекта и объекта, о котором пишет Т. П. Ломтев, наблюдается лишь там, где поясняемое существительное образовано от переходного глагола и обозначает процесс действия. К тому же употребление в этих случаях синонимичных конструкций с родительным падежом существительного не избавляет от омонимии: конструкция *послушание брата* в восточнославянских памятниках столь же двусмысленна, как и конструкция *братне послушание* (она может означать: а) 'брат подчиняется N'; б) 'N подчиняется брату').

Место родительного принадлежности, субъекта и объекта по отношению к поясняемому слову. Как в восточнославянских памятниках XI—XIV вв., так и в более поздних памятниках (XV—XVII вв.) родительный приименный, употребляющийся в одном из указанных значений, чаще всего стоит после поясняемого слова. Однако для памятников это размещение не является, в отличие от современных восточнославянских языков, единственно возможным: мы встречаем в памятниках также и примеры препозиции родительного принадлежности, субъекта или объекта. Приведем несколько примеров препозиции приименного родительного без предлога в восточнославянских памятниках.

Др.-рус.: а ѡсетрьникоу твоюмоу ꙗздити в ладогоу. по *ѡца твоюго* грамоте (Новг. гр. 1265 или 1264 г., Шахм. О языке, № 2); полагаху *жертвеныхъ ѡвець* утробы (К. Тур., VI, с. 36). Ст.-рус.: а *то села* пожнꙋ на ѣмци (Двин. гр. XV в., Шахм. Исслед., № 134); *Того монастыря* близъ стѣны стоятъ 2 болвана каменны, велики (Пут. Зосимы, с. 62); и *всѣхъ прародителеи*

души погубилъ еси (Письма Ив. VI, л. 127 об.). Ст.-бел.: записалъ *именьꙗ своего* третюю часть двумъ сестрамъ своимъ (Вил. гр. 1524 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 135). о томъ знать *жадного чоловека* не была воля (Дневн. Евлаш., с. 155). Ст.-укр.: да *помощи* руку подаст нам (Укр. гр. 1653 г., Вос. Укр. с Рос., т. III, № 186); И такъ, за *всѣхъ* волею, зложенъ и назначенъ былъ съборъ в' сторонахъ Влоскихъ (Ист. о Флор. соборе, с. 434); Имѧ есть часть слова, *вещи* нареченіе (Грам. Смотр., с. 329).

4) Родительный меры и количества. Общая тенденция к разграничению функций между словосочетаниями с прилагательным и словосочетаниями с существительным в косвенном падеже действовала в восточнославянских языках с древнейших времен, однако, по наблюдениям исследователей, этот процесс не закончился и в настоящее время [22].

В восточнославянских памятниках соотношение словосочетаний существительного с прилагательным и словосочетаний существительного с существительным в родительном падеже различно для разных видов отношений. Если рассмотренные выше отношения принадлежности выражаются обычно словосочетаниями с прилагательным, а при выражении субъектных и объектных отношений словосочетания с прилагательным и словосочетания с родительным падежом имеют почти равную употребительность, то отношения меры и количества к целому уже в древнерусских памятниках выражаются преимущественно словосочетаниями с родительным падежом [23].

Родительный меры и количества может относиться: а) к существительному; б) к наречию или наречному местоимению; в) к количественному числительному.

а) Приведем некоторые примеры, где родительный меры и количества относится к существительному.

Др.-рус.: Дають кнагинѣ моеи *прибытъка* половину (Гр. в. кн. Сим. Гордого, 1353 г., Обнор., № 28); вирьникоу взати ·ҙ·вѣдеръ *солодоу* (Рус. пр. по Акад. сп., л. 116а об. — 116б); подасть ємоу гривьноу *злата* (Ж. Феод. Печ., л. 45б); коупити хлѣбъ. по .и. кунъ а *ржи* кадь (I Новг. л., л. 111—111 об.); сберѣте аче и по горсти ѡвса (Лавр. л., л, 44). Ст.-рус.: ѿ оулици другаѧ полоса. *земли* (Двин. гр. XV в.. Шахм. Исслед., № 23); і даша на неі василеі ігуменъ. ларивону н̄ бѣ̂. і пдть.

[22] См.: В. М. Павлов. О разрядах имен прилагательных в русском языке. — ВЯ, 1960, № 2, стр. 68; «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в системе словосочетаний», стр. 130—132.

[23] К этому выводу приходили и другие исследователи. Ср.: Г. Г. Полищук. Некоторые вопросы грамматической синонимии. Автореф. канд. дисс. Саратов, 1954; В. Л. Георгиева. Некоторые вопросы истории относительных прилагательных в русском языке. «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 130, 1957, стр. 34.

да стогъ *сѣна* (Двин. гр. XV в., Шахм. Исслед., № 23); прислала сковородку *пшеницы* (Аввакум. Житие, с. 79); да кугалъ *воды* теплыя (Пут. Гогары, с. 114); ворох *злата* не у нас у брата (Пословицы XVII в., л. 332 об.). Ст.-бел.: давши на каждую таковую подъводу *живности*, которая до обозу нашого проважона быти маеть, то естъ *муки* полъ бочки (Вил. гр. 1563 г., РИБ., т. XXX, кн. 7, № 24); а перед ним лежалъ бохон *хлѣба* и вино (Ист. о Гвид., с. 144); и чашу забытного *питьѧ* дала ему (Ист. о Гвид., с. 153). Ст.-укр.: а иде с не колода (ь) *медꙋ* (Киев. гр. 1427 г., Укр. гр., № 58); даеть ведро *медꙋ* (Южнорусск. гр. 1458 г., Укр. гр., № 91); с кад[ь]ю *меду* (Брасл. гр. 1498 г., РИБ, т. XXVII, кн. 5, № 216).

б) При наречиях и наречных местоимениях *много, мало, сколько, столько, колико, полно* и т. п. также встречаем родительный меры и количества, широко употреблявшийся в памятниках восточнославянской письменности.

Др.-рус.: и инехъ много оумныхъ добрыхъ *людѣи* (Смол. гр. 1229 г., сп. А); то колико *ихъ* боудеть крало (Рус. пр. 1282 г., с. 95); нъ оуне ѥсть мнѣ одиному оумретꙋ нежели толику *душь* (Чт. Б. и Г., л. 98а); мало *дн҃ии* молѧсѧ има (Чт. Б. и Г., л. 114г — 115а); і інѣхъ *кнзии* нѣколико поідоша к раковороу (I Новг. л., л. 144). Ст.-рус.: А не будетъ у котораго татя столько *статков* (Суд. Ив. IV, с. 223); сколько *человѣкъ* пригоже (Улож. 1649 г., с. 48); и колико тогда *народу* христіянского погубили (Письма Ив. IV, л. 166); мало попошло *крови* (Аввакум. Житие, с. 106); и много *паденія* бысть (Пов. Кат.-Рост., с. 601); и въ немъ полно *воды* стоитъ (Пут. Гогары, с. 114). Ст.-бел.: А где бы такъ много тое *живности* съ ѳольварковъ нашихъ не могъ еси способити (Вил. гр. 1563 г., РИБ, т. XXX, кн. 7, № 24); Бжьею силою тꙋ не мало *чюде(с)* сотвориша (Лет. Акад., л. 181); и *невѣ(ст)* Тата(р)скихъ нѣсколько ꙋбили (Лет. Рачин., с. 283); *людей* нашихъ сила погинуло (Дневн. Евлаш., с. 145); досыть *богатствъ*, досыть *трыумфов* и *славы*, досыть *зацности* уво всих народов достал (Ист. о Атыле, с. 220—221). Ст.-укр.: *иныхь* велѣ при томь добрыхь было (Львов. гр. 1412 г., Укр. гр., № 44); *татар* много побито (Укр. гр. 1654 г., Вос. Укр. с Рос., т. III, № 230); Але всѣ, иле естъ *ихъ* ⟨розумѣютъ⟩ (Палин. Копыст., с. 357); ⟨мѣлъ ... торбочку⟩ въ которой колько *червоныхъ* было (Пересторога, с. 216).

в) Родительный меры и количества широко употреблялся в восточнославянских памятниках при количественных числительных.

Др.-рус.: по 30 *рѣзанъ* платити моужеви (Рус. пр. по Акад. сп., л. 51—51 об.); і докончаша миръ на двоу тысѧсю *серебра* (I Новг. л., л. 161 об. — 162); Ꙗрославомъ пать *дн҃овъ* стоѧти

(Ипат. л., л. 196). Ст.-рус.: по осмидесятъ *пудовъ* соли; избиша семьдесятъ *сыновъ* Гедеоновыхъ (Письма Ив. IV, л. 142); блудил седмь *дней* (Аввакум. Житие, с. 82). Ст.-бел.: а тѣхъ людей пять *братенниковъ* (Витеб. гр. 1406 г., Археогр. сб., т. I, № 1); и не досше(д) до Ви(л)ни за шесть *миль* (Лет. Акад., л. 158—158 об.): з которого походили семъ *звѣздъ* (Александрия, с. 25). Ст.-укр.: и за злые два дни 40 *дний* добрых намѣщает (Виш. Книжка, с. 42); Тут теды вас вопрошу в доконченю тых пяти *стопней* (Виш. Книжка, с. 56); послал 12 *апостолов* (Палин. Копыст., с. 423).

Как видим из примеров, изменения в употреблении родительного меры и количества при существительных, числительных, наречиях и наречных местоимениях в современных восточнославянских языках не произошло.

5) Родительный косвенного объекта (при имени прилагательном).

Примеров родительного падежа при имени прилагательном в восточнославянских памятниках встретилось очень немного. Существительное в родительном падеже может употребляться как при предикативном прилагательном, так и при атрибутивном. В обоих случаях родительный падеж существительного имеет значение косвенного объекта. Следует отметить, что прилагательные, способные управлять родительным падежом, лексически ограничены на протяжении всей истории восточнославянских языков. Однако в современных восточнославянских языках наблюдается большая их употребительность по сравнению с древнерусским периодом, т. е. процесс шел в сторону расширения использования таких конструкций.

Так, в древнерусских памятниках мы не находим примеров родительного при прилагательном в роли определения и можем привести лишь один случай при прилагательном в составе именного сказуемого: и кто *чего* достоенъ и какому рукоделию (Домострой) [24]. Такие примеры дают нам памятники восточнославянской письменности XV — перв. пол. XVII вв. Но и здесь мы встречаем предикативные прилагательные лишь в краткой форме. По мнению исследователей, при сказуемом — полном прилагательном первые случаи употребления зависимых слов появляются лишь в XVII в.[25]

Приведем примеры употребления зависимых слов при предикативных прилагательных в краткой форме.

---

[24] Этот пример приводится в работе: А. А. Шумилова. О зависимости управления при прилагательных от их лексического значения (на материале памятников XV—XVI вв.). «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», т. CXXXII, вып. 8, 1958, стр. 292.

[25] См.: Н. Ю. Шведова. Возникновение и распространение предикативного употребления членных прилагательных в русском литературном языке XV—XVIII вв. «Докл. и сообщ. Ин-та русского языка АН СССР», вып. 1, 1948, стр. 110—111.

Ст.-рус.: и зато великаго *наказанія* достоинъ (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 19); то такихъ *казнеи* за свою злобу былъ еси достоинъ (Письма Ив. IV, л. 173); и се отвѣтъ, премудрыи Иване, не твоего разума, ко отвѣщанію истинны *недоуменія* полонъ (Письма Курб., с. 336); чюдо преславно и *ужасу* достойно (Аввакум. Письма, с. 186); *Хлопотъ* полонъ ротъ (Пословицы XVII в., л. 374). Ст.-бел.: и *провабы* еси была во всем послꙋшна (Троцк. гр., Arch Sang., т. III, № 42); *росказа(н)а* его не суть послу(ш)н(и) (Лет. Рачин., с. 284); коли уже есть вине *смрти* (Страсти Христовы, л. 23); ⟨мѣсто⟩ годно вечное *памѣтки* (Ист. о Атыле, с. 173); было полно *плачу* и жалостного *нареканꙗ* (Ист. о Атыле, с. 222); а тые ѡстровы полны добрых *людеи* и всѧкого *добра* (Пов. о витязях, с. 70). Ст.-укр.: а ко нам друголюбив і всякого *добра* желателен (Укр. гр. 1650 г., Вос. Укр. с Рос., т III, № 98); Яко гроби зверху оздобне украшены, а внутрь *смроду* полны (Отв. клир. Острож., с. 378); такъ и свѣдоцтво его годно *вѣры* (Отв. клир. Острож., с. 428); Сия словеса истовыя басни суть, ниже *отвѣта* достойни (Виш. Послание Домникии, с. 168); божественнаго убо *приобрѣтенія* чюжд да будетъ (Палин. Копыст., с. 333).

Встречены случаи употребления родительного падежа при атрибутивных прилагательных краткой и полной формы.

Ст.-рус.: налился среди реки полон *воды* (Аввакум. Житие, с. 70); а в первой день в приступное время видеху ланпаду, полну *слез* от евѡ образа (Пов. об азов. взятии, с. 79); Кубокъ же стояше на окнѣ полонъ отравного *зелія* (Пут. моск. купцов, с. 150). Ст.-бел.: але ся добрыми людми годными *веры* высветчил (Лит. ст., с. 103); ме самъ толко Панъ Богъ, *хвалы* вечное кгодный, вызволилъ (Дневн. Евлаш., с. 137). Ст.-укр.: А в томъ одинъ, побожного *сердца* и *умыслу* философского і богословского *розуму* полный... пришедши до него, мовилъ... (Ист. о Флор. соборе, с. 468); свѣдка пріймы *чести* годного и святого архіепископа (Палин. Копыст., с. 502); крыетъ свое имя у своих книжкахъ, полныхъ всякоѣ *прелести* и подпокрытья свѣтлости (Пересторога, с. 225).

В памятниках восточнославянской письменности находим родительный падеж при соотносительных глаголах, причастиях и прилагательных, управление которых одинаково, например: священного *писанія* преполонъ (Письма Курб., с. 147); испълнь бо ѥсть *пользы* слово се (Ж. Феод. Печ., л. 26д); иже бѣ испълънѥнъ *дха* стго (Ж. Феод. Печ., л. 58а); Ѳеодосии напълнивъсѧ стого *дха* (Ж. Феод. Печ., л. 58б); и наполнишася людіе *гнѣва* (Пов. Кат.-Рост., с. 611); и *горести* исполнися (Пов. о раз. Ряз., с. 10); Каждому витезю исполнило сѧ серцэ *весела* (Пов. о витязях, с. 115).

* * *

Итак, исследованный нами материал позволяет сделать вывод, что пути развития родительного падежа во всех восточнославянских языках были сходными. Основная тенденция в изменении родительного падежа — это замена беспредложных конструкций предложными. Лишь в значении времени и предела движения наблюдаем отличие русского языка от белорусского и украинского. Беспредложный родительный времени широко представлен в белорусском и украинском языках, в то время как в русском его употребление ограничено узким кругом устойчивых словосочетаний (например, *сего года*). Родительный предела движения без предлога встречаем в белорусском и украинском языках, в русском же он не сохранился.

ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

Настоящий раздел посвящен случаям употребления дательного падежа без предлога [26]. Беспредложный дательный рассматривается отдельно при глаголах и при именах.

При глаголах выделяются и анализируются следующие функции дательного падежа без предлога: 1) дательный косвенного объекта; 2) дательный косвенного субъекта; 3) дательный направления, места; 4) дательный заинтересованного лица.

При именах: 1) при существительном — дательный принадлежности («чистый» и с оттенками косвенного объекта и субъекта); 2) при прилагательном — дательный косвенного объекта.

Дательный при глаголах

А. Дательный косвенного объекта

Дательный беспредложный в памятниках восточнославянской письменности XI—XVII вв., как и в современном русском языке, чаще всего обозначает косвенный объект, который может стоять при глаголах и при именах.

Дательный косвенного объекта обозначает лицо или предмет (реже), в сторону которого направлено то или иное действие.

Рассмотрим употребление дательного косвенного объекта при глаголах.

В памятниках древнерусской письменности беспредложный дательный косвенного объекта встречается при различных глаголах (переходных, непереходных, возвратных). Употребление дательного косвенного объекта при переходных глаголах принципиально не отличается от употребления его при переходных

[26] Дательный самостоятельный здесь не исследован, ему посвящен ниже соответствующий раздел.

глаголах. Отличие только в том, что при переходных глаголах, кроме дательного косвенного объекта, есть еще слово, обозначающее прямой объект, при непереходных — нет. Но встречаются случаи, когда и при переходных глаголах прямой объект отсутствует.

В форме дательного косвенного объекта при глаголе стоят существительные, указывающие на одушевленный и неодушевленный предмет, или заменяющие их местоимения (личные, определительные, указательные).

Значение дательного косвенного объекта в современном русском языке осталось таким же, каким было в древнерусском языке. Произошли лишь некоторые лексические изменения, касающиеся глаголов. Одни глаголы совсем исчезли из употребления, другие утратили управление дательным падежом, третьи приобрели его. Различие оттенков значения дательного косвенного объекта зависит от семантического значения глаголов, при которых стоит слово в дательном падеже.

Анализ значений дательного косвенного объекта имеется во многих лингвистических работах, посвященных специально дательному падежу [27], и в общих трудах по историческому синтаксису восточнославянских языков [28].

Мы будем придерживаться установленных ранее значений дательного падежа и постараемся проследить сходство и различие этих значений по памятникам древнерусского, старорусского, старобелорусского и староукраинского языков.

1) Дательный при глаголах даяния. Среди глаголов, при которых значение дательного косвенного объекта в русском, белорусском и украинском языках совсем не изменилось, выделяется прежде всего группа глаголов, обозначающих передачу, вручение. Чаще других употребляются глаголы с корнем *-да-* (глаголы даяния), например: и пото ѳ даша посадницьст во *міхалкоу степаницю* (I Новг. л., л. 64).

С этим же значением вручения, передачи в памятниках древнерусской письменности употреблялись и многие другие глаголы (*даровати, приказати, възворотити, оудѣлити, вѣновати*

---

[27] Є. Тимченко. Номінатив і датив в українській мові. Київ, 1925; А. Б. Правдин. Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках. «Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», т. X, 1956, стр. 3—115; Г. В. Павловская. Значения дательного беспредложного в памятниках русской письменности XVI в. «Науч. зап. Харьковского гос. пед. ин-та им. Г. С. Сковороды», лингвистическая серия, т. XXIX, 1958, стр. 149—164; О. С. Мельничук. Історія вживання давального безприйменникового відмінка в українській мові. «Дослідження з синтаксису української мови». Київ, 1958, стр. 261—292.

[28] Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3, стр. 410—416; Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка; Я. А. Спринчак. Очерк русского исторического синтаксиса. (Простое предложение). Киев, 1960.

и др.): свою женоу приказываю *игоуменоу. варламоу* . и всеи *братьи* (Дух. Климента до 1270 г., Обнор., № 16); што еще ѡць *ему* оуделилъ (Гр. кор. Владислава 1387 г., Сахаров. Обр. др. пис., № 15); и вѣновалъ.и оправилъ своѥи *женѣ варварѣ* (Гр. старосты Бенка 1398 г., Срезн. Др. пам., Приложение); и *гробнымъ* животъ дарова (К. Тур., с. 12); и приказаша ѠЭлекс^{а}ндрови Кыѥвъ (Лавр. л., л. 165 об.); възвороти всѣ городы *Мьстиславу* (Ипат. л., л. 186) и др.

2) Дательный п о л ь з ы и в р е д а. Слово в дательном падеже может обозначать лицо, к которому направлено действие, являющееся для него полезным или вредным, приятным или неприятным. Это так называемый дательный пользы и вреда. Дательный пользы и вреда в древнерусских и старорусских памятниках сочетается с глаголами *творити, сотворити, чинити, учинити*, а также с некоторыми другими глаголами.

Др.-р у с.: многоу же съ^{к}рбь и мьчтаниѥ зълии доуси творѧхоуть ѥ*моу* въ пещерѣ тои (Ж. Феод. Печ., л. 37—38а); и много сѧ издѣѧ зла *пльсковицемъ* (I Новг. л., л. 45 об.); а тѣмь всѧко пакостити *гречнику* нашему и *залознику* (Ипат. л., л. 193). С т.-р у с.: Что тогда *мне* сотворишь? (Аввакум. Житие, с. 98); какъ служили вѣрно *государемъ* руским великимъ *княземъ*, твоимъ, *пращуром* і *прадѣдомъ* (Пересветов, с. 60); Хто чему завидуетъ то^{т} *тому* и поработае^{т} (Пословицы XVII в., л. 375).

Подобное же управление встречаем в старобелорусских и староукраинских памятниках.

С т.-б е л.: которіе *собе* або *панома* своимъ оруть (Западнорус. гр. 1569 г., РИБ, т. XXX, кн. 5, № 16); а робять *панома* своимъ (Западнорус. гр. 1569 г., РИБ, т. XXX. кн. 5, № 26); котора до забраня пенезей *ему* помогла (Дневн. Евлаш., с. 141). С т.-у к р.: ижъ вси апостолы до неба отворяютъ *вѣрнымъ* (Палин. Копыст., с. 403); *Никому* не фолгуйте (Сл. о збур. пекла); от так пиха наробила лиха *коронному Потоцькому* (Вирши о Желт. битве); Помагай бог *вам.* (Инт. Гаватовича) и т. д.

Управление этого типа сохраняется в современном русском, белорусском и украинском языках. При глаголе *работать*[29] управление *работать* (*кому*) не сохранилось в русском языке.

К дательному пользы и вреда обычно относят случаи с оттенком назначения, которому в современном русском часто соответствует конструкция «*для* + род. п.». Приведем примеры: а слобо^{л} и се^{ѧ} кнзи великие. съступилисѧ великому *новѣгородѣ* на новгородскои земли се^{и} не ставити (Новг. гр. 1471 г., Шахм., Исслед., № 79); и вы мою половину выкупите сѣму *николи*

[29] Глаголы *работать* и *служить* во многих работах относят к группе «душевного движения».

(Двин. гр. XV в., Шахм., Исслед., № 7); по писанию, не должны суть хранити имения чада *родителям* (Моск. гр. 1572 г., Дух. дог. гр., № 104); И он, устрашася, отступился *мне* девицы (Аввакум. Житие, с. 61); Я *тебе* насадилемъ виноградъ выборный (Палин. Копыст., с. 390) и т. д.

Сюда же можно отнести дательный при глаголе *поставити*. В этом случае в форме дательного падежа стоят названия городов и существительные, обозначающие лиц, или местоимения, их заменяющие. Форма дательного падежа здесь также обозначает косвенный объект с оттенком назначения, например: и поставиѣ *им* старѣишину (Чт. Б. и Г., л. 39—40); поставиша архиепа *новоугородоу* феоктиста (I Новг. л., л. 152—152 об.); и поставлю *вы* игумена (Лавр. л., л. 53 об.); поставленъ бы скопечь Маноуило епомъ *Смоленеску* (Ипат. л., л. 111 об.). В этом же значении могли употребляться некоторые другие глаголы: просѧчи *собѣ* цр҃а на цр(с)тво (Лет. Крас., л. 86 об.); и взѧ(ли) *собѣ* з Лѧхо(в) кн҃земъ вѣлики(м) Казимира (Лет. Крас., л. 90).

3) Дательный при глаголах речи. Дательный косвенного объекта при глаголах речи употреблялся в русских памятниках обычно так же, как в современном русском языке. Др.-рус.: и рѣша Нооугородьци *Стославу* (Лавр. л., л. 21); съповѣда блженоумоу *Ѳеѡдосию* (Ж. Феод. Печ., л. 38в); блаженыи отъвѣща *ѥмоу* (Ж. Феод. Печ., л. 42в). Ст.-рус.: вся *ему* подробну возвещает (Аввакум. Житие, с. 82); А он-де *тебе* молвил (Аввакум. Письма, с. 222); скажи *ми* подлинно (Пересветов, с. 63); И онъ рекъ так *сеитомъ* своимъ і *пашемъ*, і *молнамъ*, і *обызамъ* (Пересветов, с. 71).

При господстве беспредложного управления было еще управление с предлогом *к*. Примеры с предложным управлением: Др.-рус.: ре же *ко мнѣ* игумен (Лавр. л., л. 70); старьць же *к неи* отъвѣща (Ж. Феод. Печ., л. 32 об.); Тѣмъ же вопію *к тобѣ* (Сл. Дан. Зат., л. 280); гл҃а *къ холюбцю* (Чт. Б. и Г., л. 107а); гь Іс҃ъ Хс҃ъ ѡвѣща *к раслабленому* (К. Тур., л. 39). Ст.-рус.: апостоли *ко людемъ* рекли (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 27); Царь глаголетъ *къ собору* (Стоглав, с. 38); онъ же *къ нимъ* отвѣща (Пут. Зосимы, с. 65); Рече же *к куру* лисица (Пов. о куре и лисе, с. 192).

В старобелорусских и староукраинских памятниках при глаголах речи для обозначения лица, к которому обращено сообщение, также наблюдается употребление дательного падежа без предлога и с предлогом *к*.

Без предлога.

Ст.-бел.: и ре(ч) патриархъ *цр҃ю* (Лет. Акад., л. 150); росказуючи тымъ *людемъ* (Вестов. отписки Кмиты, 1573—1574 гг.);

которые оповѣдавши *имъ* ласковое отъ государя своего привитанье (Вестов. отписки Кмиты, 1573—1574 гг.); Повѣда'те *цесарови* вашому (Александрия, с. 68). Ст.-укр.: якожъ Христосъ *ученикомъ* росказуетъ (Отв. клир. Острож., с. 402); Таж латинник не может *тобѣ* друго отвѣщати (Виш. Книжка, с. 100); ятобѣ мовлю (Палин. Копыст., с. 401); рікл *міні* (Инт. Гаватовича).

С предлогом:

Ст.-бел.: рекла *коу сыноу* своємоу (Страсти Христовы, л. 2 об.—3); говори[ѫ] *ко мне* (Страсти Христовы, л. 20 об.); мовилъ *къ пану Трыщану* (Пов. о витязях, с. 98). Ст.-укр.: Ты же паки *к нему* отвѣщай сице (Виш. Книжка, с. 100); Апостол Павел *к колосяном* тыми словы глаголет (Виш. Послания, с. 163); и въ главѣ 4 *ко Ефесомъ* мовитъ (Палин. Копыст., с. 465).

Нужно отметить, что в памятниках старобелорусских и староукраинских глаголы речи управляют дательным падежом с предлогом *к* значительно реже и не во всех памятниках нашей картотеки (а лишь: ст.-бел. — Страсти Христовы и Повесть о витязях; ст.-укр. — Сочинения Вишенского и один пример из Палинодии Копыстенского).

В памятниках древнерусского и старорусского языка глаголы *разговаривать*, *беседовать*, очевидно, не указывали на совместность действий, а были глаголами сообщения и управляли поэтому дательным падежом. Приведем примеры с предлогом и без него.

Др.-рус.: хотѧ щи бесѣдовати *къ тебе* (Ж. Феод. Печ., л. 32а); бесѣдова *к ней* (Лавр. л., л. 17 об.). Ст.-рус.: и стал разговаривать *отцу* (Аввакум. Житие, с. 81); так-де мне надобе *брату* поговорить (Аввакум. Житие, с. 112); Послушай, державне, побеседаю *ти* (Аввакум. Письма, с. 200); и сего ради *къ царю Василию* строптивно и неблаголѣпно бесѣдоваше всегда (Ст. о Смуте, с. 1313).

В современном русском, белорусском и украинском языках литературная норма — «глагол *речи*+дат. п. (без предлога)», в украинском языке возможна конструкция «*до*+род. п.»: Чом *до мене* не говоришь моє миле серце?[30] (Словарь укр. яз., т. I, Киев, 1907, с. 296).

4) Дательный при глаголах душевного движения. Дательный косвенного объекта при глаголах, называемых глаголами душевного движения, глаголами психической реакции, широко употреблялся в древнерусском языке. С течением времени функция дательного «душевного движения» ограничивается в связи с изменением семантики глаголов, которые начинают управлять другими падежами (винительным, родительным, творительным с предлогами и без них) или совсем исчезают из употребления (*голдовати*, *сълюбовати*). Но многие глаголы

[30] В памятниках встречается эта конструкция, например: мовитъ Господь *до Петра* (Палин. Копыст., с. 345).

этой группы не изменили управления и в настоящее время, например: помоливъсѧ *богоу* (Ж. Феод. Печ., л. 30—31а); и заповѣда *има* ѿ всего сада ѣасти (Чт. Б. и Г., л. 89б—в); ѣако си сългаша *имъ* (I Новг. л., л. 115—115 об.); митрополитъ же възбранѧше *имъ* (Ипат. л., л. 128—128 об.); радоуѣсѧ *братоу* своему (Ипат. л., л. 130 об—131).

Приведем примеры из древнерусских памятников с необычным для современного языка управлением: суть *ему* бъ̄ (Гр. дух. кн. Ив. Ив. Красн. 1358 г., рук. ЦГАДА); про то мы ѡбѣчаемъ и слюбуемъ нашему *брату кнѧзю скиригаилу* (Гр. кор. Владислава 1387 г., Сахаров, Обр. др. пис., № 15); и тѣ̂ велебной *гжи Ѧдвизѣ. королици* польскои. и ихъ *дѣтемъ* и *корунѣ* польскои. голдовали ѥсмо вѣрно и право. неизрушеною вѣрностью (Гр. кн. Корибута кор. Ягеллу 1388 г., Собол. и Пташ., № 5); нъ и гноушаесѧ *играмъ* ихъ (Ж. Феод. Печ., л. 27д—28а); си же видѣвъ парамонарь прослави ба̄ чюдасѧ *проповѣданию* блаженаго Ѳеѡдосиѧ (Ж. Феод. Печ., л. 51в); а сердцемъ смѣють *ми* ся (Сл. Дан. Зат., л. 280); аще бы *ми* врагъ поносил (Сказ. о Б. и Г., с. 143); но надѣюсѧ твоѥму *млрдᵃю* (Чт. Б. и Г., л. 89а—б); оканьныи же поваръ не поревноваше *оному* (Чт. Б. и Г., л. 101б); ѡни же начаша думати *емоу* (Ипат. л., л. 139).

Такое же управление находим и в старорусских памятниках почти при том же круге глаголов: *тому* судит бог (Моск. гр. 1572 г., Дух. дог. гр., № 104); како Богъ терпитъ нашему *безстрашію* (Стоглав, с. 53); и аще убо они, власть имѣя, и *нечестивому* не хулиша (Письма Ив. IV, л. 169); журят *мне*, что патриарху не покорился (Аввакум. Житие, с. 66); Стал смеятца первому тому *извещению* напоследок (Аввакум. Житие, с. 91); примиришися *богу* (Аввакум. Письма, с. 195); не дорожи *мне* сим веком (Аввакум. Письма, с. 243); Да не токмо *намъ* ругаются и смѣются, но самому Создателеву *образу* и *Рождьшей* Его (Пов. о Рос. царстве, с. 200—201); *Богу* велико согрѣшали безчислено (Пересветов, с. 60); Как *имъ*, Господи, терпиши сие великое поругание от невѣрных (Пересветов, с. 82); занеже многіе воини дружаху *еретику Ростригѣ* (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 735); како терпитъ *намъ грѣшнымъ* и нашему *безчинію*? (Пут. моск. купцов, с. 142); а празднуют *шиху Аладину* и *вѣсне* двѣ недѣли по покровѣ (Хож. Аф. Ник., л. 376); наругаяся православной *вѣрѣ* (Пут. Гогары, с. 114); и сам *мне* насмеялся (Пов. о Ерше, с. 150).

В старобелорусских и староукраинских памятниках также встретились примеры такого управления при глаголах душевного движения.

Ст.-бел.: и нѣ догадалисѧ *томѵ* (Лет. Крас., л. 77 об.); Пане боже *му* блогослав! (Дневн. Евлап., с. 145); и вы дей о томъ всемъ *Филону* отъ мене подружите (Вестов. отписки Кмиты,

1573—1574 гг.); А ины панны мовечы смеяли сѧ *еи* (Пов. о витязях, с. 122). Ст.-укр.: *томѹ* сѫди вседръжите (Киев. гр. 1553 г., Палеогр. изб., № 1); *богу* милостивому и неисчетней *милости* его царского величества о сем благодарим (Укр. гр. 1653 г., Вос. Укр. с Рос., т. III, № 186); *отцу* молил, абы не [у]ставала вѣра (Отв. клир. Острож., с. 416—417); яко не вѣруеши *ему*? (Виш. Книжка, с. 113); и *добродѣтели*, и *житию*, и *подвигу*, и *вѣнцу* Варлаамову поревнуйте (Виш. Книжка, с. 129); многократы согрѣшихо *ва* (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 264 об.); со всѣмъ народомъ *Христови* ругаются (Переспорога, с. 227) и т. п.

Как видно из примеров, очень большое количество глаголов душевного движения изменили управление: при них вместо дательного стали употребляться другие падежи с предлогом и без него. Так, глагол *смеяться* в русском языке стал управлять творительным падежом с предлогом *над* (*смеяться над* кем—чем), а в белорусском и украинском — родительным с предлогом *з*: белор. *смяяцца з* каго—чаго [31], укр. *сміятися з* кого—чого.

Глаголы *одолѣти*, *оборонити* [32], управляющие дательным падежом, встретились в нашей картотеке как в ранних памятниках (Ипат. л.), так и в довольно поздних (XVI в. — Письма Курбского, Повесть о витязях, летопись Рачинского; XVII в. — Сочинения Вишенского, Переспорога). Управление дательным падежом этими глаголами совсем исчезло из употребления. Приведем примеры из некоторых памятников.

Др.-рус.: ѡдолѣша Соуждалци *Новгородце* (Ипат. л., л. 111 об). Ст.-рус.: и уже *Христу* и *воинамъ* Его миродержецъ одолѣвъ (Письма Курб., с. 407). Ст.-бел.: што сѧ не могъ *ему* ѡборонити (Лет. Рачин., с. 238); коли не можемо сѧ *им* ѡборонити (Пов. о витязях, с. 71). Ст.-укр.: Врата адова не одолѣют *ей* (Виш. Книжка, с. 85); приде в землю свою со чтью и славою ѡдолѣвъ *ворогомъ* своимъ (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 279); одолѣваютъ *властямъ* потужнымъ духовнымъ и свѣтскимъ (Переспорога, с. 235).

5) Дательный отложительный [33]. Дательный отложительный, или аблативный, при глаголах лишения, отнимания представлен в большом количестве в памятниках старобелорусских и староукраинских.

В древнерусских памятниках нам встретилось два примера: и се внезапу испадаета ѥи златии колци (Чт. Б. и Г., л. 51); и абиѥ *вьсѣмъ* весла ѿ роукоу испадоша (Сказ. о Б. и Г., л. 13 г.).

---

[31] См.: «Нарысы па беларускай дыялекталогіі». Мінск, 1964, стр. 315—316.

[32] Эти глаголы тоже обычно относят к группе глаголов душевного движения.

[33] Здесь можно усмотреть оттенок «заинтересованного лица».

А. Б. Правдин отмечает, что он нашел четыре случая употребления дательного отложительного в Киево-Печерском Патерике и в языке Курбского (аще оныи умъ, откуда тые совѣты произыдоша, *мнѣ* исторглъ бы еси. На вторую эпистолию отвещание цареви московскому, стр. 144) [34].

Я. А. Спринчак [35] приводит еще два случая, один из которых (из Слова о полку Игореве) спорный, так как его можно считать дательным принадлежности: въ княжихъ крамолахъ вѣци *человѣком* скратишась (Сл. о плк. Иг.); а *господину* колико будетъ возъ украдено, то имати ему за возъ по 2 ногатѣ (Русская правда Троицк. сп.).

В памятниках древне- и старорусского языка при глаголах отнимания употребляется конструкция «*у*+род. п.»; и ѡтѧша *оу нихъ* конь. т. (I Новг. л., л. 118 об.). Таким образом, очевидно, что дательный отложительный — особенность старобелорусских и староукраинских памятников.

Ст.-бел.: децкий *намъ* пограбивши (Вил. гр. 1510 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 43); Колибъ мужикъ *мужику* клет выкралъ (Лит. ст. 1529 г., с. 101); выпадши *имъ* зъ рукъ (Дневн. Евлаш., с. 137); же *ми* на тыхъ рокохъ, в лютымъ мисяцы, 16 дня, въ суботу забилъ сына моего Яна (Дневн. Евлаш., с. 155); Гонорыусъ ѡтнѧлъ *ему* был гэтманство (Ист. о Атыле, с. 184); ѡбема ѡчы вискакали (Ист. о Гвид., с. 134); абы *ему* панства не взѧлъ (Пов. о витязях, с. 9). Ст.-укр.: аже *ему* побралъ панъ Татомиръ вепрѣ у Черномъ лѣсѣ (Зудечев. гр. 1421—1428 гг., АЗР, т. I, № 30, II); аже *ему* взялъ вепрѣ на его дубровѣ (Зудечев. гр. 1430 г., АЗР, т. I, № 30, IV); забрал *ему* воску каменей сорок (Укр. гр. 1649 г., Вос. Укр. с Рос., т. II, № 100); прелести же моего лживого царства *мнѣ* не отнял и не погубил (Виш. Книжка, с. 11—12); аще украдет *вам* диавол тую память (Виш. Книжка, с. 49).

Дательным отложительным можно считать случаи при глаголах удаления, отхода, например: А естлибъ *кому* челедь вътекла, а заповедалъ бы колко о той челяди перейма, и пошолъ за нею въ погоню (Лит. ст. 1529 г., с. 95); и мы (15) *ємоу* толѧ оуѣхали. по та зна. мена (Галич. гр. 1410 г., Укр. гр., № 36); поколѧ *ему* кнѣзъ левъ оуѣхалъ (Галич. гр. 1410 г., Укр. гр., № 36).

В современном русском языке дательный отложительный совсем не употребляется. В современных украинских говорах существуют конструкции с дательным отложительным, причем, как указывают Е. К. Тимченко [36] и А. С. Мельничук [37], конструк-

[34] А. Б. Правдин. Указ. соч., стр. 52.

[35] А. Я. Спринчак. К истории функции дательного падежа в восточнославянских языках. — В сб.: «Питання слов'янознавства». Л., 1962, стр. 61.

[36] Є. К. Тимченко. Указ. соч., стр. 34—35.

[37] О. С. Мельничук. Указ. соч., стр. 273.

ция с дательным отложительным больше употребляется в западноукраинских говорах, а в восточноукраинских преобладает конструкция с родительным с предлогом *у* (*в*).

На месте современного «*у* + род. п.» в восточнославянских языках широко употреблялся оборот *родисѧ ѥмоу*: Том же лѣ҃ *родисѧ* Ѡлгу снъ (Ипат. л., л. 188); и *родилъсѧ ѥму* сы(н) Кгидиминъ (Лет. Рачин., с. 240); *народи*ᵗ*се тобѣ* сынъ (Александрия, с. 28). Наряду с беспредложным управлением встречается управление с предлогом: Тое же ѡсени. родисѧ *оу Рюрикови* снъ (Ипат. л., л. 228 об.).

В старобелорусских памятниках часто встречается оборот «дат. п. + *умер*» (в значении 'у кого'): коли мужъ *женѣ умретъ* (Ст. Владислава 1420—1423 гг., АЗР, т. I, № 27); *умерели ему* ѡбадва браты (Лет Рачин., с. 239); *которому* дня 21 лютого жона, Сулимянка, *умерла* (Дневн. Евлаш., с. 145); же запевне *ми* братъ *умеръ* (Дневн. Евлаш., с. 145); якожъ потомъ врыхле *умер му* старший зять Москальницкий (Дневн. Евлаш., с. 150)[38].

Б. Дательный косвенного субъекта

Дательный падеж, кроме основного значения косвенного объекта, может обозначать косвенный субъект, указывающий на лицо действующее или лицо (реже предмет), испытывающее какое-либо состояние: и жаль *ему* меня (Аввакум. Житие, с. 95); щель есть, величиною, как можно человѣческой *головѣ* пройдти (Пут. Гогары, с. 113).

Дательный падеж косвенного субъекта представлен в безличных предложениях. Его значение не зависит от лексического значения глаголов, так как оно обусловлено строем всего предложения.

Значение дательного падежа косвенного субъекта не претерпевает в сущности в истории языка никаких изменений. Дательный косвенного субъекта и в современном языке выражает все то же значение. Изменяются только безличные конструкции, в состав которых он входит.

Рассмотрим дательный косвенного субъекта в составе инфинитивных предложений, где он особенно широко представлен [39].

Дательный косвенного субъекта в составе инфинитивных предложений встречается в грамотах древнерусского языка

---

[38] В последних двух примерах можно усматривать оттенок принадлежности или даже оттенок заинтересованного лица.

[39] Как указывает В. И. Борковский, инфинитивные предложения используются в грамотах, чтобы «четко и кратко перечислить обязательства и права данного лица, данной юридической стороны» («Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение)», стр. 58.

раз в пять чаще, чем в составе других безличных предложений. В летописях, повестях, житийной литературе инфинитивные предложения с дательным косвенного субъекта представлены гораздо реже (чаще другие виды безличных предложений). То же наблюдается в памятниках старорусских, старобелорусских и староукраинских.

В юридических документах дательный косвенного субъекта используется для обозначения степени родства, указывает на должностных лиц, представителей сословий, служителей церкви, которым дается (или не дается) право что-либо делать.

Дательный падеж косвенного субъекта может указывать на одно лицо и на целый коллектив, которому что-то предстоит делать: тъ платити всемъ *вълъчанъмъ* (Смол. гр. 1229 г., сп. В); а *гости* нашемоу гостити. по соуждальскои земли (Новг. гр. 1269—1270 гг., Шахм. О языке, № 3).

Наименование лица может быть заменено местоимениями (чаще личными, реже относительными и определительными): *тѣмъ* тако и сѣдѣти. а позоровати *имъ* к тобѣ (Новг. гр. между 1294—1301 гг., Шахм., О языке, № 3); что буде҃ оу тобе или оу твои҃ боꙗръ. или въ твоей вотчинѣ. то *ти* все подавати по целованью (Гр. докончальн. кн. Дм. Ив. с кн. Твер. 1375 г., сп. XV в., рук. ЦГАДА).

Личные местоимения могут быть уточнены приложением: А гдѣ *мнѣ кнꙗзю великому* всѣсти на конь (Гр. докончальн. к Вас. Дм. с кн. Серпух. 1390 г., рук. ЦГАДА).

Обычно дательный косвенного субъекта в грамотах XI—XVI вв. в древнерусском, старорусском, старобелорусском и староукраинском языках — существительное, обозначающее одушевленный предмет (название лица), так как в них речь идет об обязательствах, отношениях между людьми. Существительные, указывающие на неодушевленный предмет, в грамотах встречаются редко. Это обычно названия городов, местностей, вообще — слова, обозначающие группы людей, которые должны (или не должны) что-либо сделать. Например: Тако дѣлати *роуси* оу ризѣ на гочкомь березе (Смол. гр. 1229 г., сп. В); а латиньскому ꙗзыкоу съ роусью дерьжати правдоу (Смол. гр. 1229 г., сп. В); а тому *мунастыреви* не ѿлучѧти сѧ ѿ стго ивана (Продаж. гр. Хоньки 1378 г., Обнор., № 32).

В летописях, в житийной, полемической литературе, в повестях дательный косвенного субъекта, выраженный существительным, указывающим на неодушевленный предмет, употребляется чаще, обозначая различные понятия: страшно бѣ зрѣти, ꙗко второму *пришествию* быти (Ипат. л., л. 184); откуды *казнѣ* иматися (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 34); что уже де время приспело православной христианской *вере* быти (Пов. об азов. взятии, с. 56); Мню азъ, грешный Зосима, яко *воздуху* устрашитися отъ нихъ (Пут. Зосимы, с. 67).

В старобелорусских и староукраинских памятниках дательный косвенного субъекта при инфинитиве употребляется так же, как в памятниках древнерусского и старорусского языка.

Ст.-бел.: того не поминати и *вам* и ни *нам* на обѣ стороне (Полоцк. гр. 21 июня 1405 г., РЛА, № 154); чим *ему* косити (Лит. ст. 1529 г., с. 78); штобы и не ѿнѧ ѡт людеи (Страсти Христовы, л. 10 об.); поехати *тобе* со мною (Пов. о витязях, с. 93). Ст.-укр.: *самомꙋ* изъ слꙋжебники его там ехати (Львов. гр. 1537 г., Arch. Sang., т. IV, № 78); А за еже пострадати *Петру* в Рымѣ (Виш. Книжка, с. 105); абы и *намъ* такъ же вязати и развязовати въ людехъ твоихъ (Палин. Копыст., с. 474); а такъ по немъ и иншимъ всѣмъ *протосинкгеломъ* того заживати (Перестрога, с. 213).

Приведем примеры употребления дательного косвенного субъекта в других типах безличных предложений.

Др.-рус.: а в то *ми* ся доспѣло рублевъ на пятьдесять оубытка (Рядн. двин. гр. XIV в., Срезн. Свед. и зам., с. 79); и *множеству* вои не бѧше числа (Ипат. л., л. 204 об.). Ст.-рус.: и нѣсть пользы христіянскому *роду* отъ растлѣнныихъ ихъ книгъ (Письма Курб., с. 369); подобает *ти* облещися в тлимаго человека (Аввакум. Житие, с. 71); Да сверх того ведомо *тебе* и самому *осетру* (Пов. о Ерше, с. 149); *Авонаю* не можется къ нена ю (Пословицы XVII в., л. 326—326 об.). Ст.-бел.: Вѣдомо да есть *святителству* твоему (Западнорусск. гр. 1488—1489 гг., Археогр. сб., I, № 2); и такъ *ми* сѧ види(ть) (Лет. Рачин., с. 226); *Тобѣ* было прыити тихо и ѡтворыти мѧкие уста на тихие беседы (Пов. о витязях, с. 103). Ст.-укр.: теды *намъ* барзо невдячно и немило (Каменец. гр. 1609 г., АЮЗР, т. I, № 222, XIX); довлѣет бо *вам* тое же страдати (Виш. Книжка, с. 93); Зачимъ и *намъ* не годится надъ апостола Павла болше мудрствовати (Палин. Копыст., с. 465).

В случаях, когда сказуемое выражает состояние, дательный падеж обозначает «неполноценный» субъект (типа *мне больно*, где лицо испытывает боль, как бы привнесенную откуда-то извне, т. е. дательный падеж *мне* в какой-то мере является объектом).

Такой дательный — промежуточный между дательным субъекта и дательным объекта. «Неполноценный» дательный косвенного субъекта находим также в личных предложениях, где значение дательного косвенного субъекта можно понять только из контекста: Изѧславъ же не хотѧше ис Киева поити. зане оулюбилъ бы Киевъ *ему* (Ипат. л., л. 172).

Таким образом, как видно из примеров, значение дательного косвенного субъекта в языке памятников XI—XVII вв. было таким же, как в современном русском языке. Изменения значения дательного косвенного субъекта не произошло также и в современных белорусском и украинских языках.

В. Дательный направления и места

«Вполне пространственное значение имеет дательный, когда он обозначает предмет, в который или к которому происходит движение в пространстве, на вопрос *куда*?» [40], обозначая место, куда направлено действие, или направление действия к определенной точке. Этот беспредложный дательный называют дательным направления.

Дательный направления обычно стоит при глаголах движения, но очень часто он употребляется и при других глаголах: *послати, нести, вьвести, привезти, пустити, позвати* и др. Например: ходи всѣволодъ къ оцю *кыеву* (I Новг. л., л. 11—11 об.); Володимеръ же собра вои свои. и посла по Ростислава брата своего *переславлю* (Лавр. л., л. 73); [и] вземше принесоша и *Киеву* (Лавр. л., л. 73 об.); ты ма еси сну самъ позывалъ *Киеву* (Ипат. л., л. 144 об.); зать нашь королъ пустилъ *ти* ·і· тысячь (Ипат. л., л. 148 об.); и привезоша *Вышегороду* (Ипат. л., л. 195); а Ростиславича Мстислава вьведоша *Смоленьску* кнажить (Ипат. л., л. 210 об.—211).

Дательный направления без предлога в языке древнерусских памятников встретился в основном в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях; небольшим количеством примеров он представлен в I Новгородской летописи, Сказании о Борисе и Глебе, Житии Феодосия Печерского. В старобелорусских и староукраинских памятниках дательный направления почти не встречается, имеются лишь единичные примеры (исключение составляет Ипатьевская летопись (Галицко-Волынская), где находим большое количество разных типов дательного направления без предлога). В перечисленных памятниках для обозначения места и направления движения наряду с беспредложным дательным использовались конструкции «*к*+дат. п.» и «*в*+вин. п.». В остальных памятниках, рассматриваемых в нашей картотеке, употребляются только эти конструкции.

1) Дательный направления названий городов [41]. Рассмотрим сначала дательный направления без предлога, называющий города, в сторону которых направлено движение. Единого мнения у историков языка по этому вопросу нет. Одни исследователи (Л. П. Якубинский [42]) ограничивают употреб-

---

[40] Е. Ф. Карский. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи. Л., 1929, стр. 32.

[41] Беспредложный дательный направления названий городов встретился в перечисленных выше древнерусских памятниках, в Ипатьевской летописи (Гал.-Вол.) и в старобелорусском памятнике, где отсутствие предлога может быть вызвано фонетическими причинами: ⟨Ягаило⟩ поеха(в) *Краковѣ* в Лд(д)скоую землю (Лет. Акад., л. 179).

[42] Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., Учпедгиз, 1953, стр. 176.

ление дательного направления лишь случаями достижения пункта с заходом в него (чему в современном русском соответствует вин. п. с предлогом *в*). Другие (А. Галлис [43]) склонны почти все случаи беспредложного дательного направления переводить дательным падежом с предлогом *к*. Третьи (А. Б. Правдин [44], Т. П. Ломтев [45]) считают, что в дательном падеже без предлога могли стоять названия городов, обозначавшие: 1) и направление к какому-то пункту без захода в него («достижение пространственной близости»), что соответствует в современном русском «*к*+дат. п. названия города»; 2) и движение, предусматривающее вхождение в пределы этого пункта, что соответствует современному «*в*+вин. п. названия города».

Наличие этих двух оттенков значений дательного направления названий городов подтверждается примерами, приведенными ниже. Сначала рассмотрим примеры, контекст которых с большей или меньшей убедительностью свидетельствует о том, что в восточнославянских памятниках дательный падеж мог обозначать пункт, к которому направлялись, но не вошли в него (соответствует современному «*к*+дат. п. названия города»):

Поиде тоѭ зимы сьмьюнъ ѥмїнъ въ д.хъ. стѣхъ. на тоимокары. и не поу ихъ гюрги ни ѣросла сквозѣ свою землю. и придоша *новоугородоу*. въ. лодьıхъ. и ста по полю шатры (I Новг. л., л. 91 об.); и поидоша *Новоугородоу* и пришедши сташа переспы (Ипат. л., л. 122); ѡже Изѧславъ Мьстислави идеть на нь *Кърачевоу* и с браею. и воеваша оу Корачева много (Ипат. л., л. 124); и ѿтуда поиде *Киеву* полкы своими. и пришедъ ста противу ѥтму Михаилу. по лугови (Ипат. л., л. 139 об.); Изяславъ же прибѣже *Киеву*. Володимерѧ же дружина постиже задъ его. ѡвы изоимаша в другыѭ избиша (Ипат. л., л. 146); Володарь же вниде. в Полтескъ и цѣлова хртъ с Полтьцаны и поиде *Витебьску* на Двда и на Всеслава. и пришедъ и ста на рѣци и начаша сѧ бити ѡ рѣку (Ипат. л., л. 188); и придоша же ѡпать *Чернигову* створиша же мирь со Володимеромъ. и Даниломъ. Мьстиславъ и Черниговьчи. люто бо бѣ бои оу Чернигова ѡже и тарань на нь поставиша... ѿтоуда с миромъ преидоша *Кыевоу* (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 261 об.); Приде Батыи *Кыевоу* в силѣ тажьцѣ многомь множьствомь силы своеи и ѡкружи гра (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 264 об.—265); и приде *Каменцю* Изѧславлю взѧть ѧ (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 265—265 об.).

---

[43] А. Галлис. Дательный падеж направления в славянских языках. «Scando-Slavica», т. IX, 1963, стр. 104—122.

[44] А. Б. Правдин. Указ. соч., стр. 10—11.

[45] Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка, стр. 233—236.

В следующих примерах контекст показывает, что дательный направления обозначает пункт, в который вошли (соответствует современному «*в* + вин. п. названия города»):

приде кнзь ис церьнигова *новоугородоу* ѩропълькъ ѩрославиць на вьрьбницю л҃ѣ. мртъмь мцемь. и сѣдевъшю немоу. ѿ вьрьбнице до сменова дни .г. мць одиноу и выгнаша из новагорода (I Новг. л., л. 58 об.); новогородьци же пришьдъше *новоугородоу*. створиша вѣче на посадника дмитра и на бра҃ю его (I Новг. л., л. 74—74 об.); и пришедъ *Тьмутороканю*. заложи црквь стыѩ Бца (Лавр. л., л. 50); Игорь же ѣха *Киевоу* и созва Киѩне вси на гору на Ирославль дворъ. и цѣловавше к немоу хртъ (Ипат. л., л. 118 об.—119); Рюрикъ же воротися *Кыеву* (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 245 об.).

Особенно ясно ощущается значение пункта, в который направлено движение с заходом в него, если в контексте имеется слово, обозначающее лицо, к которому или за которым посылают или к которому идут: на оутрии же днь ѣха Андрѣи къ ѡцю *Кыеву* (Лавр. л., л. 109 об.); Борисъ Гюргевичь выбѣже из Бѣлагорода и ѣха *Кыеву* къ ѡцю (Лавр. л., л. 110); и посла *Новугороду* по сна. своего Костантина (Лавр. л., л. 145 об.); прибѣже ѿ строѩ Стославичь Володимиръ Ирославль вноукъ къ Стославоу *Новоугородоу* (Ипат. л., л. 121 об.); Изаславъ же то слышавъ и възворотися въспѧть. и посла слы своѩ *Черниговоу*. к Володимироу и къ братоу его Изаславоу (Ипат. л., л. 126 об.—127); и посла по Володимира по Двдвича *Чернигову* (Ипат. л., л. 139 об.).

Очень часто контекст не дает возможности определить, была ли только достигнута пространственная близость с пунктом или имело место вхождение в его пределы[46].

Приде Олегъ из Грекъ. *Тмутороканю*. и ѩ Двда и Володара. Ростиславича (Лавр. л., л. 68 об.); и ѩко приде *смолиньскоу* и поиде отъ смолиньска (Сказ. о Б. и Г., л. 13б); <безбожнии Измалтѧнѣ. . .> изведше на льсти кнзя Юрьа и ведоша *Прыньскоу* (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 263); потом же Михаиль. иде ѿ оуѩ своего на Володимѣръ. сномь свои и ѿтоуда иде *Пиньскоу* (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 266).

---

[46] Этого же типа, нам кажется, примеры, приведенные Т. П. Ломтевым («Очерки по историческому синтаксису русского языка», стр. 233): Иде Ярославъ *Новугороду*; Андрѣи же. . . иде от оца своего *Суждалю*; Прииде Ярополкъ изъ Ляховъ, и сотвори миръ съ Володимеромъ, и иде Володимеръ *Чернигову*, а Ярополкъ сѣде въ Володимери. — Утверждать, ссылаясь на них, что при аористе *иде* дат. п. обозначает пункт без захода в него (т. е. «*к* + дат. п.»), видимо, нет оснований.

2) Дательный направления названий лиц. В форме дательного падежа без предлога (дательного направления) могут стоять не только названия городов, но и имена существительные — названия лиц, а также местоимения, заменяющие эти существительные.

Дательный падеж в этом случае обозначает лицо, к которому направлено пространственное движение («к кому?»), например: Тъгда же старѣи *пекоущимъ* шьдъ (Ж. Феод. Печ., л. 388); и ѣха с ними *брату* своемоу *Игореви* (Ипат. л., л. 119); Половци же *Гюргеви* идаху по лугу (Ипат. л., л. 153 об.); и придоша *ему* Половци мнози (Ипат. л., л. 184); и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ *Полочаномъ* подъ кликомъ поганых (Сл. о плк. Иг., с. 33).

Дательный направления названий лиц представлен в бо́льшем количестве памятников, чем дательный названий городов. Так, в древнерусских памятниках он встретился не только в летописях, но и в Житии Феодосия Печерского, и в Слове о полку Игореве (единичные примеры). По одному примеру такого дательного находим в старорусских памятниках: Уже скора солники приходятъ отъ всѣхъ градовъ *царю Борису* (Пов. Кат.-Рост., с. 567); И се глас с небеси сшед *Настасию-патриярху* (Пересветов, с. 81).

В старобелорусском памятнике Повесть о витязях и староукраинской Галицко-Волынской летописи тоже есть примеры дательного направления названий лиц (также немногочисленные): так ꙗкъ бы *имъ* прышол отец (Пов. о витязях, с. 41); И такъ были ради, ꙗкъ бы *имъ* самъ бог прышол (Пов. о витязях, с. 126); и приде *емоу* солъ ѿ тысачкого его (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 258 об.); Михаилъ же воротисѧ назадъ ѡпѧть. *Кондратови* (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 264 об.); В то же время ѣхалъ бѧше Данилъ Оугры *королеви* (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 265); посолъ же Володимѣровъ приѣхавъ *Кондратови* (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 293 об.)[47].

Часто при глаголах *посълати*, *приносити*, *возити* и др., связанных с пространственным передвижением, дательный падеж имеет не только значение лица, которому что-то доставляют («кому», «для кого?»), но и лица, к которому направлено пространственное передвижение («к кому?»), так как дательный падеж заключает в себе в этом случае наряду со значением косвенного объекта и оттенок обстоятельственный. Причем, если прямой объект — существительное, обозначающее одушевленный предмет — лицо, то обстоятельственный оттенок слова в дательном падеже сильнее: посла же ѥго Андрѣи *митрополиту* в Кыѥвъ (Лавр. л., л. 119 об.); и послаша *Гюргеви* моужи своѧ (Ипат. л., л. 114); а сна̄ своего Костѧнтина в Роусь посла *бра-*

[47] В последних трех примерах отсутствие предлога может быть вызвано фонетическими причинами.

тоу своемоу *Рюрикови* (Ипат. л., л. 242); Не полезно бо есть нам християном *тобе*, нечестивому *цареви*, водити жены своя на блуд (Пов. о ряз. Ряз., с. 10).

Если прямой объект — имя существительное, обозначающее неодушевленный предмет, то объектный оттенок значения слова в дательном падеже сильнее, а обстоятельственный — слабее: да вьсь оуставъ стоудиискааго манастыра испьсавъ присълеть ѥмоу (Ж. Феод. Печ., л. 37б); и присла прь дары многы. *Ростиславу* ѡксамоты и паволокы. и вса оузорочь разноличнаа (Ипат. л., л. 186 об.); и принесе *ему* дары (Пов. о раз. Ряз., с. 9).

Еще слабее обстоятельственный оттенок и сильнее объектный у слова в дательном падеже, если прямой объект — абстрактное существительное: да аще быхом имели потщанье и мольбы приносили *Бу* за нь в днь преставлениа ѥго (Лавр. л., л. 45).

3) Дательный направления — неодушевленные существительные (не названия городов)[48]. В форме дательного направления встречаются имена существительные неодушевленные (конкретные и абстрактные): и шедъ *суду* срядишася рядомъ по старому ряду (Рядн. двин. гр. XIV в., Срезн. Свед. и зам., с. 79); не идоша ни къ одиноиже келии нъ. *црькви* оустрьмишася (Ж. Феод. Печ., л. 46в); оустремишася *боеви* (Ипат. л., л. 110 об.); и доше въ .s. часъ нощи *стѣнамъ* граскимъ (Пов. о плаче, с. 277).

В древнерусских грамотах сочетание *шедъ суду*, видимо, стало застывшим, традиционным выражением. Кроме отмеченных двух однотипных примеров, в древнерусских грамотах беспредложного дательного направления не встретилось. Для обозначения дательного направления и в более поздних грамотах восточнославянских языков употребляется дательный падеж с предлогом *къ*.

К дательному направления можно отнести дательный при глаголах приближения, касания, в которых заключается направление к какому-нибудь предмету. Эти примеры встретились в большом количестве в старорусских и староукраинских памятниках.

Др.-рус.: ꙗко не прикоснетьсѧ ѥмоу съмьрть (Ж. Феод. Печ., л. 65а); привлазаꙗ *лозѣ* жребѧ свое (К. Тур., л. 7).

Ст.-рус.: коснуся *разуму* моему (Стоглав, с. 36); и тогда *иноплеменнымъ* примѣшаются любовию (Письма Ив. IV, л. 145 об.); не хотя их *жертвам* приобщитися (Аввакум. Письма, с. 272); Приближитеся *Богу*, и приближится *вам* (Письма Ив. IV, л. 136); и никакоже прикоснуся огнь *власомъ* моимъ (Пут. Гогары, с. 120); и прикоснется *имъ* мука (Сатиры о пьянстве, с. 68). Ст.-укр.:

---

[48] Примеры с наречными формами *домови*, *домовь*, *долови*, *доловь*, *долу* не приводятся, так как вопрос о падеже этих слов является спорным.

прилѣпимся *вам* и лобызаем яко братию (Виш. Книжка, с. 82); Присмотрѣте ж ся, ксендзове бискупи, тому *чуду* овдешнему (Виш. Книжка, с. 89); Таже приближаяся *мѣсту* тому (Виш. Книжка, с. 125); и апостолскому *лику* прилучаетъ его (Палин. Копыст., с. 426).

В дательном при глаголе *послѣдовати* также можно увидеть направление к предмету. Эти примеры встретились в староукраинских памятниках: не хотящих последовати *нечистотам* их (Укр. гр. 1624 г., Вос. Укр. с Рос., т. I, № 22); если послѣдуетъ *пастыру* неискусному (Отв. клир. Острож., с. 378); и возмет крест свой и послѣдует *ми* (Виш. Книжка, с. 51); ученици же его и *лжи* послѣдуют (Виш. Книжка, с. 98—99).

Но наряду с приведенными примерами встречаем и другое управление при том же глаголе: идут, *за ними* безрозмыслѣне послѣдуют (Виш. Книжка, с. 66).

В дальнейшем развитии языка глаголы приближения, прикосновения и глагол *последовати* утратили управление дательным падежом без предлога как в русском, так и в украинском языке, приобретя другие предложные и беспредложные управления (в том числе с предлогом *к*).

Предлог *к* употребляется в памятниках восточнославянской письменности (особенно древнерусской) не только при глаголах движения, но и при глаголах так называемого душевного движения, глаголах речи и даже глаголе *дать*. Очевидно, такое «странное» употребление предлога *к* можно объяснить тем, что происходит процесс вытеснения предложными формами направления беспредложных, появляется желание подчеркнуть направление действия не только при глаголах, связанных с передвижением, но и при таких глаголах, когда необходимости в этом нет. Позднее такое употребление предлога *к* из русского языка исчезает. Приведем несколько примеров:

Др.-рус.: на семь *къ мнѳ* целовати крт҃ъ (Гр. полоцк. кн. Изяслава ок. 1265 г., Гр., касающ., II в.); а из моих сꙋ҃въ серебреных дадуть *к* стѣи *бци* володимерь блюдо великое сереброно с колци (Гр. дух. кн. Ив. Ив. Красн. 1358 г., рук. ЦГАДА); и иже *к нему* вѣрують (Лавр. л., л. 59 об.); и не въсхотѣша *ко Всеволоду* того створити (Ипат. л., л. 112 об.); а азъ ти молвлю сну҃ потрудисѧ *к нама* сѣмо (Ипат. л., л. 153); заступита насъ оуповающихъ *къ вама* (Сказ. о. Б. и Г., л. 17в—г); Чему, господине, не зрите *ко мне — брату* вашему (Пов. о раз. Ряз., с. 16). Ст.-рус.: умилился *к странству* моему (Аввакум. Письма, с. 193); и помлиша҃ *ко аггломъ* (Пов. о плаче, с. 277); исаіа҃ бесѣдоваше *къ ѡцемъ* нашимъ (Пов. о плаче, с. 283). Ст.-бел.: и казалъ его милость вамъ службою боꙗрскою *къ Новꙋгородку* служити (Вил. гр. 1514 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 69). Ст.-укр.:

або вѣмъ отворилемъ уста свои *къ Господу* и не могу их назад вернути (Отв. клир. Острож., с. 397); да ся покают *к богу* (Виш. Книжка, с. 8).

* * *

Таковы основные случаи использования беспредложного дательного падежа для обозначения направления и места в памятниках восточнославянской письменности. Беспредложный дательный направления совсем исчез из современного русского литературного языка, а также из белорусского и украинского. Остатки дательного направления встречаем в говорах. А. М. Селищев указывает, что на северо-востоке Сибири встречаются случаи дательного направления: пошел этому *городу*; *другу* своему приехал. Отмечены случаи дательного направления в воронежских говорах: ана *церкви* иде, привяли *двару*. Широкое употребление дательного направления исследователи отмечали в говорах сербской и хорватской народностей в прошлом веке [49].

Е. Ф. Карский приводит случаи употребления дательного направления в белорусском языке: вязи ето *двору*, прибег *двору* и др.[50]

Беспредложный дательный направления от названий населенных пунктов и других существительных заменился в русском литературном языке предложным сочетанием «*к*+дат. п. имени», «*в*+вин. п. имени» для обозначения направления и места движения. Уже в памятниках, где употреблялся беспредложный дательный направления, встречаем для обозначения места и направления движения предложные конструкции «*к*+дат. п.» и «*в*+вин. п.». Поскольку значение предложных конструкций было более точным и ясным («*к*+дат. п.» — направление движения к пункту без захода в него, «*в*+вин. п.» — предполагает заход в пункт, к которому совершалось движение), а беспредложный дательный мог заключать в себе оба эти значения, последний, как более неудобный, отпал, и остались только предложные конструкции («*в*+вин. п.» и «*к*+дат. п.»).

Г. Дательный заинтересованного лица (dativus ethicus)

Так А. А. Шахматов назвал дательный, форму которого принимают личные (*ми*, *ти*) и возвратное (*себе*) местоимения. «Этот дательный представляется как бы вводным словом, не вызываемым прямым значением предложения» [51]. «Он мало поясняет глагол

---

[49] Соответствующую литературу см.: А. Б. Правдин. Указ. соч., стр. 17.

[50] Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3, стр. 413.

[51] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 339.

и почти не зависит от него, — отмечает Е. Ф. Карский, — он обозначает лицо, для которого важно исполнение его требования или желания или которое интересует известное состояние»[52].

Это «дательный падеж с ослабленным оттенком значения лица, для которого происходит действие. . . Этот дательный почти не связан с управляющим глаголом, находится на грани между управлением и примыканием»[53].

Так называемый дательный заинтересованного лица целиком исчез из современного русского языка. След его остался только в выражениях типа: «идет *себе* и в ус не дует», где слово *себе* не несет никакой смысловой нагрузки, примыкая к глаголу *идет*.

В памятниках восточнославянской письменности находим небольшое количество случаев употребления dativus ethicus, например: да азъ *ти* лѣгоу на возѣ ты же могыи на кони ѣхати (Ж. Феод. Печ., л. 43б); не лежи кнѧже. Гльбъ *ти* пришелъ на тѧ (Лавр. л., л. 106—106 об.; см. также Ипат. л., л. 131 об.); Гюрги вышелъ ис Киева. а Вячьславъ сѣдить *ти* в Киевѣ (Ипат. л., л. 144); а самъ *ти* избилъ твои люди (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 292 об.); Что *ми* шумить, что *ми* звенить далеча рано предъ зорями? (Сл. о плк. Иг., с. 18).

Очень часто в памятниках встречаются примеры, когда трудно определить значение дательного падежа: к оттенку заинтересованного лица примешиваются другие. Так, при глаголах движения — оттенок дательного направления[54]: иде *ти* Володимерко (Лавр. л., л. 112); Борись *ти* побѣжалъ (Ипат. л., л. 150 об.); здѣ *ти* въѣехалъ оуже изѧславъ Двдвичь (Ипат. л., л. 159); иде *ти* Володимеръ Галичьскии (Ипат. л., л. 158 об.). В других случах ясно ощущается оттенок принадлежности: оць *ти* оумьрлъ[55]. а братъ *ти* оубиѥнь о стопълка (Сказ. о Б. и Г., л. 13б); братъ *ти* Стославъ боленъ (Ипат. л., л. 181). А иногда смешиваются три оттенка: заинтересованного лица, принадлежности и направления: бра *ти* приѣхалъ (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 298 об.); бра *ти* гне приѣхалъ Кондратъ (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 300).

В старорусских, старобелорусских и староукраинских памятниках встретились примеры с местоимением *себе* в современном употреблении (т. е. *себе* примыкает к глаголу): коли баба лиха, живи же *себе* одна! (Аввакум. Житие, с. 79); пошел *себе* ко вла-

---

[52] Ср.: Е. Ф. Карский. Указ. соч., вып. 2—3, стр. 412.
[53] А. Б. Правдин. Указ. соч., стр. 102.
[54] Ср.: А. Б. Правдин. Указ. соч., стр. 12.
[55] Пример такого типа Е. Ф. Карский считает дательным заинтересованного лица (Е. Ф. Карский. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи. «Труды по белорусскому и другим славянским языкам». М., 1962, стр. 32).

дыке (Аввакум. Житие, с. 105); Соко^{л} лебе^{д} летая бье^{т} а ворона *себе* сидя и жабу жретъ (Пословицы XVII в., л. 368 об.); ꙗко [ж] ѡ[н] шолъ бэзпе(ч)не *собѣ* з ла[з]ни в Новгородку (Лет. Рачин., с. 239); а Трена̀та *собѣ* дѹмашеть. на Товтивила пак (Ипат. л. (Гал.-Вол.). л. 286 об.); яко хочете, так *себѣ* поступайте (Виш. Книжка, с. 91); нехай же *собѣ* и Никифора зъѣстъ (Пересторога, с. 220); нехай *собѣ* в неби сидит (Сл. о збур. пекла).

Дательный при именах

А. При имени существительном

Дательный падеж употребляется не только при глаголах, но и при именах (существительном, прилагательном).

При имени существительном дательный падеж выступает в роли определительной, обозначая наряду с родительным падежом и притяжательными местоимениями и прилагательными принадлежность лицу или предмету [56]. Кроме того, он при существительном, как и при глаголе, часто приобретает оттенок значения косвенного объекта или (редко) субъекта.

Способность дательного падежа выражать принадлежность — интересная особенность языка восточнославянских памятников XI—XVII вв., которая почти утратилась в современных языках (дательный вытеснялся родительным).

В языке древнерусских памятников дательный принадлежности встречается довольно часто, хотя и там больший процент выражения принадлежности падает на родительный падеж. В языке старорусских памятников — также часто, вплоть до XVII в. В языке же старобелорусских и староукраинских памятников его меньше.

1) Рассмотрим сначала дательный падеж, который стоит при подлежащем или дополнении. В современном русском языке он заменился родительным падежом или притяжательными местоимениями и прилагательными. Это — наиболее «чистый» дательный п р и н а д л е ж н о с т и.

Дательный принадлежности встретился в нашей картотеке древнерусских памятников в летописях, в житийной литературе.

---

[56] А. Б. Правдин отмечает, что дательный падеж при существительном «в русском языке (в отличие от старославянского языка) никогда не был вполне равнозначен родительному определительному падежу». На определительные оттенки дательного падежа наслаивались объектные и часто господствовали над ними. «Специфический оттенок значения, выражаемый формой дательного падежа, связан с представлением об отношении и направленности свойств, характерных для предмета, обозначаемого господствующим именем существительным, к предмету, обозначенному именем в дательном падеже» (А. Б. П р а в д и н. К вопросу о выражении принадлежности в русском языке. «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», вып. 51, 1957, стр. 107).

В древнерусских грамотах, как уже отмечали [57], дательный принадлежности не представлен — нам встретился всего один пример [58]. Видимо, можно сделать вывод, что дательный принадлежности мало употреблялся в разговорном языке [59].

В рассматриваемых памятниках дательный принадлежности чаще определяет существительные, обозначающие неодушевленные предметы. Например: таче по томь начатъкъ *пѣнию* заоутрьнюоумоу творıахоу (Ж. Феод. Печ., л. 36а); радоуıсѧ прѣдъ дверьми *храмоу* (Ж. Феод. Печ., л. 60а); и дажь времѧ *покаıнию* (Сказ. о Б. и Г., л. 17); да не ослушаıетсѧ оц҃а. створи волю *оц҃ю* (Чт. Б. и Г., л. 94); Добръ оубо и правъ путь *миродержателемъ* (К. Тур., л. 5); новогородци же сташа в лице желѣзному *полку*. противоу великои свиньи (I Новг. л., л. 144 об.); ныне же паки водою ѡчищю грѣхи *чл҃вкмъ* (Лавр. л., л. 36); и шедше биша Литву на лѣсъ. в канунъ *Спс҃ву дн҃и* (Лавр. л., л. 170 об.); В то же времѧ. преставилъсѧ бѧшеть. братъ *ему* (Ипат. л., л. 200); яко же *сл҃ню* свѣтъ — сниде на землю (Сл. Илариона, с. 43); притерпа славу *дѣду* своему *Всеславу* (Сл. о плк. Иг., л. 33—34); и ѡвержеть власть *злобамъ* (Лествица, с. 94); Вънегда скончѧша дн҃іе *авраамѫ* (Смерть Авраама, с. 79).

В старорусских, старобелорусских и староукраинских памятниках находим подобные примеры, причем (по данным нашей картотеки) меньше всего — в старобелорусских памятниках.

Ст.-рус.: Яви ми чистоту, и приемлю *ти* дерзость (Письма Ив. IV, с. 110); подобаетъ ти мужатися и храбрствовати сопротивъ не видимыхъ враговъ *Христу* (Письма Курб., с. 450); посылал еси ангелы лютыми путь сотворити, стезю *гневу* своему (Аввакум. Письма, с. 259); часть *ему* собѣ отдѣли, другую же часть царю Семіону Казанскому поручи (Пов. Кат.-Рост., с. 561); и врата *граду* отворяють (Пов. Кат.-Рост., с. 609; последовательно 8 раз в памятнике); и своему осадному *сиденью* привезли роспись (Пов. об азов. взятии, с. 60); *гладу* время приближается (Сатиры о пьянстве, с. 62); жадает *ми* душа пития (Сатиры о пьянстве, с. 85); Аспидноı перстень *Лукѣ* на рукѣ (Пословицы XVII в., л. 325). Ст.-бел.: *Житу* добрый урожай былъ (Лет. Баркул., л. 167 об.); такъ сѧ коне(ц) ста(л) *кн҃зю* великому *Кесну(т)ю*

---

[57] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот, стр. 362.

[58] а то даю ст҃му Олександру *собѣ* в поминанье (Дух. гр. Ив. Калиты 1327—1328 г., II вар., Черепнин, № 1б) — этот пример недостаточно четкий, так как господствующее существительное указывает на процесс действия и дательный при нем обозначает субъект действия (см. об этом ниже).

[59] А. Б. Правдин высказывает предположение, что «дательный падеж принадлежности и в древнейший период не представлял собою вполне живого языкового явления и что многие случаи его употребления объясняются влиянием церковнославянской традиции» (А. Б. Правдин. К вопросу о выражении принадлежности в русском языке, стр. 109—110).

(Лет. Рачин., с. 262); далъ роукою. за шію *езоусови* (Страсти Христовы, л. 8); ѡна мыслит ѡ смерти *Трьщану* (Пов. о витязях, с. 11); и ѡгледали *ему* ран (Пов. о витязях, с. 66—67). Ст.-укр.: <ѡставили есмо попа м(ихаил)а...> церкви с҃тому р(оже)тву (Медык. гр. 1415 г., Укр. гр. № 47); любовъ посиляеть сердце и душу *человѣку* (Отв. клир. Острож., с. 430—431); а братъ *ми* Левъ. и Мьстиславъ. и с҃новець *ми*. во здоровьи ли (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 298); приде кнагини его. и сестра *емоу* Ѡлга (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 303 об.); идеже плач и скрежет *зубом* (Виш. Книжка, с. 117); сей камень укоренный отъ васъ зиждущихъ, бывый во главу *углу* (Палин. Копыст., с. 339); ани конца вѣчнымъ *мукамъ* не признавали (Ист. о Флор. соборе, с. 456).

2) Некоторые исследователи выделяют дательный отношения[60], когда к значению принадлежности прибавляется оттенок, указывающий на степень родства, отношения дружбы и вражды, господства и подчинения и т. д. А. Б. Правдин справедливо считает, что этот оттенок появляется в тех случаях, когда дательный падеж стоит при личном существительном — именной части сказуемого. Слово в дательном при этом — местоимение или существительное со значением лица. А. Б. Правдин отмечает ограниченность лексического состава слов, способных входить в соответствующие конструкции.

Др.-рус.: вы *ми* будѣте господиѥ мои азъ *вамъ* рабъ (Сказ. о Б. и Г., л. 14а); сь же котѧнь бѣ тьсть *мьстиславоу* галиць-скомоу (I Новг. л., л. 96 об.—97); ты ѥси *намъ* всѣ҃ ѡц҃ь (Лавр. л., л. 62 об.); то *намъ* ворогъ всимъ (Ипат. л., л. 137); то тыи буде҃ ѡбоимъ *дѣтемъ* ѡц҃ь (Ипат. л., л. 175).

В старорусских, старобелорусских и староукраинских памятниках этих конструкций больше.

Ст.-рус.: да будет *всем* слуга (Моск. гр. 1572 г., Дух. дог. гр., № 104); и онъ старому *государю* холопъ (Суд. Ив. IV, с. 251); что *исцу* его судья другъ или свои (Улож. 1649 г., с. 25); Отец *ми* бысть священник Петр (Аввакум. Житие, с. 59) а *мне* муж он (Сказ. про Бову, с. 468); *Аврамѫ* отецъ Фара, а жена *емѫ* Сарра (Пословицы XVII в., л. 323 об.); Хто *бабе* не внѫкъ (Пословицы XVII в., л. 374). Ст.-бел.: ижь ѡни *Мжуру* — дядковичи (Вил. гр. 1514 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 169); абы *ему* была ма(л)жон(н)кою (Лет. Рачин., с. 246); хоть сестреницы *ей* (Дневн. Евлаш., с. 141); тое речи дла были *собе* непрыятелми геро҃ и пила҃ (Страсти Христовы, л. 23 об.); которые еще с початку *угром*, завжды непрыятелми бывали (Ист. о Атыле, с. 185); иж не естъ панна непрыятель *Трьщану* (Пов. о витязях, с. 16);

[60] А. Б. Правдин. К вопросу о выражении принадлежности в русском языке, стр. 111—113; Я. А. Спринчак. К истории функции дательного падежа в восточнославянских языках, стр. 68—69.

и *намъ* еси всим господар (Пов. о витязях, с. 76); то *ми* сестра старшая (Пов. о витязях, с. 104); я хочу быти слугою *пану Анцолоту* (Пов. о витязях, с. 106). Ст.-укр.: хочете ль *нам* бит приятелями (Укр. гр. 1648 г., Вос. Укр. с Рос., т. II, № 20); оужика *ми* сватъ еси (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 275); ты оуже не братъ еси *братоу* своемоу (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 284); нехай будутъ всѣмъ *вамъ* неволникъ (Палин. Копыст., с. 462).

У слова в дательном падеже появляется оттенок предназначения, если оно относится к именной части составного сказуемого — существительному, обозначающему предмет. В дательном падеже могут стоять существительные, обозначающие и лицо и предмет.

Др.-рус.: Добра жена вѣнець *мужу* своему (Сл. Дан. Зат., л. 283); и судъ мои свѣтъ *странамъ* (Лавр. л., л. 33 об.); донелѣ же обрете домъ истины. прибижище всі хртыаномъ (Ипат. л., л. 209 об.); а земля подножие *ногома* моима (О всей твари, с. 349). Ст.-рус.: церковь — *духу* святому жилище (Аввакум. Письма, л. 232); Москва стол великому *княжеству* (Пересветов, с. 78); свет бо *ему* разум (Сатиры о пьянстве, с. 65—66); Похвала *мужу* пагуба (Пословицы XVII в., л. 363); Сердитая собака *волку* корысть (Пословицы XVII в., л. 368). Ст.-укр.: дроу вѣренъ, оутѣха есть *житію* (Грам. Смотр., с. 332); ты еси король голова всимъ *полкомъ* (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 278); А в тебе што середа — рождество *череву* (Виш. Книжка, с. 42); камень утечка *заяцемъ* (Палин. Копыст., с. 382).

3) При существительном, обозначающем лицо действующее, дательный падеж указывает, на что деятельность этого лица направлена; определительный оттенок здесь слабеет, и значение дательного приближается к значению прииненного родительного объекта. В дательном падеже в этом случае могут стоять существительное, обозначающие как лица, так и предметы, причем управляющее слово чаще входит в состав сказуемого.

Др.-рус.: кънѧже нашь милыи и драгыи и блженыи. водителю *слѣпыимъ* (Сказ. о Б. и Г.); иже бѣ властелинъ *граду* тому (Чт. Б. и Г., л. 105а-б); будете блговѣстьницѣ человѣчьскому *спнию* (К. Тур., л. 32); защититель *животу* моему (Лавр. л., л. 147); мчтль другымъ *члвкомъ* (Ипат. л., л. 197 об.); оуправитель *стадоу* (Ипат. л., л. 220); яко единъ есть Бъ творечь *невидимымъ* и *видимы(и)мъ* же, нбнымъ и земнымъ (дь) (Сл. Илариона, с. 64); самъ же будеть *странамъ* спсъ (Лествица, с. 94). Ст.-рус.: собесѣдникъ *старцу* Іосифу Преподобному (Рус. гр. 1584—1585 гг., АИ, т. I, № 216); *Государю* еси измѣнникъ (Отрывок розыскн. дела, АИ, т. I, № 140); ибудетъ самъ убоецъ *тѣлу* своему (Уч. и хитр. ратн. строения, с. 41); повелитель

бывшему нашему *боярину* и *воеводѣ*, *князю Андрѣю Михайловичу Курбскому* (Письма Ив. IV, л. 53 об.); и Никону, завотчику *ересямъ*, досталось небольшое место (Аввакум. Житие, с. 106); И оттоль пріиде къ нему воевода и властель Свицкому *воинству* (Пов. Кат.-Рост., с. 593); продавецъ *мясу* и *рыбѣ* (Пов. Кат.-Рост., с. 613); и *Мнѣ* ругатели бываютъ (Пов. о видении, с. 182); Ты, кабаче, *дому* моему разоритель и *ближним* моим разлучитель (Сатиры о пьянстве, с. 83); Мѫжь *домѫ* строитель *нищитѣ* огонитель (Пословицы XVII в., л. 355). Ст.-укр.: боуди ѿмѣстник. твоеи *соромотѣ* (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 293 об.); Спасения вашего *вам* истинный желатель (Виш. Книжка, с. 8); диавол *истиннѣ* сопротивник (Виш. Книжка, с. 106); *животу* Податель (Палин. Копыст., с. 419); посредникъ *Богу* и *чловѣкомъ* (Палин. Копыст., с. 488—489); они *ему* были споспѣшницы (Переторога, с. 233).

В старобелорусских памятниках подобных примеров не встретилось.

4) В отдельную группу можно выделить дательный при существительных, обозначающих процесс действия. В этом случае дательный указывает на субъект или объект действия[61].

Др.-рус.: на потверженъе. тѣмъ *словомъ* (Гр. Фебруна о продаже 1391 г., Собол. и Пташ., № 26); манастырь славьнъ сътворити. на събьраниѥ *множьствоу* чьрнць (Ж. Феод. Печ., л. 31б); и часто поклониѥ *колѣномъ* творити (Ж. Феод. Печ., л. 44а-б); чающе движеныа *водѣ* (К. Тур., л. 36—37); покланѧние ѿцѫ і *сн̄ѫ* и *ст̄мѫ дх̄ѫ* (Фед. Тирон, с. 99); изииде въ срѣтение *емоу*... бѣ же въ тъ дн̄ь положение *веригамъ* (Ипат. л., л. 123 об.); не дас похуления *святительству* (О Мельхиседеке, с. 30). Ст.-рус.: рукохватаніе *мушкѣту* (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 8); во исправленіе церковному *благочинию* и царскому *благозаконію*. и всякому земскому *строенію* (Стоглав, с. 27); и бысть от нихъ злое и тяжкое всѣмъ *христіяномъ* озлобленіе (Ст. о Смуте, с. 1302); неугодно мѣсто то на пребываніе *войску* (Пов. Кат.-Рост., с. 590); уповая отмщения *врагомъ* своимъ (Пов. Кат.-Рост., с. 615); и купи ими село Скудельниче въ погребенье *страннымъ* (Пут. Моск. купцов, с. 146); Таже величание *кабаку* (Сатиры о пьянстве, с. 78); Ищѣление *грѣшномѫ*. покояние вѣрное (Пословицы XVII в., л. 377).

В староукраинских и старобелорусских памятниках дательного падежа при существительных, обозначающих процесс действия, значительно меньше.

Ст.-бел.: ѡ будованье *дому* (Вил. гр. 1514 г. Лит. метр., т. I, кн. 1, № 72); тогды было после(д)нее вздатье *Смоленску* (Лет. Рачин., с. 265—266); коу датію наоуки с̄пс̄еніа *людоу*

[61] В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 468.

его на ѿпоущеніе *грехо*ᵛ ихъ (Страсти Христовы, л. 27 об.); скороченье моему *жыботу* (Пов. о витязях, с. 81). Ст.-укр.: на которомъ ся стало всему *свѣту* спасеніе (Отв. клир. Острож., с. 410); *полоненикомъ*. ѿпоущение и *слѣпымъ* прозрѣние (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 291); просвѣщение *душам* нашим (Виш. Книжка, с. 84); отпущению *грѣхом* (Виш. Книжка, с. 103); и исцѣление кождо своему *недугу* приемлют (Виш. Книжка, с. 128).

5) Е. С. Истрина[62] и Е. Ф. Карский[63] отмечали в своих работах, что дательный принадлежности может относиться и к существительному и к глаголу, поэтому трудно бывает определить, от чего зависит слово в дательном падеже — от глагола или от существительного (это касается и современного русского языка): не хощю смрти *грѣшникоу* (I Новг. л., л. 132—132 об.); оумыю нози *гостю* (Смерть Авраама, с. 80) и т. д.

Из числа случаев с двусторонней зависимостью дательного падежа от глагола и существительного[64] интересны те, где в дательном падеже совмещаются оттенки принадлежности, косвенного объекта и дательного заинтересованного лица (в большей или меньшей степени).

Др.-рус.: срдце *ми* горить (Сказ. о Б. и Г., л. 9б—в); и оутвьрдистасѧ *немоу* нозѣ (Сказ. о Б. и Г., л. 2а—б); а дружину *ти* избивають (Ипат. л., л. 177 об.); и се бы ѡдинь бои первого дни на болоньи *Мьстиславу* со Всеволодомъ (Ипат. л., л. 204—204 об.); и ѿверъзостасѧ *емоу* ѡчи (Сл. о Адаме и Еве, с. 10). Ст.-рус.: яко же *язычникомъ* бѣ обычай (Письма Курб., с. 397); и жилище было *Израильтяномъ* (Пут. моск. купцов, с. 154); *Кому* боляᵀ кости. не думаетъ в гости (Пословицы XVII в., л. 351 об.). Ст.-бел: потопталъ *ми* на селищи жито (Вил. гр. 1510 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 20); домъ *имъ* сграбили кгвалтомъ (Вил. гр. 1514 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 143); Соими *ми* главу (Пов. о витязях, с. 65); скинулъ *Геушу* гелмъ з головы (Пов. о витязях, с. 96); штобы сѧ *Трыщану* нога у стрымени рушыла (Пов. о витязях, с. 100); коли *еи* ѯже почаᴬ живоᵀ нарастаᵀ (Александрия, с. 27). Ст.-укр.: избиша *емоу* люди (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 264 об.); бѣ бо нзва *емоу* на нозѣ (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 277); одинъ, мовитъ, характиръ *всѣмъ* (Палин. Копыст., с. 422); абы такъ *ему* овцы полецилъ (Палин. Копыст., с. 489); А *вам* нехай сердце от страху не умливает (Сл. о збур. пекла, с. 129).

---

[62] Е. С. Истрина. «Синтаксические явления Синодального списка I-й Новгородской летописи». «Изв. ОРЯС», т. 24, кн. 2. Пг., 1923, стр. 161.

[63] Е. Ф. Карский. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи, стр. 34.

[64] В эту же группу относим примеры с глаголом *быть*.

Большинство из этих примеров можно перевести как сочетанием «*у*+род. п.», так и притяжательным местоимением или прилагательным (каждый из примеров содержит оттенок дательного заинтересованного лица).

В русском литературном языке такие обороты совсем не употребляются. Однако в говорах широко распространены выражения типа *голова м н е болит*.

В белорусских и украинских говорах также представлены такие обороты. В украинском языке: Дуже *мене* живіт болить (Ж. С. II. 192); *дитину* живіт болить; Мамка твому *дитині* у ніжках лежить (Чуб. V, 374); *Му* два зуби з писку вискочили (Ж. С. IV, 374)[65]. «. ... современному белорусскому языку эти обороты также известны, хотя и не особенно распространены»: *яму* живот, гылыва болиць (Мат. Б. № 18, Витебск.); *яму* балиць галава (Парич.)[66]. *Мне* баліць галава (Бел. диалект. атлас, 223 карта).

Рассмотренный нами «чистый» дательный принадлежности в современном русском языке не встречается, за исключением единичных сочетаний, например: цена *людям*, мера *силам*, корм *скоту* и др. (но и здесь есть оттенок назначения)[67].

«Наблюдается также застывание дат. пад. в составе отдельных строго ограниченных предложений. . . в частности, в предложениях с глаголом *быть* или словом *нет* в качестве сказуемого (ср. современные *нет конца*, *исхода* чему-нибудь, всему *есть конец* и т. п.)»[68].

Дательный отношения при существительных, входящих в состав сказуемого, устойчиво сохраняется в XIX в. «при названиях лиц по их отношению к другим лицам (Я невеста *другому* (Фонв., Бригадир, 1, 2); навсегда остался другом *Изяславу* (Карамз. И. Г. Р., Н, XII)»[69].

При существительных, обозначающих лицо действующее (мучитель *ему*), во второй половине XIX в. «становится обязательным распространение род. п. как в непредикативном, так и в предикативном употреблении»[70].

При существительных, обозначающих процесс действия, дательный падеж малоупотребителен уже в начале XIX в., в 30—

---

[65] Примеры взяты из кн.: Є. Тимченко. Номинатив і датив в українській мові, стр. 53, 55.

[66] Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3, стр. 413—414.

[67] «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, стр. 241.

[68] «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в системе словосочетаний в русском литературном языке XIX века», стр. 167.

[69] Там же, стр. 170—171.

[70] Там же, стр. 172.

40-е годы XIX в. он совсем выходит из употребления. Единственной формой выражения объекта при таких существительных становится родительный падеж [71].

Б. При имени прилагательном

Слово в дательном падеже при прилагательном обозначает косвенный объект. Значение косвенного объекта при глаголе и прилагательном одинаково, только косвенный объект при глаголе указывает на лицо или предмет, в сторону которого направлено действие, обозначенное глаголом, а косвенный объект при прилагательном — на лицо или предмет, в сторону которого направлено свойство, качество другого предмета, обозначенного прилагательным.

Прилагательное чаще всего входит в состав сказуемого, и поэтому его функция приближается к глагольной. Приведем некоторые примеры.

Др.-рус.: бѣше бо и *книгамъ* хытръ (Ж. Феод. Печ., л. 44г; см. еще Лавр. л., л. 59 об.); сын послушьливъ *оцю* бѣ (Сказ. о Б. и Г., л. 18а); Бѣ же Ростиславъ добль ратенъ... и млтвъ *оубогымъ* (Лавр. л., л. 56); аже кто боудеⁿ *мнѣ* золъ (Ипат. л., л. 134); и бѣ бо любезливъ *питию* многомоу (Ипат. л., л. 229—229 об.); свѣтлое и пресвѣтлое слънце! *всѣмъ* тепло и красно еси (Сл. о плк. Иг., с. 39). Ст.-рус.: боже, милостив буди *мне, грешнику* (Моск. гр. 1572, Дух. дог. гр., № 104); ратнымъ *дѣламъ* искусенъ (Уч. и хитр. ратн. строения, с. 34); доброхотныхъ *намъ* (Письма Курб., с. 134—135); зело *грамоте* горазд (Аввакум. Житие, с. 110). Ст.-бел.: сына *намъ* милого (Дневн. Евлаш., с. 139); чимъ есть *тобе* виноватъ бы (Страсти Христовы, л. 1 об.); была *емоу* велми ласкава (Страсти Христовы, л. 2); *тобѣ* Трыщанъ невинен былъ ничимъ (Пов. о витязях, с. 12); естеᵉ ровеᵘ *с(о)лнцеви* (Александрия, с. 45). Ст.-укр.: однакъже и в новомъ законѣ моемо *тымъ* подобных много прикладовъ (Отв. клир. Острож. с. 398); и не можахоу оумѣстити во ворота зане мостъ бѣше оузокъ *воротамъ* (Ипат. л. (Гат.-Вол.), л. 284 об.); зане ж ест плодоноснѣйший от всѣх языков и *богу* любимший (Виш. Книжка, с. 23); достоин ест *муцѣ* (Виш. Книжка, с. 83); если Господь Богъ милостивъ будетъ *намъ* (Палин. Копыст., с. 505—506).

* * *

Таким образом, из сказанного выше следует, что в восточнославянских памятниках XI—XVII вв. беспредложный дательный

[71] «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе словосочетаний в русском литературном языке XIX в.», стр. 167.

представляет собой гораздо более сложную, разветвленную систему значений, чем в современных восточнославянских языках.

В истории восточнославянских языков произошел процесс сужения значения дательного падежа.

1. Сужение значения беспредложного дательного падежа происходило в основном за счет утраты тех значений, которые не отвечали основному значению дательного падежа — обозначать лицо или предмет, в сторону которого направлено какое-либо действие или признак (т. е. быть косвенным объектом). Так утратились: а) дательный принадлежности; б) беспредложный дательный направления, употреблявшийся в восточнославянских памятниках XI—XVII вв. наряду с предложными сочетаниями; этот дательный постепенно вытеснился сочетаниями с предлогом (в русском литературном языке «*в*+вин. п.» и «*к*+дат. п.», в белорусском и украинском литературных языках — «*до*+род. п.»); в) дательный заинтересованного лица; он остался в восточнославянских языках лишь в некоторых выражениях (он идет *себе*, он *себе* и в ус не дует, він *собі* и думає и т. д.).

2. Основные функции дательного падежа, свойственные языку восточнославянских памятников XI—XVII вв., сохранились в современных восточнославянских языках. Это — дательный косвенного субъекта и дательный косвенного объекта. Лишь некоторые группы глаголов, которые могли иметь при себе дательный косвенного объекта в восточнославянских памятниках XI—XVII вв., в связи с изменением семантики перестали управлять дательным падежом (это касается некоторых глаголов группы душевного движения и глаголов отнимания, удаления).

3. Указанные тенденции развития значений дательного падежа без предлога частью проявляются уже в древнерусских памятниках (ср. малую распространенность дательного направления, дательного заинтересованного лица).

Более отчетливо они проявляются в восточнославянских памятниках XV — перв. пол. XVII в. (ср. исчезновение дательного направления и места названий городов, единичное употребление дательного направления названий лиц, исчезновение дательного заинтересованного лица (кроме местоимения *себе* в определенных сочетаниях).

Но наиболее быстро указанные процессы (полная утрата беспредложного дательного направления названий лиц, утрата «чистого» дательного принадлежности) протекали, видимо, в позднейший период (вторая половина XVII—XIX вв.).

ВИНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

Раздел посвящен истории синтаксических функций форм винительного падежа без предлога, процессу оформления и закрепления за этими формами основной функции — прямого

объекта или дополнения при сказуемом, выраженном переходным глаголом.

Уже в самых ранних древнерусских памятниках формы винительного падежа без предлога в большинстве случаев употребляются в функции прямого объекта по нормам, совпадающим с современными, и только в очень редких случаях мы находим такие особенности употребления этих форм, которые можно рассматривать как следы предшествующих стадий развития языка. Это особенности употребления форм винительного падежа при глаголах речи, мысли и чувства, при глаголах движения и при образовании конструкций, обозначающих время.

Рассматриваемые примеры позволяют проследить некоторые специфические общие процессы, связанные с дифференциацией и вычленением таких значений форм винительного падежа, которые вели к более четкому определению его синтаксической функции и значения. Так, для сочетаний форм винительного падежа с глаголами речи, мысли и чувства характерен процесс дифференциации значения прямого и делиберативного объекта, для сочетаний форм винительного падежа с глаголами движения — уточнение качества переходности глаголов и выделение конструкций со значением цели, а для временных конструкций — дифференциация значения полностью и частично занятого действием времени.

Мы сосредоточим внимание на тех материалах, в которых сохранились исторические особенности употребления форм винительного падежа без предлога, и при этом особо остановимся на каждой из названных выше группе примеров.

Винительный падеж без предлога при глаголах речи, мысли и чувства [72]

В связи с изучением синтаксического употребления форм винительного падежа при глаголах речи, мысли и чувства встает вопрос о разграничении двух оттенков значения объекта: прямого и делиберативного (косвенного).

Наши материалы из памятников древнерусского языка подтверждают мысль А. А. Потебни о том, что некогда эти два оттенка значения не различались в сознании говорящих и вследствие этого и в языке не было формальных средств для их разграничения [73]. Примеры: и паки рцѣмъ съ Дв҃дмь въспоите

---

[72] Здесь, как и в дальнейшем, рассматриваются на равных основаниях примеры как при глаголах, так и при отглагольных образованиях.

[73] «Чем далее продвигаемся в старину, тем чаще встречаем в языке отсутствие предложных объектов, из чего — вероятное заключение, что было такое время, когда оба рода объектов, вовсе не различаясь в сознании, одинаково выражались простым винительным» (А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 296).

Гви пѣ нову воспоите Гви вс^ землѧ воспоите Гви блгвте *имѧ* ѥго блгте дн҃ь ѳ̄ дн҃е съпасеныѧ ѥго възвѣстите во ꙗзыцѣ^ *славу* ѥго въ всѣ^ ꙗзыцѣ^ *чюдеса* ѥго ꙗко велии Гь и хваленъ зѣло и величью ѥго нѣ^ конца (Лавр. л., л. 41 об.); велаще имъ глати *видѣныѧ* ꙗвлающесѧ имъ (Лавр. л., л. 60 об.); и молистасѧ ѥму и повѣдаста *молбу* кыꙗнъ (Лавр. л., л. 89); и съзови Кыꙗны всѣ ато молвита си мужа *лесть* Черниговски^ кнѧзии (Лавр. л., л. 105); Другаго дни велми рано кровавыя зори *свѣтъ* повѣдаютъ (Сл. о плк. Иг., с. 12); звоня Рускымъ златомъ поютъ *время* Бусово, лелѣютъ месть Шароканю (Сл. о плк. Иг., с. 25—26); и тако въспоминаше томоу *страхъ* бж̄ии и *любъвь* ѥже къ братоу (Ж. Феод. Печ., л. 59г); и помышлꙗше слово премоудрааго соломона (Сказ. о Б. и Г., л. 11а); Помышлꙗшеть же *мчниѥ* и *страсть* сто̄го мч̄нка никиты (Сказ. о Б. и Г., л. 11а); да ти скажу *оудивление* (Сл. о Адаме и Еве, с. 10); и скажи ми *видѣнье* се ѥже видѣхъ (Лествица, с. 92).

Однако в нашем распоряжении имеются также примеры из самых ранних памятников древнерусского языка, в которых уже отражена дифференциация оттенков значения объекта при глаголах речи, мысли и чувства. В этих примерах объект с делиберативным оттенком значения обозначен местным падежом с предлогом *о*, а формы винительного падежа без предлога обозначают объект, который может быть понят и как прямой и как косвенный (делиберативный): они же исповѣдаша имъ всѧ по рѧду *бывшаѧ* (Чт. Б. и Г., л. 109в); ꙗже *о* блаженѣмь *ѳеодосии* исповѣдающе (Ж. Феод. Печ., л. 53а); и ѥгда хотꙗхоу страньнии отъити възвѣстиша оуноши свои ѳ̄*ходъ* (Ж. Феод. Печ., л. 28в); и възвѣщено бысть старцю *о неи* и се изиде къ неи (Ж. Феод. Печ., л. 32а); и ѳ̄ радости же не ѳ̄врьзе воротъ нъ текъши повѣда оучеником *приходъ* ѥго (Ж. Феод. Печ., л. 40г); повѣдаша же ꙗрославу *о* всемь *семь* (Сказ. о Б. и Г., л. 19а—б).

При выборе этих примеров мы старались нагляднее показать противопоставленность двух значений, для чего сопоставили предложения с одинаковыми глаголами из двух близких по языку памятников. Однако если оттенок делиберативности несомненно свойствен примерам в предложном падеже с предлогом *о*, то о значении примеров в предложном падеже без предлога с полной уверенностью судить нельзя. Формы винительного падежа без предлога еще не связаны с каким-либо определенным оттенком значения объекта, их синтаксическая функция уточняется по мере того, как происходит закрепление делиберативного значения за конструкциями с предлогами и вследствие этого все более отчетливо, уже на формальной основе, определяется противопоставление двух оттенков значения объекта — прямого и де-

либеративного. Мы не считаем случайным именно такое распределение формальных средств языка для выражения оттенков значения объекта при глаголах речи, мысли и чувства. В этом распределении отражена общая тенденция к закреплению за формами винительного падежа без предлога синтаксической функции прямого объекта при переходных глаголах [74].

Исследованные нами памятники древнерусского языка содержат материал, который показывает, что свойство переходности у глаголов речи, мысли и чувства было выражено по-разному для каждого глагола этой группы и что в этом отношении эти глаголы не представляли единства. Глагол *видѣти*, например, в силу своего значения, предполагающего обязательность непосредственного восприятия объекта, сочетался всегда только с формами винительного падежа без предлога, и эти формы всегда выступают при нем в функции прямого объекта. Никаких сочетаний с предлогами при этом глаголе не образуется. Таким образом, глагол *видѣти* является переходным во всех случаях, когда он употребляется с объектом (такая же особенность присуща этому глаголу и в современном русском языке).

Примеры: радовашесѧ ꙗрославъ вида *множьство* цр҃квии (Лавр. л., л. 52); види҃ бо *игрища* оутолочена и людіи много множьство (Лавр. л., л. 57 об.); ѿ тѣх приде хотѧ видѣти дивныи то *взрастъ* ѥго (Лавр. л., л. 168 об.); они же видѣвъше *чюдо* се оужасошасѧ и трепетьни бывъше (Ж. Феод. Печ., л. 47б); *се* же не ѥдинъ ни дъва видѣста нъ мъногы людиѥ видѣвъше сиѫ съповѣдаху (Ж. Феод. Печ., л. 56г); и се видѣ *стълпъ* огньнъ (Ж. Феод. Печ., л. 64в); сего ради приходя ісъ к Иерлиму и видѣвъ *градъ* прослезися о немъ (Сл. Илариона, с. 51—52).

Глагол *слышати* в своем основном значении, так же как и глагол *видѣти*, употреблялся только в сочетаниях с прямым объектом, выраженным винительным падежом без предлога: то оуслыши *мл҃тву* ѥго (Лавр. л., л. 43); *се* слышавъ Володимер расплакавъсѧ (Лавр. л., л. 89); *то* слышавъ келарь ѿиде (Ж. Феод. Печ., л. 50в); они исповѣдаша имъ всѧ по ряду бывшаѧ стражье же *то* слышавше скоро шедше (Чт. Б. и Г., л. 109в); и сѣдѧ над нею хотѧще *нѣчто* слышати ѿ неѧ (Чт. Б. и Г., л. 113в); азъ же прослав҃хъ б҃а ꙗко сподоби мѧ слышати *всѧ* сихъ же жадахъ (Чт. Б. Г., л. 114в); Но глагол *слы-*

[74] Следует иметь в виду, что свойство переходности в современном языке присуще глаголам речи, мысли и чувства как бы факультативно, оно проявляется только в определенных контекстах. По-видимому, такие же особенности были характерны для этих глаголов и в древнерусском языке. Подробнее об этом см. в кн.: А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. II. Братислава, 1960, стр. 350, 351.

шати употреблялся также и со значением 'знать со слов других, по рассказам' (определение И. И. Срезневского). В этом втором значении этот глагол образует многочисленные сочетания с объектом в форме винительного падежа без предлога, который употреблен в деливеративном значении, но это значение еще не получило формального обозначения: и слышавъ Изѧславъ *бывшеѥ* скопи дружину свою (Лавр. л., л. 106 об.); Тѣмь же оубо слышаще кнѧзи и болѩре доброѥ ихъ *житиѥ* (Ж. Феод. Печ., л. 40а); ꙗко же многашьды ми слышащю доброе и чистое *житиѥ* прⷪдобьнаго и бⷪносьнааго и блаженааго реку оⷰца нашего Ѳеодосиѧ (Ж. Феод. Печ., л. 67б—в); слышавши же *чюдеса* бываѥмаѧ ѿ стⷪую стрⷪпцю бориса и глѣба (Чт. Б. и Г., л. 113г—114а); И услыша великий князь Юрьи Ингоревич Рязанский *приход* безбожнаго царя Батыя (Пов. о раз. Ряз., с. 10); И услыша великий князь Юрьи Ингоревич *убиение* возлюбленаго сына своего (Пов. о раз. Ряз., с. 10).

Наряду с употреблением при глаголе *слышати* объекта в винительном падеже с недифференцированными формально оттенками значения, в наших материалах встречаются примеры, в которых при этом глаголе объект с деливеративным значением выражается формой предложного падежа с предлогом *о*: Всеволодъ же Гюргевичь слышавъ ѡ *Перѳюрьи* ѡже тако створилъ (Лавр. л., л. 137); и тако оустрьмисѧ к кыѥвоу городоу бѣ бо слышалъ *о манастырихъ* тоу соущиихъ (Ж. Феод. Печ., л. 31а); Тъгда же бо слышавъ *о блⷪженѣмь Антонии* живоущиимь въ пещерѣ (Ж. Феод. Печ., л. 31б);

Наиболее сложным является определение характера управления глагола *вѣдати* и производных от него глаголов с приставками. В многочисленных примерах с этим глаголом часто не удается определить, с каким оттенком значения употреблен при нем объект. Примеры: і ꙗко оувѣдаша пльсковичи *погоню* ѿслаша полонъ (I Новг. л., л. 142 об.); придоша ѡпѧть ко цⷬрю и повѣдаша ему *всѧ* бывшаѧ (Лавр. л., л. 22); *се* же оувѣдѣвше людье бе-щисла снидошасѧ (Лавр. л., л. 45); и проповѣдающи *наитье* ꙗзыка (Лавр. л., л. 56); посла Володимеръ к брату повѣдаѧ *оубиистьво* Игорево (Лавр. л., л. 106); а ныне есмь оувѣдалъ *любовь* ваша праваѧ с сⷪном моимь (Гр. полоц. епис. Иакова, ок. 1300 г., Гр., касающ., VI); Тъгда же старѣи пекоущимъ шъдъ съповѣда блⷪженоуоумоу Ѳеѡдосию *пакости* нечистыихъ бѣсовъ (Ж. Феод. Печ., л. 38в); мънози приходѧще повѣдахоуть ѥмоу *гнѣвъ* кнѧжь (Ж. Феод. Печ., л. 58в—г); и тако съповѣда сущимъ тоу ꙗвлениѥ блаженаго (Ж. Феод. Печ., л. 66а); Повѣдаѧ ѥмоу очю *съмрьть* како престависѧ оⷰць ѥго василии (Сказ. о Б. и Г., л. 9а—б); тъгда миронѣгъ повѣда кнѧзю обѣ *чюдеси* (Сказ. о Б. и Г., л. 19г); Они же

исповѣдаша имъ *вса* по ряду бывшая (Чт. Б. и Г., л. 109в); К сему(ж) кто исповѣсть многыя твоя нощныя *млтня* и дивныя *щедроты* (Сл. Илариона, с. 32); и повѣдаша соломонъ *створение* китовраше (Пов. о китоврасе, с. 255).

Глагол *вѣдати* мог употребляться и с предлогом *о* с формой предложного падежа: повѣдаша же ꙗрославоу *о всемь* семь (Сказ. о Б. и Г., л. 19а); И *о томъ* оувѣдѣвъ оканьныи (Чт. Б. и Г., л. 99г).

Таким образом, вопрос об оформлении значения делиберативности объекта при глаголах речи, мысли и чувства не может решаться однозначно для всех глаголов, входящих в эту группу. Хотя эти глаголы и обладают рядом общих свойств, важнейшее из которых для нас — способность образовывать сочетания с прямым и косвенным объектом, однако каждый из них проходит своеобразный путь развития и им по-разному присуще свойство переходности.

Как уже упоминалось, в результате дифференциации значения объекта при глаголах речи, мысли и чувства значение делиберативного объекта в большинстве случаев переходит к формам местного падежа с предлогом *о* [75]. Остановимся подробнее на этом процессе, так как в его осуществлении можно наблюдать некоторые общие явления, касающиеся расширения сферы употребления объекта с делиберативным значением.

В наших материалах формы винительного падежа без предлога встретились при следующих глаголах из группы глаголов речи, мысли и чувства: *видѣти*, *вѣдати*, *знати*, *зрѣти*, *молвити*, *мыслити*, *помнити*, *поминати*, *рѣкти*, *слышати*, *съказати* (мы не включаем в этот перечень разнообразные приставочные глаголы с этими основами). Следовательно, и формы винительного падежа без предлога в качестве прямого объекта встречаются в памятниках древнерусского языка в сочетаниях только с этим весьма ограниченным кругом глаголов, хотя относительная частота их употребления довольно высока [76].

Формы же местного падежа с предлогом *о* встречаются в наших материалах не только в сочетаниях с большинством

---

[75] В редких случаях делиберативное значение винительного падежа может также уточняться предлогом *про*.

[76] Для иллюстрации частоты употребления интересующих нас словосочетаний воспользуемся подсчетами, сделанными Р. С. Лионом: «Язык памятников XI—XIV вв. характеризуется относительно безразличным употреблением в одинаковой синтаксической функции как винительного падежа без предлога, так и местного с предл. *о*. . . При глаголах речи и сообщения мыслей уже в этот период времени была предпочтительнее форма местного падежа с *о*. (Винительный при этих глаголах составляет 36 проц., местный с предл. *о* — 64 проц.). При глаголах мышления и познания доминирующей является форма винительного падежа. (Винит. — 55 проц., местный с *о* — 45 проц.)» (Р. С. Лионн. Выражение делиберативных отношений в древнерусском языке. «Уч. зап. Ивановского пед. ин-та», т. XVII, 1958, стр. 32)

из перечисленных выше глаголов, но также и с целым рядом других, значение которых близко к сфере значений глаголов речи, мысли и чувства, например: не тужи ѡ *сн҃у* (Ипат. л., л. 125); и тако оугадаста *о поути* своемъ (Ипат. л., л. 134 об.); негодоваша ѡ *томъ* (Ипат. л., л. 210); или кто не возрыдает *о селице* народе (Пов. о раз. Ряз., с. 15).

Еще более широк круг возвратных глаголов, употребляющихся в сочетаниях с предлогом *о* и формой местного падежа в делиберативном значении: на свѣтло на Вскр҃нье Гн҃е веселѧщиса ѡ *Бз҃ѣ* (Лавр. л., л. 62); сжаліси ѡ *погыбели* людьстѣи (Лавр. л., л. 116 об.); но паче радуѥтсѧ ѡ *пролитьи* крови (Лавр. л., л. 116 об); вси дивишасѧ ѡ *см҃рти* ѥго (Лавр. л., л. 117); и ѡ *томь* сѧ каете (Ипат. л., л. 113 об.); и поча сѧ молити ѡ *братанѣхъ* свои҃ (Ипат. л., л. 172 об.); *о немъ* сѧ прашати (Гр. неизв. Смол. кн. немцам ок. 1230 г., РЛА, № 452); и чюдивъписѧ *о премоудрости* отрока (Ж. Феод. Печ., л. 29г); мы же вельми радоуѥмъсѧ *о прихожении* (Ж. Феод. Печ., л. 40—41а); *о* сеи *одежи*... роугахоусѧ (Ж. Феод. Печ., л. 43а); умьздилъ ѡ *мнѣ* пекущасѧ чловка (К. Тур., с, 38); *о церквах*... печашеся (Пов. о раз. Ряз., с. 18); раскаѥтьсѧ... *о страданиихъ* (Лествица, с 93); ѡ *немъ* крамолѧхоусѧ (Пов. о плаче, с. 274).

Делиберативный оттенок значения объекта закрепляется за предложными формами, и таким образом создается противопоставление предложных форм со значением делиберативного и беспредложных — со значением прямого объекта. При этом вначале четко определено значение только одного члена этого противопоставления: формы с предлогами всегда обозначают объект с делиберативным оттенком значения, а формы без предлога могут быть использованы для выражения недифференцированного по значению прямого и делиберативного объекта. В связи с развитием глагольной категории возвратности и ростом удельного веса предложного управления возникают широкие возможности для точного формально закрепленного обозначения оттенка делиберативности для объекта при непереходных глаголах. В процессе формального уточнения одного из членов противопоставления уточняется значение и другого члена, т. е. от беспредложных форм винительного падежа «отходит» синтаксическое значение делиберативности, и за ними закрепляется основная функция — прямого объекта. Этот процесс характеризуется одновременным уточнением свойств переходности/непереходности для глаголов. Глаголы речи, мысли и чувства свойством переходности обладали только в определенных контекстах, и именно в таких контекстах мы находим при глаголах этой группы прямой объект, выраженный беспредложной формой винительного падежа. Таким образом, материалы древнерусских памятников показывают, что в сочетаниях с глаголами речи,

мысли и чувства наблюдается процесс специализации форм винительного падежа без предлога для обозначения прямого объекта.

В старорусских памятниках мы еще находим сравнительно широкое употребление форм винительного падежа без предлога со значением делиберативного объекта при глаголах речи, мысли и чувства. Характерной чертой такого употребления этих форм является проникновение их в памятники самых разнообразных жанров. Например, в памятниках делового характера: и вы бы их судили, да *суд* свои скажите мнѣ великому князю (Моск. гр. 1501 г., АЮБ, т. 1, № 55, II); да чтобы не говорил толмачь Петрову *измену* перед послом Великого Князя (Отрывок из розыскного дела, АИ, т. I, № 140); того жалобника *челобитье* сказати црю гдрю (Суд. Фед. Ив., с. 12); А кто Московского государьства всякихъ чиновъ люди свѣдаютъ, или услышатъ на царьское Величество въ какихъ людехъ *скопъ* и *заговоръ* или иной какой злой *умыслъ*. . . (Улож. 1649 г., с. 10); ино *челобитье* его сказати Царю Государю (Суд. Ив. IV, с. 189). В этих примерах обращает на себя внимание устойчивость формулы *сказати челобитье* (*суд*), которая переходит из одного документа в другой.

Интересно употребление форм винительного падежа без предлога в таком своеобразном памятнике делового характера, как «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». Мы встречаем здесь формулы с винительным падежом без предлога в делиберативном значении с обычным кругом глаголов: разъсуждаючи свою *неискусность* и *маломожьство* (с. 2); и недругово *ополченіе* роззнавати (с. 34—35); А толко всѣ ихъ *дѣла* сказати и о том цѣлая книга будетъ (с. 51), а также и употребление с винительным падежом без предлога по такой же модели глагола *учить*: Четвертая глава учитъ, боевое *ополченіе*, ис которого тебѣ мочно во многія различныя ополченія вскорѣ устроитися (с. 12); Четвертая глава учитъ иное *становленіе* (с. 13).

В памятниках, связанных с религиозной тематикой: и той мужъ то *видѣние* сказалъ Благовещенскому протопопу Терентью (Пов. о видении, с. 117); тіи бо немощь человѣческу помышляюще, неприятство намъ творятъ (Пут. Зосимы, с. 60); а еще бо молчати *дѣла* Божія, ино бѣду наносить душѣ своей (Пут. Зосимы, с. 60).

В произведениях протопопа Аввакума: и ты своему брату искусному возвести *согрешение* свое, и бог простит тя (Житие, с. 76); Паки реку московское *бытие* (Житие, с. 92); свое ли смертоносное *житие* возвещу тебе, свету, или о церковном раздоре реку тебе, свету? (Письма, с. 185); А иные ево, Афонасьевы, *ругательства* сказать странно и страшно (Письма, с. 192); помышляю моя *деяния* и будущего судища *ужас* (Письма, с. 194); Подобает, государь, и всем нам помышляти *смерть*, *ад*, *небо*, и отца нашего, протопопа Стефана, учение помнить (Письма, с. 195).

В сборнике пословиц XVII века: в воду глядитъ а *беду* говоритъ (л. 332); *Рай* помышлять о дшѣ промышлять (л. 367).

В произведениях на исторические темы: Предреченный же князь Вешневецкіи слышавъ таковое *дѣло* о немь совлече с нево мнишеское одѣяніе (Пов. Кат.-Рост., с. 569—570); онъ же злый еретикъ, свѣдавъ себѣ *убіеніе*, и убѣже въ Путимль (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 726); Царь же Борисъ, слышавъ великую *бѣду* сію, паче же увидѣвъ, зѣло ужасееся и бысть прискорбенъ (Ст. о Смуте, с. 1288); Слышавъ же царь и великій князь Василей Ивановичь неистовыхъ сихъ плотоядных звѣрей *стремленіе*, и вооружашеся самъ (Ст. о Смуте, с. 1300).

В сатирических повестях: Ин же *чюдеса* и того дурнее вопиет (Сатиры о пьянстве, с. 74); И скажу вам *правду* божию, а свою *беду* (Пов. о Ерше, с. 149).

В переведенной на русский язык повести Сказания про Бову: и проведал в славном граде Идементияне у славного короля Кирбита Верзауловича *дочь* прекрасную королевну Милитрису (с. 1); и почел *сон* сказывать и посылать брата своего Обросима в град Антон к прекрасной королеве Милитрисе лепо поздравити и *сон* сказати (с. 466).

Однако в целом в материалах старорусского периода наблюдается заметное сокращение употребления сочетаний форм винительного падежа при глаголах речи, мысли и чувства для обозначения объекта с делиберативным оттенком значения [77]. Складывающиеся еще в древнерусскую эпоху нормы письменной речи продолжали, по-видимому, оказывать влияние на язык старорусских памятников, однако в этих памятниках отражено также влияние новой тенденции обозначать объект с делиберативным оттенком значения сочетаниями с предлогами *о* (+ формы местн. п.) и *про* (+ формы вин. п.).

Формы винительного падежа без предлога при глаголах речи, мысли и чувства в соответствующих контекстах сохраняются для обозначения прямого объекта или дополнения. Для некоторых глаголов определяется ограниченный круг слов, которые могут с ними выступать в сочетаниях с прямым объектом.

В старобелорусских памятниках винительный падеж без предлога при глаголах речи, мысли и чувства представлен весьма скупо. Сокращение количества таких употреблений объясняется процессом изменения характера управления глаголов. Это явление отмечено Е. Ф. Карским: «В современном белорусском языке, как отчасти и в старом западнорусском, нередко употребляется родительный падеж вместо винитель-

[77] В упоминавшейся уже работе Р. С. Лиона об этом говорится: «В XIV—XVI вв. употребление винительного беспредложного в функции делиберативной еще остается нормой, но роль его по сравнению с предшествующим периодом уменьшилась. . .; в памятниках же XVII в. удельный вес винит. беспредложного составляет всего 18 проц. по отношению к местному с *о*» (стр. 33).

ного и от названий предметов неодушевленных единственного и отчасти множественного числа»[78]. Приведем примеры из нашего материала, в которых зафиксировано управление родительным падежом глаголами речи, мысли и чувства: слухаючи *слова* Божого (Дневн. Евлаш., с. 129); гледѣти тое *битвы* (Пов. о витязях, с. 74); которого *рогу* далеко было чуть (Пов. о витязях, с. 74); а Ижота *конца* гледѣла того, кого миловала (Пов. о витязях, с. 83).

С формой винительного падежа без предлога для обозначения делиберативного объекта в памятниках старобелорусского языка чаще всего встречается глагол *вѣдати* (обычно с приставками и со значением 'сообщать', 'рассказывать'). Этот глагол употреблялся в памятниках разнообразных жанров: который для немоцы своее не можетъ на войну ехати, маеть перед гетманом *немоць* свою оповедити (Лит. ст. 1592, с. 14, заголовок); *послушенство* свое ему выповѣдѣлъ (Вил. гр. 1602 г., АЗР, т. IV, № 156); и в томъ же листѣ своемъ вы новое *дѣло* къ намъ написали (Копыст. гр. 1615 г., АЗР, т. IV, № 196); и тамъ тое *ѡжэненье* свое повѣдилъ кнaзю (Лет. Рачин., с. 290); и многи, которые стоᲭли пере пилатоᲭ добрые *дѣла* его повѣдали (Страсти Христовы, с. 34); которого чудные *дѣла* и доброе витезъство и цудные *рѣчы* хочу вамъ споведати (Пов. о витязях, с. 6); Брагинa поведала ее миловане съ Трыщаном (Пов. о витязях, с. 89).

Винительный падеж без предлога со значением делиберативного объекта отмечен в старобелорусских памятниках и при глаголе *слышати*: И кнзь великии Нарымонт слышавшы *смерть* невѣстки своее жаловал велми (Лет. Рачин., с. 237); и вслышал *дѣвку* на Полонѣдзе (Лет. Рачин., с. 246); Ради слышимъ вашѣе милости *здоровье* (Полоцк. гр. 1476 г., 23 февр., РЛА, № 264); гдѣ слышал *соимы* рыцерские (Пов. о витязях, с. 35).

В старoукраинских памятниках мы наблюдаем большое сходство с данными старобелорусских источников: наибольшее число случаев употребления винительного падежа без предлога для обозначения делиберативного объекта при глаголах речи, мысли и чувства отмечено с глаголом *вѣдати* (причем основная их масса — в Галицко-Волынской летописи); кроме того, в отдельных случаях зафиксированы беспредложные формы винительного падежа для обозначения объекта с делиберативным значением при глаголах *слышати*, *сказати*, *размышлятu* и *розумѣти*.

В украинском языке, как и в белорусском, также происходил процесс расширения сферы употребления форм родительного падежа за счет винительного. Этим и объясняется, по-видимому,

---

[78] Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3, стр. 405.

отсутствие примеров с винительным падежом без предлога с большинством глаголов интересующей нас лексико-семантической группы.

Винительный падеж без предлога при глаголах движения

В материалах по древнерусскому языку отмечено два примера с формой винительного падежа без предлога от слова *путь* при бесприставочных глаголах движения: ѩко гъноста *поуть* мъногъ ти тако пристигъша ѩста и (Ж. Феод. Печ., л. 28б); многъ бо *поуть* шьствовавъши придохъ в сии градъ (Ж. Феод. Печ., л. 32б). Эти примеры можно рассматривать как словосочетание «глагол+объект в вин. п.». Такого мнения придерживался и А. В. Попов в своем исследовании о винительном падеже [79], где он особо подчеркивает, что переходные глаголы должны обладать способностью образовывать причастия страдательного залога. По-видимому, в прошлом разделение глаголов на переходные и непереходные было еще менее отчетливым, чем в современном языке, а для глаголов движения оно было особенно слабым, и эти глаголы в некоторых контекстах свободно сочетались с формами винительного падежа без предлога в качестве прямого объекта [80].

Присоединение приставок к глаголам движения не меняло их способности управлять винительным падежом, а в некоторых случаях закрепляло за глаголами свойство переходности; например приставка *об-* в примерах: тъгда же пришедъ и *обьходи* всѧ *манастырѧ* (Ж. Феод. Печ., л. 31а, б); иже и пришедъши в градъ тъ и ѡ*бьходи* вьсѧ *манастырѧ* ищющи ѥго (Ж. Феод. Печ., л. 32а) — поддерживает и как бы усиливает качество переходности, которое сохранилось в глаголах с этой приставкой и в современном русском языке [81]. Соединяясь с другими приставками (например, *на-*, *до-*, *вы-*, *пере-*, *про-*, *по-*), глаголы движения не теряли способности быть переходными: і тоу наѣхаша *пещероу* непроходноу в неі же бѣше множьство чюди (I Новг. л., л. 144—144 об.); а выѣздил ту *землю* ходоръ чеоли тот обь-

---

[79] «Если главным предметом речи является имя, означающее пространственное протяжение, то . . .должны явиться обороты terrae erritae sunt — земли составляют предмет, по которому бродят. В слав. нар. следами относящихся сюда страдат. оборотов являются причастия как *езженый*, *хоженый*, *брошеный* (ср. *эта дорога не езжена*, *не хожена*) при действительных оборотах *ходить*, *идти дорогу*, *ехать версту* (А. В. Попов. Синтаксические исследования. Воронеж, 1881, стр. 187, 188).

[80] Ср. также современное словосочетание *всю дорогу* (*гнать всю дорогу лошадей*; *бежать всю дорогу*), в котором сохранилась беспредложная форма винительного падежа при глаголах движения. Однако это сочетание в предложении употребляется теперь в обстоятельственном значении.

[81] О способности приставки *об-* придавать глаголу переходное значение в современном русском языке см. в кн.: В. В. Виноградов. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М.—Л., 1947, стр. 645.

ѣзди[х] ѿ пана оты старосты (Купч. гр. Вятславу, 1371 г., Собол. и Пташ., № 23); вы то ѿрѣваите ѥго ѿ берега дондеже *порогы* проидеть (Лавр. л., л. 40 об.); а Ꙗрославъ поиде противу Вячеславу Мстислав же перешедъ *пожаръ* (Лавр. л., л. 86 об.); и сташа оу Куднова сельца и перешеде *Стр҃ковь* (Лавр. л., л. 107); Стославома же перебредшома *Днѣпръ* с Половци въздаша вѣсть к Гюргеви рекуще поиди вборзѣ, оуже ѥсмы перебрели Днѣпръ... Гюргеви же... пришедшю вборзѣ к Зарубу и перебредоша чересъ Днѣпръ (Лавр. л., л. 110 об. — 111); и перешедше *Сновъ* и сташа оу Гуричева близь города перешедше *Канинъ* (Лавр. л., л. 113); таче походивъ стаꙗ та *мѣста* възвратисѧ въ свои манастырь (Ж. Феод. Печ., л. 46а—б); и тоу такоже походи всѧ *манастыра* (Ж. Феод. Печ., л. 41б).

Употребление предложных сочетаний вело к бо́льшей конкретизации и уточнению значения словосочетаний. В ряде случаев винительный падеж при этом заменялся другими падежами, а вновь образованные сочетания винительного падежа с предлогами потеряли в предложении функцию прямого объекта и перешли в разряд обстоятельств (см. приведенный выше пример из Лаврентьевской летописи, в котором наряду с беспредложным сочетанием *перебрели Днѣпръ* имеется пример с предлогом *чересъ*: *и перебредоша чересъ Днѣпръ*).

Как уже отмечалось, рассматриваемые нами беспредложные сочетания винительного падежа с глаголами движения в памятниках древнерусского периода встречаются крайне редко. В основном к этому времени была сформирована современная система употребления предложных сочетаний с глаголами движения. Однако в некоторых случаях мы до сих пор не можем четко различить оттенки значения предложных и беспредложных конструкций, например *перейти мост (реку)* и *перейти через мост (реку)*. В большинстве же случаев присоединение предлога привело к отчетливой дифференциации значения: например, глагол *найти* (в беспредложном сочетании *найти что-либо*) полностью потерял семантическую связь с глаголами движения, которые употребляются с предлогом *на*: ср. *наехать (набрести, наскочить, наткнуться) на что-либо*. В работе Т. П. Ломтева, посвященной синтаксису древнерусского языка, примеры типа *наехаша пещеру* рассматриваются как случаи отсутствия предлога *на* при глаголе с приставкой *на-*, примеры типа *обидимыя заступая* выделены в группу со специальным значением объекта, «в защиту которого направлено действие» [82]. Мы полагаем, что в примерах обоих этих типов отражен лишь общий для развития всех глаголов движения этап, когда эти глаголы с приставками обладали

[82] Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка, стр. 238, 239.

еще качеством переходности и употреблялись без предлога с формами винительного падежа. Впоследствии, с появлением предлогов *на*, *за*, *до* и др., объект из прямого становится косвенным, а сами глаголы теряют свойство переходности. Этот процесс характерен для всех глаголов движения, и поэтому неправомерно выделять в качестве синтаксических частные значения отдельных групп примеров.

Винительный падеж без предлога употреблялся еще при обозначении цели или конечного пункта, в который направлено движение. В этом значении в памятниках древнерусского языка зафиксированы формы винительного падежа главным образом от названий городов: поидѹчи[ѫ] (домовь в) *роу*[ѵ] за *сѧ* да емлю[т] оу цр҃ѧ ваше[ѵ] (Лавр. л., л. 15 об.); а приѥздили ко мнѣ на докончанье. из риги. от местѣр҃ѧ. *пьсковъ* б҃иї дворани[ѵ]. (Дог. смол. гр. 1359 г., Сум. и Лоп.. с 70); ны[ѵ] же поѣди *Вышегородъ* свои (Ипат. л., л. 144); и ѡкова и посла и в волость свою *Володимѣрь* и пристави емоу сторожѣ (Ипат. л., л. 216); и молви ѥму тако. ѡже хощеши послати мужь свои и воротитсѧ *Володимеръ* то вда[ѵ] ти которои ти городъ любъ (Лавр. л., л. 89—89 об.); таче посл[ъ] и потомъ оц҃ь и н[ѣ] обасть *владим[ѣ]ръ* юже ѥму дасть а с҃тго глѣба оу себе остави (Чт. Б. и Г., л. 94в); бѣ бо бл҃жныи кротокъ и смиренъ таче же того не терпѧ врагъ нъ ꙗко же преже рекохъ вниде *ср҃дц[е]*. брату ѥго иже бѣ старѣи имѧ ѥму с҃тполкъ (Чт. Б. и Г., л. 94в). Подобные примеры встречаются в памятниках древнерусского языка очень редко. К началу изучаемого периода для обозначения цели движения уже употреблялись сочетания имен с предлогом *в*, которые точнее передавали оттенки значения таких обстоятельств[83]: И пакы по времени нѣкоторѣмь иде *въ костѧнтинь градъ* (Ж. Феод. Печ., л. 41б); Гюрги же ѡстави с҃на Глѣба Переꙗславли и са[ѵ] иде *в Городокъ* (Лавр. л., л. 112); Посла Изѧславъ с҃на своѥго Мстислава в Лѧхы и в Оугры... и приде король с Оугры и со Мстиславо[ѵ] и вшедъ *в землю* Володимеркову (Лавр. л., л. 112 об.).

[83] Предлог *на* употребляется при глаголах движения в сочетаниях со значением цели движения крайне редко, сочетания с ним форм винительного падежа обычно связаны со значением 'накрыть что-либо, напасть, наступать на что-либо': и поиде Витебьску *на Двѣда* и *на Всеслава* (Ипат. л., л. 188); иде *на възысканиѥ* с҃на своѥго (Ж. Феод. Печ., л. 32а). Формы винительного падежа без предлога от названий городов и рек также отмечены при глаголах движения с предлогом *на* в значении цели движения. Однако такие примеры встречаются крайне редко: аже латинскыи гость и смолнѧны приедеть *на волокъ* тоть метати жеребие (Смол. гр. 1229 г., сп. С); Послании же приидоша отъ с҃топълка *на лѣто* ночь (Сказ. о Б. и Г., л. 11б); и пришед, *на вългоу на поле* потъчесѧ подъ нимь конь (Сказ. о Б. и Г., л. 13б); и изиди из Вавилона и придѣте *на ꙗрданъ* (Пов. о плаче, с. 282).

В старорусских памятниках случаи употребления винительного падежа при глаголах движения по своей структуре и значению ничем не отличаются от норм современного русского языка. Только в одной пословице XVII в. сохранился пример употребления винительного падежа без предлога при глаголе с приставкой *на-*: Гуля᷍ мла᷍ в низ по Во᷍ге Да набрелъ *смеⷬть* Блі᷍ не в долге (л. 336).

Таким образом, наши материалы показывают, что еще в древнерусскую эпоху в основном уже сложились те нормы употребления форм винительного падежа без предлога и с предлогом при глаголах движения, которые действуют в русском языке и в наше время.

В старобелорусских памятниках употребление форм винительного падежа без предлога не представляет какой-либо специфики по сравнению с данными памятников старорусского периода. Нами отмечено несколько случаев сохранения некоторых из тех особенностей употребления винительного падежа, которые наблюдались в памятниках древнерусского периода. В Повести о витязях: Дѣвка рекла: Ехала есми *много земль* длѧ твоего имени (с. 33). Сочетание слов *много земль* в этом предложении можно рассматривать как объект без предлога при бесприставочном глаголе движения *ехать*. Три случая употребления глагола *ехать* с приставкой *на-* свидетельствуют о том, что, как и в древнерусском языке, с появлением этой приставки глагол сохранял свойство переходности: зась вернулъ сѧ к шатру и наехал *короля* Арменила и Маркобруна, гдѣ были повѧзаны (Ист. о Гвид., с. 142); и прыгодилосѧ им *стадо* ѡленеи наехати на том мѣсте (Лет. Рачин., с. 261); а затым поехали с тою панною к тому турнаю и наехали *витезя* у зброи едучы (Пов. о витязях, с. 121).

Один *пример* из Истории о Гвидоне с необычным местом для предлога *на* может рассматриваться как пример неустановившейся нормы для новой в языке структуры «предлог+вин. п.»: Витез Бово выехал з воискомъ зъ города и пошел *короля на* Маркобруна и стрѣтилъ воеводу королева (Ист. о Гвид., с. 158).

В староукраинских памятниках также в основном отражена уже современная норма употребления форм винительного падежа при глаголах движения. Некоторое исключение представляет язык Галицко-Волынской летописи. В этом памятнике для обозначения цели движения отмечены следующие случаи употребления винительного падежа без предлога от названий городов: Поиде ко тьстоу своемоу *Кіевъ*[84] (л. 261); старѣишиноу ихъ Броуна ѣша и во[и] изоимаша и возвратисѧ *Володимѣръ* (Хлеб. Погод. сп.: В Володимерь) (л. 262 об.); и выда дщерь.

[84] Этот пример не может считаться вполне доказательным, так как конечное *у* в слове *своемоу* могло повлиять на отсутствие предлога *в* (*ў*).

Миндоговоу за Шварна сестроу свою и приде *Холмъ* к Данилоу (л. 278); поѣха до Володимѣрѧ и приѣха *Володимѣрь* ѣха во ппью ко стѣ Бци (л. 299 об.). Эти четыре примера — исключение и, разумеется, никак не отражают норм употребления конструкций для обозначения цели движения. По-видимому, для украинского языка того периода типичнее употребление конструкций «*до* + род. п.» и «*в* + вин. п.», которые встретились также в приведенных выше примерах.

Галицко-Волынскую летопись характеризует еще одна черта — отсутствие предлога *в* в сочетании с названием народа *угры* в конструкциях со значением цели движения (при обычном *в татары*, *в ляхи* и т. п.): Данилови оувѣдавшоу крамолоу ихъ изииде *Оугры* (л. 262); и воротисѧ назадъ *Оугры* (л. 265 об.); В то же врѣмѧ ѣхалъ бѧше Данилъ *Оугры* (л. 265 об.). Подобные случаи не отражают правила употребления предлога *в*, поскольку они могли быть вызваны фонетическими причинами: предлог *в* звучал как *ў* (неслоговое) и перед начальным *у* в слове *угры* опускался. В некоторых случаях предлог *в* все же обозначен, но тогда он написан в варианте *во*: Роман же ѣха *во Оугры* и бисѧ с братомь (л. 246); Данила посла Лестъко *во Оугры* и с нимъ послалъ посолъ свои (л. 246); а король Оугорьскыи иде *во Оугры* (л. 254 об.). И лишь однажды употреблен предлог *в*: ꙗко бѣжал есть Михаилъ ис Кыева *в Оугры* (л. 264 об.).

Таким образом, материал изученных нами памятников восточнославянских языков показывает, что развитие при глаголах движения конструкций с предлогами привело к дальнейшему уточнению основной функции форм винительного падежа без предлога. Последние в сочетаниях с глаголами движения сохраняются только в тех контекстах, в которых эти глаголы обладают свойством переходности, т. е. требуют после себя прямого объекта. Такие отношения начали складываться еще в предшествующие изучаемым периоды. В материалах по древнерусскому языку мы находим только единичные примеры употребления винительного падежа без предлога при глаголах движения, которые можно принять за остатки прежнего состояния языка. Постепенно, главным образом в связи с развитием предложного управления, формы винительного падежа без предлога при глаголах движения остаются только в некоторых застывших оборотах или при глаголах с переносным значением, а сами глаголы движения все более отчетливо оформляются как переходные.

Винительный падеж без предлога при обозначении времени

При изучении конструкций с винительным падежом без предлога, употреблявшихся для обозначения отрезков времени, принято выделять два существенных оттенка значения: 1) действие,

обозначенное глаголом, занимает лишь часть времени, которое обозначено формой винительного падежа (ср. современное *жил летом*); 2) действие, обозначенное глаголом, занимает весь отрезок времени (ср. современное *жил лето*). Различение этих оттенков значения мы кладем в основу анализа материала.

В изучаемых нами памятниках древнерусского языка зафиксированы формы винительного падежа без предлога от имен существительных, обозначающих различные отрезки времени: *утро*, *день*, *вечер*, *ночь*, *осень*, *лето*, *неделя*, *век*, *канун* [85]. В большинстве отмеченных случаев характеризуется действие, выраженное непереходным глаголом. Приведем имеющийся в нашем распоряжении материал (при этом обратим внимание на то, что в примерах, помещенных в п. 1, действие происходит в пределах указанного формой винительного падежа срока, но не охватывает его полностью, а в остальных оно занимает весь период времени):

1) но приводѧху *вечеръ*. а завътра приношаху по неи. что вдадуче (Лавр. л., л. 5); и азъ *оутро* послю по вы (Лавр. л., л. 15); *оутро* же повелѣ послати по Печенѣгы. (Лавр. л., л. 44); друзии же *ночь* приѣхаша к полкомъ с полономъ (Ипат. л., л. 224); и прииде въ село то и *вечеръ* вниде ꙗдинъ въ хлѣвиноу тоу (Ж. Феод. Печ., л. 54в); въставъ *вечеръ* и иде въ храмъ тъ и затворивъ двьри о себе тоуже пребысть въ немь (Ж. Феод. Печ., л. 38в, г); и како с҃топълкъ потаи съмьрть о҃ца своѥго. и *ночь* проимавъ помостъ на берестовѣмь и въ ковъръ обьртѣвъше съвѣсивъше оужи на землю (Сказ. о Б. и Г., л. 9а—б); а познаѥти и третии *дн҃ь*. тъ свои челѧдинъ. поꙗти а ѡномоу платити (Рус. пр. 1282 г., л. 617 об.); а в роусоу ти кн҃же ꙗздити ѡсень. а лѣ҃ не ꙗздити (Новг. гр. 1265 или 1264 г., Шахм. О языке, № 1); в нѣ҃лю Масленую *вечеръ*. по ѡбычаю цѣловавъ браю всю (Лавр. л., л. 61 об.—62); ѡсень. оумре Половечьскыи кнѧзь (Лавр. л., л. 68 об); и тако же *нощь* отъиде (Сказ. о Б. и Г., л. 24б); пришедъ вышегородоу *ночь* отаи призъва поутьшю и вышегородьскыѣ моужѣ (Сказ. о Б. и Г., л. 105в); И пришьдъ *нощь* премѣри гроба (Сказ. о Б. и Г., л. 24б); посьлании же придоша отъ с҃топълка на льто *ночь* и подъстоупиша близъ (Сказ. о Б. и Г., л. 11б); си *ночь* съ вечера одѣвахъте мя, рече, чрьною паполомою, на кроваты тисовѣ (Сл. о плк. Иг., с. 23); *утръ* же

---

[85] Для обозначения отрезков времени возможны также сочетания «числительное в вин. п.+форма род. или вин. п. от перечисленных выше слов». При этом родительный падеж входит в состав сочетания, указывающего на полный охват действием всего времени (три дня), а винительный падеж порядкового числительного, сочетаясь с винительным падежом существительного (*третью неделю*), может указывать как на полный, так и на частичный охват времени действием: а познаѥти и *третии дн҃ь*. тъ свои челѧдинъ поꙗти (Рус. пр. 1282 г., л. 617 об.); и тако пребы *л҃въ т҃ ·г·* (Чт. Б. и Г., л. 113).

воззни стрикусы оттвори врата Нову-граду (Сл. о плк. Иг., с. 35).

2) і стоѧша подъ городомь *нелю* (I Новг. л., л. 127 об.); і стоѧша *нелю* на бродѣ (I Новг. л., л. 149 об.—150); и пресѣдащи браѣ *нощь* ту оу него (Лавр. л., л. 63 об.); и млтву твораше над нимь *днь* и *нощь* (Лавр. л., л. 65 об.); кнажив. лѣ .еі. Кыевѣ. а в Переѧславли *лѣто*, а в Черниговѣ *лѣто* (Лавр. л., л. 72 об.); Стослав же ждавъ многы *дни* оублюдьсѧ теплыни (Ипат. л., л. 217 об.); и стоѧша межи собою *недѣлю* ѡбаполъ Дрьюта (Ипат. л., л. 218); Бишася *день*, бишася другый; третьяго дни къ полуднїю падоша стязи Игоревы (Сл. о плк. Иг., с. 18); а самъ съ отроки пребы на мѣстѣ томъ *день* тъи (Чт. Б. и Г., л. 98 об.); Холюбивыи же ꙗрославъ кнажив та *лѣта* многа въ правовѣрьи (Чт. Б. и Г., л. 109г); и тоу остригъшисѧ прочаѧ пребоудоу *дни* своѧ (Ж. Феод. Печ., л. 33а); и тоу въселисѧ въ ньмь поживе *лѣта* мнага трьпѧ зимоу и гладъ (Ж. Феод. Печ., л. 35б). Определить интересующие нас оттенки значения можно только из контекста предложения, формально они никак не обозначены.

Таким образом, приведенные примеры показывают отсутствие формальной дифференциации оттенков значения полностью и частично охваченного действием времени. Оба эти значения выражались формами винительного падежа без предлога. Однако наши материалы позволяют предположить, что в период написания изучаемых памятников уже складывалась та основа будущего формального различения оттенков значения временных конструкций, которая привела к потере формами винительного падежа способности обозначать время, частично занятое действием. Об этом говорит тот факт, что для выражения значения частичного охвата наряду с очень редко встречающимися формами винительного падежа употребляются формы местного, родительного и творительного падежей, а также формы винительного падежа с предлогами *в*, *на*, *под*, а для значения времени, полностью охваченного действием, известны только формы беспредложного винительного. Этот вопрос может быть лучше освещен на основе анализа некоторых особенностей порядка слов в предложении. В древнерусскую эпоху, по всей вероятности, при обозначении времени существовала известная дифференциация значений сочетания форм винительного падежа и глагола в зависимости от места глагола по отношению к форме винительного падежа. По-видимому, форма винительного падежа, употреблявшаяся в обстоятельственном значении, т. е. для обозначения времени, частично занятого действием, тяготела к препозиции по отношению к гла-

голу [86]. Однако в этом случае наблюдается колебание положения формы винительного падежа, т. е. в этом значении возможно употребление двух типов сочетаний: 1) *пришедъ Вышегороду ночь* и 2) *осень умре половеческыи князь* (примеры на второй тип сочетаний количественно преобладают). В тех же примерах, где винительный падеж без предлога обозначает время, полностью занятое действием, — тип *княжив лѣто* — решительно преобладают случаи препозиции глагола. Если же в препозиции оказывается форма винительного падежа без предлога, то значение охвата действием всего указанного времени специально уточняется словами *весь*, *целый* и пр. Например: *всю нощь* съ вечера босуви врани възграяху (Сл. о плк. Иг., с. 23—24). Преобладание препозиции глагола по отношению к форме винительного падежа в случаях, когда последняя обозначает время, полностью занятое действием, наблюдается и на материале памятников позднейших периодов.

Факт закрепления за формами винительного падежа без предлога именно значения отрезка времени, полностью охваченного действием, можно также рассматривать в связи с общей тенденцией языка закрепить в качестве ведущей синтаксической функции этих форм функцию прямого объекта. А. В. Попов в уже цитированной работе обращает внимание на то, что «первоначально независимые винительные продолжения времени являются подлежащими в соответственных страдательных оборотах» [87]. Это, по мнению А. В. Попова, является надежным основанием, чтобы считать, что глаголы, входящие в состав таких сочетаний, как, например, *прожить год* (ср. *год прожит*), являются переходными, а формы винительного падежа при них рассматривать в качестве прямых объектов. Наблюдения А. В. Попова, сделанные в основном на широком индоевропейском материале, могут иметь значение и при оценке аналогичных процессов в древнерусском языке. В примерах, извлеченных нами из древнерусских памятников, в сочетаниях типа «глагол+вин. п.», где форма винительного падежа обозначает время, полностью занятое действием, глаголы в большинстве случаев оказываются — с современной точки зрения — непереходными. (В наших материалах это глаголы *кнѧжити*, *пресѣдети*, *пребыти*, *стоꙗти*, *ждати*, *пожити* и др.). Однако в древнерусскую эпоху разграничение глаголов на переходные и непереходные было, как известно, менее четким, чем в современном языке, и поэтому активные конструкции типа *прожил год* и *кнѧживъ лѣто* легко могли восприниматься как

[86] Ср. аналогичный вывод, сделанный В. И. Борковским на материале древнерусских грамот по отношению к обстоятельственным словам-наречиям: «Обстоятельственные слова-наречия, обозначающие в р е м я, как правило, стоят в препозиции к сказуемому» (В. И. Б о р к о в с к и й. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение), стр. 385).

[87] А. В. П о п о в. Указ. соч., стр. 184.

формально вполне одинаковые, и, возможно, первый, наиболее древний тип мог послужить моделью для образования аналогичных сочетаний уже с непереходными глаголами.

Таким образом, может стать понятным, почему из двух возможных значений именно значение охвата действием всего отрезка времени закрепилось за беспредложными конструкциями с формами винительного падежа: в активных конструкциях синтаксическое значение этих форм максимально приближается к значению прямого объекта. Сочетания же со значением неполного охвата времени действием (тип *осень умре половечьскыи князь*) представляют обстоятельственный вид синтаксических отношений между глаголом и беспредложной формой винительного падежа, поэтому указанное значение «уходит» из круга значений, которые закреплялись за формой винительного падежа без предлога.

В старорусских памятниках отражено дальнейшее развитие наметившихся в древнерусском языке тенденций ограничения употребления свободных сочетаний винительного падежа и глагола, в которых форма винительного падежа является обстоятельством, указывающим на то, что действие глагола охватывает лишь часть указанного времени.

Конструкция типа *осень умре половечьскыи князь* в наших материалах встретилась главным образом в составе традиционных формул, при обозначении дат: того же лѣта, мѣсяца февраля *18*[88] *день*, бысть ино чюдо преславно (Ст. о Смуте, с. 1307); И пришедше со многими людми подъ Москву. . . того же лѣта, марта *27*[89] *день* (Ст. о Смуте, с. 1316); В лѣто 7099, іюля, *20 день*, приходилъ подъ Москву Крымской царь. . . (Ст. о Смуте, с. 1280); а заговѣлъ есми месяца априля *1 день* (Хож. Аф. Ник., л. 383 об.); и *канунъ* Спасова дни приѣхалъ (Хож. Аф. Ник., л. 000); а писана духовная грамота на Москвѣ. *лѣто 7015* (Моск. гр. 1507 г., АИ, т. 1, № 288).

В старорусских памятниках по сравнению с древнерусскими наблюдается гораздо более широкое употребление форм винительного падежа без предлога для обозначения времени, полностью занятого действием. В этом случае, как и в древнерусских памятниках, преобладают сочетания винительного падежа с непереходными глаголами и в подавляющем большинстве примеров глагол находится в препозиции по отношению к обстоятельству времени. Такие примеры встретились в памятниках самых разнообразных жанров: и тотъ де у него храмъ стоитъ безъ пѣнія отъ Казанскихъ Татаръ *тридцать лѣтъ* (Моск. гр. 1562 г., АЮБ, т. 1, № 31, XXIV); и на Москвѣ жилъ безъ мѣста *годъ* (Моск. гр. 1625 г., АИ, т. III, № 137); и жилъ на Сѣбежѣ *три недѣли* (Отрывок из розыскн. дела, АИ, т. I, № 140); и приставу, взявъ

---

[88] В сп. С: *въ 18. . .*
[89] В сп. С: *въ 27. . .*

съ собой товарищей, стеречь у двора его *день*, и два, и три (Улож. 1649 г., с. 46); А будетъ онъ не объявится *долгое время*, хотя тѣмъ исца своего изволочити (Улож. 1649 г., с. 47—48); А которой крестьянинъ живетъ за кѣмъ *год* (Суд. Ив. IV, с. 258); и копаша другий подкоп *четыре недели* (Пов. об азов. взятии, с. 54); а после того бою, погодя *3 дни*. . . (Пов. об азов. взятии, с. 77); и пребыхомъ *нощь* на дорогѣ у монастыря (Пут. моск. купцов, с. 153); пребыхомъ въ Константинѣградѣ *ползимы* и едино *лѣто* (Пут. Зосимы, с. 63); И тако бысть сіе плѣненіе *два дни* непремѣнно (Пов. Кат.-Рост., с. 607); и тако пребыша во градѣ *два дни* и предашаса въ руцѣ его и градъ отвориша (Пов. Кат.-Рост., с. 589); Идохъ же по морю вѣтромъ *пять дни*, и доидохъ до Вонады (Хож. Аф. Ник., л. 391 об.); А из Дрѣя к Кашени, и тутъ есми былъ *мѣсяць* (Хож. Аф. Ник., л. 371 об.); служили есмя, государь, у короля у ческого *три* же *годы* (Пересветов, с. 80); и сѣдоша крѣпко и непоколебимо въ городѣ *девять недѣль* (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 724); и стоялъ на Котлѣ *два дьни* (Ст. о Смуте, с. 1280); Былъ на государьствѣ 13 *лѣтъ и* 7 *мѣсяцъ* и 10 *дьней* (Ст. о Смуте, с. 1281—1282); Мѣве лежа целую *зиму* не ѣть (Пословицы XVII в., л. 357 об.).

В случаях же, когда глагол находится в постпозиции по отношению к форме винительного падежа, как и в приведенном выше примере из «Слова о полку Игореве», употребляются уточняющие слова, которые подчеркивают значение полного охвата действием указанного отрезка времени (*целый*, *весь* и т. п.): *Точію два мѣсяца* бысть на Московскомъ государствѣ послѣ отца своего Бориса (Ст. о Смуте, с. 1289, 1290); *всю нощь* рȣцѣ своі простирае на полезна (Домострой, с. 18); а на утре *день весь* оханьем провожающе (Сатиры о пьянстве, с. 83); *цѣлой годъ* въ полѣ и восадѣ держати (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 44); *всю нощь* под копелию лежал (Аввакум. Житие, с. 71); Зело у Федора тово крепок подвиг был: в день юродствует, а *нощь всю* на молитве со слезами (Аввакум. Житие, с. 71).

Примеров с препозицией формы винительного падежа, когда отсутствуют уточняющие слова, в наших материалах не отмечено. В двух случаях со значением полного охвата времени действием употреблены сочетания винительного падежа числительных с формами родительного падежа от слов, обозначающих отрезки времени: а *два годы* поживетъ, и онъ платитъ поддвора (Суд. Ив. IV, с. 258); И бываетъ, что регементъ *четыре* и *пять* и *шесть* и *седмь* недѣль насмотровомъ мѣстѣ стоитъ (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 44).

Необходимо отдельно остановиться на особенностях стиля произведений протопопа Аввакума. Наряду с обычным употреблением форм винительного падежа без предлога в качестве обстоятельства времени, мы отметили несколько случаев употребления этих форм в препозиции к глаголу без всяких поясняющих слов. Это отклонение от общей тенденции, по-видимому, объясняется

особой эмоциональностью стиля, при которой постоянно допускается изменение обычного порядка слов в целях большей выразительности: и тем *лето* питалися, пловучи (Житие, с. 85); В Енисейске зимовалъ и паки, *лето* плывше, в Тобольске зимовал (Житие, с. 87).

Обозначая отрезки времени числительными в винительном падеже в сочетании с формами родительного падежа от слов со значением времени, протопоп Аввакум часто ставит эти сочетания в препозиции к глаголу: *Пять недель* по льду голому ехали на нартах (Житие, с. 77, 78); также в препозиции стоит у него и уточненное обозначение времени: А *нынешнюю зиму* потерпите только маленько (Письма, с. 222).

Такие особенности порядка слов наблюдаются также в некоторых других произведениях, которые следует отнести к жанру художественной прозы: а Дон река *три дни* кровию текла (Сл. о Кулик. битве, с. 41); *Три дни* испил еси, с похмелья оханья на три дни залезл еси, рукоделия заложил еси (Сатиры о пьянстве, с. 84).

В памятниках старорусского периода имеются примеры, в которых отражено колебание в употреблении предложных и беспредложных форм винительного падежа: И *во* всякую *субботу* и *неделю*, и *в праздники* — в пояс (Аввакум. Письма, с. 210); невесте бо, когда господь дому приидет, *в вечер*, или *в полунощь*, или *в петлоглашение*, или *утро*, да пришед внезапу, обрящет вы спяща (Моск. гр. 1572 г., Дух. дог. гр., № 104.).

В старобелорусских и староукраинских памятниках при обозначении отрезков времени мы наблюдаем в основном те же закономерности употребления форм винительного без предлога, которые характеризуют старорусские материалы. Очень редко употребляются беспредложные формы винительного падежа для обозначения времени, не полностью занятого действием. С т.-б е л.: А в тот часъ панъ Трыщан почывалъ, иж *вчорашныи день* билсѧ з великими витезми (Пов. о витязях, с. 103); а въ тымъ, кгды та масть сердца допадла, тогожъ дня *вечоръ* знагла умеръ (Дневн. Евлаш., с. 152); и ѡн скоро ее выпил, *тот час* заснулъ (Ист. о Гвид., с. 153); И коли Бово того вина напил сѧ, *тот час* заснул (Ист. о Гвид., с. 144). В староукраинских материалах примеры винительного беспредложного с таким значением отмечены только в одном памятнике — Галицко-Волынской летописи: нападоша *нощь* на лѧхы (л. 272); Проуси же и Бортеве выѣхавше из города оудариша на нѣ *ночь* и избиша ѣ все (л. 274); и высла шоурина своего *нощь* и розгнаша и Русь и Йтвѧзѣ (л. 274). Обращает на себя внимание то, что во всех трех примерах глагол находится в препозиции по отношению к обстоятельству, однако при таком ограниченном материале нельзя судить о том, является ли такой порядок слов типичной особенностью староукраинского языка.

Винительный беспредложный, обозначающий время, не полностью занятое действием, сохраняется еще в формулах, составляющих даты. Особенно часто такие примеры встречаются в старобелорусских памятниках: *Лѣто* Бо(ж)его наро(ж) $\overline{а}$ $\overline{фв}$ $\overline{мд}$ месеца ге(н)вара $\overline{кд}$ $\overline{днѧ}$ и(н)ди(к)та второго ѯ четвергъ передъ $\overline{поднемъ}$ могло быть за годину было знамение (Лет. Рачин., с. 287—288); Въ лѣто 7000, мѣсеца Іюня *1 день, индикт 2.* Правилъ маршалокъ дворный (Вил. гр. 1492 г., Археогр. сб., т. III, № 2); Писан ѯ Вилни, в лет(о) $\overline{з}$ $\overline{а}$ м[ѣ]сѧца апреля[а] $\overline{з}$ *день*, индикат[а] (Вил. гр. 1492 г., Arch. Sang., т. I, № 105); Писан в Троцох в лѣто $\overline{з}$ $\overline{а}$ месеца сентебра $\overline{д}$ *день, индикт* $\overline{в}$ $\overline{і}$ (Троцк. гр. 1493 г., Arch. Sang., т. III, № 38); Писанъ *априль 27 день, индик[т]ъ* 13 (Западнорус. гр. 1510 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 1); Писанъ у Вилни, лет[а] Бож[ъего] Нарож[енья] 1563, м[е]с[е]ца июля *26 д[е]нь* (Вил. гр. 1563 г., РИБ, т. XXX, кн. 7, № 32); Писанъ у Вильни, *летъ* Бож[ъего] Наро[ж]ен[ъ]я *1563*, м[е]с[е]ца окт[ебра] *8 день* (Вил. гр. 1563 г., РИБ, т. XXX, кн. 7, № 60).

В старобелорусских и староукраинских памятниках обычным является употребление форм винительного падежа без предлога при обозначении времени, полностью занятого действием, причем глагол чаще находится в препозиции по отношению к форме винительного падежа. Ст.-бел.: и кнѧ(з) велики(и) Вито(вт) стоѧлъ всю *ве(с)ну* а города не взѧлъ (Лет. Рачин., с. 265); и бы^{т} есми тамъ оусю *соуботоу* (Страсти Христовы, л. 37 об.); И Трыщан гледѣлъ великии *час* и рекъ (Пов. о витязях, с. 23); мыслил король великии *час* и рек магушу хлопцу (Пов. о витязях, с. 43); Стоѧл тамъ *ден*, и нашол сѧ ему корабль (Пов. о витязях, с. 79); и не мог рушыти тѣломъ цалыи *месец* (Пов. о витязях, с. 84); ждал вторгеньѧ непрыѧтелъ не спечы цэлую *ноч* (Ист. о Атыле, с. 196); и коли ночовали первую *ночь* под замкомъ (Ист. о Гвид., с. 133). Ст.-укр.: И тако воевастасѧ *лѣто* цѣло (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 289 об.); Аз винен буду всегда, вся *дни* жизни моея, за православного царя и за нашу святительскую милость господа бога беспрестани просити (Укр. гр. 1622 г., Вос. Укр. с Рос., т. I, № 15); Господу богу, во троици славимому, поклонюся и тому единому послужу все *время* жития моего и во вѣки вѣком Аминь (Виш. Книжка, с. 15).

В примерах с постпозицией глагола значение формы винительного падежа без предлога в большинстве случаев уточняется словами *целый, весь* и т. п. Ст.-бел.: а такъ ѡные люди *не малы(и) часъ* по мору ходили (Лет. Рачин., с. 226); Трыщан *всю ту ноч* працовалъ (Пов. о витязях, с. 67); И тую *всю ноч* мучыла сѧ (дѣвка) (Пов. о витязях, с. 6).

Таким образом, материал изученных нами восточнославянских памятников показывает, что основная линия конкретизации значения обстоятельства времени, выраженного беспредложной формой винительного падежа, наметилась еще в древнерусский период. За формами винительного падежа без предлога последовательно, во всех трех восточнославянских языках закреплялась функция обстоятельства времени, указывающего на то, что действие, названное глаголом, занимает весь отрезок времени, а значение частичного охвата времени действием постепенно уходит из круга синтаксических значений беспредложного винительного падежа.

Словосочетание со значением полного охвата времени по своей синтаксической структуре ближе к формуле «глагол+объект в вин. п.». Закреплению такого значения могла также способствовать тенденция употреблять обстоятельство со значением полного охвата в постпозиции по отношению к сказуемому.

* * *

1. В языке изученных нами восточнославянских памятников XII—XVII вв. формы винительного падежа без предлога в подавляющем большинстве случаев употребляются в синтаксической функции прямого объекта при сказуемом, выраженном переходным глаголом.

Однако, главным образом в древнерусских материалах, мы находим следы употребления винительного беспредложного и в некоторых других синтаксических значениях: косвенного (делиберативного) объекта, обстоятельства места и времени.

2. Наблюдения над материалом показывают, что необходимость уточнения ряда оттенков синтаксических значений приводила к дифференциации и специализации грамматических средств языка, при этом формы винительного падежа без предлога последовательно закрепляются за функцией прямого объекта, а выражение остальных синтаксических значений, некогда свойственных винительному падежу, переходит к иным грамматическим средствам (к формам с различными предлогами, к другим падежам).

В осуществлении этого процесса наблюдается одна общая закономерность: употребление форм винительного падежа без предлога в ряде случаев еще возможно в недифференцированном синтаксическом значении; но вновь специализированные грамматические средства (например, предлог *о*+существительное в местн. п. для обозначения делиберативного объекта, формы творительного падежа при обозначении отрезков времени) употреблены во всех случаях в точном и однозначном соответствии с их синтаксической функцией.

3. Специализация синтаксической функции форм винительного падежа без предлога не проходила изолированно от общих

процессов развития грамматического строя, в частности от роста употребительности предложных сочетаний, от процесса формирования лексико-грамматической категории переходности/непереходности глаголов, развитие которой, в свою очередь, происходило в связи со становлением системы залогов.

4. Ввиду того, что уже в привлеченных к работе материалах по древнерусскому языку отражены те основные закономерности употребления форм винительного падежа без предлога, которые сохраняются во всех восточнославянских языках до наших дней, мы не находим сколько-нибудь значительного своеобразия в употреблении этих форм в памятниках старорусского, старобелорусского и староукраинского языков и наблюдаем в материалах по этим языкам лишь следы тех особенностей употребления беспредложных форм винительного падежа, которые были нами отмечены в древнерусском языке. Таким образом, исследованные нами материалы памятников XIV—XVII вв. всех трех восточнославянских языков по характеру употребления форм винительного падежа без предлога представляют несомненное единство.

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

В настоящем разделе рассматриваются случаи употребления творительного падежа без предлога. Мы выделяем следующие группы: 1) творительный орудия и средства; 2) творительный образа (способа) действия; 3) творительный объекта; 4) творительный причины; 5) творительный места; 6) творительный времени; 7) творительный действующего лица (субъекта); 8) творительный отношения.

Творительный орудия и средства

В древнерусских памятниках наиболее распространенным является творительный со значением орудия и средства, при помощи которого совершается действие. Творительный орудия тесно связан с семантикой сочетающихся слов. Особенно отчетливо он выступает в конструкциях с глаголами, обозначающими конкретное действие (*сечь*, *ударить*, *бить*, *избить*, *убить*, *раздробить*, *казнить*, *победить*, *взять* и т. д.), и существительными в творительном падеже также с конкретным значением (*сабля*, *меч*, *копье*, *стрела*, *оружие*, *топор*, *нож*, *батог*, *рог* и т. д.). Такие обороты с орудийной функцией творительного падежа богато представлены в памятниках древнерусской письменности. Проиллюстрируем примерами: В то҃ лѣ҃ архїеппъ нифонт. поби сто҃ую Софию *свиньцемь*. всю прⷭмь (I Новг. лет., л. 27); ѡканьнии ‹убийцы князя Андрея› же всовашасѧ в ложницю вси [и] сѣкше его *саблѧми* и *мечи*. идоша прочь (Лавр. л.,

124 об.); Загородите полю ворота своими острыми *стрѣлами* за землю Русскую, за раны Игоревы буего Святъславлича (Сл. о плк. Иг., с. 33); аже кто кого оударить *батогомь* любо *чашею* любо *рогомь*. любо *тылѣснию*. то ѕ гривнѣ (Рус. пр. 1282 г., л. 617б).

Рассматриваемая конструкция приобретает значение средства, если существительные в творительном падеже являются абстрактными, отражающими психическое или физиологическое состояние человека, или же явления культуры и быта. Однако необходимо сразу же заметить, что значение средства в творительном падеже проявляется не только при отвлеченных существительных, но и при конкретных, нередко употребляющихся в переносном значении. И, наоборот, отвлеченные существительные выступают в значении орудия. Приведем некоторые примеры с творительным орудия — средства, выраженным отвлеченными существительными: праздьноуимъ ихъ же прославилъ богъ. премногою *блгодатию* и *чюдесы*. ꙗко же сию страстотьрпьца въ сеи странѣ роусьскѣи земли (Сказ. о Б. и Г., л. 18г); и възгради црквь великоу. имѣющю вьрховь. є и испьса всю и оукраси ю всею *красотою* (Сказ. о Б. и Г., л. 20а); ѥго* нынѣ Хъ блгы и члвколюбець *словомь* ищѣли: врачь бо ѥсть дшмъ и тѣломь, и слово ѥ дѣло бы (К. Тур., с. 36); і стоꙗша. г. дни. тогда мастеръ порочныи *хытростью*. пусти на нд водоу. чюдь же побѣгоша (I Новг. л., л. 144—144 об.); и не доѣхавше Мстиславичи повергоша стгъ и побѣгоша. гоними *гнѣвомъ* Бжьимь и стое Бци (Лавр. л., л. 127); Иже не ѡста ничи же прежни Еппъ. вслѣдуꙗ нраво их. и оученью. но* токмо бо *слово* оуча но и дѣло кажа (Лавр. л., л. 158—158 об.); Оулѣбъ же вниде в Черниговъ. и оувѣдавъ ѡже цѣловалъ хртъ Володимиръ Изславъ Двдвича и Стославъ Всеволоди къ Стославоу Ѡлговичю хотꙗче оубити *лестью* Изслава (Ипат. л., л. 126 об.); И приѣха Ростиславъ ко строеви своемоу. побѣдивъ Половци *славою* великою слышавъ же Всеволодъ тѣсть его. и позва и к собѣ. (Ипат. л., л. 234 об.); И тако ему живущи въ дни своя и землю свою пасущю *правдою*, *мужьствомъ* же и *смысломъ*, приде на нь посѣщеньѣ Вышняго (Сл. Илариона, с. 32) и мн. др.

В особую группу выделим примеры с творительным падежом, называющим части тела, который был характерен для древнерусского языка: искавше ли послоуха и не налѣзоуть. а истьца начьнеть *головою* клепати. то ти имъ правьдоу желѣзо (Рус. пр. 1282 г., л. 617а); Гусли бо страяются *персты*, а тѣло основается *жилами*, дубъ крѣпокъ множеством кореніа; тако и градъ нашь твоею дръжавою (Сл. Дан. Зат., л. 281 об.); Таче възьрѣвъ къ нимъ оумиленъмь гласъмь и измълкъшьмь *грьтаньмь* рече (Сказ.

о Б. и Г., л. 14г); ѡпоны створи. и ѿдасть. въ куплю. оуста же свои ѿверзе смыслено. в чинъ молвить *языкъмь* своимъ. въ прѣпость и в лѣноту ѡблече (Лавр. л., л. 26); что можете створити на҃. имѣемъ бо кормлю ѿ землѣ. аще ли не вѣруете. да оузрите своима *очима* (Лавр. л., л. 44—44 об.); ихже ѥсте погубили. ѡни же въскрежташа *зубы* на҃ нь. желающе насытитсѧ крове ѥго (Лавр. л., л. 162 об.); и видѣвше Половци побѣгоша и наши по ни҃ погна҃ша, ѡвы сѣкуще. ѡвы емьлюще. и ѩша ихъ *руками* полторы тысѧчѣ. а прочии избиша (Лавр. л., л. 121 об.).

Во всех приведенных примерах интересующий нас творительный представлен неодушевленными существительными. Однако здесь же уместно отметить одно любопытное явление, свидетельствующее о бо́льших возможностях использования творительного орудия и средства в древнерусском языке, чем в наше время: это употребление существительных, обозначающих лицо, в творительном падеже с орудийной функцией. Правда, таких случаев в памятниках письменности незначительное количество, но своей необычностью для современного языка они обращают на себя внимание. Примеры: аже лодью оукрадеть то .з. коунъ продаже а лодию *лицемь* воротити (Рус. пр. 1282 г., л. 624б об.); (Т)ы таже все соудать *послоухы*. свободьными (Рус. пр. 1282 г., л. 625б); аже боудоуть въ домоу дѣти малы. а не джисѧ боудоуть сами *собою* печаловати. а мтѝ имъ поидеть замоужь (Рус. пр. 1282 г., л. 626а); Многа ж҃ чюдеса показа бъ̀ на мѣстѣ томъ. стыма своима *стрпцема*. слѣпии прозираху. хромии хожаху бѣснующесѧ очищахусѧ (Чт. Б. и Г., л. 108в)[90].

Творительный орудия и средства засвидетельствован в наших памятниках только при глаголах. В подавляющем большинстве случаев творительный падеж с функцией орудийности сочетается с переходными глаголами и лишь небольшое количество примеров находим с непереходными: бьюще҃ся стрѣлами, страяются персты, основается жилами, очема плачются, сердцемъ смѣются, служить свѣтом и теплотою и некот. др.

В древнерусской письменности широко употреблялся творительный орудия и объекта с непереходными глаголами *женитисѧ*, *женити*, ѡженитисѧ и ѡженити: Тои же зимѣ повелѣ Дюрги Мьстиславу снѣви своему Новѣгородѣ женитисѧ *Петровною* Михалковича. и ѡженисѧ (Ипат. л., л. 173); Тое же зимы ѡжени Гюрги сна̀ своѥго Глѣба в Руси *Изѧславною* Двдвча (Лавр. л., л. 116); Тое же зимы ѡжени сѧ кнѧ҃ Ꙗрославичь Андрѣи. *Даниловною* Романовича (Лавр. л., л. 166); ѡви бо попове ѡдиною *женою* ѡженѣвъсѧ (Лавр. л., л. 40).

---

[90] Примеры с творительным лица приведены В. И. Борковским в «Синтаксисе древнерусских грамот (Простое предложение)», стр. 378—379.

Любопытно отметить, что в древнерусских памятниках не находим ни одного случая, в котором бы беспредложный творительный был заменен такой предложной конструкцией с творительным падежом, какая утвердилась в современном языке (*жениться на ком*).

В старорусских памятниках, как и в древнерусских, богаты и разнообразны с лексико-семантической стороны сочетания с творительным орудия и средства: <се аз> многогрешный и худый раб божий Иоанн, пишу сие исповедание своим целым *разумом* (Моск. гр. 1572 г., Дух. дог. гр., № 104); Ови убо режущеся и всякими *пагубами* себѣ погубляюще, въ почесть богомъ (Письма Ив. IV, л. 159); А се лжеплетеніе и прежде азъ видахъ, Полскимъ *языкомъ* написано (Письма Курб., с. 379); Таже осыпали нас *землею*: струб в земле, и паки около земли другой струб (Аввакум. Житие, с. 108); Борисушко! Бог тебя простит, яже согреших от юности и до сего часа, или *словом*, или *делом*, или *помышлением*, или в разуме, и в недомысле или *пронырством* и *лукавством*, и *человекоугожденiем*, *татьбою* и *блудом* и всякою *нечистотою* (Аввакум. Письма, с. 248); і велѣл бумаги набити, і в судебняхъ велѣл желѣзнымъ *гвоздіемъ* прибити (Пересветов, с. 72); И ту смолу емлютъ и мажутъ виноградъ, на которомъ червь появится, и тою *смолою* тѣ черви уморяютъ (Пут. моск. купцов, с. 148); и разбиша корабль *пушками* (Пут. Зосимы, с. 67). аще ли стерегущии изымают, то многия раны возлагают на тело их, последи же и *узами* железными свяжут (Сатиры о пьянстве, с. 92).

В старорусских памятниках творительный орудия и средства сочетался в большинстве случаев с глаголами и значительно реже с причастиями. Как и в памятниках древнерусской письменности, творительный орудия продолжает широко употребляться в старорусской письменности XIV—XVII вв. при переходных глаголах: А будут тебе учнут прельщать *славою*, и *богатством*, и *честию*, или учнут тебе которых городов поступать, или повольность которую учинят, мимо Ивана сына, < и ты б отнюдь того не делал > (Моск. гр. 1572 г., Дух. дог. гр., № 104); а коли не добудуть бобровъ, и онѣ въ нашу казну на казенной дворъ за боброву ловлю платили *денгами* по рублю на годъ (Моск. гр. 1556 г., АЮБ, т. 1, № 41, II); и не ѡправдахъсѧ пре҃д чл҃ки бг҃ъ сiе праведнымъ своймъ *милосердiемъ* йсправи҃т (Домострой, с. 65); Не испросихъ умиленными глаголы, не умолихъ тя многослезнымъ *рыданiемъ*, ни исходатаиствовах отъ тебя никоея же милости архiереискими чинми (Письма Курб., с. 3); *влагою* своею питает землю и кедри в Ливане, сиречь во благоуханных древах кипарисах, в них же вогнеждаются птицы (Аввакум. Письма, л. 267); Егда какова зверя восхощет, тем *гласом* и зовет к себе, яко органом возбряцающе (Аввакум. Письма, л. 268); < Аще. . . . учинятъ. . . крѣп-

кое стояніе > и тою своею *крѣпостію* все царство удержатъ отъ того лютаго нашего сопостата (Пов. о Рос. царстве, с. 190); *несытством* своим все приобрел еси, тем з гольянскими вопию ти (Сатиры о пьянстве, с. 82); Се нынѣ, братіе, время приспѣ *смертію* животъ купити (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 747); и яз не могу против таковаго славнаго короля стоять, потому что у него войска соберетца многа, наш град *огнем* позжет и *головнею* покатит, а тебя с нелюбови возмет (Сказ. про Бову, л. 464); *Мечомъ* злато добывают а мечь *злато*и покупаютъ (Пословицы XVII в., л. 356 об.); Годитца таковому государю воньскому, от Бога мудрому прироженному, таковыя рѣчи *златомъ* разписати і при себѣ на многа лѣта держати (Пересветов, с. 60); Государыня прекрасная королевна Дружнева не доведетца тебе около холопа своего своими *руками* мечь кладенец опоясывать (Сказ. про Бову, с. 471); *Голосом* пѣть а *конемъ* воевать (Пословицы XVII в., л. 335); и, восстав, образы поцелуй и, прекрестясь, с молитвою причастися и *водицею* запей (Аввакум. Житие, л. 77); И рече кур лисице: «Госпожа моя лисица, не одолей злобу *злобою*, одолей злобу *благостынею* (Пов. о куре и лис., с. 196); не бей мужика *кнутомъ* бѣи ево *рублемъ* (Пословицы XVII в., л. 361).

Кроме представленных сочетаний творительного орудия и средства с переходными глаголами, в памятниках старорусской письменности находим обороты с непереходными глаголами, которых значительно больше, чем в древнерусских памятниках: Въ прошломъ, Государь, во 139 году выѣхаль я, холопъ твой, на твое Государьское имя, служить тебѣ Государю *лекарствомъ* своимъ (Рус. гр. 1632 г., АИ, т. III, № 169); ты же не ужасеся, но и благому священнику *свирѣпствомъ* досадилъ еси (Письма Ив. IV, л. 163); И я, отступя людей под гору или в лес, коротенько сделаю — побьюся *головою* о землю, а иное и заплачется, да так и обедаю (Аввакум. Житие, с. 90); із за тѣхъ щитов в'поле с недругом добро битися огненою *стрѣлбою* іс пищалей і из затинныхъ, какъ з города (Пересветов, с. 79); А поля имъ судил въ своем царьствѣ без крестново цѣлованія: нагим лѣсти в темницу, *бритвами* рѣзатися (Пересветов, с. 73); И Бова почел скакать, а *метлою* махать (Сказ. про Бову, с. 468); Глухие потешно слушайте, наше веселитеся, *ремением* секитеся, дурость к вам приближается (Сатиры о пьянстве, с. 65); Кому *пер'стомъ* киваютъ. а намъ *глазомъ* мигаютъ (Пословицы XVII в., л. 351).

Среди сочетаний творительного орудия и средства с непереходными глаголами в старорусских памятниках засвидетельствованы случаи, когда творительный падеж имеет два оттенка значения — орудия и причины: аще кто бїет ѿца и мтрь ѿ цркви и ѿ всѧкіѧ стыни да ѿлꙋчитсѧ, и лютою *смртию* и граѧцкою *казнью* да бꙋмре (Домострой, с. 15—16); Язъ *восхищеньемъ* ли,

или *ратью*, или *кровью* сѣлъ на государство? (Письма Ив. IV, л. 55 об.); і в'земъ Бога на помощъ, хощу на недрузи свои двигнутися і умирати за щитомъ *копіемъ* своимъ (Пересветов, с. 71). Эти конструкции с творительным падежом, совмещающие в себе значения причины и орудия, широко употреблялись в течение нескольких веков. Акад. В. В. Виноградов отмечает, что «в XVIII веке еще был в широком употреблении беспредложный творительный, в котором значение причины еще не было резко обособлено от значения орудия. С начала XIX века творительный причины решительно уступает место предложным конструкциям» [91].

Что касается творительного орудия, обозначенного лицом, то надо отметить, что в старорусских памятниках он значительно шире представлен, чем в древнерусских, и не только при переходных глаголах, но и при непереходных.

При переходных глаголах: а что волостеи новогоро^{л}цки^{х} всѣ^{х} ва^{м} не держати своими *мужи* держати ва^{м} *мужи* новогоро^{л}скими. и даръ има^{т} ѿ тѣ^{х} волостеи (Новг. гр. 1471 г., Шахматов. О языке, № 20); Не токмо душа своя за паству христову полагаютъ, но и расхищаютъ, — вѣмъ, яко бѣдно ми глаголами — не токмо расхищаютъ, но и учителе расхитителемъ бываютъ, начало и образъ всякому законопреступленію *собою* полагаютъ (Письма Курб., с. 395); Истец лещ сказал: «Уличяю ево, господа, божиею правдою и кресным целованием и вами праведными *судями*» (Пов. о Ерше, с. 148); Подаваися по рукам, ино легче волосам, толко *собою* нечем купити, а на людех пити, ино побои терпети (Сатиры о пьянстве, с. 77); *Собою* цены не уставить (Пословицы XVII в., л. 368 об.).

При непереходных глаголах: А в чем будет твоя вина, и ты б ему добил челом, как ему любо, и послушает челобиться, ино добро, а не послушает, и ты б *собою* не оборонялся ж (Моск. гр. 1572 г., Дух. дог. гр., № 104); И оного предреченнаго воеводу Сендомирсково Юрья со дщерію его, оболстивъ, приведе, и оженився *ею* во царствующем градѣ, въ пречестнѣмъ храмѣ пресвятыя Богородица (Пов. Кат.-Рост., с. 581).

В приведенных примерах творительный орудия близок к творительному объекта. Например, сочетание «и ты б *собою* не оборонялся ж», с одной стороны, имеет значение орудия (т. е. не оборонялся своими силами), с другой — значение делиберативного объекта (не оборонялся сам). В данном случае и орудие и объект — одно и то же лицо. То же самое в сочетании «*оженився* ею» — объект и орудие совмещаются в одном лице.

Попутно отметим два примера с творительным орудия, обозначающим животных: *конемъ* воевать а копьем шѳрмовать

---

[91] В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 687.

(Пословицы XVII в., л. 371); Голосомъ пѣть а *конемъ* воевать (Пословицы XVII в., л. 335).

Кроме представленных глагольных сочетаний с творительным орудия, в старорусских памятниках находим большое количество оборотов с творительным, управляемым причастиями настоящего и прошедшего времени, действительного и страдательного залога.

Действительный залог: Тако же и иноковъ, отрекшихся волею всѣхь красныхъ мира сего, проклявши себе страшными *клятвами* (Письма Курб., с. 397); И егда устроил мя бог протопопом в Юрьевце-Повольском, бит *ослопием* и топтан злых человек *ногами*, и дран за власы *руками* (Аввакум. Письма, с. 187); и Он, Афонасей, ево, Иякова, за то, бив *кнутом*, жжег до смерти (Аввакум. Письма, л. 192); Писано в темнице *лучинкою*, кое-как (Аввакум. Письма, л. 219); А нынешнюю зиму потерпите только маленько: силен бог, уже собак тех, перепутав огненным *ужем*, отдаст нам в руки (Аввакум. Письма, л. 222).

Страдательный залог: вса потребна всякомъ человѣкъ бга ради давано, и скорбново *словомъ* ползовано (Домострой, с. 64); Помысли же, како бранным пришествіемъ мягкая младенишная удеса конскими *ногами* стираема и растерзаема! (Письма Ив. IV, л. 125 об.); Да въ томъ же Египтѣ введена вода *стѣною* каменною, о воистинну трость колеблема *вѣтромъ* отъ сопротивныхъ духовъ! (Письма Курб., с. 368); понеже *крѣпостію* многою вооруженъ градъ той, превысокій Кремль, и никоимъ бѣ домышленіемъ мощно его досягнути (Пов. Кат.-Рост., с. 611); и егда пріидохъ близъ тоя святыя великія церкви, и видѣхъ ю окружену *свѣтомъ* неизреченнымъ и стояхъ надолзѣ (Пов. о видении, с. 180).

В старорусских памятниках засвидетельствованы случаи, когда управляющее слово в сочетаниях с творительным орудия и средства отсутствует: кормят, кормят, да в лоб *палкою*, да и на огонь жарить (Аввакум. Письма, с. 224); Мѫжъ женѫ *лозою* а она емѫ *грозою* (Пословицы XVII в., л. 357 об.); не все *лозою*, иною и *грозою* (Пословицы XVII в., л. 358 об.).

Некоторые сочетания с творительным орудия и средства настолько употребительны, что становятся устойчивыми словосочетаниями (*бить челом*, *казнить смертной казнью* и др.). Особенно часто встречается во многих жанрах старорусской письменности (больше всего в деловой) оборот *бить челом*.

В старобелорусских памятниках употребление творительного орудия и средства аналогично употреблению его в старорусских памятниках: он также получил там самое широкое распространение и также в подавляющем большинстве случаев употребляется при переходных глаголах. Приведем некоторые примеры.

При переходных глаголах: и мы тот лист их поручный нашим *листом вмордем* и в нивеч ѡборочаемъ на вечный час (Брест. гр. 1544 г., Arch. Sang., т. IV, № 328); и дали есмо владыцѣ листъ и нашею *печатью потвердили есмо* ему, аже есть его Лисичи Бродъ (Погонич. гр. 1422 г., АЗР, т. I, № 31); и на тотъ Инко Мишковичь Стецка Зелепужича на его вл(о)стной сеножати ѡщепомъ его *б(ь)еть* (Вил. гр. 1510 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 21); абы вси подданые наши тамошніе, люди волостные, з десети волокъ одного человека и возъ одною *клячою* доброю *выправили* (Вил. гр. 1563 г., РИБ, т. XXX, кн. 7, № 24); а в томъ караньи шию свою *пенязми откупит* (Лит. ст. 1529 г., с. 65); и *прозва(л)* то(т) Керъну(с) берегъ свои(м) языкомъ властны(м) по латыни литу(с) где сѧ люди его множа(т) (Лет. Рачин., с. 228); и напе(р)ве(и) прыщо(л) до Крева и стоя(л) два дни и добылъ города Мурованого Крева и *выжогъ* ѡгне(м) (Лет. Рачин., с. 269); иные го пъхають иные *ногами топчоуть* иные его проклинаю᷑ и лаю᷑. иные за тїю *палицами бью*᷑ да с тако᷒ горкостїю и навалностїю наипервое до аннаша приведе᷑ есть (Страсти Христовы, л. 7); И *замахнулъ мечомъ*, якобы голову ему стѧти (Пов. о витязях, с. 17); Рыцэту, ты тое панее не маетъ, если ее *мечом* не *добудешъ* (Пов. о витязях, с. 46); Трыщане, *нашолъ* мѧ *еси мечом* (Пов. о витязях, с. 66); тогды оный, который в дому был, *зыщет* сам своим *накладом* тую головщину (Лит. ст. 1529 г., с. 59); Таковый повиненъ будеть оный разбой або шкоду своими власными *пенезми оправовати*, а тых злодеев искати (Лит. ст. 1529 г., с. 61); а коли его *наидешъ ласкою*, ѡн, видевъ такую твою жалость, ѡнъ самъ прыимет на себе тую помсту (Пов. о витязях, с. 79); а пото᷒ видѣᷓ якобы ѡ᷑ богъ еи ре᷑ затѹлѧᷓ, и золоты᷒ *пе᷐рстене᷒ запечатова*ᷓ, в которо᷒ перстеню быᷓ камень дороги᷑ (Александрия, с. 27); и казаᷓ мо᷑ст на ло᷑ѧхъ справи᷑т пре᷐з ѡнѹю реку а *змоцни᷑т* добре *гво᷐здъми* желѣзными и ла᷐цѹхи (Александрия, с. 57); а вѣсцю отступити прочь отъ скалвъ, а *рукою* не *примати* (Могилев. гр. 1407 г., РЛА, № 164); ино хто ищеть на комъ, ѣхати ему *искати правомъ* предъ осподаремъ его (Западнорус. гр. 1468 г., АЗР, т. I, № 67);

При непереходных глаголах: соухими *ногами* по морю *ходи*᷑ и многїе иные дивы диво᷑ чини᷑ (Страсти Христовы, с. 31); И *пошли судномъ* къ берегу; где увидели Бова... (Ист. о Гвид., с. 135).

В сочетаниях творительного орудия с непереходными глаголами в исследованных белорусских памятниках находим творительный орудия не только со своим основным значением, но и с оттенком причины: коли Иѡсиф пошол у великие краины *приказанем* Господа нашого Исуса Хрыста и ѡбратил был множество людей на хрестѧнскую вѣру (Пов. о витязях, с. 72—73).

Несколько примеров отмечено с творительным орудия без управляющего глагола: а восковыи весъ держати по старому закону, штоже нашъ берьковескъ восковыи болши вашего берьковъска *полупудомъ* Ризького весу (Полоцк. гр. 1405 г., РЛА, № 154); Отъ намесника отъ Полочького отъ Монтигирда і ото всехъ мужъ отъ Полочанъ (князя великого Вытовътовымъ *повеленьем*), къ ратъманомъ (Полоцк. гр. 1400 г., РЛА, № 134); почоншы отъ болота великого, ручьемъ Марынцемъ да въ рѣку Оболь, а *рѣкою* Оболью внизъ да въ крутую водотѣчь, а тою *водотѣчею* въ болото опять великое, а *болотомъ* да опять въ Марынець рѣчьку (Западнорус. гр. 1458—1459 гг., АЗР, т. I, № 62).

Отметим также примеры с творительным орудия в сочетании с причастиями действительного и страдательного залогов: а оный господар былъ до суда позванъ, а было бы на него *переведено* слушным *доводом* (Лит. ст. 1529 г., с. 61); и далъ имѧ тымъ люде(м) своимъ *языко(м)* по латине *зложы(в)шы* бере(г) с трубою литу(с)ба (Лет. Рачин., с. 228); и кнзь велики(и) Кгидими(н) *ѫкрепившы* и(х) *прысѧгою* и ѡстави(в)шы намѣ(ст)нико(в) сво(х) в нихъ (Лет. Рачин., с. 242); а онъ упалъ въ ставъ до воды и заразъ презъ упустъ пренесеный на долъ у глубину великую и не рыхло зъ ней указалъ се, *несеный* далеко *водою* (Дневн. Евлап., с. 137).

Кроме творительного орудия и средства, выраженного неодушевленными существительными, в старобелорусской письменности, как и в соседних восточнославянских языках, находим творительный лица: тогды вжо сам третей собе ровными *шляхтичы* доброе славы присягою своею телесною мает ся очищати (Лит. ст. 1529 г., с. 101); и ѡмеш град своими *людми* и все мое панство тобѣ будет (Ист. о Гвид., с. 130); Паламидеж рекъ: Пани, што мѧ страшыш *витезем?* (Пов. о витязях, с. 93).

Из примеров с творительным лица выделяются случаи, в которых творительный падеж, на наш взгляд, имеет два значения — орудия и объекта: того же лѣта ѡженисѧ кнзь Бори[с] ѠЭлгирдовною *Фревиною* (Лет. Акад., л. 150 об. — 151); и кнзь велики(и) Витовтъ послалъ королю двадцать тисечь копъ гроше(и) *пано(м) Немиромъ* а *Дмитромъ Васильевичо(м) Лоскимъ* боꙗрыно(м), а городы свое побралъ за себе (Лет. Рачин., с. 262); рече Бово: Пане, ꙗ из Армении ѡт короля Арменила, *мною* тобѣ послалъ поздровление и прыꙗзнь и жедаетъ, абы есм ему дал прощене ѡт смерти сына своего Лукапера (Ист. о Гвид., с. 145).

Несколько примеров находим с творительным орудия, обозначающим одушевленные существа: Трыщан поехал дорогою по поврозех и зачепилъ *конемъ* поврозов и стаснул всим шатром (Пов. о витязях, с. 95); А так кнѧжа Ѡрылъ ѡпятъ вернулъ сѧ и рече Маркобруну: Велю тѧ *слонами* убить (Ист. о Гвид., с. 157); а коли ѡна прышла, велелъ Бово ѡгонь скласти и ее жечы, або

коньми волочыти (Ист. о Гвид., с. 166); а третюю жонкѹ бременнѹю *коньми* стоптали такъ ажъ ся брѣмя въ ней сказило (Вил. гр. 1514 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 143).

Из устойчивых словосочетаний с творительным орудия и средства в старобелорусской деловой письменности отметим большое количество оборотов со словом *лист: ѡзнаймѹем симъ нашимъ листомъ* (Брест. гр. 1544 г., Arch. Sang., т. IV, № 328); Мы князь Иванъ Олкгимонтовичъ *знаемо чиню симъ своимъ листомъ* (Мереч. гр. 1401 г., АЗР, т. I, № 18); Ѝ Петраш Фоминич писар г[о]спод[а]рѧ короля его м[и]л[о]сти *чиню знаменито сим моим листом* (Вил. гр. 1490 г., Arch. Sang., т. I, № 94) и т. д. Здесь же отметим довольно употребительное сочетание *бить чолом,* которое получило широкое распространение не только в деловой письменности, но и в других жанрах старобелорусского языка: И кнꙗзь Швитрыга(и)ло вы(и)де(т) во(н) з города и *вдары(т) чоло(м)* кнꙗзю великому Вито(в)ту (Лет. Рачин., с. 258); и вшолъ у палацъ и *вдарылъ чолом* Додону (Ист. о Гвид., с. 130); А потом рекла Брагинѧ Паламидежу: часѣ тобѣ *чолом вдарыти* королю Марку (Пов. о витязях, с. 91).

В староукраинских памятниках творительный орудия и средства продолжает развиваться во всех разновидностях, которые были отмечены в древнерусском языке. В творительный с орудийной функцией вовлекаются те же группы слов: слова, обозначающие физическое орудие, части тела, а также — абстрактная лексика. Разница, может быть, лишь та, что наряду с общей восточнославянской лексикой используются в этом значении своя формирующаяся староукраинская лексика и свои устойчивые словосочетания с творительным орудия и средства. Например, в деловой письменности староукраинского языка довольно часто встречается слово *лист* в творительном падеже со значением орудия. Эту лексему находим постоянно в сочетании со словом *чинить.* Оборот *чинить* (*тымъ, симъ*) *листомъ,* созданный в староукраинских грамотах, является специфическим для староукраинской деловой письменности. Часто это сочетание бывает распространено и другими словами: Млт҃ью бж҃иею мы великий кн҃зь швитрикгаилъ литовскыи рускии и иныхъ *чини*ᵐ *знаменито си*ᵐ *наши*ᵐ *листо*ᵐ каждому доброму нінешнимъ и по(і)тоᵐ будущимъ (Острог. гр. 1437 г., Укр. гр., № 74); *Ведомо чиню тим моим листом,* кому би о том ведать надлежало, иж я хотячи в як наилутшом порядку места мои украинные имети (Укр. гр. 1633 г., Вос. Укр. с Рос., т. I, № 77). Слово *лист* в творительном падеже находится также в сочетании и с другими глаголами: *листомъ варѹемъ, вызнаваю листом, потвержаемъ листом, листомъ даю, ѡзна'муеᵐ листоᵐ, вѣдати листомъ, свѣдчю листом, присужяемъ листомъ* и др.

В староукраинской письменности весьма употребительным было и устойчивое сочетание *бить челом*, сохранившееся с древнейших времен и развивающееся в староукраинском языке параллельно с таким же оборотом, приведенным выше, в старорусском и в старобелорусском языках: та седит за столом, а всі *біют* пред нім *чолом* (Инт. Гаватовича); И *били есмо чоломъ* господынѹ, ѡтцѹ владыце и тым верхѹ писаным паном ѡ Ихъ Милости печати (Луцк. гр. 1535 г., Arch. Sang., т. IV, № 7 и т. д.).

Отличительной чертой творительного со значением орудия в староукраинском языке является и то, что в описываемых памятниках находим примеры приименного творительного падежа, что не встретилось в исследованных старорусских и старобелорусских текстах: Поневажъ тутъ утвержденіе церковное не самою Петровою *твердостью*, але и Павловымъ *розумомъ* естъ, теды того нѣкто не можетъ анѣ самому Павлови приписовати, але обоимъ (Палин. Копыст., с. 476); Разсуждайте ж, православнии християне, на сей погреб мыслью вшедшиеся, тые выкриканя рапсака папы рымского тыми *словы*: «То ли твоя вѣра, рымлянине, як в мирѣ сем славен и велик еси?» (Виш. Книжка, с. 20); городъ же затворенъ бысть и сташа при҃дше у немоу ѡдаль его. и не оуспѣша вои е҃ ничто же бѧхоуть бо в немь богарѣ и людье добрии. и оутверждение города крѣпко *порокы* и *самострѣлы* (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 283 об.).

Приглагольный творительный с орудийной функцией в староукраинских памятниках так же, как в старорусских и старобелорусских памятниках, большей частью сочетается с переходными глаголами и значительно реже — с непереходными.

С переходными глаголами: ѿ рабъ божи Семе҃. Міхаиловичъ, — будѹчы з ѹроже҃а татарїно҃м... ѡзна҃мую ты҃ *тестаме҃томъ* с ѡта҃нее волї моее (Киев. гр. 1632 г., Палеогр. изб., 35); и тыми *пѣнезми выкѹпила есми* маткѹ свою, паню Помилѹ с поганства Татар (Луцк. гр. 1522 г., Arch. Sang., т. III, № 227); а мы *привилемъ* нашимъ емѹ то *потвердили* (Львов. гр. 1537 г., Arch. Sang., т. IV, № 83); и во всем на вечная времена *грамотою ствердили* (Укр. гр. 1653 г., Вос. Укр. с Рос., т. III, № 210); А то южъ къ православнымъ *замыкаю* тую предмову учителными апостольскими *словы* тыми (Палин. Копыст., с. 322—323); а по отъѣханію Мелетіевомъ, самъ до Рожанки заразъ ночью поѣхалъ, и тымъ *промысломъ* обоихъ листовъ *досталъ* (Пересторога, с. 208—209); Молю вашу святительскую милость, яко и входит Христос во пекло и *освѣщает* ясным своим *променем* и освящает всѣ мѣстца пекелнїи и *кропит водою* и *духом* свѧтым (Сл. о збур. пекла); Ты риторскій язык сладкоглаголивый *безгласіем связуеш* (Перло многоценное); правдиве многими *трудами* тая книга святая *възяла* свое съвершенство (Перло многоценное); А тепер пекло збурил и столицу сплюндровал, а мене, Ада, вечними

узами звязал (Сл. о збур. пекла); При них же и мы вси до домовладци всегда молитствовати должни есмы праведнаго и обильнаго мздовоздателя, явльшагося во Иорданы христа, не *сторицею*, но *тьмою легеонов* благих *воздати* (Укр. гр. 1626 г., Вос. Укр. с Рос., т. I, № 33); а па[п] григореи стреченови[п] имаеть, *служити* с того имѣныа *копье*[т] игдѣ будеть на[т] потребно (Острог. гр. 1437 г., Укр. гр., № 74); кгдыж вы там *тиранством побѣдити* терпения нашего не можете (Виш. Книжка, с. 94); и всѣхъ бовѣмъ збавенью словомъ и *писмомъ* повиннисмы *чинити* старане (Палин. Копыст., с. 318—319); Исидоръ, митрополитъ Кіевскій, выхованецъ и ученикъ Римскій, пріихавши съ того собору, хотѣлъ тую згоду въ Русской земли становити и *привиліями* кролевскими *ствердити*, которого, повѣдают, утоплено (Пересторога, с. 224); освяти любящаго благолепие храма твоего, ты его *воспрослави* божественною *силою* своею (Укр. гр. 1626 г., Вос. Укр. с. Рос., т. I, № 33); Аще от Петра глаголеши быти, *свѣдителствуй писанием* Петровым (Виш. Книжка, с. 104—105); И ты, днешній гетмане, зацный Олефѣру, щасливе *справуй войском* тым, а ховай вѣру (Вирши Саковича); А як до вас придут, грозно отповѣдайте, а *плечима* дверѣ моцно *подпирайте* (Сл. о збур. пекла).

С непереходными глаголами: Видите ли, як дух антихристов, ваши мѣхи надув, и *усты* гордо *дыхает* и рыгает (Виш. Книжка, с. 69); что ест «внийдут»? То ест: *силою*, *помощию*, *хитростию*, *человѣкоугождением* и *лихоимством влѣзут* (Виш. Книжка, с. 76); Благодарити жь бога за повращение потреба, а не *гнѣвом отмщати* (Виш. Послания, с. 167); про то потреба, абысте вси починивши мемраны, *подписалися руками* своими на тыхъ мемранѣхъ (Пересторога, с. 211); а на вѣру православную и святую не *словомъ* Божіимъ, але *мечемъ воюютъ* (Пересторога, 235—236); а за дверѣ верѣтѣ и голосно волайте *криком* страху ему *завдайте* (Сл. о збур. пекла).

В староукраинских памятниках, как и в старорусских, часто встречаются примеры с творительным падежом орудия, управляемым причастиями действительного и страдательного залогов.

С причастиями действительного залога: не отпадающе же отчаянием милости божия и чающе избавления от сицевыя неволи, *братством* церковным *соединившеся*, мужественне богу помогающу непоколебиме держатися (Укр. гр. 1626 г., Вос. Укр. с Рос., т. I, № 33); Видиши ли, як не о истиннѣ сие творят и дерзают, но прелести и лжи, паче же *властию* мирскою и языческою себѣ *помагающе*, возносятся и величают (Виш. Книжка, с. 101); таже *утвердивши* сумнения вѣры благочестивыми *догматы*, тогда внѣшних хитростей для вѣдомости касатися не возбраняти (Виш. Послания, с. 162—163); ѡ сем же словеси слышавше вси начата крѣпко боротиса, тотаромъ же порокы градъ бьющемь

стрелами бещисла *стрѣлающимъ* (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 263 об.); Овъ абовѣмъ не *каменемъ кинувши* обложилъ Голіаѳа, але толко мовячи, весь діаволскій зопсовалъ поломень (Палин. Копыст., с. 444); на обѣ сторонѣ зражаете, *подписавшися* первѣй *руками* своими на всѣхъ декретахъ патріарших (Пересторога, с. 22).

С причастиями страдательного залога: Заберегаем при том, чтоб от панов державцов *работами отягчаемы не были*, для чего здесь повинность работ описуется (Укр. гр. 1642 г., Вос. Укр. с Рос., т. I, № 214); сѫществителнаꙗ соѫза *частицами сопраженнаа* многажды множественное притяжѫтъ прилагателное (Грам. Смотр., с. 333); Не *судом* ли *испытан* будеши за житие вѣка сего так же, яко и убогий? (Виш. Книжка, с. 43); Мниси ж каменносѣяннии, *страхом побѣждени* суще и злѣ толкующе апостолское слово (Виш. Книжка, с. 80); страстный и *злонравием связаны* страстных и злонравием связанных разѣшати и свобождати никакожь не может (Виш. Позорище, с. 216); и просятъ, абы господарь король митрополита и владыковъ имъ иншихъ далъ, водлѣ правъ и вольностей ихъ, *присягою* его имъ *утвержоныхъ* (Пересторога, с. 214); и людъ даньми обтяжено, а великихъ пановъ своими *науками* и *способами* розмаитыми отъ церкви *выведено* (Пересторога, с. 223); Несподѣване смертным *мечем посѣчени* (Перло многоценное).

Отсутствие управляющего слова при творительном орудия и средства отмечаем лишь в словосочетании «рукою власною», которое стало устойчивым оборотом в деловой письменности староукраинского языка: Михаилъ Митрополитъ Кіевскій и Галицкій *рукою власною* (Львов. гр. 1592 г., АЗР, т. IV, № 32); Всему Войску Донскому зиулие приятелі Богдан Хмельницкий гетман Войска Запорозского, *рукою власною* (Укр. гр. 1650 г., Вос. Укр. с Рос., т. II, № 147).

В староукраинских памятниках, так же как и в старорусских и старобелорусских, употребителен творительный лица.

С переходными глаголами: и в тот же час светков своих князь Кошерский, некоторых боꙗръ, шлахтѫ и инших людей, менѫчи их сѫгранники своими, передъ господаремъ Его Милостю поставил, *хотячи ими* держанꙗ своего доводити (Львов. гр. 1537 г., Arch. Sang., т. IV, № 80); Сице и сему подобный матеолог безбожными *священники сотворяет* на преподобных и богоносных отец наших (Виш. Книжка, с. 84); Вѣдомо теды естъ отсель, же для того одному Петрови было речено «паси овцы мои», ижъ тогды Петръ фигурою былъ церкви и *особою* своею *репрезентовалъ* всѣхъ церкви преложоныхъ (Палин. Копыст., с. 427); < каштелянъ Брестскій >, который вдовцемъ былъ, але всѣхъ вѣръ *собою спробовалъ* и въ кождой штожъ кольвекъ забавился (Пересторога, с. 209).

С непереходными глаголами: право такъ нашло, ижъ пана Ивашковы листы уморени на вѣкы, ажь не имаеть *ими успоми-*

натися, а ни его ближшіи (право такъ нашло) (Зудечев. гр. 1421—1428 гг., АЗР, т. I, № 30, II); а съ того намъ имеють *служити* и нашимъ намѣстникомъ *двума стрѣлцема* на заволаную войну, яко иніи земляне служать (Луцк. гр. 1445 г., АЗР, т. I, № 45); «Спасайтеся, братия моя, сами, а *пастырми спасатися* не можете» (Виш. Книжка, с. 71); Аще бо бы Христос или Петр ученик его власт внѣшнюю носил, не бы себе убити попустил, паче же и *слугами* бы *ся защитил* (Виш. Книжка, с. 106). В последних двух примерах творительный падеж, как представляется, выступает с двумя значениями: со значением орудия и значением делиберативного объекта, что наблюдалось и в старорусских и в старобелорусских памятниках. В этих примерах основное внимание направлено и на действие, и на его объект (пастырми спасатися не можете, слугами бы ся защитил).

Творительный образа (способа) действия

В древнерусских памятниках довольно широко представлен творительный падеж в функции образа или способа действия.

Творительный образа действия богат различными оттенками значений. Он может указывать на способ движения: кнѧзь же Всеволодъ *изъѣздомъ* ѣха к Торъжку (Лавр. л., л. 131 об.); а Галича не ищи подъ моею братıею пакыли не поидешь добро. иду на тѧ *ратью* (Лавр. л., л. 144 об.); Романъ кнѧ Брянскыи приходилъ *ратью* к Смоленску. и пожже пригоро (Лавр. л., л. 170 об.); Тогда же и Мьстиславъ Изѧславичь ѣха *изъѣздомъ* на стрыа своего на Володимира Володимирю (Ипат. л., л. 174); идоша *насады*. а ис Торьцького. на конихъ (Ипат. л., л. 219 об.).

К творительному способа движения близок творительный способа пребывания. Обычно этот творительный выражался существительными, обозначающими группировку людей или сооружения на том или другом месте. Как творительный способа передвижения, так и творительный способа пребывания в основном представлены в летописях: и придоша до Ѡкы. и сташа възлѣ рѣку *шатры*. на березѣ на полого (Лавр. л., л. 145 об. — 146); Поиде кнѧ великыи Гюрги. к Сереньску. и стоıавъ *стано* на Уполозѣ (Лавр. л., л. 159—159 об.); и ста на Сити *стано*. а ждучи к собѣ брата своего Ꙗрослава с полкы (Лавр. л., л. 160); и ту сташа *полкы*. по ѡнои сторони Лыбеди (Ипат. л., л. 156); Изѧславъ же и король скупивше всѣ своıа воıа. и всю свою дружину. ту же и стаста *товары* пере городомъ надъ рѣкою (Ипат. л., л. 162); блѧженыи же борисъ ıако же сѧ бѣ воротилъ и сталъ на льтѣ *шатьры* (Сказ. о Б. и Г., л. 10г).

Во многих случаях творительный образа действия, в зависимости от степени утраты субстанциальности существительных,

приобретает орудийную функцию. Такой творительный совмещает в себе два значения: значение образа действия и значение орудия. Например: земли же сгрѣшивши которои. любо казнить бъ *смртю*. іли *гладомъ*. іли *наведениемь* поганыхъ. іли *ведромь*. іли *дъждемь* силнымь. іли *казньми* инѣми (I Новг. л., л. 125 об.); и ре Ретеда ко Мьстиславу. не *оружьемь* са бьевѣ. но *борьбою* и ѥста са бороти крѣпко (Лавр. л., л. 50); аще ты миръ даси ѥму. но мы ѥму не дамы. помысливше *высокоумье* своимъ (Лавр. л., л. 128 об. — 129); Бъ бо казни рабы своа. *напастми* разноличными. *огне водою. ратью смртью* напрасною (Лавр. л., л. 155).

В творительном с функцией образа действия отчетливо выделяется творительный усиления, который нашел себе применение главным образом в светских жанрах: поставиша городъ надъ невою. на оусть охты рѣкы. и оутвердиша *твердостию* несказанною. поставиша в немь порокы (I Новг. л., л. 152 об.—153); повелѣ игуменъ рушити кдѣ лежть мощѣ ѥго ца нашего Ѳеодосыа. ѥгоже повелѣнью бы азъ грѣшныи первое самовидець. еже скажю не *слухомъ* бо слышвъ. но самъ семь началникъ (Лавр. л., л. 70); На зиму по Крщнии. Ярославъ кна Тфѣрьсыи. снъ великого кназа Ярослава. с своими боарыи поѣха в Ладогу. ставА свою чину. Ладожане почьтиша и достоиною *чтью* (Лавр. л., л. 166 об.); жены Рускїя въсплакашась аркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни *мыслїю* смыслити, ни *думою* сдумати, ни *очима* съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати (Сл. о плк. Иг., с. 20).

Наряду с творительным усиления следует выделить творительный превращения и творительный сравнения. Данные творительные падежи довольно часто привлекали к себе внимание исследователей. Некоторые ученые, например А. М. Пешковский, указывая на различные вещественные стороны творительных превращения и сравнения, считают их одной синтаксической единицей и относят к творительному полупредикативному [92]. Ф. И. Буслаев совершенно не различает творительный превращения и творительный сравнения, называя оба вида творительным уподобления и включая их в раздел творительного образа действия [93]. Немало внимания этим конструкциям уделил А. А. Потебня. В труде «Из записок по русской грамматике» исследователь подчеркнул, что «разница между творительным превращения и сравнения неграмматична, т. е. не формальна, а вещественна, и может быть

---

[92] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении Изд. 7. М., 1956, стр. 244.

[93] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, стр. 471—472.

определена в каждом частном случае лишь при помощи обширного круга мыслей, не составляющих грамматической единицы» [94]. По нашему мнению, творительный превращения и творительный сравнения не составляют одной категории. Разница между творительным превращения и сравнения семантическая и определить эти значения можно только в контексте.

Творительный превращения свойствен древнерусскому языку. Он встречается в литературно-художественных памятниках древнерусской письменности как один из художественно-изобразительных приемов. Ср. примеры из Слова о полку Игореве: а Игорь князь поскочи *горностаемъ* къ тростїю, и бѣлымъ *гоголемъ* на воду (с. 40—41); быти грому великому итти дождю *стрѣлами* съ Дону великаго (с. 12); Въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука. Вступилъ *дѣвою* на землю Трояню (с. 19); Уже бо Сула не течетъ сребреными *струямі* къ граду Переяславлю, и Двина *болотомъ* течетъ онымъ грознымъ Полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ (с. 33); Скочи отъ нихъ лютымъ *звѣремъ* въ плъночи (с. 35); полечю, рече <. . . Ярославна. . .>, *зегзицею* по Дунаеви; омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ (с. 37—38); Коли Игорь *соколомъ* полетѣ, тогда Влуръ *влъкомъ* потече, труся собою студеную росу (с. 41).

В приведенных примерах совершенно отчетливо творительный превращения указывает, в какой форме, образе, лице проявляется действие (Двина *болотомь* течетъ, Игорь *соколомь* полетел и т. д.). Здесь важно не к а к совершается действие, а к е м или ч е м оно было. И эти обороты уже нельзя заменить конструкцией со словом *как*.

Сравнение также является формой поэтического уподобления, но в отличие от превращения в творительном сравнения непосредственно сопоставляются явления, сходные между собой или по смыслу, или по виду, или по свойству. В памятниках древнерусской письменности находим примеры с творительным сравнения, указывающим на наименование сходных явлений, объединенных словом *ако* (*яко*): зане ограженъ есмь *страхом* грозы твоея, яко *плодомъ* твердым (Сл. Дан. Зат., л. 279 об.); а мене помяни, под единым платом лежаща и зимою умирающа, и *каплями* дождевыми аки *стрѣлами* сердце пронизающе (Сл. Дан. Зат., л. 281).

Кроме представленных примеров, встречаем случаи с творительным сравнения без объединяющего слова: Окаяный Батый дохнул *огнем* от мерскаго сердца своего (Пов. о раз. Ряз., с. 12); Немизѣ кровави брезѣ не *бологомъ* бяхнуть посѣяни, посѣяни *костьми* Рускихъ сыновъ (Сл. о плк. Иг., с. 36).

В памятниках древнерусской письменности наблюдаем процесс адвербиализации существительных в творительном образа действия. Примеры с сочетаниями, которые уже стали наречными:

[94] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 486.

ѥо мышлѧше како или *кымъ образомъ* погубити (Чт. Б. и Г., л. 96в—г); а хр҃тъ ко мнѣ цѣловалъ. ꙗко не подозрѣти подо мною Чернигова *никимже ѡбразомъ* (Ипат. л., л. 179).

В старорусских памятниках творительный образа или способа действия представлен также довольно широко. По сравнению с древнерусским языком, в памятниках старорусской письменности в творительный образа действия вовлекается бо́льший круг слов, их грамматическая форма специализируется, сужается, уточняется в своем значении. Падежная форма творительного падежа заметно получает тенденцию к превращению в наречие.

В значении творительного образа действия широко употреблялись имена существительные в единственном числе: и бражничать бы и озорничать ему не давали, и съ монастыря бъ онъ никоторою *мѣрою* не ушелъ (Моск. гр. 1643 г., АИ, т. III, № 227); градъ великіи Полоцка со всею церковью, сирѣчь со епископомъ, и клиросомъ, и воинствомъ, и съ народомъ, предалъ еси, *преобличіемъ* твоимъ (Письма Курб., с. 151); Они бо распятымъ и воздержаннымъ *жительствомъ* образъ вселенней показовахуся (Письма Курб., с. 373); юже княже Костянтинъ далъ пану Гарабурде на препись и мнѣ, яко у меня уже преписана *скорописью* и исправлена по силѣ моеи (Письма Курб., с. 427—428); Его же ради молютися, помилуй мя и прости ми и ослаби ми согрешения моя, вольная и невольная, яже *словом*, яже *делом*, яже *веденіем* и *неведеніем*, яже *разумом* и *мыслию* (Аввакум. Житие, с. 77); Тем же обрасцом и Афанасия сына крестил (Аввакум. Житие, с. 85); а Поляцы начаша шатры ставити и почиша *сномъ* (Пов. Кат.-Рост., с. 590—591); Ѣхал к тебѣ, къ государю, *нароком* твоей для мудрости, і оставя королевския службы богатыя (Пересветов, с. 80); И идетъ патріархъ изъ церкви и христіане съ великою радостію и празднуютъ недѣлю всю, радующесь и веселяшесь духовно, а не телѣсно и ни *пьянствомъ* (Пут. моск. купцов, с. 142); А въ городъ поѣдетъ, и тамо его встрѣчаютъ всѣмъ *городомъ*, и честь ему велику воздаютъ (Пут. Гогары, с 118); прости де, братец осетр, не поминай *лихом* (Пов. о Ерше, с. 150); чужая сторона от тебе *неволею* познавается (Сатиры о пьянстве, с. 73); Весь ми^{р} *непра^{в}дою* живе^{т} а на^{м} о^{л}нѣмъ не ^{т}ресну^{т} ста^{т} (Пословицы XVII в., л. 333).

Кроме представленных примеров, отмечаем случаи с существительными во множественном числе: А оу жены бы ѡ^{т}ною^{л} никако же никоторыми *дѣлы* їѧное питье не было ни вино ни ме^{л} ни пиво ни гостиньцы (Домострой, с. 34); А навыкохъ отъ Давида во пскалмѣхъ о колесницы онои предглаголемо, на неиже *тмами* темъ вѣрныхъ сѣдяще (Письма Курб., с. 378).

Примеры с творительным образа действия, извлеченные из памятников старорусской письменности, свидетельствуют о том,

что в старорусском языке творительный образа действия заметно пополнялся за счет творительного с орудийной функцией. О случаях и условиях перехода творительного падежа с различными функциями в творительный образа действия подробно говорится в книге А. А. Потебни «Из записок по русской грамматике» [95].

Мы со своей стороны представим лишь те случаи перехода в творительный образа действия, которые были характерны для старорусского языка, например, совмещение творительного образа действия с творительным орудийным. Последний подвергался процессу адвербиализации и потому являлся источником формирования творительного образа действия. Примеры с творительным образа действия, принявшим на себя функцию творительного орудия, в памятниках многочисленны: і посадники. ѡбъескавъ. *судомъ* вячеслава і всихъ княжь ѡстровче ѡправиша а оуласка. ѡбиниша (Двин. гр. XV в., Шахм. Исслед., № 87); да цѣловалъ тотъ Петръ крестъ Великому Князю трижды, что ему служити *вѣрою* и *правдою*, безо всякые хитрости (Отрывок розыскного дела, АИ, т. I, № 140); ѝ всѧкомоу властелю покоритисѧ ї *правдою* слоужити и^{м} во все^{м} (Домострой, с. 1); когда еще сестру мою *насиліемъ* отъ меня взялъ (Письма Курб., с. 133—134); Погода окинула на море, и мы *гребми* перегреблись (Аввакум. Житие, с. 86); но паче свѣжими людми премѣняютца и небоязнено устремляютца, смертнымъ *бореніемъ* жестокоимъ на полки нападаютъ (Пов. Кат.-Рост., с. 601); Сія вся словеса король слышавъ, яко повелѣваютъ ему послы отступити отъ Смоленска града, скоро разжегся *яростію* (Пов. Кат.-Рост., с. 604); как они загребают своими *силами* людей в городех перситцкаго шаха (Пов. об азов. взятии, с. 60); хотя бы он, великий государь наш, на вас на всех босурман велел быть *войною* одной своей Украине (Пов. об азов. взятии, с. 69); да и будут каятися о грѣсех своихъ пред Богомъ сердечными *слезами*, увидѣвши таковую мудрость царьскую (Пересветов, с. 78).

В исследованных памятниках старорусской письменности широко употреблялся творительный тавтологический со значением способа действия: аще бы кто не присягнулъ, горчаишею *смертію* да умереть, — на сіе тебѣ отвѣтъ мои (Письма Курб., с. 131); и хто возбраняетъ васъ отовращися ученія и неподобнаго мудрованія развращенныхъ нынѣшнихъ папъ вашихъ, нечистымъ и свинскимъ *жительствомъ* живущихъ (Письма Курб., с. 372); да возревнуютъ *ревностію* Божіею по праотеческомъ сродномъ своемъ правовѣрію (Письма Курб., с. 429); возвратився добрымъ прехвальнымъ *возвращеніемъ* (Письма Курб., с. 455); и совершенною *любовію* любити ихъ (Письма Курб., с. 455); и отовсюду украшаютца плоды земля, поютъ птицы сладкимъ *воспѣваніемъ*

[95] А. А. Потебня. Указ. соч., т. I—II, стр. 469—474.

(Пов. Кат.-Рост., с. 588—589); и о томъ радоваҳуся *радостію* веліею зѣло (Пов. Кат.-Рост., с. 612); они же возрадовашася *радостію* веліею зѣло, врата граду отворяютъ (Пов. Кат.-Рост., с. 617); Кто не хощет умрети доброю *смертію*, іграючи с недругомъ смертною ігрою (Пересветов, с. 76); и видѣвше вси людіе таковое чѣловѣколюбіе Божіе возрадовавшеся *радостію* великою зѣло (Пут. моск. купцов, с. 141).

Творительный тавтологический в данных примерах подчеркивает не само действие, а то, что оно происходит своим, свойственным лишь ему путем. Творительный тавтологический способа действия почти всегда сочетался с определением, о чем свидетельствуют наши примеры, и это закономерно. Как известно, в описываемый нами период усиленно развивался пышный риторический стиль «плетения словес», отличавшийся обилием отвлеченной лексики, слов книжного происхождения, сложностью синтаксиса и т. д. Характерным для этого стиля было употребление сочетаний, состоящих из однокоренных слов, которые придавали изложению, с одной стороны, звучание, с другой — ученость, значительность. Обычно в этом случае творительный тавтологический способа действия сочетался с определением (возрадоваться *радостию* великою, умрети доброю *смертію*, поютъ птицы сладкимъ *воспѣваніемъ*). Этот творительный получил широкое распространение в памятниках, написанных книжно-литературным языком, и совершенно не встречается в народно-литературном языке.

Другие же примеры с творительным тавтологическим мы считаем нужным отнести к творительному усиления, так как они имеют несколько иной оттенок, нежели творительный тавтологический способа действия: взять бы ныне наш царьград *взятьем* из рук ваших бусорманских (Пов. об азов. взятии, с. 70); А за ево государьскою тою к богу верою и ево государьскою высокою рукою *оборонью* оборонил нас бог от таких великих турских сил (Пов. об азов. взятии, с. 81).

В представленных примерах сочетания с существительными в творительном падеже передают напряженность, силу глагольного действия, т. е. этот творительный используется для усиления действия глагола.

В исследованных старорусских памятниках творительный превращения и сравнения встречаем редко: *Птицею* ли вам из Азова лететь? Осаждены вы теперво накрепко (Пов. об азов. взятии, с. 63); Встанешь *рабою* сядешь *госпожою* (Пословицы XVII в., л. 331); и нападе на нея бес во время переноса, — учала кричать и вопить, *собакою* лаять, и *козою* блекотать, и *кокушкою* коковать (Аввакум. Житие, л. 118); живуч'и за бабою квокать *жабою* (Пословицы XVII в., л. 341 об.); Запѣлъ *комаромъ* а сѣлъ *томаромъ* (Пословицы XVII в., л. 346); Рыча[т] волъ *коровою*. заѣда[т] сѣно соломою (Пословицы XVII в., с. 366 об.).

В памятниках старорусской письменности, в отличие от древнерусских памятников, примеры с творительным способа передвижения составляют исключение: он, презрев моление наше, и воздвиг на мя бурю, и у церкви, пришед *сонмом*, до смерти меня задавили (Аввакум. Житие, л. 61); а в Русь *ратью* не ходити (Сл. о Кулик. битве, с. 40); Их яныческие головы *строем* их идут к нам под город великими большими полки (Пов. об азов. взятии, с. 61).

В старобелорусских памятниках так же, как и в староукраинских (см. ниже), творительный образа действия закрепляется за определенными словами, которые выступают как наречные (*обычаем*, *способомъ*, *часомъ* и др.): тогды мают ся справовати тым *обычаем* (Лит. ст. 1529 г., л. 68); а правдѫ межи собою на томь никомѫ ни на кого не помыслити *лихо(м)* (Лет. Акад., л. 171 об.—172); Того (ж) году в Ли(т)ве кнѧ(з) Миха(и)ло Гли(н)ски(и) Заберези(н)ского забт(л) таки(м) *способо(м)* (Лет. Рачин., с. 278); на войско Наливайково вдарили и *кругомъ* отступили (Лет. Баркул., л. 154); *бего* ᷑ ка᷑ болши᷑ могла до него плачоучи пришла (Страсти Христовы, л. 10); штобы хто слѣпорожденну отворилъ очи: такъ и помазанцу Божьему тымъ *способомъ* отъ подданыхъ своихъ уѣхати... (Вестов. отписки Кмиты, 1573—1574 гг.); в битве всего догладуючыи, *часомъ* мужного жолнера, *часомъ* справного гэтмана повинности досыть чынечы (Ист. о Атыле, с. 178); але за паном своим шолъ у реку *плавом* ищучы в рецэ пана своего (Пов. о витязях, с. 2); И почали вси плакати и тужыти велми грозно *молчком*, бо не хотѣли абы их иные слышали (Пов. о витязях, с. 71); ижъбы ты᷑ ѡбычае᷑ людъ нашъ не моглъ бы᷑ зличонъ (Александрия, с. 47).

Некоторые сочетания с творительным образа действия стали устойчивыми наречными образованиями: *тымъ обычаемъ*, *тым способомъ*. Такие же образования находим в староукраинских памятниках.

Кроме них, в старобелорусских памятниках весьма употребительно сочетание *жадным обычаем*: Не хотѣлъ быхъ забыти *жадным* ѡбычаемъ (Пов. о витязях, с. 52); ѵмыслило᷑ бы᷑ абы тое дѣтѧ *жадны*᷑ ѡбычаемъ не было ховано (Александрия, с. 29).

Приведем другие примеры с творительным образа действия в единственном числе.

Потомь, Полочаномъ Немечьскимъ купьцемъ съ всемъ одиночьствомъ за себе и за последнихь будущихъ доброю *волею* ихъ пускати у Полочьку торговати (Риж. гр. 1405 г., РЛА, № 153); То пакъ Щастный въ насъ тыи люди, пять чловковъ, *кгвалтомъ* моцно ѿнялъ (Вил. гр. 1514 г., Лит. метр., т. I, кн. I, № 66); тогды также, а пред ся может *правом* искати (Лит. ст. 1529 г., л. 48); и пріиде ко великомѫ кнзю Швитригаилоу вѣсть что идеть Литва *погонею* (Лет. Акад., л. 159); ино мужы Полоча(не)

которые *вѣчемъ* справовалисѧ ꙗкъ Велики(и) Новгоро(д) и (П)сковъ (Лет. Рачин., с. 230); и заплакала Ру(с) велики(м) *плачомъ* и(ж) такъ ѡкрутне вси побиты ѿ бэ(з)божное Литвы (Лет. Рачин., с. 231); а прїе ꙗ оуси^{м} *ср^{к}цемъ* ка^{т} приказа^{т} ѥмоу млтївыи гнъ (Страсти Христовы, л. 15 об.); А предъ сѣмъ, служачи *вѣрою* моею (Вестов. отписки Кмиты, 1573—1574 гг.); а жедаешъ з велико^{ст}ю пе^{р}совъ ва^{т}чит, котори^{х} силы жадною *мѣрою* не затлумишъ (Александрия, с. 42); бо лѣпе заправды е^{ст} нагле *нава^{л}ностю* згинѹ^{т} (Александрия, с. 70).

Особенно часто употребляются слова *кгвалтомъ*, *частью*.

Творительный образа действия во множественном числе малочислен: кождy у своем повете не мают подданых наших иначе судити и правовати лечь тыми писаными *правы* (Лит. ст. 1529 г., л. 40); и плѣниковь по(д) стѣны *главами* кладахѹ а иныѧ жень и дѣти на копьѧ тыкахѹ (Лет. Акад., 179 об.); Тые до княжати его милости шырокими *словы* речъ учынили о томъ поселстве (Лет. Баркул., л. 148).

В старобелорусских памятниках находим случаи совмещения творительного образа действия и творительного орудия: а никоторого дѣла съ тяглыми людьми посполу имъ не тягнути, нижли толко имъ служыти *конемъ а доспѣхомъ* (Троцк. гр. 1444 г., АЮЗР, т. I, № 22, IV); и на иные многіе мѣста укринные *войною* приходятъ (Копыс. гр. 1615 г., АЗР, т. IV, № 196); або самъ *украдомъ* зверь побилъ (Лит. ст. 1529 г., л. 77); са(ми) своими *голова(ми)* на помощь ѥ(м)ѹ шли и слѹха(ли) его (Лет. Крас., л. 86); и Додон прыболъ *конемъ* и вхватилъ Бова (Ист. о Гвид., с. 133); але сѧ росправиш со мною на дворе короля Артиуша *битвою* (Пов. о витязях, с. 58).

В старобелорусских, как и в староукраинских летописях (см. ниже), сохранился с древних времен творительный, указывающий на способ движения и пребывания: кнзь Ѡлегь Разаньскыи прииде *изгономь* на Разань (Лет. Акад., л. 154 об.); а кнзь велики(и) Ѩкге(и)ло з Вилни до Троковъ идеть *во(и)ско(м)* великимъ заниматисѧ з нѣ(м)цы (Лет. Рачин., с. 250); И мистръ Пруски(и) ѹслыша(в)шы тую ре(ч) и по(и)деть на помо(ч) *ратью* великою кнзю Ѩкге(и)лу на боръзде (Лет. Рачин., с. 250); а Татарове ѹ кле(ц)ка *кошо(м)* стоѧли (Лет. Рачин., с. 278); и перепустивши Володимира за фортку, одни зъ стороны, а другие зъ великихъ воротъ и зъ той улички указали се, предъ которыми шолъ *пехотою* (Дневн. Евлаш., с. 143).

С творительным превращения и сравнения находим лишь два примера: на тоу (ж) зимы бысть знамение на нбси страшно ꙗко приходить ѡблакѡм кровавы(м) во ноще(х) и се бы(с) на многи зимы (Лет. Акад., л. 152); небо сѧ крывавыми *вороты* ѡтворыло а ѡщепы огнистые з обополне сѧ через него пробивали (Ист. о Атыле, с. 189).

В староукраинской письменности в творительном образа (способа) действия наблюдается интересное грамматическое явление, которое заметно было и в старорусских и в старобелорусских памятниках: это тяготение к определенным словам (*обычаем*, *способом*, *часом*) и закрепление за ними творительного образа, или способа действия. В примерах данные слова выступают как наречия: ижъ тыи церкви суть нашого подданья а тыми *часы* никому есмо ихъ не дали (Львов. гр. 1524 г., АЮЗР, т. II, № 110); которыи жъ мытники маютъ мыто брати тымъ *обычаемъ* (Радом. гр. 1529 г., АЮЗР, т. I, № 92); то есть яким *способом* имѣет боголюбец предспѣти до истиннаго разума (Виш., Послания, с. 162); Такимъ тежъ *способомъ* и другихъ апостоловъ учителеве церковныи чтили (Палин. Копыст., с. 412); тое все его подручники за рѣчъ правдивую пріймуютъ, хотяй *часомъ* сами видятъ, же противно есть правдѣ (Переспорога, с. 234).

В приведенных примерах отчетливо выделяются не только отдельные наречия, но и наречные сочетания (*якимъ способомъ*, *такимъ способомъ*, *тымъ обычаемъ*).

Наряду с многочисленными примерами творительного образа действия, находим и случаи с творительным, совмещающим два значения — образа действия и орудия: не ведати въ ꙗкии спосо^{б} наеха^{т}ши са^{м} ѡ*собою* и *слугами* своими ⟨его зби^{т} и р^{з}анилъ⟩ (Южн.-Русск. гр. 1586 г., Палеогр. изб., № 16); а Коуряне и Троубчане и Поутивлицы. и киждо со своими кнѧзьми придоша *коньми* (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 252); въ той мѣрѣ, иду *правдою* святою (Палин. Копыст., с. 323).

В Ипатьевской летописи (Галицко-Волынской) засвидетельствованы случаи с творительным, указывающим на способ движения и способ пребывания (подобные примеры из Лаврентьевской и Ипатьевской летописей приведены в соответствующем разделе): и прииде на ч^{т}та мѣста. сташа *станомъ* (л. 272 об.); Татаром же идѧхоу по праву свои^{м} *полкомъ* (л. 290); Василко же поиде свои^{м} *полкомъ* а Желиславъ свои^{м} *полком* а Доунаи своимъ *полкомъ*, Кондратъ же кнѧзь с Лѧхы своимъ *полкомъ*, а Тюима своимъ *полко*^{м} и тако идѧхоу с великою крѣпостью оусердьно (л. 294). Пример из Переспороги: наглою смертію умеръ у Флоренціи (с. 223).

В исследованных нами памятниках староукраинской письменности находим только два случая творительного превращения и сравнения: Научилемся и *псом* безстудным наскаючого на благочестие хулью безрозмыслне от Павла звати (Виш. Книжка, с. 92); егда ся случит в бесѣды к ним входити или от них въпрашаемом быти, краткословною истинною, яко же *шершенем*, на их сѣти некрѣпкие нападати, раздирати и обличати ложь и нетвердост их основы (Виш. Книжка, с. 96).

Творительный объекта

К творительному образа действия и творительному орудия тесно примыкает по значению творительный объекта. Во всех изученных нами памятниках восточнославянской письменности творительный объекта весьма употребителен; он засвидетельствован в сочетаниях с глаголами самой разнообразной семантики. По нашим данным можно предполагать, что в древнерусском языке, а также во всех восточнославянских языках изучаемых периодов употребление творительного объекта не имеет существенных различий. Приведем некоторые примеры.

Др.-рус.: не мужь в мужех, иже *кимъ* своя жена владѣеть (Сл. Дан. Зат., л. 282 об.); и правду твою снви преви. судити люде твоимъ въ правду. и нищи твоимъ в су. тако и Гь ре .ц рь странъ владуть *ими*.и кнази wбладають *ими* (Лавр. л., л. 143); волости бо даеть снви а братьи не надѣли *ничимъ* же (Ипат. л., л. 115); но Половци wдаривъ *дары* wпусти ѥ (Ипат. л., л. 172 об.); и дарове мнози да бо Ростиславъ Стославу *соболми* и *горностаими* и черными *кунами* и *песци* и бѣлыми *волкы* и рыбьими *зубы* (Ипат. л., л. 180 об.); Стополкъ же сматесѧ *оумо*. река еда се пр во буде (Лавр. л., л. 87); wлеѕандръ же слышавъ словеса ихъ разгорѣсѧ срцмь и вниде в цркъвь стыѧ Софыѧ (Лавр. л., л. 168 об.); Мьстиславъ же оужасесѧ *мыслью*. и ѥви дружинѣ своеи (Ипат. л., л. 193 об.); во всю бо землю изнидоша по прркоу бомирнаѧ словеса твоѧ хрс любовнаѧ дѣла *ими* же w всихъ влка твои славитьсѧ (Ипат. л., л. 244 об.); Не привидиньемь пришеѫ на землю, но истиньно пострадав за ны *плотью* и до гроба (Сл. Илариона, с. 32); ѥкоже всимъ Рускимъ воемъ наполнитисѧ до изоwбильѧ и *колодникы* и *гагами* и *дѣтми* ихъ и *челѧдью*. и *скоты* и *конми* хртыѧны же wполонивше пустиша на свободу вси (Ипат. л., л. 192 об.—193); и тако оупившесѧ *виномъ* поидоша на сѣни (Ипат. л., л. 207); и крѣпокъ на рати. и моужьствомъ крѣпкомъ показаѧсѧ. и всѧкими *добродѣлми* наполненъ (Ипат. л., л. 227 об.).

Ст.-рус.: что язъ хотѣлъ *вами* владѣти (Письма Ив. IV, л. 54 об.); а того ради и всею *вселенною* попустилъ Богъ имъ владѣти (Письма Курб., с. 145—146); Ту птица вогнездятся, Єродиево жилище обладает *ими* (Аввакум. Письма, с. 267); владѣютъ тѣмъ. *мѣстомъ* Турки (Пут. моск. купцов, с. 147); Хмель обовладѣ *им* гораздо (Сатиры о пьянстве, с. 76); и православныя церкви многою бѣдою одержимы суща (Письма Курб., с. 364); а к себѣ твое сердце государево царево разжигаютъ великою *любовію* (Пересветов, с. 68); яко престани упиватися *вином* (Сатиры о пьянстве, с. 80); и *безумием* наполнихся и [быхом] видящим на смех (Сатиры о пьянстве, с. 63).

Ст.-бел.: и коли ѡц̄(ь) его зъ братьею своею дѣлилися *людми* и *челядью* (Молчед. гр. 1515 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 182); Шви(т)ригаило не мѡ(г) то(г) тѣрпети што Ѳедо(р) Вѣсна володѣеть *городо(м) Вите(б)ско(м)* (Лет. Крас., л. 80 об.—81); и намъ бы его пожаловати во Ржевѣ Володимеровѣ Кузьминымъ *помѣстьемъ* Безобразова селцомъ Остолоповымъ съ деревнями на двѣстѣ четвертей (Вил. гр. 1612 г., АЗР, т. IV, № 123, ДСС XXIV); силны҃ *гнево҃* се на него розгнева҃ (Страсти Христовы, с. 24 об.); и кленим сѧ *богом*, абы не ѡставил ѡдин другого до смерти (Пов. о витязях, с. 92).

Ст.-укр.: але *послушанием* оной пленитися и оно слово апостольское в совѣсти своей пробовати (Виш. Послания, с. 166); домѣстится на службу царскую владѣющего всею *землѣю* (Виш. Позорище, с. 217); но паче *мясом*. пресыщают, да им кров не изсякнет и тѣло не увянет (Виш. Позорище, с. 218); Висаріона Никейского митрополита *Кардиналствомъ* почтилъ (Пересторога, с. 225); а иншихъ зъ ласки своей маетности и вѣку продолжилъ и *честьми* великими обдаровалъ (Пересторога, с. 225).

Творительный причины

Творительный причины употреблялся для обозначения причины (или основания) действия или состояния.

Исследователи [96] различают причину внутреннюю, связанную с действием субъекта, и внешнюю, которая связана с внешними факторами, воздействующими на субъект.

Внутренняя причина обозначала физические процессы, а также физиологические и психические явления. Проиллюстрируем сказанное примерами из древнерусских и старорусских памятников: людье изнемогоша водною *жажею* (Лавр. л., л. 37 об.); в си же времена мнози чл҃вци оумираху различными *недугы* (Лавр. л., л. 72); а мы изнемогаѥ҃ *гладо҃* (Лавр. л., л. 91 об.); изнемогли бо сѧ бѣху *безводьемь* (Лавр. л., л. 134 об.); ѥже бѣ опадала *старостью*. и *безнарѧдье҃* (Лавр. л., л. 139 об.); понеже оучала бѣ рушитисѧ *старостью* (Лавр. л., л. 153); и тамо мнози православные христіяня и помроша мученическою злою смертію, *голодом* и *наготою* и *скорбію* великою (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 717); тако и ты, пропоица, в день за печью лежишь свернувся, яко пес *голодом* мреш (Сатиры о пьянстве, с. 71).

Как видно из примеров, этот творительный управлял обычно глаголами со значением умирания, разрушения.

---

[96] См. например: Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка, стр. 249; Р. Мразек. Синтаксис русского творительного (Структурно-сравнительное исследование). Praha, 1964, стр. 113—125.

Процесс замены данного творительного предложно-падежной конструкцией, начавшийся еще в древнейший период, закончился полной победой родительного с предлогами *от*, *из-за*.

Та же картина в памятниках старобелорусской и староукраинской письменности. Приведем несколько примеров из множества подобных: Што маем чынити, будучы вжо долгими *працами, неєысыпанемъ* и *голодом* знодзоны (Ист. о Атыле, с. 202); Кто бо, — рече, — *гладом* истаен есть от нас слова ради божия? (Виш. Позорище, с. 214); Чи не лѣпше было смиреніем живым быти, нѣжли *гръдостию* здохнути? (Виш. Книжка, с. 19).

Внешняя причина имеет четыре разновидности:

1. Физические предметы и явления: Татарове же силою ѡтвориша двери цр҃квиныа. и видѣша ѡвы *ѡгне* скончавша (Лавр. л., л. 161).

В отрицательных конструкциях этот творительный может обозначать препятствие осуществлению действия: и не бѣ лзѣ *ѡзеромь* Печенѣгомъ помагати (Лавр. л., л. 48 об.).

2. Живое существо, способствующее осуществлению действия: *мною* цр҃рве цр҃ртвують (Лавр. л., л. 51 об.); блг҃внъ ѥси Бе҃ Бе҃ · ꙗко *тобою* проидохо҃ сквозѣ ѡгнь и воду (Лавр. л., л. 119 об.—120).

3. Абстрактное понятие, обозначающее чье-либо содействие: и брани мъногы съ нимь съставивъ. и вьсегда *пособиѥмь* бжиѥмь и поспѣшениѥмь стою побѣдивъ. ѥлико брани състави (Сказ. о Б. и Г., л. 15б—в); Бжьимже *заступленьемь*. и *млтвою* родитель своихъ. схраненъ бы҃ без раны (Лавр. л., л. 111 об.); тогда *повелѣниемъ* бжїимъ приимь камень по҃бїе пр҃рче (Пов. о плаче, с. 283).

Существительные в значении лица и чьего-либо содействия могут сочетаться в одной фразе в качестве однородных членов: *г҃мь* нашим и҃съ х҃мь и *даромь* стго духа ѥго ꙗви члвколюби своѥ (Чт. Б. и Г., л. 103а—б).

Этот последний тип причинного творительного (со значением чьего-либо посредничества) наиболее часто встречается в рассматриваемых памятниках.

4. Абстрактное понятие со значением внешних условий, вызвавших действие: На тое все в. м. господаря моего милостивого, о ласковое милостивое опатренье прошу, абы ся *недостаткомъ* моимъ рѣчь в. м. господарская и посполитая въ чомъ не затруднила (Вестов. отписки Кмиты, 1573—1574 гг.).

Приведем примеры из старорусских памятников на каждое из значений.

1. а отъ междоусобныхъ браней и строптиваго житія да престанутъ, *имиже* царьствія разстлѣваются (Письма Ив. IV,

л. 156 об.); и вси людіе *мечемъ* погибоша за него (Пов. Кат.-Рост., с. 602).

2. Богъ нашъ Троица иже прежде вѣкъ сыи, ныне есть, Отецъ и Сынъ и Святыи Духъ, ниже начала имать, ниже конца, о немже живемъ и движемся есмы, и *имже* царіе царьствуютъ и сильніи пишутъ правду (Письма Ив. IV, л. 123 об.); невозможно соблазнам не приити, но горе тому, *им* же приходит соблазн (Аввакум. Житие, с. 95); Глаголете ми, яко *мною* вредится истинна (Аввакум. Письма, с. 234); *Женою* Адамъ и[з] рая и[з]гнанъ (Пословицы XVII в., л. 344 об.).

3. И божиею *волею* прибило к берегу нас (Аввакум. Житие, с. 70); Куры божиим *мановением* исцелели (Аввакум. Житие, с. 78); рыбы и молока много у меня Христовою *благодатию* и пречистыя богородицы *милостию* и всех святых *молитвами* (Аввакум. Письма, с. 293).

4. аџе что дѣти согрѣшаютъ ѿцовымъ и мтрнимъ *небреженіемъ* имъ ѡ тѣхъ грѣсехъ ѿвѣ[т] дати в днь страшнаго сѫда (Домострой, с. 13); Къ сему же и Литовская брань учинилося вашею же *измѣною* и *недоброхотствомъ* и *нерадѣніемъ* безсовѣтнымъ (Письма Ив. IV, л. 125 об.); Своего царя Константина, потеряв *безверием*, предали турку (Аввакум. Письма, с. 206).

Творительный со значением внешней причины постепенно исчез из русского языка. На его месте в современном литературном языке встречаем: род. п.+*от*, *из-за*, дат. п.+*по*, *благодаря* и т. п.

Среди примеров с творительным внешней причины в памятниках старооукраинской и старобелорусской письменности наиболее многочисленны, как и в русских памятниках, случаи со значением чьего-либо содействия. Приведем несколько примеров, характеризующих каждое из значений.

1. Того же лѣта бы(с) в Новѣгородѣ морь великь *железою* (Лет. Акад., л. 156 об.); кгды цвѣтъ красы и утѣхи христіанской жаркимъ *огнемъ* усыхалъ (Ист. о Флор. соборе, с. 434); Блаженнии же отци наши предааху душа своя в руцѣ божии и *огнем* скончашася мѣсяца окт. 10 (Виш. Книжка, с. 85).

2. Дла того что есми им мертвъ, толко есми *тобою* жыв (Пов. о витязях, с. 98); не даи ми Бъ того оучинити ѡже бы мнѣ пролити кровь неповиньноую. но и исправлю *Бмъ* и блгв[т]нимъ брата свое[т]. Володимера (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 305).

3. Бжьею *силою* тѵ не мало чюде(с) сотвориша (Лет. Акад., л. 181); и кнзь Ски(р)гаило Бо(ж)єю *помо(ч)ю*. и великого кнза Витовтавы(м) *приказа(н)ємъ* взл(л) Че(р)касы (Лет. Крас., л. 81 об.); Внегда убо Божіею *благодатіею* и общими всѣхъ *молитвами*, предлежащій намъ подвигъ совершимъ (Палин. Копыст., с. 333).

4. А коли бы на тот рокъ пригодило ся намъ великими *трудностями* недоспех таковых справ, через год чотыре роки уставляем

(Лит. ст. 1529 г., л. 9); присяги межи ими были и шкоды, а тежъ нелюдными *причинами* откладали (Стат. Владислава, АЗР, т. I, № 27); а с того еднанѧ жадными *причинами* выступати не мають (Львов. гр. 1537 г., Arch. Sang., т. IV, № 84); аще бо и вѣтвь сый на корени была еси, но паки *невѣриемъ* отложилася еси (Виш. Книжка, с. 103).

В современном украинском языке на месте творительного внешней причины стоит родительный с предлогами *з* (*із*) и *від* [97]. В современном белорусском обычным является родительный с предлогом *ад*, реже — *з* [98].

Особую группу творительного составляют случаи с местоимением *тем*, которое имеет обобщающее значение причины. Весьма редкие в русских памятниках, они широко распространены в памятниках староукраинской письменности.

Примеры из русских памятников: любѧше же помногу черноризьцьскыи и поповскыи чины. *тѣ*^{м} и дарова ємy Бъ чада добросмыслена (Лавр. л., л. 148 об.—149); Али ты нас *тем* лутчи, что боярыня? (Аввакум. Письма, с. 208—209); *Тѣмъ* море не погано что псы в нево налокали (Пословицы XVII в., л. 370 об.). Ст.-укр.: се же бѣшеть мѣсто твердо. зане немощно бы҃ ѡбиити его никоуда же *тѣм* же нарѣчахѹтьсѧ Ворота тѣснотою своею (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 288 об.); хотѣ же ѣхати полемь перекъ. возлѣ Соулоу. и бѧшеть серенъ великъ. акоже вои не можахоуть. зрѣима. переити днем до вечера *тѣмь* никоудѣ же не може. поути собѣ налѣсти (Ипат. л., (Гал.-Вол.), л. 223); А *чем* плод по собѣ не оставил? (Виш. Книжка, с. 34); Ато *чем* не зовутся тым именем? (Виш. Книжка, с. 39).

Особняком стоит приименный творительный причины. Примеры с этим творительным немногочисленны. В основном они встречаются в памятниках повествовательных жанров. Приведем несколько примеров из русских памятников: но паче нежели возмнитися видящым, но аще и жив, но богу скаредными своими *делы* паче мертвеца смраднейший и гнуснеиший (Моск. гр. 1572 г., Дух. дог. гр., № 104); А наутре таже сый уныл и дряхл, и леты увянул или язею содручен онсица славный и *богатством* словый зело, или самая постиже смерть (Аввакум. Письма, с. 262); токмо за величества рода хотящую нама вѣтвь отъ него отвратити, и водою и духомъ совершенно освятитися, и на высокомъ и преславномъ мѣстѣ посадити, иже всѣхъ мѣстъ превыше и славнѣе своимъ *изрядством*ъ во всей поднебеснѣй Вышняго воленіемъ (Пов. о Рос. царстве, с. 191); Доволно он, великий государь, богат от бога данными своими царьскими *оброками* (Пов. об азов. взятии, с. 68); *Воинниками* царь силен і славенъ (Пересветов, с. 65).

---

[97] О. П. Безпалько и др. Історична граматика української мови.
[98] Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3.

Особенно много примеров с данным творительным в пословицах XVII в. Вот некоторые из них: Красенъ доⁿгъ *платежемъ* (л. 359); Фонарь да пономарь *свѣчами* пригожи (л. 373 об.); Садъ красенъ ѡ*градомъ*, а лоза *виноградомъ* (л. 369 об.); Изба крѣпка *запоромъ*, а двоᵖ *заборомⁿ* (л. 348 об.); Крѣпка рать *воеводою* (л. 352).

Примеры из старобелорусских и староукраинских памятников: Был на тот часъ в том мѣстѣ бискупомъ благославеныи Никазыи, чоловѣкъ *справедливостю*, *свѧтобливостю* жывота и ѡбычаевъ зацныи (Ист. о Атыле, с. 201); Тым есте вышшии от попов православных, а не *спасением* душевным! (Виш. Книжка, с. 74).

Творительный времени

Одним из характерных значений творительного падежа в древнерусских памятниках являлся творительный времени.

Различают два основных варианта временно́го творительного.

1. Творительный падеж обозначает определенный временной отрезок, который полностью занят действием, выраженным глаголом: и тако идыи *трьми недѣлами* доиде прежереченааго. тъгда же пришедъ и объходи вса манастырѧ. хотѧ быти мнихъ (Ж. Феод. Печ., л. 31а).

2. Творительный падеж обозначает время неопределенной длительности, в пределах которого осуществляется глагольное действие: Святополкъ же приде *ночью* Вышегороду (Лавр. л.)

Те же значения — в старорусских памятниках.

1. Аще бы имъ мощно, то *единемъ* бы *часомъ* привлекли его, врага, сюдѣ (Пов. о Рос. царстве, с. 195); Да близъ же Египта Чермное море; ѣздятъ на верблюдахъ *единымъ днемъ* и *ночью* до него (Пут. Гогары, с. 118); что ѡстанетца в лѣте маса покꙋпать на ѡбихоⁿ под росхоᵏ в пятницꙋ в понеделникъ в средꙋ на всю недѣлю кꙋпить не додасть оу гривны алтына, просолено на ледꙋ въ два или в три дни, или *недѣлею* не испортится (Домострой, с. 41).

2. и плыхомъ не мало *деньми* и минухомъ островъ Лимносъ и пріидохомъ во островъ Хіосъ, и пристахомъ тутъ, и быхомъ не мало *деньми* (Пут. Зосимы, с. 63); во премрачныхъ темницахъ затворенно и многими *лѣты* поморенно (Письма Курб., с. 133); Егда в Даурах я был, на рыбной промысл к детям по льду *зимою* по озеру бежал на базлуках (Аввакум. Житие, с. 89).

Творительный, обозначающий определенный отрезок времени, полностью занятый действием, в современном русском литературном языке не встречается. По свидетельству А. А. Потебни, подобные конструкции существуют в диалектах [99].

---

[99] А. А. Потебня. Указ. соч., т. I—II, стр. 439.

В творительном, обозначавшем время неопределенной длительности, не полностью занятое действием, исчезло употребление названий дней недели, месяцев. Названия же частей суток и времен года сохранились. Часто употребление этих слов в современном русском языке не отличается от их употребления в старорусских памятниках: ты *днемъ* и *ночью* мучишися (Письма Курб., с. 140); а *зимою* и *летомъ* дождя нетъ (Пут. моск. купцов, с. 146); Прясть мочью а красть *ночью* (Пословицы XVII в., л. 364 об.); выходили мы *нощною порою* на их пехоту языческую (Пов. об азов. взятии, с. 74).

Иногда рядом с творительным в этом значении встречается винительный с предлогом: Злыи мысли[т] *ночью* а ка[з]нится *в день* (Пословицы XVII в., л. 345).

В старобелорусских памятниках встречаются оба варианта творительного временно́го:

1. бо бы(л) пе(р)ве и на кнз(с)тво Лито(в)ское взѧтъ ни(ж) на короле(в)ство Польское *се(м)ма годы* (Лет. Рачин., с. 275); не могли докторове Буцеля и Сымони урятовати и *трема днями* предъ его смертю ознамили королеви (Дневн. Евлаш., с. 148). Здесь значение 'за три дня до смерти'.

2. Року 1565, а веку моего 21, были *летомъ* у короля его милости Жикгмонта Августа послове великые московскые (Дневн. Евлаш., с. 131); ижбыхъ тыхъ листовъ послать не омѣшкалъ, *днемъ* и *ночью* до в. м. поспѣшить (Вестов. отписки Кмиты, 1573—1574 гг.).

В памятниках староукраинских широко представлен второй вариант творительного времени: То, пакъ, по отходѣ нашомъ, *ночью*, пришли до него отступницы (Пересторога, с. 214); дани пѣняжные, дани пота и труда, от них вытягаете, от них живо лупите, обнажаете, мучите, томите, до комяг и шкут безвременно, *зимою* и *лѣтом*, в непогодное время, гоните (Виш. Книжка, с. 54); и не чаять ли ныне *весною* у черкас и у крымских татар с поляки бою (Укр. гр. 1649 г., Вос. Укр. с Рос., т. II, № 78); И зараз *ночью* пошедши до папы Евгеніуша, наполненый гнѣвомъ и ядомъ палаючи, мовилъ ему (Ист. о Флор. соборе, с. 458).

В старобелорусском и староукраинском языках распространены были позднее адвербиализировавшиеся выражения типа *часом*, *разом*:

але *ты*[м] *часо*[м] пренагабала на[с] немочъ (Александрия, с. 61); а какъ господарь его милость *тыми часы* приехалъ до панства своего великого княз(ь)ства Литовского (Лосич. гр. 1515 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 160); Ино *тыми часы*, с права нашого, зъ обѣ сторонъ взяли они на то дельчимъ тебѣ (Вил. гр. 1514 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 133); А *тымъ часомъ*, оны два привели патріарха на то (Пересторога, с. 208); то пак *тыми часы*

сее ѡсени кнѧз Михайло, а кнѧз Иван наехавши моцне (Луцк. гр. 1536 г., Arch. Sang., т. IV, № 56); Теди даемо вам знат, еслі би *другим разом* зхотіли з нами воеват (Укр. гр. 1648 г., Вос. Укр. с Рос, т. II, № 20); Ровнымъ теды въ обѣтницы будучимъ, Петру и иншимъ апостоломъ всѣмъ имъ сплоне *однимъ разомъ* обѣтницу тую зысчену быти отъ Христа Господа повѣдаемо (Палин. Копыст., с. 399—400); приступаю ку моему милостивому и с тыми городы ис крамнцомъ и з брѧславлемъ и с ыными городы и землѧми што *тыми разы* суть оу моемъ держанью (Чернях. гр. 1435 г., Укр. гр., № 72).

Творительный места

Творительный места, выражающий пространственную характеристику действия, употреблялся в древнерусском языке в двух значениях.

1. Творительный обозначает определенное ограниченное пространство, через которое осуществляется действие[100]: симь чрѣво ѥго просѧжено бы҃: не бо пакы *оусты* ѥго изиде Хъ҃, но самъ чрево раздравъ адово, изведе дша члвч҃кы (К. Тур., с. 12—13).

2. Творительный обозначает неопределенное пространство, на котором действие осуществляется как линейное движение[101]: и тако переправиша лодьѣ своѣ вси ѡколо пѣска. и сами поѣхаша подлѣ нѣ *берегомъ* (Ипат. л., л. 154); и посласѧ Изѧславъ Мьстиславличь *полемъ* к Ростиславоу Ꙗрославличю оу Рѧзань (Ипат. л., л. 122 об.).

В памятниках старорусской письменности широко представлены оба отмеченные выше значения творительного пространственного.

1. абіе скоро пріиде въ ложницу цесарскую, затворенными *дверьми*, яко Христосъ нашъ ко ученикомъ (Письма Курб., с. 149); река о том месте шириною с версту, три залавка через всю реку зело круты, не *воротами* што попловет, ино в щепы изломает (Аввакум. Житие, с. 71—72); и тою-де *ѣлію* Господь нашъ Іисусъ Христосъ во адъ сходилъ на воскресеніе мертвыхъ (Пут. Гогары, с. 113); и ту разсѣдеся гора каменна отъ крови Господа нашего Іисуса Христа, и истече кровь тою *разсѣлиною* на главу Адамову (Пут. моск. купцов, с. 139); а сказываютъ, что единымъ *оконцемъ* вниде Ангелъ Господень ко Аннѣ благовѣстить о зачатіи и о рождествѣ Святой Богородицы, а другимъ *оконцемъ* выйде Ангелъ Господень (Пут. моск. купцов, с. 143); а идетъ изъ той купѣли вода сквозь каменную гору *разсѣлиною* каменною (Пут. моск. купцов, с. 146); и про то окно сказалъ намъ патріархъ Іерусалимскій Софроний, что тѣмъ *окномъ*, по Господню повелѣнію, взято тѣло

[100] Т. П. Ломтев, Указ. соч., стр. 239.
[101] Там же.

Богородицы изъ гроба, идѣже Богъ вѣсть (Пут. моск. купцов, с. 147).

Наряду с этим творительным встречается в тех же значениях винительный предложный, иногда обе формы соседствуют в одной фразе: а заглядывали де тѣ сторожи въ церковные въ двои двери *дщелми* и *сквозѣ замки* (Пов. о видении, с. 186); на ⁊во^{р} *чере*^{а} *зоборъ* а в тюрмѫ. *дверми* (Пословицы XVII в., л. 332 об.).

2. Этот творительный охватывает определенную лексическую группу существительных: названия водных пространств (*морем*, *рекой*, *водой*, *Волгой*), существительные с общим значением ‘дорога’ (*дорогой*, *путем*), названия открытых пространств (*полем*, *болотом*, *лесом*): пойдетъ ихъ насадъ съ солью, от манастыря, вверхъ *рекою Двиною* и *Сухоною* къ Вологдѣ (Моск. гр. 1551 г., АИ, т. I, № 156); И за сие меня Василей Петрович Шереметев, пловучи *Волгою* в Казань на воеводство, взяв на судно и браня много, велел благословить сына своего Матфея бритобратца (Аввакум. Житие, с. 62); Везли не *дорогою* в монастырь — *болотами* да *грязью*, чтоб люди не сведали (Аввакум. Житие, с. 94—95); И *путем* ему идущу, нападоша на нь иноплеменницы 1000 человек (Аввакум. Письма, с. 270—271); а иные побѣгоша во свою землю многими *дорогами* (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 726); А ходи до Синайскія горы *пустынею* три дни (Пут. моск. купцов, с. 151); и колико время житія моего гдѣ было, и коими *грады* шелъ, то малу, Богу помогающу, написахъ (Пут. Гогары, с. 121); *Водою* плы^{т} осторожливу быть а *море*^{м} з горе^{м} (Пословицы XVII в., л. 332 об.).

Редким было приименное употребление этого творительного: По Хилке по реке заставил меня лямку тянуть: зело нужен ход *ею* был (Аввакум. Житие, с. 73).

Характерно, что существительное, к которому примыкает творительный места, обозначает движение.

В последнем примере интересно также сочетание творительного места с местным падежом с предлогом: *по Хилке по реке*.

На протяжении истории русского языка употребление творительного падежа для обозначения определенного пространства, через которое осуществляется действие, все более суживалось, пока не исчезло окончательно. Значение же неопределенного пространства, на котором действие осуществляется как линейное движение, сохранилось.

В памятниках старобелорусской письменности встречаем множество примеров с употреблением творительного места в его обоих вариантах.

1. мы отъ воротъ, а онъ *дырою* вонъ (Вестов. отписки Кмиты, 1573—1574 гг.); И видевшы то Бово, вышол с коморы у палац, а с палацу побѣгъ из замку великими *вороты* (Ист. о Гвид., с. 134).

2. и пошли ты(м) *ѳстьем* ѳ веръхъ (Лет. Рачин., с. 225); Лобода тежъ, отвративши се отъ Шацка, шолъ, тамже *Киевщиною* ку Наливайкови (Дневн. Евлаш., с. 154); А Бово *полем* бѣгъ

(Ист. о Гвид., с. 147); и пошла тым *лугом* ѡдною *стежкою* (Ист. о Гвид., с. 161).

Так же, как и в старорусских памятниках, в памятниках старобелорусской письменности встречается параллельное употребление творительного беспредложного и его смыслового эквивалента, выраженного предложной конструкцией. Так, в Повести о витязях наряду с большим количеством примеров типа: И много ходил *морем* и *сухом* (с. 111) встретилось несколько примеров в таком варианте: А коли єси вмыслил ходити *по мору* и *сухомъ*, еще понехаи (с. 87).

В памятниках с т а р о у к р а и н с к о й письменности представлены те же значения творительного места, что и в старорусских и старобелорусских.

1. И егда не *дверми* вшедших, але *дѣрою* влѣзших, ощупают, таковых за пастырев не приимуют (Виш. Книжка, с. 64); «Подвизайтеся внийти тѣсными *враты*» (Виш. Книжка, с. 118); Василка же Юрьи попъ с кормилицею возмѧ. изыпаде *дырею* градною не вѣдахоу бо камо бѣжаше (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 245 об.).

2. иж перед тымъ ѡни *землѧми* Вербичовскими ездчивали (Львов. гр. 1537 г., Arch. Sang., т. IV, № 80); Пилне он того стерег, бы война с христіаны Христіаном не была, леч толко с поганы, Которых он *водою* и *сухом* воевал И плѣненых христіан з моцы их выдирал (Вирши Саковича); Ідим же, брате, юж в тою, що ідемо, *дорогою*, Колісми юж зторговалі (Инт. Гаватовича.).

В современных украинском и белорусском языках сохранилось второе значение творительного места — движение на неопределенном пространстве.

Творительный действующего лица (субъекта)

Творительный действующего лица обозначает производителя действия в страдательных конструкциях. Другим синтаксическим средством, выражавшим деятеля при пассиве, был равноправный с творительным в древнерусском, а затем постепенно исчезавший из языка родительный с предлогом *от*.

Субъект в творительном обозначает лицо или группу лиц и может выражаться различными частями речи: существительным — именем собственным, именем нарицательным — в единственном и множественном числе, местоимением.

Примеры из д р е в н е р у с с к и х и с т а р о р у с с к и х памятников:

и. бѣ любимъ *Борисъмь* паче мѣры (Сказ. о Б. и Г., л. 11г—12а); *стражьми* стерегомъ бѣ всѣми видимо (К. Тур., с. 32); ѡбѧза^{х} раны ѹязвена^{т} бѣсовьскыми *разбоиникі* (К. Тур., с. 41); положенъ бы^{т} <. . .> *архимандритомь кюриломь* и всѣми *игоумены* и всѣмь ерѣіскымь *чи^{т}мь*. і *посадникомь андрѣъмь*. і всѣ^{м} *новгоро^{д}ци* (I Новг. л., л. 151 об.—152); Вздтъ бы^{т} Кыевъ. *Рюри-*

комъ и Ѡлговичи и всею Половецьскою *землею* (Лавр. л., 141 об.); еже бо ми сповѣдаша послании *нами* мужи (Лавр. л., л. 38); в тои бо дн҃ь того мц҃а взатъ бы҃ Ер҃лмъ безбожными *срацины* (Ипат. л., л. 228); Святого корени отрасли, и *богом* насажденаго сада цветы прекрасныи (Пов. о раз. Ряз., с. 18); и быша оба стриганове и еретицы, помраченніи *бѣсы* темными (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 722); И пребысть же посолъ въ Литвѣ многіе дни, удержан *королемъ* (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 737); Собранное *мною* богатство разточил еси и наготы ярем до конца носити сотворил еси (Сатиры о пьянстве, с. 79); толико же множествѡ приҳчей сиҳ мирскиҳ в мірѣ еще *мною* неписанныҳ ѡставившася (Пословицы XVII в., л. 322); сего ради *всеми* ненавидим есмь (Моск. гр. 1572 г., Дух. дог. гр., № 104); и такіе храбрые и мудрые люди и *никимъ* же понуждаеми (Письма Ив. IV, л. 159); А навыкохъ отъ Давида во пскалмѣхъ о колесницы онои предлаголемо, на неиже тмами темъ вѣрных сѣдяще, къ небеснымъ обителемъ *тысущами* учитель правима (Письма Курб., с. 378); В день века вси жо там познают соделанная *мною* — или благая или злая (Аввакум. Житие, с. 110); Похищен бысть *сатаною*, пленен бысть *варвары* (Аввакум. Письма, с. 294).

Как видно из примеров, творительный действующего лица употребляется в конструкциях с причастиями. При возвратно-страдательной форме стоял обычно родительный с предлогом *от*. Но изредка встречаются и примеры, где творительный стоит при возвратной форме глагола: и Лакидонскимъ юношамъ стружеми ранами, *имиже* почитаетца богиня (Письма Ив. IV, с. 68).

В русских памятниках такие примеры чрезвычайно редки.

В памятниках старо украинской письменности такие примеры находим чаще: и тем же *ими* ж продася, единоотечным братиям — предателем своим, родитель второй и благодетель богат поставися (Укр. гр. 1624 г., Вос. Укр. с Рос., т. I, № 22); но и самому роду, племени и братиям, *ими* же продася, послежде и прелюбезному родителю не скуп (Укр. гр. 1624 г., Вос. Укр. с Рос., т. I, № 22); А вжды читаемо ижъ о немъ Христосъ повѣдил: «горе человѣку тому, *имже* Сынъ человѣческій предается» (Отв. клир. Острож., с 399); Но остатокъ такимъ вызнаньемъ синодъ замкнути мѣли: «Один Богъ, Который передъ всѣми и надъ всѣми и въ всѣхъ, въ Отц[и] и Сынѣ и Святѣмъ Дусѣ *нами* вѣруется и выславуется» (Ист. о Флор. соборе, с. 457); и, увидѣвши, яко истинна от лжи попирается погибелными *сынами*, жалуй, проплач и богу ся помоли (Виш. Книжка, с. 10).

Все же и здесь значительно чаще творительный употребляется при причастиях: *имѧже* бо кто порабощенъ, сему и работенъ есть (Отв. клир. Острож., с. 408); а если сам не хочеш тое книги отворити и *мною* мовленому вѣрити. . . (Виш. Книжка, с. 61); Ест у нас непобѣдимая сила . . . бог в трех испостасех, от нас вѣруемый,

славимый и покланяемый *нами* благочестно (Виш. Книжка, с. 21—22); Скажѣте ми тое первое голое слово, *Павлом* реченное (Виш. Книжка, с. 74).

Употребление творительного действующего лица в памятниках старобелорусской письменности не отличается от его употребления в русских памятниках: тое же зимы ѿпущен Товлꙋбіи *цремь* ратью ко Смоленьскоу (Лет. Акад., л. 147); да такъ ведена ѿ плачоу᷍чихъ (sic) плачоучиѧ. а᷍ в до᷍ їѡано᷍ (Страсти Христовы, л. 15 об.); А про тож Атылѧ, будучы тою *ворожкою* напомененый, того-ж днѧ почалъ места лелеи и потужнеи добывать (Ист. о Атыле, с. 215); И был тут Трыщан чостован *кролем Маркомъ* и всими добрыми *людми*, ꙗкъ и сам крол (Пов. о витязях, с. 126).

Творительный отношения

Место творительного отношения определил А. А. Потебня, указав, что он «стоит при слове, означающем качество» [102]. Этот творительный находился обычно, по мнению А. А. Потебни, при именах, реже — при глаголах, образованных от этих имен. Чаще всего он встречается при прилагательных, при этом прилагательное может быть в краткой или полной форме, а также в сравнительной степени.

Примеры из древнерусских и старорусских памятников: Азъ бо, господине, *одѣніемъ* оскуденъ есмь, но *разумом* обиленъ (Сл. Дан. Зат., л. 281—281 об.); тѣмь, рекъ ꙗю не разумнаꙗ *срⷭцмь*, нача има сказати ѿ всѣхъ кънигъ (К. Тур., с. 15); бѣ бо Стославъ *старѣи* лѣты (Ипат. л., л. 219); бѣ же Изѧславъ мужъ *взоромъ* красенъ. и *тѣломъ* великъ. незлобивъ *нравомъ* (Лавр. л., 68); аще и старѣи Манасии Ꙗфрима, но *благословленьюмъ* Ияковлемъ мьнѣй (быᶜ); тако Июдѣ(и)ство, аще и преже бѣ, но *блгⷭтью* хрᶜтыяни больше быша (Сл. Илариона, с. 32); аз *разумом* растленен бых, и скотен *умом* и *проразумеванием* (Моск. гр. 1572 г., Дух. дог. гр., № 104); *храброваніемъ* же множаише хуже отца своего (Письма Ив. IV, л. 719 об.); *бровми* союзна, *тѣломъ* изообилна, млечною *бѣлостію* обліянна, *возрастом* ни высока ни ниска (Пов. Кат.-Рост., с. 621); иже всѣхъ мѣстъ превыше и славнѣе своимъ *изрядствомъ* во всей поднебеснѣй Вышняго воленіемъ (Пов. о Рос. царстве, с. 191); Косъ *очми*. кривъ. *речми* (Пословицы XVII в., л. 350 об.).

Примеры из старобелорусских и староукраинских памятников. Ст.-бел.: першій яко *порядкомъ* мѣстца естъ далеко зацнѣйшый, такъ и *годностью* надъ иншые естъ поважнѣйшый (Брест. гр. 1610 г., АЮЗР, т. II, № 40); и видѣ цр҃ь кнзѧ Дмитриѧ млада *оузрастомь* (Лет. Акад., л. 151 об.); и вбачылъ ѡное дитѧ

[102] А. А. Потебня. Указ. соч., т. I—II, стр. 464.

ѡбли(ч)ємъ велми хорошо (Лет. Рачин., с. 240); к томоу пила приставѣши коли се оувиде ѿ него ѡбычаими и *силою* превышеного такъ иже ѡнъ лепши ѡбычае и смелѣйй бы (Страсти Христовы, л. 23); иж нѣт витязѧ *добротою* подобного пану Трыщану (Пов. о витязях, с. 99). Ст.-укр.: Сии же блговѣрныи кнѧзь Володимѣрь *возрастомь* бѣ высокъ. *плечима* великь *лицемь* красенъ (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 304); Яко же Іоаннъ *лѣты* послѣдныи естъ пророкъ, такожде и Павелъ послѣдныи *лѣты* апостолъ, первый *честию* всѣхъ святых (Палин. Копыст., с. 454); и, будучи ему ровны *властію*, въ томъ строфовати его могутъ (Пересторога, с. 234).

В дальнейшем распространение этого творительного значительно сузилось.

Присубстантивный творительный отношения представлен в рассматриваемых памятниках большим количеством случаев. Особенно многочисленны примеры с такими существительными, как *именем*, *прозвищем*, *чином*, *родом*, а также с существительными со значением меры: *числом*, *длиною*, *величиною*, *шириною* и т. д.

Примеры из древнерусских и старорусских памятников. Др.-рус.: прия власть блжную бра *именемь* Ярославъ (Чт. Б. и Г., л. 102 б); Еупатей же исполин *силою* и разсече Хостоврула на полы до седла (Пов. о раз. Ряз., с. 14). Ст.-рус.: и выгубил уже сильных и благородныхъ во Израили, аки согласникъ *дѣломъ* антихристу (Письма Курб., с. 8); река о том месте *шириною* с версту (Аввакум. Житие, с. 71—72); Лука та московской жилец, у матери-вдовы сын был единочаден, усмарь *чином* (Аввакум. Житие, с. 105); а се человек нищей, непородней и неразумной, от человек беззаступной, одеяния и злата и сребра не имею, священническа рода, протопоп *чином* (Аввакум. Письма, с. 216); и возлюби у него дщерь, *именемъ* Маруху (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 722); а *величиною* крокодил сажени двѣ (Пут. Гогары, с. 117); И он архимарит *родом* ростовец, а *нравом* поморец, *умом* колмогорец (Сатиры о пьянстве, с. 121).

Данный творительный существительных с ограничивающим значением типа *именем*, *родом* и т. п. в современном литературном языке употребляется наряду с дательным с предлогом *по*. Впрочем, и в наших памятниках встречаются примеры параллельного употребления дательного и творительного: нѣкто смирѣнный и многогрѣшный въ человѣцѣхъ, *родом* Плесенинъ, *жительством* с Казани, Василій Яковлевъ, *по прозвищу* Гогара, слышалъ онъ Василіи о Палестинскихъ мѣстахъ (Пут. Гогары, с. 111).

Творительный присубстантивный существительных с общим значением меры также продолжает употребляться в современном языке.

Творительный отношения при существительном обильно применялся в памятниках староукраинской и старо-

белорусской письменности. Его употребление и даже самые лексемы сходны с теми, которые встретились нам в русских памятниках:

Потомъ зас явился другий царь на Москве *именемъ* Недведокъ (Лет. Баркул., л. 173); был тамъ ѡдин господаръ великии, *именем* Кгвидон (Ист. о Гвид., с. 162); и посла Володимиръ моужа хитра *именемь* Алексоу (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 291); яко сей сирамах бѣ от нашего града *рожденiем* (Виш. Книжка, с. 127); ижь инок именем токмо вмѣнился еси, *дѣлом* же беглец и пленик от сопротиворатных обрящешися (Виш. Позорище, с. 220); Таже по утишении сих в нѣкоей веси близу двох дний хода от града Велиса быст муж добр житием, страннoприемник, милостынидавец и нищелюбец *художествoм* рыболов (Виш. Книжка, с. 125); а Восточници з своее стороны выбрали Марка Ефеского, мужа не толко в богословiи, а наукахъ философскихъ бѣглою, але и побожностью живота и справъ святобливыхъ досконалого и досвѣточного, ктому и *станомъ* митрополита (Ист. о Флор. соборе, с. 441).

Беспредложные конструкции с творительным падежом в значении орудия и средства, образа действия и способа действия, творительный объекта, творительный причины, времени, места, субъекта и отношения не утратили своих основных функций в старорусском, старобелорусском и староукраинском языках по сравнению с древнерусским языком.

Перегруженность значениями форм творительного падежа, естественно, затрудняла и понимание текста, и взаимопонимание в процессе речевого общения. В дальнейшем в ходе исторического развития и усовершенствования языка значения творительного падежа сужались, конкретизировались, в результате чего появились предложные конструкции с творительным падежом, уточняющие значения форм творительного падежа, или же соответствующие формы творительного падежа заменялись другими падежами.

В творительном образа действия в старорусском, старобелорусском и староукраинском языках заметно проявляется процесс адвербиализации имен существительных и закрепление за определенными словами, ставшими наречием, синтаксической функции обстоятельства образа действия.

Творительный превращения богато представлен в памятниках древнерусской письменности и малоупотребителен в старорусской, старобелорусской и староукраинской письменностях. Это явление свидетельствует о постепенном исчезновении творительного превращения в восточнославянских языках, т. е. о перерастании его в творительный сравнения.

Для старорусских памятников, написанных книжно-литературным языком, характерно употребление творительного тавтологического со значением способа действия. Этот вид творительного отсутствует в старобелорусских и староукраинских памятниках.

МЕСТНЫЙ ПАДЕЖ

Беспредложный местный падеж в ранних памятниках восточнославянской письменности употреблялся в нескольких синтаксических функциях: обстоятельства места, времени, образа действия, а также, — в редких случаях, — в функции дополнения. Наиболее широко в изученных нами памятниках представлены примеры употребления местного беспредложного в синтаксической функции обстоятельства места и обстоятельства времени. Этим вопросам и посвящен настоящий раздел.

Обозначение места

Приведем примеры употребления местного беспредложного падежа в функции обстоятельства места: собрашасѧ на мѣстѣ. Сенаръ *поли* здати столпъ до нб҃се (Лавр. л., л. 2 об.); да аще Бъ не дасть въ ѡбиду чл҃вка проста. ѥда начнуть ѥго ѡбидѣти. аже своеѥ мтре *дому* (Лавр. л., 121 л. 121 об.); кнѧзь же с Новогородоци быша *верхѹ* Волгы (Лавр. л., л. 219); церкы заложена бысть *монастырѣ* (I Новг. л., л. 2); и положиша и оу стои Софьи *притворѣ* (I Новг. л., л. 167).

Употреблявшиеся в беспредложных конструкциях в местном падеже существительные имели общее пространственное значение. В соединении с глагольными формами они указывали на пребывание или деятельность в каком-то месте: аще не ѡбращетьсѧ кто *рѣцѣ* (Лавр. л., л. 40 об.). В таком же значении выступали и личные имена, употребленные метонимически: и хотѧ оударити в око. и грѣшисѧ ѡка и перерѣза ѥму лице. и е҃ рана та *Василкѣ* и нынѣ (Лавр. л., л. 88). Почти полное отсутствие форм множественного числа нарицательных существительных в подобных случаях как будто свидетельствует об известной конкретности местного значения изучаемых беспредложных конструкций. В примере с множественным числом из I Новгородской летописи множественное число употреблено вместо единственного в связи с известной степенью адвербиализации: положиша и у Святѣи Софіи, *головахъ* у дѣда (л. 36).

Пространственное значение входящих в состав беспредложных конструкций существительных в значительной степени конкретизируется определениями — относительными и притяжательными прилагательными: ѩко *Переѩславьскомъ полку* что будеть. погреблено. или стада или челѧдь. что ли кому будеть. свое познавши. поимати же по лицю (Ипат. л., л. 143); *Антоновѣ монастырѣ* (I Новг. л., л. 2); Загорѣсѧ *Савкинѣ дворѣ* (I Новг. л., л. 22). Меньшей степенью конкретности характеризуются конструкции с определениями, выраженными местоимениями и числительными, хотя и в этих случаях называется место действия,

известное пишущему. Например: того. мца. въ л. *то* же *мѣстѣ* брата вса (снашаса). Стопол[къ]. Володимеръ. Двдъ. Олегъ (Лавр. л., л. 92); не могу с тобою жити одиномъ *мѣстѣ* (Ипат. л., л. 191 об.); не былъ *вѣчи томь* (Ипат. л., л. 48). Беспредложные конструкции с определениями сохранились лучше, чем соотносительные конструкции без определений: по-видимому, наличие конкретизирующего определения способствовало сохранению беспредложных форм.

В исследованных летописях не так уж часты случаи беспредложного употребления существительных места с определениями и без них, которые можно бесспорно отнести к местному падежу. Отчасти это объясняется тем, что летописи дошли до нас в поздних списках. По свидетельству В. Н. Топорова, сверка списков одного памятника убедительно показывает, что вставка предлогов в бывшие беспредложные конструкции является самой обычной для переписчиков [103].

Случаи беспредложного употребления нарицательных существительных места в местном падеже известны не только из летописей — встречаются они и в произведениях других жанров, но такие примеры единичны: изъистави тѣло мртво бъ *жертвеницѣ* (Повесть о плаче, с. 282); не можеть градъ оукрытися *връхоу* горы стоа (Сказ. о Б. и Г., л. 16в); дивъ кличеть *връху* древа (Сл. о плк. Иг., с. 9). Можно думать, что для названных существительных местный падеж без предлога был в исследуемый период явлением пережиточным, но еще не утратившим связи со всей системой прежнего склонения. Так, об известной свободе при употреблении предлогов с существительными — обстоятельствами места свидетельствует незакрепленность их позиции. Об этом говорят случаи, когда один предлог управляет двумя или несколькими существительными: знаменьа бо *въ нбси* или *звѣзда*. ли *слнци*. лї птицами. лї етеромь чимь. не [на] блго бываетъ (Лавр. л., л. 56).

Подобная незакрепленность предлога при некоторых существительных места возможна и в современном языке, но только в парных сочетаниях, связанных союзом *и*. Ср.: *в городах и селах*, *на морях и океанах*.

Встречается в древнерусском языке один предлог и при нескольких существительных — названиях городов, что в современном языке невозможно: Гюрги же старѣишаго сна своего Ростислава посади *оу Переаславли*. Андрѣа *Вышегородѣ* (Ипат. л., л. 140); а ты снъ т е сѣдиши в *Пересопници*. а дрогыи *Бѣлѣгородѣ*. како того не оустеречи (Ипат. л., л. 151 об.); Рюрикъ. в Бѣлѣ-

---

[103] В. Н. Топоров. Локатив в славянских языках. М., 1961, стр. 12.

городѣ *затворисѧ*. а Мьстислава затвориша. *Вышегородѣ* (Ипат. л., л. 204)[104].

Вообще в древнерусском языке беспредложный местный с названиями городов еще был широко употребительным. Распространенность беспредложных конструкций такого типа позволяет ограничиться небольшим числом примеров из произведений различных жанров: а Изѧславъ сѣдить *Кыевѣ*. а Глѣбъ *Переѧславли* (Лавр. л., л. 115); посади оубо сего оканьнааго стопълка въ кнажении *пиньскѣ*. а ѣрослава. *новѣгородѣ*. а бориса. *ростовѣ*. а глѣба. *моуромѣ* (Сказ. о Б. и Г., л. 8г) и т. п.

Отдельные примеры говорят о том, что употребление беспредложного местного было возможно также при названиях племен или народов, когда они обозначали территорию или землю, ими населенную: посади Изѧслава Полотьскѣ. а Стополка Туровѣ. а ѣрослава Ростовѣ... Стослава *Деревѣхъ* (Лавр. л., л. 42).

В отличие от нарицательных имен существительных существительные — названия городов дольше сохраняли возможность употребляться без предлогов. В грамматической литературе отмечены факты, подтверждающие предположение о том, что в начальный период появления письменности на Руси эта группа лексики в древнерусском языке могла употребляться без предлогов в отличие от однотипной лексики церковнославянского языка, раньше утратившего эту особенность. Так, еще Ф. И. Буслаев обратил внимание на то обстоятельство, что в Остромировом евангелии, переписанном в 1057 г., «местный падеж, в значении места, употребляется в собственных именах только в послесловии . . . в самом же тексте место означается помощию предлога *в*» [105].

Можно думать, что для переписавшего это евангелие дьякона Григория беспредложный местный падеж был таким же живым явлением, как и для Упыря Лихого, на 10 лет раньше (1047 г.) сделавшего следующую запись в конце переписанной им рукописи: Сподоби мѧ (Бгъ) написати книги си... кнѕю Володимирѹ *Новѣгородѣ* кнажащю. снови ѣрославлю болшему[106]. В дошедшем от XII в. памятнике — Договорной грамоте Новгорода с Готским берегом — на шесть примеров беспредложного употребления существительного *Новгород* встречается только один пример предложного употребления[107], тогда как во всех остальных случаях

---

[104] Многочисленные примеры такого типа из Лаврентьевской летописи представлены в работе Е. Ф. Карского «Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи» (стр. 88).

[105] Ф. Буслаев. Опыт исторической грамматики русского языка. М., 1958, стр. 473.

[106] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I. СПб., 1893, стр. 148.

[107] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. (Простое предложение), стр. 381.

(не при названиях городов) употребляется местный падеж с предлогами.

Как отмечает В. И. Борковский, примеры беспредложного местного падежа встречаются и в наиболее ранних берестяных грамотах XII в.: тъгъдъ възале оу мене лазъвке *переѧславълѣ* (№ 105); коупилъ еси: робоу: *плѣскове* (№ 109) [108].

Однако в XIII в. положение изменяется. В памятниках этого периода встречаются еще многочисленные случаи беспредложного употребления местного падежа с названиями городов. Но в берестяных грамотах, отражающих разговорную речь, таких примеров уже нет. Предложные конструкции встречаются все чаще и в грамотах, написанных на пергамене, и в летописях. Внимание исследователей привлекло и то обстоятельство, что без предлогов, как правило, употребляются названия древних русских городов. Новые названия, как и названия иноземных городов, этому правилу не подчиняются. Как полагает В. И. Борковский, в древнерусском языке первой половины XIII в. господствовало употребление местного падежа с предлогом, в местном падеже без предлога могли стоять только те наименования, в отношении которых имела место определенная традиция [109].

Как бы ни истолковывались подобные случаи, нельзя забывать и таких интересных примеров, когда при нарицательном существительном предлог употребляется, стоящее же рядом название города предлога не имеет: оукрасивъ ю постави и *в цр҃кви своеи Володимери* (Лавр. л., л. 116); Того᷍. лѣ᷍ холюбивыи кнѧ᷍ Костѧнтинъ заложи цр҃квь камену *Ростовѣ на дворѣ свое* ᷍ (Лавр. л., л. 149 об.); и плакаса по немъ братъ Андрѣи. и положи *въ цр҃кви стыѧ Бца Володимири* (Ипат. л., л. 137 об.); иде мьстисла᷍. кыевоу. и седѣ *кыевѣ на столѣ* (I Новг. л., л. 31); престависѧ глѣбъ кнзь разаньскыи. *володїмири въ пороубѣ* (I Новг. л., л. 41). Они не только свидетельствуют об известной устойчивости беспредложного местного в данной лексической группе, сохранившейся на протяжении веков, но и подчеркивают разницу в употреблении нарицательных и личных имен существительных. Причину сохранения беспредложного местного в подобных конструкциях (а такое явление существовало и в старочешском языке [110]) объясняют тем, что именно в них

[108] А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958, стр. 150.

[109] В. И. Борковский. Указ. соч., стр. 383. — Ср. мнение А. Д. Григорьевой о том, что пользование предложной конструкцией при названиях иноземных городов объясняется влиянием церковнославянского языка («К отношениям предложности и беспредложности локатива в древнерусском языке». — «Докл. и сообщ. Ин-та русского языка АН СССР», вып. 1. М.—Л., 1948, стр. 132).

[110] J. Gebauer. Historická mluvnice česká, IV. Praha, 1929, стр. 397—398.

не нужно было различать более точные смысловые оттенки (положение внутри, на поверхности и т. п.) и применение предлогов поэтому было лишним[111]. Отсутствие необходимости в употреблении предлогов связано и с конкретностью существительных — названий городов, позволявшей совершенно определенно обозначить место действия.

Существительные в беспредложном местном падеже обычно употребляются с глаголами. Все приведенные выше примеры свидетельствуют об этом. Они могут зависеть также от причастий, входящих в состав конструкции «дательный самостоятельный»:

Василкови же *сущю Володимери.* на пре̑ренѣмь мѣстѣ. и ꙗко приближисѧ постъ великыи. и *мнѣ* ту *сущю Володимери.* въ ѥдину нощь присла по мѧ кнѧзь Дв̑дь (Лавр. л., л. 89); ельма же не вѣдꙗхоу мънози *вышегородѣ лежащю сто̑ю мукоу. сто̑ю страстотьрпьцю хво̑у романа* и *дво̑да.* нъ гь̑ не дадꙗше таковоуоумоу скровищю крытисѧ въ земли (Сказ. о Б. и Г., л. 18).

Принято считать, что беспредложный местный падеж не может зависеть от существительного. Если не видеть в следующем предложении из Лаврентьевской летописи пропуска глагола, то нужно будет признать, что и такие случаи возможны, по крайней мере при отглагольных существительных: и нача Дв̑дъ гл̑ти. аще не имевѣ Василка то ни тобѣ *кнѧженьꙗ Кыв̊ѣ.* ни мнѣ в Володимери (Лавр. л., л. 87).

Во всех рассмотренных примерах конструкции с местным падежом имеют значение места, но в отдельных случаях могут указывать и на направление: и поиде Изѧславъ кь Дерновоумоу. и тоу скоупишасѧ вси Клобоуци. и Поршане. *томъ* же *мѣстѣ*: присла̑ к немоу Бѣлгородьчи и Василевци. тако же рекоуче поиди ты нашь кн̑зь. а Ѡлговичь не хочемъ (Ипат. л., л. 119 об.); *томъ мѣстѣ.* приѣхаша ѿ Киꙗнъ моужи. нарекоуче, ты нашь кн̑зь (Ипат. л., л. 119 об.); есмь ѣхал *Киевѣ* (Ипат. л., л. 172)[112].

Значение направления сохраняют также некоторые наречия: и сълѣзъ съ горы сеѧ . идеже послѣже бы̑ Киевъ. и поиде по Днѣпру *горѣ* (Лавр. л., л. 3 об.); Бы̑ знаменьѥ въ слн̑ци. въ .а. ча̑ дне̑ бы̑ видѣти всѣ̑ люде̑. ѡстасѧ ѥго мало. акы мѣсѧць. *долу* рогома (Лавр. л., л. 95). Обычно в наречиях значение направления совмещается со значением места. Выяснить,

---

[111] Я. Б а у э р. Беспредложный локатив в старославянском языке. — В сб.: «Исследования по синтаксису старославянского языка». Прага, 1963, стр. 262.

[112] Первый из примеров не считаем бесспорным, возможно, здесь указание на место, а не на направление.

указывают ли они на направление или на место, можно лишь в контексте. Ср.: бахуть бо борци стоꙗще *горѣ* во брона̂ и стрѣлꙗюще (Лавр. л., л. 110 об.); Игоревъ полкъ *середѣ*. а но правоу. брата его Всеволожь (Ипат. л., л. 223 об.); и видѣвше іеремїю *долу* лежима оумерша. растерзаша ризы своꙗ (Пов. о плаче, с. 282). Хотя данные наречия в этот период еще сохраняли живую связь с соответствующими существительными, они, по-видимому, воспринимались в наречном значении, что и способствовало их беспредложному употреблению на протяжении долгого времени.

Случаи употребления беспредложного местного встречаются еще длительное время после того, как он перестал быть живым явлением. Например, ряду древнерусских грамот XIV в. известна следующая беспредложная конструкция: а что бу̂ судилъ... да *великомъ кнꙗженьѣ*. и вочнѣ̄ въ своеи на Москвѣ (Гр. в. к. Сим. Гордого, 1353 г., Обнорский, № 28); которая буть̂ села оца моего *великомъ кнꙗ(же)ньѣ* купла (Дух. гр. кн. Дм. Ив., до 1378 г., Обнорский, № 29). Ср. также случай постановки одного предлога при нескольких существительных: не держати в *нашеи вотчин[ѣ] Москвѣ* и *великом кнꙗж[е]нии и Велик[о]мъ* Новѣгород[ѣ] (Гр. Вас. Дм. ок. 1396 г., Дух., дог. гр.).

Беспредложные конструкции в сочетаниях, превратившихся в формулы, возможны в этот период и в древнерусских грамотах, написанных на территории современной Украины: а што *тои грамотѣ* писано. тую жь правду литовьскымъ кнꙗземь держати. а на то есмы. дали своѣ печати (Дог. гр. кн. Евн., Кейст., Люб. с кор. Казимиром, 1350 г., Собол и Пташ., № 46); а што *тои грамотѣ* писано тую жь правду . . . держати (Дог. гр. лит.-русск. кн., 1352 г., Укр. гр., 7). Сохраняется беспредложный местный в грамотах, написанных на этой территории, также в наречиях: а ко млину граница *горѣ*. Смотричемъ. до мосту. а доловъ Смотричемъ (Жал. гр. Подол. кн. Ал. Кориат. 1375 г., Срезн. Др. пам., 265).

Образовавшиеся на древнерусской основе восточнославянские языки в той или иной форме сохранили остатки старинного управления местным падежом.

В с т а р о р у с с к и х памятниках наблюдаются единичные примеры беспредложного местного. Например, в Двинской грамоте XV в.: ⟨се купи игнате. . . село⟩ а землѣ орамои патери гонѣ. а то тои же землии. а на великои. тармоли. логъ. *верхн[е]мъ конци*. его оуцастокъ. тои же землѣ (Шахм. Исслед., № 28). По свидетельству А. В. Исаева, примеры употребления беспредложного местного встречаются также в Московском летописном своде конца XV в. (Уваровский список первой трети XVI в.): есть же церкви святаго Иоана Предтечи *дворѣ епископъли*; И слыша людие, яко

Ѣуриискѣ суть [113]. Еще дольше (XVI в.) сохранились старые формы беспредложного местного в наречных образованиях: А еже хвалишися и величаешися *горе* и *долу* (Письма Курб., с. 134). Все эти случаи, конечно, не говорят о том, что в данный период беспредложный местный имел корни в живом разговорном языке. Скорее всего они свидетельствуют о силе привычки, поддерживающей в письменном языке традиционные формулы прошлого времени.

Той же силой традиции, по-видимому, можно объяснить и аналогичные случаи в старобелорусском языке, например, предложение из Псалтыри XVI в., отмеченное еще Е. Ф. Карским: Гь *нбсех* зготовал пртлъ [114].

Для староукраинского языка также имеется материал, свидетельствующий о бытовании в нем конструкций с беспредложным местным. Кроме тех древнерусских памятников, которые являются общими для всех восточных славян, в памятниках сугубо украинских, таких, например, как Галицко-Волынская летопись, распространено употребление названий городов в местном падеже без предлога. Встречаются в ней и отдельные случаи употребления в беспредложном местном нарицательных существительных: иже велико оубиство твораше. *землѣ Черниговъскои* (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 280 об.).

В современном украинском языке сохранились некоторые наречия, имеющие форму беспредложного местного падежа. Так, в литературном языке бытует наречие *долі*: Не доведеться більше вам ламать чужої волі. Коли життя вам дороге, Кладіте зброю *долі*! (Л. Українка, I, 1951, 359). В западноукраинских диалектах употребляется до настоящего времени наречие *горі*: І потяглись *горі* селом санки порожні гуськом (Франко, X, 1954, 315); Іде Ольга *горі* селом і тільки чобітками по насту — чах. . . чах. . . чах (Вільде, На порозі, 1955, 191). В некоторых карпатских говорах, в частности в говорах батоков, И. Верхратским отмечены случаи, внешне очень напоминающие беспредложный местный: щось *ріцьі* хляпоче, солодкий мід *нові коновойці* и т. д.[115] Однако ни один из исследователей после И. Верхратского не подтвердил этого. Присоединяемся к мнению В. Н. Топорова, что явление это было истолковано И. Верхратским ошибочно и на самом деле объясняется иначе: опущением предлога, обусловленным требованиями песенной эвфонии [116].

В древнерусских памятниках наряду с беспредложным местным в том же значении указания на место чаще встречается мест-

---

[113] А. В. Исаев. Глагольное управление в языке Московского летописного свода конца XV века. Автореф. канд. дисс. Л., 1954, стр. 17—18.

[114] Е. Ф. Карский. Западнорусские переводы Псалтыри в XV—XVII вв. Варшава, 1896, стр. 243.

[115] І. Верхратський. Говір Батюків. Львів, 1912, стр. 77.

[116] В. Н. Топоров. Указ. соч., стр. 90—91.

ный падеж с предлогами *в*, *на*, *о*, *по*, *при*[117]. Как известно, в процессе исторического развития этот падеж совершенно утратил возможность беспредложного употребления, превратившись из местного в предложный. Появление предложных конструкций в славянских языках относится к дописьменному периоду. Вытеснение прежней падежной формы сочетанием падежной формы с предлогом, по словам А. А. Шахматова, объясняется тем, что такое сочетание благодаря вносимому в него предлогом значению развивает, дополняет, усиливает то значение, которое принадлежало самой падежной флексии[118]. Полная утрата беспредложных форм местным падежом связывается с его основным значением, выражавшим пространственные отношения, так как это значение особенно нуждается в дополнительном уточнении.

Мы не останавливаемся здесь специально на конструкциях с предлогами, поскольку их рассмотрение не входит в нашу задачу. Отметим только характерную для старобелорусских и староукраинских памятников, в отличие от старорусских, особенность — употребление предлога *по* с местным падежом в значении распределения действия по определенной поверхности: послалъ по всих своих землдх (Ист. о Гвид., с. 168); по корчмах ходят (Виш. Книжка, с. 37).

Обозначение времени

В древнерусский период беспредложный местный падеж широко употреблялся для обозначения времени. В беспредложных конструкциях использовались нарицательные существительные — названия определенных временных отрезков: *весна*, *лето*, *осень*, *зима*, *ночь*, *день*, *полночь*, *утро*, *вечер*, *век*, *неделя*, *час*.

В сочетании с глаголами названные существительные обозначали время, не полностью занятое действием. Например: Идоша *веснѣ* на Половцѣ. Стополкъ. и Володимеръ. (Лавр. л., л. 95 об.); приѣхавъ *ночи* противу свѣту г Кыеву (Лавр. л., л. 123); и ѣхаша *лѣтѣ* на санехъ. бѣ бо нѣчто извергълося емоу на нозѣ (Ипат. л., л. 235); іде влъка двдъ во тфѣрь. *веснѣ* в роспоутье (I Новг. л., л. 157 об.); Прысну море *полунощи*, погасоша *вечеру* зори (Сл. о. плк. Иг., с. 39); ав русу кнже ѣзди (ти въ осень) како пошло. а *лѣтѣ* ѣздѣти. на възвадъ. звѣри гонитъ (Новг. гр. 1371 г., Шахм. О языке, № 8).

Входившие в состав беспредложных временных конструкций существительные отмечены лишь в форме единственного числа. Лексический состав этих существительных ограничен: они обозна-

[117] Конструкции с этими предлогами рассматриваются в историческом аспекте в ряде работ. Наиболее детально освещены вопросы появления и постепенного увеличения удельного веса предложных конструкций в названной выше монографии В. Н. Топорова «Локатив в славянских языках».

[118] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 97.

чают или пору года (*весна*), или часть суток (*утро*), а также часть месяца (*неделя*), т. е. очень определенны по своему значению. Только в переносном употреблении некоторые из таких существительных начинают указывать на время вообще (*час*). Употребляясь с определениями (местоимениями и числительными), существительные первой подгруппы достигают значительно большей конкретности при указании на время действия: се молвил Василко *си ночи*. к Уланови и Колчи (Лавр. л., л. 89); *том* же *дни* створи мир (Лавр. л., л. 104); *Тои* же *зимѣ* посла Андрѣи. сна своего (Ипат. л., л. 194); *Том* же *лѣтѣ* прислашасѧ Новгородци къ Мьстиславу (Ипат. л., л. 194); *Тои* же *зимѣ* побѣже федоръ даниловиць. съ тиоуномь ꙗкимомь (I Новг. л., л. 107—107 об.); и не бѣ ту меча. бѣ бо *томъ дни* вынѧлы (Ипат. л., л. 207 об.); *первомь дни* не ведоша е к соломону (Повесть о Китоврасе, с. 255).

Существительные с более абстрактным значением без определений в изученном материале не встретились [119]: и *томь часѣ* бы ꙗко и мертвъ (Лавр. л., л. 88); и *томъ часѣ* бысть роука. цѣла (Сказ. о Б. и Г., л. 22б). В примере из I Новгородской летописи, где определение имеет точное значение («один»), все сочетание приобретает, однако, общий смысл «быстро, моментально»: и *одиномь часѣ* все погорѣ.

Восточнославянским языкам был свойствен процесс онаречивания форм существительных местного падежа, обозначающих время. Этот процесс привел к утрате определений и способствовал более длительному сохранению некоторых беспредложных форм, обозначающих время.

В старорусских памятниках особенно часто встречаются такие наречия, восходящие к беспредложному местному падежу. Ср. в Домострое: мв ѡ томже коли что кѹпить оу ково селъ и всѧкой домашней ѡбиходъ, и *лѣте*, и *зимѣ* (с. 40); да какъ грѧды копати *весне*, и навоз[3] класти а навозъ *зимѣ* запасати (с. 45); а *оутре* вставъ бг҃ѹ молити; и оусчины и полотна того всего *лѣте* пересматривати (с. 61). Встречаются они и в Хожении Афанасия Никитина.

В старобелорусских памятниках мы также встречаем значительное количество таких онаречившихся форм (преимущественно в памятниках, отразивших особенности разговорной речи) [120]: казалъ. . . балверови мазати собе те кгузики шарою мастию, не замкнувши се, звлаща *зиме* (Дневн. Евлаш., с. 152); иже то што ѡбецалъ пополнити ме. пришо *вечере* до бетании альбо до вифанїи (Страсти Христовы, 1 об.); а было то *лѣте*

---

[119] На употребление существительного *час* лишь с определением в старославянском языке указывает Я. Бауэр (указ. соч., стр. 271).

[120] Ср. сходное заключение В. Н. Топорова (указ. соч., стр. 82).

и былъ великии знои (Пов. о витязях, с. 68); тогды погонившы кнзь Костентинъ Ивановичь Ѡстро[з]ски[и] з во[и]скомъ лито[в]скимъ Тата[р] поби[л] на Ѡльшаницы *зиме* (Лет. Рачин., с. 285). Отметим пример употребления существительного с определением в значении «вскоре»: и по[ч]неть по немь кнежыти сы[н] его Рома[н] и *мало[м] часе* ѵмре. кнзь велики[и] Жомо[и]тски[и] Трабу[с] да[д]ко кнза Романов[в] (Лет. Рачин., с. 236).

В староукраинских памятниках также встретились подобные примеры: *зимѣ* татаре были на Подолю (Львовск. лет., 233); казано *утрѣ* рано отправити ихъ (Малборск. гр. 1527 г., АЮЗР, II, 112).

Подобного рода образования утрачены всеми литературными восточнославянскими языками. Однако в украинских говорах сохранились отдельные временные наречия, связанные по происхождению с древними формами местного падежа [121].

В древнерусских памятниках наряду с примерами беспредложного местного времени встречаются и временные конструкции местного падежа с предлогами *в*, *на*, *о*, *по*, *при*. (Однако на всем протяжении древнерусского периода количественный перевес был, повидимому, на стороне форм без предлога [122].) Приведем некоторые примеры.

С предлогом *в*: Того. лѣ Великыи. кна Аньдрѣи *во ѡсенинѣ*. поиде в Татары (Лавр. л., л. 172); да къждо *въ нощи* свою часть измелѧшеть на състроѥние хлѣбомъ (Ж. Феод. Печ., л. 36а); с предлогом *на*: *На зною* и *на зимѣ*. не дана собѣ оупокоа (Лавр. л., л. 83); с предлогом *о*: оубьѥнъ же бы в суту на ночь. и ѡ *свѣте* заоутра мертвъ (Лавр. л., л. 124 об.). Предлог *по* с местным падежом в древнерусском языке мог выражать неопределенное время, наступившее после определенного: звѣзда превелика... въсходащи с вечера *по заходѣ солнечнѣмь* (Лавр. л., л. 55 об.); *по томъ же времени* како оуже рѣкы сташа пославше Ѡлгови и Двдвича дроужиноу свою (Ипат. л., л. 131 об.). Эти сочетания допускают наличие определения между предлогом и существительным: *на безъимѣньнои не*. во вторни. Престависа кна Данило Ѡлександрови (Лавр. л., л. 172 об.); Вячеславъ же ре съ гнѣвомъ. к Изаславу чему ми еси *во ѡномъ дни* не далъ (Ипат. л., л. 145); и в *то* чсѣ исчезоша (Смерть Авраама, с. 87); *На седьмомъ вѣцѣ* Трояни връже Всеславъ жребiй (Сл. о плк. Иг., с. 35); с предлогом *при*: бы же в то врема чюдо дивно яко во древьнаа дни *при Езекии цри* (Лавр. л., л. 169 об.).

[121] О. П. Безпалько. Нариси з історичного синтаксису української мови. Київ, 1960, стр. 115.

[122] См. сходный вывод А. Д. Григорьева (указ. соч., стр. 138—139).

В дальнейшем в восточнославянских языках происходит процесс онаречивания некоторых предложных сочетаний. Особенно ярко это отражено в современном украинском языке, которому известны наречия *увечері*, *вранці*, *восени*, *навесні*, *взимку*, *влітку* (ср. также диалектные формы: *взимі*, *вліті*).

* * *

Рассмотренный материал памятников восточнославянской письменности позволяет сделать вывод, что процесс утраты беспредложного местного падежа, его вытеснения предложным падежом в своих основных чертах был сходен в русском, белорусском и украинском языках. Из явления живого языка (древнерусского) беспредложный местный падеж превращается в архаизм и постепенно утрачивается во всех восточнославянских языках.

В некоторых случаях следы местного беспредложного сохраняются длительный период, но уже в виде наречных форм. Это наблюдается в литературных памятниках всех восточнославянских языков.

Круг предлогов, вошедших в состав предложных конструкций с местным падежом, в восточнославянских языках один и тот же (*в*, *на*, *о*, *по*, *при*); почти полностью совпадают и значения этих предложных конструкций.

ДАТЕЛЬНЫЙ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ

Название «дательный самостоятельный» впервые упоминается М. Смотрицким в труде «Грамматика словенскиѧ, правилное сунтагма» (1619 г.). Этот оборот состоит из имени существительного или личного местоимения в дательном падеже и причастия в том же падеже, выполняющего функцию, близкую к функции сказуемого.

Вопрос о дательном самостоятельном довольно часто привлекал к себе внимание исследователей. Им интересовались специалисты по старославянскому и другим славянским языкам. Историки русского языка неоднократно занимались вопросом происхождения дательного самостоятельного, анализом его грамматического оформления, изучением функциональных значений.

Исследованию дательного самостоятельного в старославянском и древнерусском языках посвящен ряд работ [1], в которых анализируется изучаемый оборот.

Многие языковеды интересовались преимущественно проблемой генезиса дательного самостоятельного. Одни ученые (В. Вондрак, Ф. Миклошич, Я. Станислав) считали этот оборот самостоятельно возникшим на славянской почве. Другие же (А. Х. Востоков, Ф. И. Буслаев, Б. Дельбрюк) доказывали, что дательный самостоятельный не является самобытным в славянских языках, а представляет простую замену греческого genetivus'a absolutus'a. Этот вопрос рассматривается в исследовании И. М. Белоруссова «Дательный самостоятельный падеж в памятниках церковнославян-

[1] См., в частности: И. М. Белоруссов. Дательный самостоятельный падеж в памятниках церковнославянской и древнерусской письменности. — РФВ, т. XLI. Варшава, 1899; В. И. Борковский. Два синтаксических этюда. «Славянска филология», т. III. София, 1963; Л. А. Коробчинская. Дательный самостоятельный в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку 1377 г. «Доповіді та повідомлення. Львівський ун-т», вып. III, ч. 1, 1952; Л. В. Перегонцева-Граве. Дательный самостоятельный в русском литературном языке XII—XVII вв. Автореф. канд. дисс. Л., 1955; Л. В. Граве. Две разновидности дательных самостоятельных в древнерусском языке. «Уч. зап. Смоленского пед. ин-та им. К. Маркса», вып. 9, 1958; В. П. Воробьев. Дательный самостоятельный в русских оригинальных повестях XVII в. «Уч. зап. Саратовского пед. ин-та», вып. 30, 1958.

ской и древнерусской письменности», к которому постоянно обращаются языковеды, изучающие оборот «дательного самостоятельного». В результате глубокого анализа исследуемой конструкции в старославянских и древнерусских памятниках различных жанров в сравнении с родительным самостоятельным в греческих текстах автор пришел к выводу, что дательный самостоятельный появился в старославянском языке под влиянием греческого genetivus'a absolutus'a, но этот оборот в старославянском и древнерусском языках не отражает простой замены греческого родительного самостоятельного, а представляет «явление особенное» и «совершенно оригинальное» [2]. Это предположение И. М. Белоруссова подтверждают чешские ученые К. Хоралек [3] и П. Трост [4].

Исследуя «дательный самостоятельный» в древнерусских памятниках, В. И. Борковский вносит значительную поправку в вывод И. М. Белоруссова. По мнению В. И. Борковского, наличие пережиточных явлений дательного самостоятельного в некоторых славянских языках дает основание считать, что конструкция представляет собою одну из особенностей славянского синтаксиса, в частности — восточнославянского [5]. О самобытном происхождении дательного самостоятельного в славянских языках говорится и в работе В. Амбразаса. Автор обращает внимание на распространение дательного самостоятельного в старославянском и других языках, а также указывает на наличие соответствующих конструкций в балтийских и германских языках [6].

Различно решался вопрос о появлении дательного самостоятельного и в древнерусском языке. Известно, что дательный самостоятельный не получил распространения в живой русской речи, отсутствует в памятниках деловой письменности древнерусского языка [7] и, наоборот, широко известен книжному древнерусскому языку; в обороте дательного самостоятельного главным образом употребляются причастия старославянского происхождения. Все это дало основание многим ученым (М. В. Ломоносов, А. Х. Востоков, И. М. Белоруссов, Е. С. Истрина, П. Я. Черных и другие) считать дательный самостоятельный заимствованием из старославянского языка. Однако Я. Станислав склонен относить его к живому явлению древнерусского языка.

---

[2] И. М. Белоруссов. Указ. соч., стр. 98.

[3] K. Horálek. Úvod do studia slovanských jazyků. Praha, 1955, стр. 229.

[4] P. Trost. O dativu absolutním. «Sbornik slavistických praci věnovaných IV Mezinárodnimu sjezdu slavistů v Moskvě». Praha, 1958, стр. 33.

[5] В. И. Борковский. Два синтаксических этюда, стр. 254.

[6] V. Ambrazas. Absoliutinis naudininkas XVI—XVII a. lietuvių kalbos paminkluose. «Lietuvių kalbotyros klausimai», t. V. Vilnius, 1962, стр. 27.

[7] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. (Простое предложение). Львов, 1949, стр. 361.

А. А. Потебня, указывая на самобытное происхождение дательного самостоятельного, полагал, что в основании дательных самостоятельных лежит первый дательный, непосредственно дополняющий главное сказуемое [8]. Это мнение ученого разделяется Л. А. Булаховским [9], В. И. Борковским [10] и другими языковедами.

Исследования последних лет, посвященные изучению дательного самостоятельного, позволяют присоединиться к мнению, что описываемый оборот получил самобытное развитие на русской почве. Особого внимания в этом отношении заслуживает диссертация Л. В. Перегонцевой-Граве «Дательный самостоятельный в русском литературном языке XII—XVII вв.». На большом фактическом материале автор доказывает, что дательный самостоятельный в древнерусском языке при сравнении с аналогичным оборотом старославянского языка обнаруживает не только сходство, но и целый ряд специфических особенностей. Новейшие диалектологические данные свидетельствуют о том, что дательный самостоятельный не был чужд говорам русского языка. Материалы диалектологических атласов русского языка отмечают случаи употребления этого оборота в южных говорах [11]. Как отголоски дательного самостоятельного В. И. Борковский считает возможным рассматривать некоторые примеры, отмеченные в старых записях севернорусских диалектов: я выехал уже *закатившись солнцу*; я приехал еще *не отошедши обедне* (быв. Холмогорский у. быв. Архангельской губ.) и др. под.[12]

Как известно, дательный самостоятельный не засвидетельствован в русских памятниках деловой письменности; западнорусские памятники в этом отношении отличаются от древнерусских: дательный самостоятельный находим и в деловой письменности [13]. Важно отметить, что дательный самостоятельный в памятниках староукраинского и старобелорусского языков представлен главным образом в неизменяемой форме причастия и дательного имени: будучи мне у молодыхъ летехъ, а маючи отецъ его мене

---

[8] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958, стр. 325—334.

[9] Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Пятое, доп. и перераб. изд. Киев, 1958, стр. 440—441.

[10] В. И. Борковский. Два синтаксических этюда, стр. 254.

[11] И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. О некоторых синтаксических явлениях в говорах юго-западных и центральных областей к западу от Москвы. «Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР», № 10, 1956, стр. 120.

[12] В. И. Борковский. Два синтаксических этюда, стр. 252, 253.

[13] Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3. М., 1956, стр. 415; О. А. Зарудняк. Із спостережень над керуванням давальним відмінком в українських пам'ятках ділового письменьства XIV—XVII ст. «Наук. зап. Одеського держ. пед. ін-ту», т. XVIII, вип. філол., 1957, стр. 114—115; А. А. Москаленко. Синтаксис простого речення давньоруської і української мови. Посібник для студентів-заочників. Одеса, 1959, стр. 40.

у в опеце своей, которые листы отца моего побралъ, тых теперъ Домаскинъ ине выдати не хочеть (Бел. Арх. II 1533 (XVII в.) [14]; Потом *мне* вже *идучи* в дорогу, пожегнавшися з братїею, вступилем въ притворъ церковный, *привѣхавши намъ* до Слуцка, отецъ Щицикъ, архимандритъ, розгнѣвался барзо на отца нашего ігумена Кушатицкого... (стр. 149) и др.[15] Подобные обороты находим и в живой белорусской речи: *едучи им* по дорози, захоцелося спаць Ялени и Ивану царевичу [16].

Вопрос об употреблении этой конструкции в памятниках старобелорусской и староукраинской письменности требует специального исследования.

Длительное историческое развитие украинской и белорусской народностей в Литовском княжестве несомненно сказалось на старобелорусском и староукраинском языках. В данном случае можно полагать, что распространению оборота дательного самостоятельного в форме деепричастия и имени в дательном падеже способствовал литовский язык, так как структурная близость рассматриваемой конструкции в литовском, староукраинском и старобелорусском языках совершенно очевидна. В литовском языке дательный самостоятельный с деепричастием широко употреблялся не только в древних текстах, о чем свидетельствуют исследования В. Амбразаса, но и сохранился в современном языке: Man važiuojant namo, kiškis perbėgo kelią букв. 'Мне едучи домой, заяц перебежал дорогу'; Aušrai auštant, raselė užsidėjo букв. 'Заре заходячи, осела роса'; Man ant žirgelio jojant, pasagėlės akmenėlius skėlė букв. 'Мне едучи на коне, подковочки ударяли камушки'; Artėjant pavasariui, visi nekantriai laukia šiltų dienų букв. 'Приближаясь весне, все нетерпеливо ждут теплых дней'; Man besemiant jūrų vandenėlį, atlėkė du gulbinėliai букв. 'Мне набирая морскую водицу, прилетели два лебедя' [17].

Интересно то, что в памятнике старой белорусской деловой письменности «Судебная (актовая) книга Каунасского земского суда 1566—1567 гг.», написанном на литовской языковой территории, обильно представлена эта конструкция дательного самостоятельного. Примечательно, что судная книга, как утверждает А. К. Антонович [18], написана писцами литовцами. В белорусских текстах XVII в. (написанных арабским письмом), которые значительно ближе к разговорному белорусскому языку, чем деловая письменность, описываемый оборот, как отмечает исследователь

---

[14] Е. Ф. Карский. Указ. соч., вып. 2—3, стр. 415.

[15] Примеры взяты из рукописи «Диариуш» Афанасия Филипповича, памятника полемической литературы нач. XVII в.

[16] Е. Ф. Карский. Указ. соч., вып. 2—3, стр. 415.

[17] J. Žiugžda. Lietuvių kalbos gramatika. II dalis, sintaksė. Kaunas, 1954, стр. 33.

[18] А. К. Антонович. Язык судебной (актовой) книги Каунасского земского суда 1566—1567 гг. Автореф. канд. дисс. Вильнюс, 1961, стр. 16.

этих памятников А. К. Антонович, совершенно не встречается. Е. Ф. Карский приводит лишь единичные случаи с этой конструкцией в живом языке.

В синтаксическом отношении конструкция «дательный самостоятельный» по своим смысловым функциям приближается к придаточному предложению с различными оттенками значения. Отметим некоторые из значений.

1. Выражение времени: и *привѣхавшимъ имъ*. подъ Вышегородъ. видивъ же Мьстиславъ Ростиславичь. пришедшюю рать (Ипат. л., л. 204).

2. Причинное значение и сеже пакъ инъ болꙗринъ того же хл҃юбьца идыи нѣко ли съ кназемь своимь хл҃юбьцьмь на ратьныа. *хотꙗщемъ имъ* брань сътворити (Ж. Феод. Печ., л. 47в—г).

3. Условное значение: по вечерьниимь оубо пѣнии сѣдъщю ѥмоу и хотꙗщю опочиоути. не бо николиже на ребрѣхъ своихъ лꙗжашеть нъ аще коли *хотꙗщю ѥмоу* опочиоути то сѣдъ на столѣ (Ж. Феод. Печ., л. 38а—б).

4. Целевое значение: *идоущим* же сѧ *имъ* битсѧ Андрѣи поча радити полкъ ѡц҃а своего (Ипат. л., л. 158).

5. Объектное значение: принесе въ манастырь блꙁнаго оц҃а нашего Ѳеодосиа и прѣдасть ѥ на съблюдение чьрьноризьцю кононоу. ꙗко *дроугоу соущю знаемоу* (Ж. Феод. Печ., л. 65в).

При прямой речи дательный самостоятельный указывал на принадлежность слов говорящему: *Изꙗславу* же *молвꙗщю* мнѣ ѡц҃ины въ Оугрехъ нѣтуть. ни в Лꙗхохъ токмо въ Рускои земли (Ипат. л., л. 147).

Кроме того, дательный самостоятельный заменял часть сложносочиненного предложения или входил в состав простого предложения: ⟨и ту распри бывше межи има⟩ *Ростиславу* Клима не *хотꙗщю*. митрополитомъ а *Мьстиславу* Костантина *не хотꙗщю* (Ипат. л., л. 180); *Дюргеви* же *послушавшю* боꙗръ и выведъ из Вышегорода. сна своего Андрѣа (Ипат. л., л. 143 об.).

Конструкция «дательный самостоятельный» (по отношению к подлежащему в главном предложении) была двух разновидностей:

1) в главном предложении и в дательном самостоятельном субъект один и тот же: *Ѳеѡдосьеви* же *пришедшю* по ѡбычаю. бра҃ цѣловавъ и празднова с ними (Лавр. л., л. 62 об.);

2) субъекты в главном предложении и в дательном самостоятельном разные (эти случаи господствуют): *Деревлꙗномъ пришедъшимъ* повелѣ Ольга мовь створити (Лавр. л., л. 15 об.)[19].

[19] См. еще ряд примеров из Лаврентьевской летописи: Е. Ф. Карский. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи. Л., 1929, стр. 65—67.

В памятниках старшего периода дательный самостоятельный имел широкое распространение. Обильно представлен он в церковно-книжном языке, в таких памятниках, как Слово о законе и благодати Киевского митрополита Илариона, Слово Кирилла Туровского на антипасху, Житие. Ср. некоторые примеры из памятника Житие Феодосия Печерского: и *ѥдиномѹ сѣдшю* на столѣ томь брата и оц҃а своѥго *дроугомоу* же *възвративъшюсѧ* въ область свою (л. 58б); се бо въ ѥдиноу нощь такоже *томоу шьдъшю* ис келиꙗ. своѥꙗ. и *молѧшюсѧ* и се показасѧ томоу стълъпъ огньнъ до нб҃се соущь (л. 56б); ѿномѹ же *тълъкнувъшю* въ врата и *вратарю* ѿвьрьзъшю ѥмоу врата вънидє и повѣда блаженомоу бывъшеѥ (л. 47в); ꙗко отъ стыхъ мѣстъ ѥсмь и аще *бо҃у велѧшю* хощемъ въспѧть оуже ити (л. 28в); азъ же ѿ него вса си слышавъ *ономоу съповѣдающю* ми . и въписахъ на памѧть всѣмъ почитающимъ ꙗ (л. 33б); повелѣ оц҃ь ѥго сѣсти съ нимъ на трѣпезѣ .*ономоу* же сѣдъшю и ничьсо же вькоуси отъ брашьна (л. 34в); *маслоу* же *не соущю дрѣвномоу* въ кандила на вълиꙗниѥ въ тъ днь . помысли строитель цр҃квьныи въ сѣмени льнѧнѣмь избити масла (л. 53а—б) и многие другие.

В деловых памятниках, отражающих разговорную речь, как отмечалось выше, дательный самостоятельный не встречается. Но в народно-литературном типе древнерусского языка в повествовательном жанре описываемая конструкция получила широкое распространение. Так, например, в летописях она употребляется очень часто: в Ипатьевской летописи (1425 г.) находим 227 оборотов, страницы Лаврентьевской летописи насыщены дательным самостоятельным — 415 оборотов. Надо заметить, что как в Житии Феодосия Печерского, так и в названных летописях дательный самостоятельный чаще всего употребляется со значением времени и как самостоятельное предложение. Приведем примеры из летописей: *Володимеру* же того *не вѣдущю* съ Андрѣе҃ и стаста оу Мичьска (Ипат. л., л. 151); треми дн҃ьми видѣ ⟨еп҃ъ Новгородьскии Нифонтъ⟩ сонъ . *пришедшю ему* съ заоутренѣ . и *ѡпочивающю* и се ѡбрѣтохсѧ въ цр҃кви (Ипат. л., л. 173 об.); *Изѧславу* же *хотѧщю* поити ко Киеву и въ тъ днь приѣхаша къ Изѧславу Кияне (Ипат. л., л. 175 об.); [и] *приходившю ему* ко цр҃ю .ꙗкоже сказають. ꙗко велику честь приꙗлъ [есть] ѿ цр҃а при которомь приходивъ цр҃и (Лавр. л., л. 4); *Киеви* же *пришедшю* въ свои градъ Киевъ . ту животъ свои сконча (Лавр. л., л. 4), *Ростиславу сн҃ю* Тмуторокани и *емлющю* дань оу Касогъ . и оу инѣхъ страна҃ сего же оубоꙗвшесѧ Грьци послаша с лестью котопана . *ѡному* же *пр҃ишедшю* к Ростиславу . и *ввѣрившюсѧ* ѥму . чтѧшеть и Ростиславъ (Лавр. л.,

л. 56); *Земли же согрѣшивше которѣи любо* . казнить Бъ смртью ли гладомъ. ли наведенье поганыхъ . ли ведромъ. ли гусѣницею . ли инѣми казньми (Лавр. л., л. 56 об.); *Томоу лѣ исходащю* . на весноу . ходи романъ съ новгородьци къ торопьцю . и пожьгоша домы ихъ. и головъ множьство полониша (I Новг. л., л. 35 об); Въ лѣ .г.х.лв оубиша володимѣри кнзь андрѣа свои милостьници . на канонъ стою петроу и павлоу . въ нощь *спащю емоу* въ болюбьмь и баше с нимь одинъ кощеи малъ (I Новг. л., л. 39); приде кнзь ис церьнигова новоугородоу ѣропълъкъ ѣрославиць на вьрьбницю настаноущю лѣ мртъмь мцемь . и *сѣдевъшю ѥмоу* ѿ вьрьбнице до сменова дни (I Новг. л., л. 58 об.); *ідоущю олеѯандроу* съ многыми полкы. і с новоторжьци . срѣте и ратишка с перевѣтомь . поступаи кнаже . брат твоі ѣрославъ побѣглъ (I Новг. л., л. 133 об.) и т. д. Почти во всех имеющихся в нашем распоряжении примерах отмечено употребление причастия в старославянской форме (с *щ*, а не с *ч*).

В древнерусской письменности оборот «дательный самостоятельный» просуществовал в течение многих столетий и постепенно исчезает только к XVIII в.

Рассматриваемая конструкция весьма употребительна была во многих памятниках XVI—XVII вв. (Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве московском, Гистория о россійском матросе Василии Кариотском, Повесть Катырева-Ростовского, Письма Ивана Грозного А. Курбскому, Домострой, Стоглав, Письма Аввакума, Повесть о Савве Грудцыне, Повесть о Карпе Сутулове и др.). Не приходится сомневаться в том, что употребление дательного самостоятельного в данных памятниках связано с многовековой традицией книжно-литературного стиля. Особенно часто встречается дательный самостоятельный в памятниках, написанных возвышенным стилем. Обильно представлена эта конструкция в повестях о Смутном времени: Повести Катырева-Ростовского, Повести о видении, Статьях о Смуте и др. Приведем некоторые примеры.

Уже *просіявшу солнцу*, *свитающу дневи*, просвѣтися облакъ свѣтлымъ блистаніемъ (Пов. Кат.-Рост., с. 597); *Малу* же *времени минувшу*, разболѣся сей храбрый и разсмотрительный воевода князь Михайло и умре (Пов. Кат.-Рост., с. 600); Слышавше сія, послы Московстіи скоро отъ лица королевскаго исходятъ и въ станѣхъ своихъ пребываютъ; и тако *замедленну бывшу посолству* ихъ, королевскія ради неправды и злаго ухищренія (Пов. Кат.-Рост., с. 604); *Василію* же *царю недоумѣвающуся*, что сотворити; уже бо и предатели готовляхуся (Ст. о Смуте, с. 1305); Тогда убо аще *ярящуся ему* на клятвопреступныя мятежники и обличая христіаноборство ихъ, но ятъ бысть немилосер-

дыма рукама, аки птица въ заклѣте гладомъ. уморишя; и тако *ему скончавшуся* (Ст. о Смуте, с. 1312); Что убо путь сій гладокъ, яко нынѣ *належащи осени* и *дождемъ многимъ* на землю *излiявшимся*, а нынѣ путь сухъ? (Пов. о видении, с. 180).

Несколько примеров с дательным самостоятельным из Писем Ивана Грозного Курбскому, в которых этот оборот употребляется по традиции: *Мнѣ* же *оставшу* со единороднымъ братомъ, свято почившимъ Георгіемъ, *мнѣ* убо *третію лѣтю сущу*, брату же моему лѣта единаго (л. 144 об. — 145); И тако *имъ* на много время *жившимъ*, *мнѣ* же въ возрастъ *достигшу*, не восхотѣхъ подъ рабскою властію быти (л. 147); И пятнадесять лѣтъ *страдавшу ему* въ пустыни, едва сподобяся мантію и прощеніе пріяти (л. 170).

Также по традиции дательный самостоятельный сохраняется в Письмах протопопа Аввакума: *Мне* ж так же *плакавшуся*, руками *сводящу* язву твою спинную, и мало-мало посошлася и не вся исцеле (с. 199); будет скоро о[т]ложение телиси моему, яко утомил мя еси зело, еще ж *мне* и *самому* о жизни сей *нерадящу* (с. 200); и толико изнемог, яко *отчаявшу ми ся* и жизни сея, уже всех дней *не ядшу ми* дней с десять и больши (с. 200); И путем *ему идущу*, нападоша на нь иноплеменницы 1000 человек, хотяху его убити (с. 270—271); Орел бо егда состареется и *естеству* его *изнемогшу* и перьем *обветшавшу*, всяко старость сокрушит его (с. 270) и др.

В Житии Аввакума находим лишь два случая употребления дательного самостоятельного, что можно объяснить сознательным стремлением автора к просторечию: Я пришел из лесу — зело робенок рыдает; *связавшуся языку* его, ничево не промолыть (с. 91); а сам не говорит, *связавшуся языку* его (с. 112).

Кроме представленных примеров употребления описываемой конструкции, дательный самостоятельный использовался в текстах религиозно-морального содержания: *Вшедшу* же *патріарху*, въ церковъ, и мы съ нимъ внидохомъ, и придохомъ ко гробу Господню и помолихомся (Пут. моск. купцов, с. 140); и тутъ много *народу стоящу* пришедшихъ отъ дальныхъ странъ на поклоненіе гробу Господню (Пут. моск. купцов, с. 140); И во дни Ирода Царя іудейска, *родившуся Господу нашему Іисусу Христу*, и се Ангелъ Господенъ явися во снѣ Іосифу (Пут. Гогары, с. 115); или кто в посмѣхъ поносить мѧ і оукорѧетъ всѧ сиѧ с любовию прииѧ[х] и себѣ внима[х]; аще по дѣлом ѡ всемъ ѡ семъ каѧхсѧ ѿтаковы[х] дѣлъ оудалѧхсѧ *Бг҃ѣ поспешествѹющ҃ѹ* ми (Домострой, с. 65); *Богу* бо тѣхъ *подвигшу* на исправленіе церковное. и на утверженіе православныя вѣры (Стоглав, с. 23); *священнику* же или *діякону пріемшу* воду и вливаютъ съ служебнымъ виномъ во святый потиръ и отдаютъ пономарю (Стоглав, с. 67—68); И *свѣтающю утру* ведряну маія въ 17 день, на память святаго отца нашего Андронника, и пріидоша во градъ къ со-

борнѣй и апостолстѣй церкви благочестивіи князи (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 747).

В рассматриваемый период оборот «дательный самостоятельный» в подавляющем большинстве случаев используется: 1) для выражения времени и 2) как самостоятельное предложение.

1) *Патріарху* же *вшедшу* въ церковь, и пришедъ къ нему игуменъ старой Синайскія горы (Пут. моск. купцов, с. 152); И *восходящу солнцу*, яко бысть часъ 1, пріиде Амиръ (Пут. Зосимы, с. 64); И тако имъ на много время жившимъ, *мнѣ* же въ возрастъ *достигшу*, не восхотѣхъ подъ рабскою властію быти (Письма Ив. IV, л. 147 об.); И *свѣтающю утру ведряну* маія въ 17 день, на память святаго отца нашего Андронника, и пріидоша во градъ къ соборнѣй (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 747); *Брату пошедшу*, отвори ему келью и затвори за ним сенцы (Аввакум. Письма, с. 251); И путем *ему идущу*, нападоша на нь иноплеменницы 1000 человек, хотяху его убити (Аввакум. Письма, с. 270—271); Наутріе же, *свитающу дневи* и *изліянну* повсюду *свѣту*, воевода же и началникъ Московского собранія Прокофей Ляпуновъ, о своемъ дѣлѣ попеченіе имѣя (Пов. Кат.-Рост., с. 610); Москвичи же вослѣдъ женуша немало, даже и до шатровъ; *нашедши нощи* преста брань (Пов. Кат.-Рост., с. 614).

2) и мы грѣшніи пришли съ нимъ же ко вратамъ въ великія церкви, и тутъ много *народу стоящу* пришедшихъ отъ дальныхъ странъ на поклоненіе гробу Господню (Пут. моск. купцов, с. 140); *священнику* же или *діякону пріемшу* воду и вливаютъ съ служебнымъ виномъ во святый потиръ и отдаютъ пономарю (Стоглав, с. 67—68); И пятнадесять лѣтъ *страдавшу ему* въ пустыни, едва сподобяся мантію и прощеніе пріяти (Письма Ив. IV, л. 170); И въ силѣ крѣпости своея на стѣны восходятъ градцѣія, и тако *взяту бывшю великому Царю-граду* (Пов. Кат.-Рост., с. 610); и бысть того времени на полчаса и больши, и потом *восставши ми* от одра лехко и *покланившуся* до Земли господеви (Аввакум. Письма, с. 200); и тако *войску отпущену*, и тамо шествіе творяху, и собираютъ брашны (Пов. Кат.-Рост., с. 612); и сами себя татебно побиваху и друг друга снѣдаху; и посемъ *ослабѣвшу* отъ глада, и изомроша мнози (Пов. Кат.-Рост., с. 615); *Василію* же *царю недоумѣвающуся* что сотворити (Ст. о Смуте, с. 1305).

Единичные случаи находим с дательным самостоятельным, имеющим значение условия: аще и *не хотящу ему*, но нравомъ плѣнническаго обычая содѣяша о немъ (Ст. о Смуте, с. 1308); значение придаточного дополнительного: преподобнаго игумена Іосифа Волоцкаго бывшаго на томъ прежнемъ соборѣ о вдовствующихъ попехъ и діяконехъ что *имъ* въ миру *живущимъ* не служити (Стоглав, с. 20); значение причины: Я пришел из лесу — зело робенок рыдает; *связавшуся языку* ево, ничево не промолыть (Аввакум, Житие, с. 91).

Во многих случаях довольно трудно определить значение этой конструкции. Иногда дательный самостоятельный можно понять как условное предложение, но в то же время его можно считать и временным или уступительным предложением.

Таким образом, представленные примеры свидетельствуют о том, что сфера употребления дательного самостоятельного в памятниках XVI—XVII вв. значительно сузилась. Мы находим его почти исключительно на месте придаточного предложения времени, или же он выступает в виде самостоятельного предложения, но тоже с временным оттенком. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что часто, когда дательный самостоятельный используется на месте придаточного предложения, в его состав входят подчинительные союзы (*бо*, *еже*, *что*, *убо*, *яко*, *аще*, *иже*, *егда*, *некогда*) или соотносительное слово (*тогда*), если он выступал в роли главного предложения. Во многих случаях дательный самостоятельный присоединялся к самостоятельным предложениям сочинительным союзом *и*, иногда *а*. Все это свидетельствует о разрушении данной конструкции, об изменении ее синтаксических функций. Постепенно утрачивая свои прежние грамматические черты, дательный самостоятельный сближался с придаточным или употреблялся как самостоятельное предложение.

Разрушению конструкции «дательный самостоятельный» способствовало и изменение грамматической природы кратких причастий, т. е. развитие деепричастий. В памятниках письменности наблюдается постепенное подчинение литературного оборота «дательный самостоятельный» живым явлениям языка, в результате чего, наряду с дательным самостоятельным, появляются обороты с дательным падежом действующего лица и несогласованным с ним предикативным членом, выраженным кратким причастием не в дательном, а в именительном падеже (т. е. деепричастием): и *будучи ему* въ Пустоозерскомъ острогѣ, велѣно призывать Самоядоыв и иныхъ вѣръ иноземцовъ и крестьянъ въ православную христіянскую вѣру (Рус. гр. 1597 г.).

Л. А. Булаховский рассматривает подобные обороты как контаминацию книжного оборота «дательный самостоятельный» и обычного способа передачи соответственных значений деепричастными оборотами [20]. По мнению Е. С. Истриной, происхождение оборота с деепричастием при дательном имени можно связать и с дательным самостоятельным и с сочетаниями с причастным сказуемым [21].

В старобелорусских памятниках дательный самостоятельный употребляется значительно чаще, чем в памятниках

[20] Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. II. Киев, 1953, стр. 398.

[21] Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка I-й Новгородской летописи. «Изв. ОРЯС», т. 26, кн. 1. Пг., 1923, стр. 219—220.

староукраинской письменности (см. ниже). Больше всего примеров с дательным самостоятельным находим в летописях: приидоша ⟨Скиргаило⟩ къ градꙋ Мстиславлю . а *кнѧзю Сватосла(в)у стоѧвшоу* ꙋ града . и вынемши порокы гра(д) Мстисла(в)лѣ на страстнои не(д)ели в пѧтницоу (Лет. Авраамки, л. 445 об.); То(ж) *кнѧжашꙋ емꙋ* въ Кїевѣ бысть же нѣкто чернець Ѳома Изꙋфовъ. дружа намѣстництво ѿ митрополита ꙋ стои Со(ѳѣи) на митрополичо(м) дворѣ (Лет. Авраамки, л. 450 об.); *соущю(ж) емꙋ* оу Нѣмцахъ оу Марьинѣ градѣ ꙋ мистра приехаше к немꙋ мнози кнзи и боꙗре Литовьскїи (Лет. Акад., л. 178—178 об.); Тог(д)а *Скиргаилꙋ ѿехавшоу* ко Полоцку и кнзь велики Витовтъ прииде въ Вилню (Лет. Акад., л. 181 об. — 182).

Немало примеров с дательным самостоятельным приводит Е. Ф. Карский из старобелорусских памятников различных жанров [22].

В белорусских летописях представлен и оборот с деепричастием: *Панюючы великому кнзю Скирымо(н)ту* и собралиса мужы Латыголове (Лет. Рачин., с. 236); *Будучы великому кнзю Кгидимину* пры старости свое(и) и сплодилъ семъ сыновъ а ѡ(с)мую до(ч)ку имене(м) Га(н)ну (Лет. Рачин., с. 245); и *кнзю Глѣбоу седѧчи* на Смоле(н)скꙋ и боуде(т) н(е) въ послꙋше(н)ствѣ вѣлико(м)ꙋ кнзю Витовтꙋ и кнзь вѣликыи Витовтъ послы сво(и) посла(л) к немꙋ ѡ справлень(и) (Лет. Крас., л. 82); и *бывши емꙋ* во своемъ городѣ в Лоу(ц)кꙋ и та(м) ты(х) гостей ч(с)ти(в) и дарова(л) (Лет. Крас., л. 86) и др.

Особенно часто этот оборот встречается в деловой письменности, в частности в цитированном уже памятнике «Судебная (актовая) книга Каунасского земского суда 1566—1567 гг.»: *помераючи ему* ꙋ волоки земли имень(я) своего понемонского, натот час земли моей. . . забрал немало и межи подрал (л. 15); *будучи нам* в Ковне, заехали есмо за жедан(ь)емъ приятеля п(а)на н(а)шог(о) до господы Щепана Каспоровича (л. 42 об.) и мн. др.

В грамотах: *бꙋдꙋчи намъ* на том валномъ сеймѣ в Берести, сын наш намилший, Его Милост Жикгимонт, корол и великий кнѧзь и пановѣ рада наши корꙋны Полской и великого кнѧзства нас за нимъ жадали (Брест. гр. 1544 г., Arch. Sang., т. IV, № 328).

Подобные обороты Е. Ф. Карский отмечает и в живой белорусской речи: *женучи нам* вепроў, то пан споткаў нас; *едучи им* по дорози, захоцелося спаць Ялени и Ивану царевичу (Ром. VI, 5 Чаусск.); *идучы нам* па ягады, сустреў лясник (Мат. Б. № 6 Диснен) [23] и некот. др.

---

[22] Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3, стр. 414—415.

[23] Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3, стр. 415—416.

В старо у к р а и н с к о й письменности употребление дательного самостоятельного носит случайный характер. Единичные случаи с этим оборотом представлены в текстах религиозного содержания: яко и Господъ видѣ народъ и милосердова о немъ, глаголюще: «жатва убо многа, дѣлатель же мало», *хотящу ему* да мнози учители будутъ (Львов. гр. 1591 г., АЗР, т. IV, № 17); в свои полаты с миром ся възвращали, и царство (*богу поспѣшествующу*) мирно и добре строили, и спасение получили (Виш. Книжка, с. 33).

Отдельные примеры с данной конструкцией употребляются по книжной традиции в летописях Г. Грабянки, С. Величка [24], в Пересторогe и некот. др.

Деформированный дательный самостоятельный с деепричастием в украинской письменности также не получил широкого распространения. В некоторых случаях засвидетельствован он в памятниках, отражающих народный язык: ꙗ рабъ бжй Тишко Федоровичъ Волевачъ ѡбывате[л] и коза[к] Чи[г]ри[н]ски[й] *будучи мне* ѡ гa бгa *навежоному* хоробою, и лежачи на по°тели сметной при ко[н]ци живота моего, пишу сей мой те°таме[н]тъ (Южнорус. гр. 1600 г., Палеогр. изд., № 37); *Пидросши нам* и *дошедши* лѣтъ зуполных, виискалем и дойшолем своей отцевщини (Полт. акт. кн. XVII ст.).

Следы дательного самостоятельного П. И. Житецкий отмечает в народном творчестве: Як тій зозулі в саду *кукучи*, так вашій *сестриці* там *горюючи* (П. Чубинский, т. 5, стр. 751); Горе *мені* на чужині, без батенька *живши* (П. Чубинский, т. 5, стр. 1041)[25].

* * *

Описание дательного самостоятельного в восточнославянских языках свидетельствует о том, что этот оборот получил широкое распространение в древнерусской письменности (кроме деловых памятников) Киевской Руси. Обильно представлен он и в старорусском языке, особенно в памятниках, написанных возвышенным стилем. В старобелорусском языке употребление дательного самостоятельного засвидетельствовано в памятниках различных жанров, причем в этих материалах широко представлен оборот с деепричастием на месте согласованного причастия (чаще в деловых памятниках). В староукраинском языке употребление дательного самостоятельного носило случайный характер. Несколько употребительнее был оборот с деепричастием.

---

[24] О. С. М е л ь н и ч у к. Історія вживання давального безприйменникового відмінка в українській мові. «Дослідження з синтаксису української мови». Київ, 1958.

[25] П. Ж и т е ц к и й. Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII в. Киев, 1889, стр. 33.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Учет синтаксических признаков позволяет делить восточнославянские памятники XI—XVII вв. на четыре группы: древнерусские памятники XI—XIV вв., старорусские, старобелорусские, староукраинские памятники XV—перв. пол. XVII в. (Отсутствие в языкознании строгих критериев степени близости разных синтаксических систем делает это разделение условным и нуждающимся в дополнительной проверке.) Памятники XI—XIV вв., во-первых, отделяются нами от памятников XV—XVII вв. (поскольку они существенно отличаются от этих последних) и, во-вторых, рассматриваются как определенное единство (поскольку нам не удалось найти для этого периода синтаксических явлений, которые можно было бы квалифицировать как «русские», «украинские», «белорусские» и которые, таким образом, нарушали бы это единство).

Разделение памятников XV—перв. пол. XVII в. на три группы (старорусские, старобелорусские и староукраинские) связано с тем, что между этими группами существуют некоторые синтаксические различия, а также с наличием трех современных восточнославянских языков — русского, белорусского, украинского.

Следует, однако, иметь в виду, что принятая нами классификация, выделяющая четыре группы восточнославянских памятников, отнюдь не является единственно возможной. Можно указать по крайней мере два аспекта, которые привели бы к другой классификации восточнославянских памятников XI—перв. пол. XVII в.

а) Большинство синтаксических изменений фиксируется как старорусскими, так и старобелорусскими и староукраинскими памятниками, т. е. эти изменения являются общевосточнославянскими (распространение творительного предикативного, вытеснение беспредложных конструкций предложными; вытеснение двойных косвенных падежей; исчезновение конструкции «дательный самостоятельный» и т. д.).

Черты различий между старорусскими, старобелорусскими и староукраинскими памятниками являются как будто менее

существенными, чем черты сходства. Иногда эти различия имеют структурный характер. Чаще это — разница в темпах развития, а направление развития одно и то же. (Так, привлекаемый нами статистический материал показывает, что распространение творительного предикативного существительных в старобелорусских памятниках протекало быстрее, чем в старорусских, но медленнее, чем в староукраинских, где эта общая тенденция проявлялась особенно ярко.)

Таким образом, если принимать во внимание о б щ н о с т ь б о л ь ш и н с т в а с и н т а к с и ч е с к и х и з м е н е н и й, то памятники XV—XVII вв. можно было бы рассматривать как определенное единство «старовосточнославянские памятники» и противопоставлять их в целом древнерусским памятникам XI—XIV вв.

б) Если же принимать во внимание с т е п е н ь б л и з о с т и старорусских, старобелорусских и староукраинских памятников между собой, то закономерным является разделение этих памятников на две группы: а) старорусские памятники; б) старобелорусские и староукраинские памятники. Там, где синтаксическое развитие не является в восточнославянских памятниках единым, наиболее типична следующая ситуация: наблюдаются две линии развития, одна из которых фиксируется старорусскими памятниками, другая — староукраинскими и старобелорусскими. (Ср. историю именного сказуемого без связки в настоящем времени, употребительность которого в старорусских памятниках возросла, а в старобелорусских и староукраинских — напротив, уменьшилась по сравнению с древнерусскими памятниками.)

2. Сравнительно с морфологическими изменениями и особенно изменениями фонологической системы изменения синтаксические являются менее четкими, определенными; по справедливому замечанию Б. Гавранка, в синтаксисе, в отличие от морфологии, старое явление сосуществует с новым, долгое время оставаясь действующим и живым [1]. Историк синтаксиса (в отличие от историка морфологии) имеет дело не с законами, строгими и допускающими четкое хронологическое определение, а с тенденциями и процессами, охватывающими гораздо бóльшие промежутки времени. Некоторые процессы (например, вытеснение краткой формы атрибутивного прилагательного) начались еще в дописьменный период развития восточнославянских языков и не закончились полностью даже в настоящее время, спустя тысячелетие.

3. Одни из синтаксических тенденций были заложены еще в общеславянской синтаксической системе (например, тенденция к замене беспредложных конструкций предложными); другие,

[1] См.: B. H a v r á n e k. Metodická problematika historickosrovnávacího studia syntaxe slovanských jazyků. «K historickosrovňávacímu studiu slovanských jazyků». Praha, 1958, стр. 79—80.

очевидно, в древнерусской синтаксической системе (ср. тенденцию к препозитивному положению согласованного определения по отношению к определяемому слову).

Различия между старорусскими, старобелорусскими и староукраинскими памятниками вызваны, как правило, наличием нескольких путей развития тенденций, заложенных в общеславянском или древнерусском языках. Кроме того, ряд особенностей, противопоставляющих старорусские памятники памятникам староукраинским и старобелорусским, объясняется влиянием на староукраинские и старобелорусские памятники польского языка.

Синтаксические различия между восточнославянскими памятниками закрепляются затем в национальных литературных языках. Так бывает в большинстве случаев, но не всегда: некоторые общевосточнославянские тенденции развития синтаксической системы, нашедшие отчетливое отражение в древнерусских и старорусских памятниках, но приостановленные в старобелорусских и староукраинских благодаря влиянию польского языка, позднее, с усилением роли живой народной речи (где польское влияние было менее сильным), побеждают также и в литературных белорусском и украинском языках. Так, расположение согласованного определения по отношению к определяемому слову развивается от общей исходной точки (древнерусское состояние, где препозиция и постпозиция равноупотребительны), и результат развития — один и тот же: во всех современных восточнославянских языках господствующей является препозиция согласованного определения. Все это позволяет считать тенденцию к препозиции согласованного определения общевосточнославянской. Однако эта общая тенденция совершенно не ощущается в старобелорусских и староукраинских памятниках, где под влиянием польского языка широкое распространение — даже более широкое, чем в древнерусский период, — имеет постпозитивное положение согласованного определения.

4. По вопросу о причинах синтаксических изменений можно высказать лишь самые общие и предварительные соображения.

Обычно развитие синтаксической системы языка вызвано стремлением к точности. Изменяются, как правило, конструкции, где недостаточно отчетливо ощущались синтаксические связи. (Ср. уменьшение случаев отрыва определения от определяемого слова, затрудняющих вычленение атрибутивного словосочетания.)

Особенно последовательно вытесняются конструкции, которые являются омонимичными и могут, таким образом, приводить к двусмысленности — ср. вытеснение конструкций с двойными косвенными падежами, которые омонимичны конструкциям с именем и приложением к нему (*позвати воеводу Ивана*) и которые, кроме того, не всегда позволяют отчетливо отделить объект от предиката. Аналогичный пример — утрата беспредложного датель-

ного со значением направления, связанная со стремлением избежать конструкций типа *поиде Кыеву*, которые допускали двоякое понимание: 'пошел в Киев' — 'пошел к Киеву'.

Наряду с подобными изменениями, вызванными стремлением к усовершенствованию самой синтаксической системы, имеются изменения, связанные с изменениями морфологической системы. Так, формирование категории переходности—непереходности глаголов происходило в связи со становлением системы залогов; вытеснение притяжательных прилагательных родительным падежом принадлежности было вызвано (или, во всяком случае, ускорено) появлением морфологических форм, омонимичных притяжательным прилагательным а) родительный множественного существительного — *отцов*; б) распространенный тип фамилий — *Иванов*, *Лукина*.

Некоторые изменения синтаксической системы объясняются, как указывалось выше, влиянием других языков, особенно польского.

5. Тенденции развития синтаксической системы более ярко отражаются в памятниках деловой письменности. Памятники фольклорно-художественные оказываются более «консервативными» — ср., например, вытеснение кратких атрибутивных прилагательных полными, которое как в древнерусский период (XI—XIV вв.), так и позднее, в XV—XVII вв., гораздо ярче проявлялось в памятниках деловой письменности, чем в фольклорно-художественных памятниках.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ПАМЯТНИКОВ [1]

Аввакум. Житие — Житие протопопа Аввакума. «Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения». Под общ. ред. Н. К. Гудзия. М., Гослитиздат, 1960.
Аввакум. Письма — Письма протопопа Аввакума. Там же.
АЗР — см.: Гр., 1
АИ — см.: Гр., 2
Акты, собр. Акад. Н. — см.: Гр., 3.
Александрия * — Александрия по Ленинградскому списку. «Александрыя». Мінск, Выд-во АН БССР, 1962.
Археогр. сб. — см.: Гр., 4.
Арц. — см.: Гр., 5.
Арц. и Борк. — см.: Гр., 6.
Арц. и Тих. — см.: Гр., 7.
АЮБ — см.: Гр., 8.
АЮЗР — см.: Гр., 9.
Вез. цнот — Везерунок цнот Е. Плетенецкого, 1618 г. «Записки Українського наукового товариства в Київі», кн. VI, 1909.
Вестов. отписки Кмиты, 1573—1574 гг. — Вестовые отписки Оршанского старосты Филона Кмиты Чернобыльского, 1573—1574 гг. — АЗР, т. III, № 58, СПб., 1848.
Вил. палеогр. снимки — см.: Гр., 10.
Вирши о Желт. битве — О. І. Білецький. Хрестоматія давньої української літератури. Київ, 1952.
Вирши Саковича — Вирши Саковича. Там же.
Виш. Книжка — Книжка И. Вишенского. Вишенский И. Сочинения. Подгот. текста, статья и комм. И. П. Еремина. М.—Л., 1955.
Виш. Позорище — «Позорище мысленное». Там же.
Виш. Послания — Послания И. Вишенского. Там же.
Вос. Укр. с Рос. — см.: Гр., 11.
ГВНП — см.: Гр., 12.
Гр. — Грамоты. В исследовании использованы грамоты последующим изданиям:

1) АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. I—V. СПб., 1846—1853.
2) АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. I—III. СПб., 1841—1842.
3) Акты, собр. Акад. Н. — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Акад. наук, т. I. СПб., 1836.

---

[1] Памятники, помеченные звездочкой, использованы частично

4) Археогр. сб. — Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, т. I—III, VI—VII. Вильна, Упр. Виленского учебного округа, 1867—1870.
5) Арц. — А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954 (№ 11—83). Он же. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.). М., Изд-во АН СССР, 1963 (№ 319—405).
6) Арц. и Борк. — А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958 (№ 84—136); Они же. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958 (№ 137—194); Они же. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963 (№ 195—318).
7) Арц. и Тих. — А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953 (№ 1—10).
8) АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Изд. Археографическою комиссиею под ред. Н. Калачова. Т. 1—3. СПб., 1857—1884.
9) АЮЗР — Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I—II. СПб., 1863, 1865.
10) Вил. палеогр. снимки — Сборник палеографических снимков с древних грамот и актов, хранящихся в Виленском Центральном Архиве и Виленской Публичной библиотеке. Вып. 1 (1432—1548 гг.). Вильна, 1874.
11) Вос. Укр. с Рос. — Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в 3-х томах. Ред. колл. П. П. Гудзенко и др. М., 1953.
12) ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949.
13) Гр., касающ. — Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригою и Ганзейскими городами в XII, XIII и XIV вв. Изд. Археографической комиссией. СПб., 1857.
14) Древности. . . — Древности. «Труды имп. Моск. археол. об-ва», т. 24, 1914.
15) Дух. дог. гр. — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950.
16) Лит. метр. — Литовская метрика. См.: РИБ, т. XX, XXVII, XXX, XXXIII.
17) Обнор. — С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка, ч. 1. Изд. 2. М., Учпедгиз, 1952.
18) Палеогр. изб. — Палеографический изборник. «Материалы по истории южнорусского письма XV—XVIII вв.», вып. 1. Киев, 1899.
19) РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею, т. XX. СПб., 1903; т. XXVII. СПб., 1910; т. XXX. Юрьев, 1914; т. XXXIII. Пг., 1915.
20) РЛА — Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. Изд. Археографической комиссией. СПб., 1868.
21) Сахаров. Обр. др. пис. — И. П. Сахаров. Образцы древней письменности. СПб., 1849.
22) Собол. и Пташ. — А. И. Соболевский и П. Пташицкий. Палеографические снимки с русских грамот преимущественно XIV века. СПб., 1903.
23) Собр. гос. гр. и дог. — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (в 4-х частях). М., 1813—1828.
24) Срезн. Др. пам. 1-е — И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка. Изд. 1-е. СПб., 1863.

25) Срезн. Др. пам. Приложение — И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка. Приложение. СПб., 1866.
26) Срезн. Свед. и зам. — И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1867.
27) Сум. и Лоп. — Смоленские грамоты XIII—XIV веков. Подгот. к печ. Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. М., Изд-во АН СССР, 1963.
28) Укр. гр. — В. Розов. Українські грамоти, т. I. У Київі, 1928.
29) Шахм. Исслед. — А. А. Шахматов. Исследования о двинских грамотах XV в. «Исследования по русскому языку», т. II, вып. 3. СПб., 1903.
30) Шахм. О языке — А. А. Шахматов. О языке новгородских грамот XIII и XIV века. «Исследования по русскому языку», т. I. СПб., 1885—1895.
31) Arch. Sang. — Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie, wydane nakładem właściciela pod kierownictwem L. L. Radzimińskiego. T. I—IV. We Lwowie, 1887—1890.
32) Schiemann — Schiemann Th. Russland Polen und Livland bis ins 17. Jahrhundert, I. Berlin, 1886.
Гр., касающ. — см.: Гр., 13.
Грам. Смотр. — Грамматика М. Смотрицкого. — в кн.: С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. 1. Изд. 2. М.,1952.
Дневн. Евлаш. — Дневник новгородского подсудка Федора Евлашевского (1564—1604). «Киевская старина», т. XIV, январь, 1886.
Домострой — Домострой, XVI в. — А. С. Орлов. Домострой по Коншинскому списку и подобным. Изд. ОРЯС. М., 1908.
Древности. . . . — см.: Гр., 14.
Дума о Берест. звыч. — Дума о Берестейском звыченстве. — В кн.: О. І. Білецький. Хрестоматія давньої української літератури. Київ, 1952.
Дух. дог. гр. — см.: Гр., 15.
Ж. Феод. Печ. — Житие Феодосия Печерского, по Успенскому сборнику XII в. — «Сборник XII века московского Успенского собора», вып. 1. Под ред. А. А. Шахматова и П. А. Лаврова. М., 1899.
Инт. Гаватовича — Интермедии к драме Я. Гаватовича, 1619 г. — В кн.: О. І. Білецький. Хрестоматія давньої української літератури. Київ, 1952.
Ипат. л. — Ипатьевская летопись, ок. 1425 г. — ПСРЛ, т. II, изд. 2. Под ред. акад. А. А. Шахматова. СПб., 1908.
Ипат. л. (Гал.-Вол.) — Галицко-Волынская летопись. Там же.
Ист. о Атыле — История о Атыле короле угорском. Изд. А. Н. Веселовским. «Из истории романа и повести. Материалы и исследования». Вып. II. Славяно-романский отдел. «Сб. ОРЯС», т. 44, № 3, СПб., 1888.
Ист. о Гвид. — История о княжати Кгвидоне. Изд. А. Н. Веселовским. Там же.
Ист. о Флор. соборе — История о разбойничьем Флорентийском соборе, изданная клириком Острожским в 1598 г. «Памятники полемической литературы в Западной Руси», кн. III. РИБ, т. XIX. СПб., 1903.
К. Тур. — Слова Кирилла Туровского, из Сборника XIV в. — В кн.: М. Сухомлинов. Рукописи графа А. С. Уварова, т. II. СПб., 1858.
Лавр. л. — Лаврентьевская летопись, 1377 г. — ПСРЛ, т. I, вып. 1—2. Изд. 2. Л., 1926—1927. Редактировал и правил корректуру акад. Е. Ф. Карский.
Лествица — Лествица. «Памятники отреченной русской литературы». Собр. и изд. Н. Тихонравовым, т. I. СПб., 1863.
Лет. Авраамки — Западнорусская летопись по Виленскому списку («Летопись Авраамки»). — ПСРЛ, т. 17, изд. 2. СПб., 1907.
Лет. Акад. — Западнорусская летопись по Академическому списку. Там же.
Лет. Баркул. — Баркулабовская летопись. «Киевские университетские известия», год 38-й, № 12, 1898.

Лет. Крас. — Западнорусская летопись по списку гр. Красинского. — ПСРЛ, т. 17, изд. 2. СПб., 1907.
Лет. Рачин. — Западнорусская летопись по списку Рачинского. Там же.
Лит. метр. — см.: Гр., 16.
Лит. ст. 1529 г. — Старый литовский статут 1529 г. По копии с рукописи XVII в. «Временник имп. московского Общества истории и древностей российских», кн. 18. М., 1854.
О всей твари — О всей твари. «Памятники отреченной русской литературы». Собр. и изд. Н. Тихонравовым, т. II. СПб., 1863.
О днях лунных — О днях лунных. Там же.
О Мельхиседеке — О Мельхиседеке. Там же, т. I.
Обнор. — см.: Гр., 17.
Оружие Бор. Год. — Оружие и ратный доспех Бориса Годунова, 1589 г. «Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, П. Саввантова». СПб., 1865.
Отв. клир. Острож. — Ответ (отпис) клирика Острожского Ипатию Потею, 1598 г. — РИБ, т. XIX. СПб., 1903.
П. Берында — Лексикон словенороський Памви Беринди. Київ, Вид-во АН УРСР, 1961.
Палеогр. изб. . — см.: Гр., 18.
Палин. Копыст. — Палинодия Захария Копыстенского, 1621 г. — РИБ, т. IV. СПб., 1878.
I Новг. л. — Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. Изд. Археографической комиссии. СПб., 1875.
Пересветов — Пересветов. — В кн.: В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов, публицист XVI в. М., 1908.
Переспорога — «Переспорога» И. Борецкого (1605—1606 гг.), во Львове. — АЗР, т. I. СПб., 1846.
Перло многоценное — Перло многоценное. — В кн.: О. І. Білецький. Хрестоматія давньої української літератури. Київ, 1952.
Песня про козака и Кулину — Песня про козака и Кулину. Там же.
Письма Ив. IV — Письма Ивана Грозного А. Курбскому. «Сочинения князя Курбского», т. I. — РИБ, т. XXXI. СПб., 1914.
Письма Курб. — Письма А. Курбского. Там же.
Пов. Кат.-Рост. — Повесть Катырева-Ростовского. «Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени». — РИБ, т. XIII. СПб., 1909.
Пов. о видении — Повесть о видении. Там же.
Пов. о витязях — Починаеться повесть о витезях с книг сэрбъских. . . Изд. А. Н. Веселовским. «Из истории романа и повести. Материалы и исследования». Вып. II. Славяно-романский отдел. «Сб. ОРЯС», т. 44, № 3. СПб., 1888.
Пов. о Ерше — Повесть о Ерше Ершовиче. — В кн.: В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1937.
Пов. о куре и лис. — Повесть о куре и лисице. Там же.
Пов. о плаче — Повесть о плаче и рыдании пророка Иеремии. «Памятники отреченной русской литературы». Собр. и изд. Н. Тихонравовым, т. I. СПб., 1863.
Пов. о раз. Ряз. — Повесть о разорении Рязани, не позднее серед. XIV в. Волоколамский спис. XVI в. «Воинские повести древней Руси». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949.
Пов. о Рос. царстве — Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском. «Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени». Изд. 2. — РИБ, т. XIII. СПб., 1909.
Пов. об азов. взятии — «Историческая» и «поэтическая» повести о взятии Азова в 1637 г. «Воинские повести древней Руси». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949.

Пословицы XVII в. — Сборник пословиц XVII века. — В кн.: П. К. Симони. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и пр. «Сб. ОРЯС», т. 66, № 7. СПб., 1899.

Пут. Гогары — Путешествие по святой земле дьякона Гогары в 1634 г. «Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым», т. 2, кн. VIII. СПб., 1849.

Пут. Зосимы — Путешествие иеродиакона Зосимы в Царьград и Иерусалим в 1420 г. Там же.

Пут. моск. купцов — Путешествие московских купцов Трифона Коробейникова и Юрия Грекова по святым местам в 1582 г. Там же.

РИБ — см.: Гр., 19.

РЛА — см.: Гр., 20.

Рус. пр. по Акад. сп. — Русская правда (краткая редакция) по Академическому списку XV в. — «Правда Русская». Под ред. Б. Д. Грекова, т. I. М.—Л., 1940.

Рус. пр. 1282 г. — Русская правда (полная редакция), по списку Новгородской Кормчей 1282 г. — Е. Ф. Карский. Русская правда по древнейшему списку. Л., Изд-во АН СССР, 1930, стр. 64—88 (фотокопия).

Сатиры о пьянстве — Сатиры о пьянстве. — В кн.: В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1937.

Сахаров. Обр. др. пис. — см.: Гр., 21.

Сказ. о Б. и Г. — Сказание о Борисе и Глебе, приписываемое Мниху Якову, конца XI в., по сп. в Успенском сборнике XII в. «Сборник XII века московского Успенского собора», вып. 1. Под ред. А. А. Шахматова и П. А. Лаврова. М., 1899.

Сказ. о Гр. Отрепьеве — Сказание о Гришке Отрепьеве, по сп. XVII в. «Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени», изд. 2. — РИБ, т. XIII. СПб., 1909.

Сказ. про Бову — Сказания про храброго витязя, про Бову королевича. — В кн.: Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков. Изд. 7. М., Учпедгиз, 1962.

Сл. Дан. Зат. — Слово Даниила Заточника по Академическому списку. — «Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам». Л., Изд-во АН СССР, 1932.

Сл. Илариона — Слово Илариона о Законе и благодати. «Мусин-Пушкинский сборник 1414». Изд. Вс. Срезневский. СПб., 1893.

Сл. о Адаме и Еве — Слово о Адаме и Еве. «Памятники отреченной русской литературы». Собр. и изд. Н. Тихонравовым, т. I. СПб., 1863.

Сл. о древе — Слово о древе крестном (Из полууставного сборника XVI в.). Там же.

Сл. о збур. пекла — Слово о збуреню пекла. — В кн.: О. І. Білецький. Хрестоматія давньої української літератури. Київ, 1952.

Сл. о Кулик. битве — Слово о Куликовской битве Софония Рязанца (Задонщина). «Воинские повести древней Руси». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949.

Сл. о плк. Иг. — Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950.

Смерть Авраама — Смерть Авраама. «Памятники отреченной русской литературы». Собр. и изд. Н. Тихонравовым, т. I. СПб., 1863.

Смол. гр. 1229 г. — см.: Гр., 27.

Собол. и Пташ. — см.: Гр., 22.

Собр. гос. гр. и дог. — см.: Гр., 23.

Соломон и Китоврас — Соломон и Китоврас. «Памятники отреченной русской литературы». Собр. и изд. Н. Тихонравовым, т. I. СПб., 1863.

Сп. татар дом. — Попись татаръ домовыхъ Великого Княжства Литовъского. — «Попись войска Литовского 1567 г.» — РИБ., т. XXXIII. Пг., изд. Археографической комиссии, 1915.

Срезн. Др. пам. 1-е — см.: Гр., 24.

Срезн. Др. пам. Приложение — см.: Гр., 25.
Срезн. Свед. и зам. — см.: Гр., 26.
Ст. о Смуте — Статьи о Смуте, извлеченные из Хронографа редакции 1617 г. и Отповедь в защиту патриарха Гермогена. «Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени». Изд. 2. РИБ, т. XIII. СПб., 1909.
Стефан-воевода — Стефан-воевода. — В кн.: О. І. Білецький. Хрестоматія давньої української літератури. Київ, 1952.
Стоглав — Стоглав. Царьския вопросы и соборныя ответы о многоразличных церковных чинех. М., 1890.
Страсти Христовы — Страсти Христовы в западнорусском списке XV века. «Памятники древней письменности и искусства», № 140. СПб., 1901.
Суд. Ив. IV — Судебник Ивана IV. «Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею». Т. I (1334—1598). СПб., 1841, № 153.
Суд. Фед. Ив. — Судебник царя Федора Ивановича. Изд. Комиссией печатания государственных грамот. М., 1900.
Сум. и Лоп. — см.: Гр., 27.
Укр. гр. — см.: Гр., 28.
Улож. 1649 г. — Соборное Уложение царя Алексея Михайловича, изд. 1649 г.
Уч. и хитр. ратн. стр. — Учение и хитрость ратного строения пехотных людей, изд. 1647 г.
Фед. Тирон — Федор Тирон. «Памятники отреченной русской литературы». Собр. и изд. Н. Тихонравовым, т. II. СПб., 1863.
Хож. Аф. Ник. — Хожение за три моря Афанасия Никитина, 1466—1472 гг. Под ред. Б. Д. Грекова и В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948.
Хронология Римши, 1581 г. — Хронология Рымши, 1581 г. — В кн.: О. І. Білецький. Хрестоматія давньої української літератури. Київ, 1952.
Чт. Б. и Г. — Чтение о житии и погублении блжную стрпца. бориса и глѣба. «Сказания о святых Борисе и Глебе. Сильвестровский список XIV в.». По поручению и на иждивении имп. Археологического общества издал И. И. Срезневский. СПб., 1860 (литографированный текст).
Шахм. Исслед. — см.: Гр., 29
Шахм. О языке — см.: Гр., 30.
Arch. Sang. — см.: Гр., 31.
Schiemann — см.: Гр., 32.

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

СОДЕРЖАНИЕ

Именное сказуемое 3
Способы выражения именного сказуемого 3
Значение сказуемого с именной частью — существительным . . . 12
Значение сказуемого с именной частью — прилагательным . . . 19
Значение сказуемого с именной частью — причастием 27

Согласованное определение 47
О функции кратких и полных форм прилагательных в восточнославянских памятниках 49
Порядок следования членов атрибутивного словосочетания . . . 61
Притяжательное прилагательное как одно из грамматических средств выражения принадлежности 79
Некоторые особенности согласования членов атрибутивного словосочетания 89

Вторые косвенные падежи 96
Второй винительный падеж 99
Второй дательный падеж 137
Порядок слов в словосочетаниях с двойными косвенными падежами 148

Значения зависимых беспредложных падежей 151
Родительный падеж 151
Дательный падеж 178
Винительный падеж 205
Творительный падеж 228
Местный падеж 264

Дательный самостоятельный 275

Заключение 287

Список использованных памятников 291

www.ruslang.ru

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков

Члены предложения

Утверждено к печати
Институтом русского языка
Академии наук СССР

Редактор издательства *Н. Н. Барская*
Технический редактор *В. В. Волкова*

Сдано в набор 1/II 1968 г. Подписано к печати 3/VI 1968 г. Формат $60 \times 90^1/_{16}$. Бумага № 1. Усл. печ. л. 18,75. Уч.-изд. л. 19,5. Тираж 2500 экз. Т-07754. Тип. зак. 502.

Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука»
Ленинград, В-34, 9-я линия, дом 12

Издательство «НАУКА»

Готовятся к печати

БЕРЕЗИН Ф. М.

Очерки по истории языкознания в России (конец XIX—начало XX в.). 20 л. 1 р. 50 к.

В книге рассматриваются вопросы общего и сравнительно-исторического языкознания в трудах выдающихся русских лингвистов Ф. Ф. Фортунатова, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Н. В. Крушевского и В. А. Богородицкого. В работе широко использован новый архивный материал.

БЕРТАГАЕВ Т. А.

Морфологическая структура слова в монгольских языках. 8 л. 50 к.

В работе на богатом фактическом материале разных диалектов и языков монгольской группы по-новому ставится проблема о типологической структуре слова в указанной группе, что позволяет пересмотреть общепринятое представление о природе агглютинативных алтайских языков.

Материалы и исследования по общеславянскому лингвистическому атласу. 16 л. 1 р. 10 к.

Сборник представляет собой коллективный труд советских и зарубежных лингвистов. Некоторые статьи переведены с польского, чешского и других языков. В работе рассматриваются вопросы лексикологии, семантики, грамматики и словообразования диалектов славянских языков.

Памятники древнерусской письменности (язык и текстология). 27 л. 2 р.

В сборнике исследуются различные вопросы истории русского литературного языка древнейшего периода (XI—XIV вв.): лексические нормы, полногласные и неполногласные формы, лексические заимствования из греческого в житийной литературе и славянские соответствия греческим словам и др. Сборник содержит монографическое исследование о языке Жития Саввы Освященного, выполненное акад. В. В. Виноградовым, текстологическое исследование полного апракоса XI—XIV вв. и др.

ТОЛСТОЙ Н. И.

Славянская географическая терминология (семасиологические этюды). 13 л. 1 р. 10 к.

Монография посвящена сравнительному исследованию основных славянских географических терминов. Главное внимание уделяется терминам диалектов Полесья и других восточнославянских диалектов. Материал книги может послужить базой для топонимических исследований и решения различных этимологических проблем.

ТРУБАЧЕВ О. Н.

Названия рек Правобережной Украины. (Словообразование. Этимология.

Этническая интерпретация). 20 л. 1 р. 50 к.

Монография представляет собой систематическое исследование словообразования и происхождения названий рек, а также следов древнего населения (иранцы, тюрки, иллирийцы, балты, славяне) на обширной территории к югу от Припяти и Десны.

Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Иранские и кавказские языки. 30 л. 2 р. 20 к.

Коллективная монография посвящена описанию основных процессов внутриструктурного развития литературных языков иранских и кавказских народов СССР в советскую эпоху. Книга состоит из очерков по отдельным языкам.

Теория речевой деятельности (проблемы психолингвистики). 15 л. 1 р. 15 к.

Монография посвящена новой научной дисциплине — психолингвистике, интенсивно развивающейся в последние годы и занимающейся изучением структуры и функционирования механизмов речи у человека. В ней содержится обширный материал по всем основным направлениям психолингвистических исследований в СССР, а также по зарубежным психолингвистическим исследованиям.

Заказы направляйте по адресу: Москва, В-463, Мичуринский пр., 12, магазин «Книга — почтой» «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига».

Адреса магазинов «Академкнига»: **Москва:** магазин № 1—ул. Горького, 8; **Москва:** магазин № 2 — ул. Вавилова, 55/5; **Свердловск:** ул. Мамина-Сибиряка, 137; **Ленинград:** Литейный проспект, 57; **Киев:** ул. Ленина, 42; **Харьков:** Уфимский пер., 4/6; **Алма-Ата:** ул. Фурманова, 91/97; **Ташкент:** ул. Карла Маркса, 28; ул. Руставели, 43; **Баку:** ул. Джапаридзе, 13; **Новосибирск:** Красный проспект, 51; **Уфа:** Проспект Октября, 129; Коммунистическая ул., 49; **Фрунзе:** бульвар Дзержинского, 41.